

проза.РУ...НО 2019

*Студенческий
литературно-художественный
сборник
ЛИТО ЛЭТИ*

Санкт-Петербург
2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
П 796

Редколлегия:

Редакторы-составители – *Никита Мокеев, Владимир Кудряцев,
Максим Швец*

Художественный редактор – *Марина Ясыченко*

Технический редактор – *Максим Швец*

В оформлении обложки использована работа

Сергея Симкина из цикла

«Небо, скалы, поток».

Холст, масло, 70х95 см..

Проза.РУ...НО 2019 : Литературно-художественный сборник ЛИТО ГЭТУ (ЛЭТИ) – СПб.: Реноме; 2019. – 562 с.: ил. – (Вып. VIII).

Сборник произведений членов литературного объединения «ЛИТО ЛЭТИ» включает художественную прозу, поэтические тексты, критику и публицистику студентов СПб ГЭТУ «ЛЭТИ». Сборник проиллюстрирован живописью, графикой и фотоработами членов ЛИТО. Руководитель ЛИТО – А.И. Михалевич (член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза российских писателей, Российского отделения ПЕН-клуба, Женщина года 2009).

Вниманию господ авторов:

Желающих опубликовать стихотворения, прозу, публицистику, живопись, фотоработы и т.д. и т.п. в альманахе «Руно» покорнейше просим присылать свои произведения по адресу: danitschi@gmail.com

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN

© Авторы, текст, иллюстрации

СПІВГЭТУ «ЛЭТІ»

ВЕНОК ТУРГЕНЕВУ

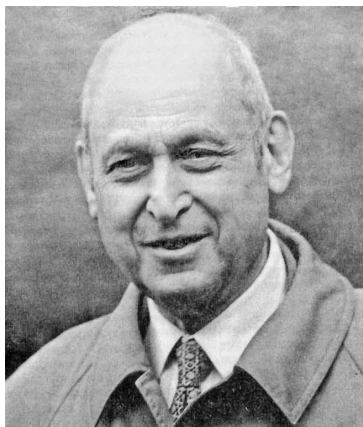
Вилла Полины Виардо в Буживале

Александр ЗВИГИЛЬСКИЙ

Пер. С. ДРУЖБИНСКОЙ

Тургенев в Буживале

Александр Звигильский

25 октября 1874 г. Иван Тургенев и супруги Виардо пришли в нотариальную контору мэтра Сурдо в Буживале. Здесь они оформили Ивану Тургеневу и Полине Виардо, урождённой Гарсиа, продажу членом Медицинской академии, доктором Пьером Саломоном Сегала его усадьбы, находящейся на земле Ля Шоссе, площадью 8 гектаров, 21 акр, 39 сентиаров. В усадьбе между решетчатой оградой и двумя павильонами, расположенными справа и слева от главного дома, построенного в итальянском стиле, находился английский сад, а на возвышенной части — заросший парк.

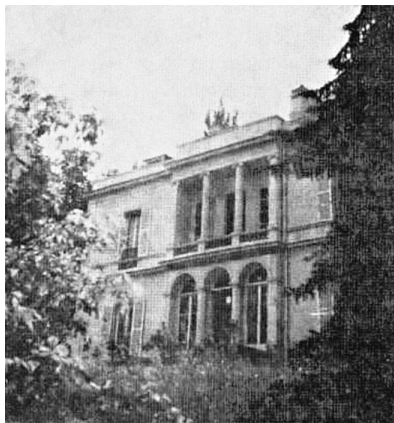
Иван Тургенев, писатель, родившийся в 1818 г. в Орле, в России, становился пожизненным пользователем этого имения. Полина Виардо, преподаватель Консерватории, родившаяся в Париже в 1821 г., владеющая собственным состоянием, в присутствии своего супруга Луи Виардо, литератора, родившегося в 1890 г. в Дижоне, получила право собственности на усадьбу.

Поместье стало называться «Ясени» сразу же, как только Тургенев и госпожа Виардо его приобрели. По меньшей мере, я не обнаружил этого наименования в нотариальных актах, с которыми ознакомился в конторе нотариуса мэтра Тома, внука нотариуса мэтра Сурдо.

Должно быть, в то время ясени росли в усадьбе в изобилии, не то что в наши дни. Тургенев, кажется, любил их, даже судя по тому, что говорит о ясене персонаж романа «Отцы и дети»: «Не находите ли вы, — начал Аркадий, — что ясень хорошо назван в русском языке: ни одно дерево так легко и ясно не сквозит на воздухе, как он».

Как-то всезнающий Луи Виардо не без удовольствия напомнил своему другу Тургеневу о том, что ясень имеет опасные для здоровья свойства: «В целом, мне здешний климат больше нравится, и я считаю, что жить здесь будет хорошо, несмотря на то, что в усадьбе много ясеней, и об их опасно-

сти напоминает стих Виргилия... «Fraxini mortifer umbra» («И ясеня тень смертоносная» — лат.), как цитировал мне кто-то, помнивший лучше меня «Георгики». Оставим латинскому поэту это высказывание и пойдём подышим под ясенями...»¹. К вопросу о климате в Буживале мы ещё вернёмся. А что касается «Ясеней», то это название фигурирует в заголовках бумаг и писем госпожи Виардо и Тургенева.

Вилла Полины Виардо в Буживале

Писатель построил для себя в 50 метрах от виллы в итальянском стиле шале, где и поселился 20 сентября 1875 г. Это шале напоминает своими балконами родовую усадьбу Тургенева в Спасском, в 65 километрах от Орла.

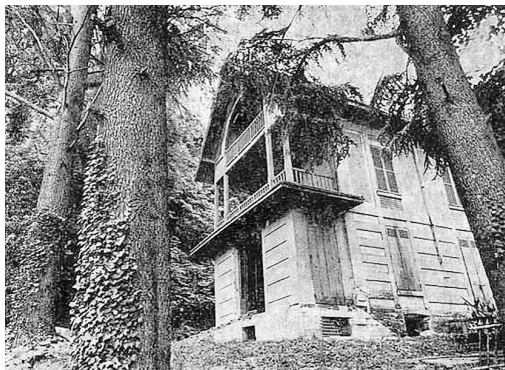
Часто упоминают, что Тургенев впервые обосновался в Буживале в 1875 г. в усадьбе «Ясени». Однако известно, что летние месяцы в 1873–1874 гг. вместе с семьёй Виардо Тургенев проводил в Буживале у мадам Алган, в доме, называемом «Ля Гаренн», что находится недалеко от церкви.

Тургенев однажды похвалил её большой парк: «Парк мадам Алган — это большая редкость»².

Мы знаем, что Тургенев, возвратившись после лечения из Карлсбада, остановился в «Ля Гаренн» и принимал здесь высокого гостя, своего друга Гюстава Флобера. Об этом визите Флобер написал своей племяннице Каролине Комманвиль 28 августа 1874 г.: «Бедный Московит два дня назад как вернулся, и здоровье его совсем ухудшилось. Я ездил навестить его (путешествие просто несносное по причине омнибуса: ему и в голову не придёт, какую жертву я принёс ради него), и мы провели время, жалуясь каждый на свои болячки. Впрочем, я не променял бы свои на его».

Надо заметить, что в то время прямого сообщения с Буживалем не было. Ехали поездом из Сен-Жермен-ан-Лэ до Рюэй, где на вокзале пересаживались на конку, называемую «американской железной дорогой». В ней основательно трясло. Конка привозила пассажиров в Ля Шоссе и в Пор-Марли. Теперь это соответствует национальной автостраде № 13.

Именно Луи Виардо соблазнился близостью остановки конки из Рюэя. Он писал Тургеневу 18 июля 1874 г.: «Предстоит дело. В ближайшее время, 5 августа в Парижском суде будет выставлен на продажу с аукциона загородный дом с большим садом, источником воды и т.д. Дом находится в

Шале И.С. Тургенева в Буживале

Буживале на маршруте конки между Салабером и домом Одилона Барро.

Вы отчётливо представляете это место. До Парижа отсюда путь короче на четверть часа, чем от дома Алган, и добираться сюда легче. Дом расположен на невысоком склоне, посреди довольно обширного сада удлинённой формы. Вид, естественно, превосходный, и деревья там больно хороши»³.

К сожалению, Полине Виардо дом пришёлся не по вкусу. Находя его слишком маленьким, она посчитала, что покупка его невыгодна⁴. Тургенев думал иначе. Находясь в Карлсбаде, даже не выдав этой усадьбы, он воображал, какую идиллическую жизнь сулит в будущем ему и Клоди, одной из дочерей Полины Виардо, это место: «Дорогая Диди! Завтра состоится продажа или покупка дома. Разве тебя не радует то, что у меня там будет свой павильон? Во-первых, там у тебя будет хорошенькое загородное ателье. Я тоже смог бы там писать; я уверен, что в ателье должно писаться с удовольствием. Ты смогла бы обставить его по своему вкусу, который я ценю безусловно выше моего; и вообще подумай о том удовольствии, какое представится нам при обустройстве этого павильона, куда ты будешь приходить часто, не так ли?! Твоя мама написала, что сад показался вам неказистым и маленьким, но что поделаешь? Парк Алган – это большая редкость.

По плану, который прислала мне мама, я думаю, что дом в самом деле тесноват, но существуют на свете Рамуссе, т.е. архитекторы; там построят павильон, и ничто не помешает сделать его большим-большим. Там можно будет разместить бильярдный зал, а на первом этаже устроить рабочий кабинет – или для папы, или для мамы. Скажи своему Лулу, чтобы он начал поиски хорошего архитектора, человека молодого и с богатым воображением... (N.B. господин Крювелли уже не молод и страдает отсутствием воображения и вкуса. Он как-то пришёл в наш дом разодетым, как обезьяна). Я уже сказал твоей маме, что идея постройки шале мне не улыбается: нужен ПА-ВИ-ЛЬ-ОН! Но какого типа построить ПА-ВИ-ЛЬ-ОН? Мне не очень ясно, но это будет заботой молодого архитектора. Я хочу, чтобы молодые люди участвовали в создании моего ПА... чтобы это были ты, твой Лулу и, естественно, твоя мама. По-

тому что, видишь ли, моя дорогая Диди, твоя мама моложе всех нас! В одном из писем она мне рассказывает с энтузиазмом об ателье художника Клерена (этого подражателя Рэньо), а видела ли ты его мастерскую? Это помогло бы тебе представить, как можно сделать нашу. Да будет тебе известно, что в данный момент меня одолевают и подагра, и богатство – одновременно... я сгибаюсь под слитками золота, я завален ими по горло, я не знаю, что с ними делать. Я как царь Мидас завален золотом со всех сторон и сам источаю золото! Посмотри-ка скорее, вот мой рисунок, который не даст тебе даже слабого представления о моём финансовом положении»⁵.

На этом юмористическом рисунке Тургенев изображён нагруженным мешками с золотыми монетами: он держит в правой руке мешок с 40000 франков, и на всех пяти пальцах левой руки – по небольшому мешку с 50, 20, 10 и 5 франками. Голова, нос, грудь, спина, колени и ноги нагружены объёмистыми мешками с золотом, и, наконец, наш царь Мидас тащит за собой тележку с 50000 франков. Если это сосчитать, то всё в сумме составляет 255605 франков. Между тем, на покупку «Ясений» ушло 160000 франков, к которым надо было прибавить ещё 20000 франков на прочие расходы.

Тургенев пишет своему брату Николаю 18 ноября 1874 г.: «Купили мы с Виардо очень красивую виллу с парком в Буживале – в часовом расстоянии от Парижа – за 180000 франков. Цена была бы невысокая, но мы, *comme de jeunes étourdis* (как молодые ветреники – фр.), купили дом, не осмотрев его предварительно через архитектора... и оказалось необходимых поправок на 15000 фр.!!»⁶.

Тургенев построил для себя в парке, выше виллы Виардо, не павильон, а двухэтажное шале. Архитектором был некий г-н Пуатрино, о котором Тургенев сказал, что он человек «честный и способный, но без особого воображения»⁷. Пуатрино имел своё бюро в Париже в доме № 58 на улице Клиши, а его летний загородный дом находился на острове Круасси напротив Буживаля. Мечта воплотится в действительность: в салоне на нижнем этаже будет стоять фортепьяно для Полины Виардо, и Тургенев будет приходить туда, чтобы её послушать. Самая красивая из всех комнат шале, на втором этаже слева от входа, светлая и просторная, будет его кабинетом, в котором Клоди установит свой мольберт. Молодая художница здесь будет рисовать, занимаясь живописью в своё удовольствие благодаря изобилию света, проникающего сюда с двух сторон через четыре окна. У Тургенева был и другой кабинет – напротив, поменьше и с балконом. В нём на своём страдальческом ложе, измученный раком позвоночника, он скончается 3 сентября 1883 г.

Писатель любил приходить в мастерскую Клоди, ему нравилось видеть её за работой. И сам Тургенев любил здесь писать. Это единение живописи и

литературы, о чём так мечталось писателю, осуществлялось. Дало ли это что-нибудь для его литературного творчества? Ответ не оправдывает надежд.

Скорее всего, у Клоди Шамро-Виардо был некоторый вкус к карикатуре, к выразительной детали. Тургенев называл это по-немецки *dein Formsinn* (твое чувство формы). Он находил удовольствие в том, чтобы рассказывать ей забавные истории, подобные этой: «Только что я разговаривал (*sic*) с одной безумной около часа. Эта сумасшедшая вбила себе в голову стать личным секретарём Государя Императора, чтобы внушить ему разработанную ею систему мер, которая сможет обеспечить счастье России в мгновение ока. Представь себе невысокую женщину, лет 50, тучную и кургузую (*a dumpy woman* – толстушку, как говорят англичане), в чёрном капоре, надвинутом на самые глаза. Волосы её блёклые и реденькие, и растрёпанные; лицо – круглое, в красных пятнах, с лиловыми губами. Изо рта у неё торчат два длинных и узких, как у зайца, зуба, которыми она постоянно покусывает верхнюю губу. Носик крошечный, как у ребёнка. Глаза – бледносерые, цвета потёртой серебряной монеты, и взгляд – какой-то мерцающий и наводящий ужас. А голос – самый нежный и мелодичный, какой я когда-либо слышал. Руки у неё пухленькие и короткие, жесты медлительные. Её речь – напориста и монотонна. И она начала с такой фразы: «Вы видите перед собой воплощённого гения России!» Нет, эта бедняга совершенно неизлечима.

Я рассказываю тебе об этом, приводя столько деталей, потому, что знаю, что с *dein Fofmsinn* ты сможешь поразвлечься»⁸.

В другой раз Тургенев описал Клоди одну семейную сцену, действующими лицами которой были Луи Виардо и Хоакин Рюис, племянник Полины: «Что касается развлечения – здесь по вечерам вист. Это серьёзно, происходят самые драматические сцены между папой и добряком Рюисом, который так пугается, что от дрожи его ног стол трясётся»⁹.

Когда Тургенев в Буживале писал сказки для Клоди, он намеренно преувеличивал, искажал мысль и образы. Это фантастические и в то же время непристойные сказки, героями которых были обитатели «Ясений». Заметим, что такие дерзости он позволял себе только в том случае, если это предназначалось Клоди. Ещё он ей сделает такое признание 9 сентября 1877 г.: «Не знаю, смогу ли я ясно выразиться, но я задумался над тем, что существует нечто такое, что романист обязан отразить, а именно – истинную правду жизни; речь идёт не только о деталях и реалистических описаниях, но о чувствах и состояниях души. Мне кажется, что в манере их изображения и анализа – даже у очень больших писателей – существует некое соглашение: отображать жизнь правдоподобно, но не истинно правдиво. В этом, возможно, нужно быть более смелым, и идти дальше в раскрытии сущности вещей – особенно чувств, которые я охотно определил бы как

состояния doubles, т.е. двойственные или противоречивые, такое встречается чаще, чем об этом думают. Вся эта философия, возможно, есть только иллюзия; и я похож на одного месье, о котором рассказывал Боткин, месье этот верил, что именно он открыл Средиземное море. Невозможно хорошо описать то, что не прочувствовал сам... И у меня были, и теперь ещё бывают двойственные чувства, которые почти вопиют во мне; они сталкиваются друг с другом, переплетаются, запутываются. Воображаю твоё лицо и тебя за чтением этого вздора: ты, должно быть, говоришь, «что за чепуху порет мой старый крёстный?» Но, может быть, ты меня поймёшь лучше, когда я напишу (если я напишу), о чём я думаю.

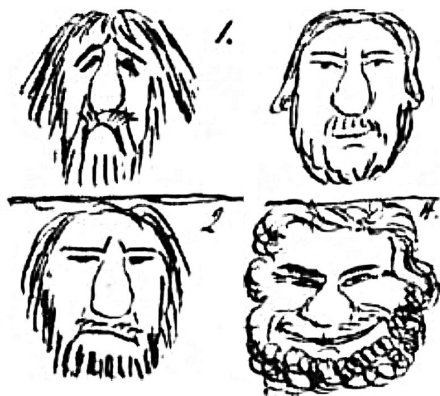
Вот маленькая литературная исповедь, которая неожиданно для меня самого вышла из-под моего пера. Поговорим о другом»¹⁰.

В Буживале в 1879 г. Тургенев начинает писать повесть «Песнь торжествующей любви», которая в какой-то степени созвучна его творческим исканиям. Спустя полтора года, 7 июля 1881 г. он пишет Клоди: «я переделал и закончил этот образец почти квази-фантастической повести, сюжет которой, если не ошибаюсь, я тебе когда-то набросал. Работая над ней, я говорил себе, и не один раз, что это безрассудство. И если это когда-нибудь напечатают, надо мной будут смеяться! Тем хуже! Я опережаю других; у Шиллера есть одно стихотворение, которое мне придавало храбрости «Wage Du zu irren und zu träumen» [имей смелость заблуждаться и мечтать]. Впрочем, во всём, что касается искусства, есть доля безумия; бывает только, что безумства в творчестве приводят к успеху, и тогда это называют вдохновением; а когда они приводят к провалу, то это очень печально. Мы увидим, к какому роду безумств принадлежит моё. Мне совсем не привыкать: я часто разбивал себе нос»¹¹.

В нашу задачу не входит комментировать это тяготение к психологическому, патологическому анализу на манер Достоевского. Нам следует отметить, что в Буживале Тургенев задумал и завершил редактирование нескольких своих лучших произведений: свой последний роман «Новь», большую часть своих «Стихотворений в прозе», «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич. После смерти».

Если Тургеневу и не удалось сотрудничать с Клоди на ниве живописи, как раньше он совместно работал с её матерью в области музыки, зато молодая женщина стала его наперсницей, которой он доверял свои литературные искания, когда он продвигался на ощупь, и свои мании, которые проявляются в его скатологически-моралистических сказках, предназначенных только для Клоди, её дочери Жанны и их близкого окружения.

Следует отметить, что в Буживале в период с 1873 по 1883 г. Тургенев написал 673 письма, что составляет примерно одну десятую часть всей его коррес-

Карикатуры И.С. Тургенева на самого себя

ский писатель мало работал во французской столице, и что литературой и перепиской он занимался именно в летние месяцы в Буживале.

Какую роль сыграл Буживаль в жизни Тургенева? Этот городок, одно только его название воскрешали в нём, когда он его покидал, множество воспоминаний. В конечном счёте, Буживаль для него был тем идеальным местом, куда он всегда стремился, потому что был уверен, что там его встретят любящие друзья. «Буживаль – это для меня теперь, что Мекка для мусульман; это есть цель моего паломничества. И я буду счастливым человеком лишь тогда, когда её достигну»¹². Из-под его пера выходят такие строки: «я постоянно думаю о “Ясенях”, которые вижу во сне каждую ночь»¹³.

«Мне кажется, что стоит сделать всего лишь одно усилие и “пуф!” – вот я уже стою перед таинственной колокольней, но теперь уже не производящей на меня такого зловещего впечатления, как это казалось мне раньше. Этот “пуф!” сбудется через 30 дней или 720 часов – через 43200 минут»¹⁴. Или ещё одно признание, сделанное в тот период, когда покупали усадьбу «Ясени»: «а я повторяю, всё повторяю фамилию Сегала! как Катон повторял “Карфаген!”»¹⁵

Конечно, здесь сквозит ребячество, но вместе с тем эти высказывания сохранили всю свежесть чувств.

Принимаемый всегда со всей сердечностью в этой семье, которая не была его собственной, но которую он считал своей, обласканный всеми членами семьи Виардо, Иван Тургенев чувствовал себя счастливым человеком. Если ему случалось узнать, что кто-то из членов семьи отсутствует, его охватывало беспокойство: «я узнал из письмеца Марианны (сестры Клоди), что ты чувствуешь усталость и вялость – скорее, скорее в Буживаль, и пусть свежий воздух “Ясений” оживит тебя»¹⁶.

понденции, адресованной друзьям, с которыми он переписывался на протяжении всей жизни. Эти письма составляют шесть последних томов, включённых в полное собрание писем, и эти письма заслуживают отдельного изучения. В Париже в 1971 – 1972 гг. вышли три тома переписки Тургенева с семьёй Виардо, из которой мы узнаём об их жизни в Буживале. У критика Уильяма Ральстона (William Ralston), часто видевшего Тургенева в Париже, сложилось впечатление, что рус-

Привыкший впоследствии к переменчивому климату Буживаля, Тургенев напомним через пять лет одной своей корреспондентке, что надо было бы остерегаться «влажной тенистой листвы» в усадьбе¹⁷. Такое постоянное беспокойство о здоровье семьи, даже в его отсутствие, проявляется прежде всего по отношению к Полине Виардо: «Твоя мама написала, что она снова кашляет, это меня очень беспокоит, присматривай за ней... Ослиное молоко было бы полезно для неё. Я уверен, что его можно достать в Буживале дешевле, чем в Париже»¹⁸.

И спустя три дня он интересуется, обращаясь к мадам Виардо: «Вы ничего не говорите больше о вашем кашле – может быть, он прекратился? Но я снова высказываю своё мнение: надо купить ослицу!».

Тургенев и его друзья вели в Буживале очень приятную жизнь. Случалось, что они устраивали пешие прогулки, например, в Сен-Жермен-ан-Лэ. «Мы, Марианна, мадемуазель Арно и я, совершили упоительную экскурсию в Сен-Жерменский лес. Там, устроившись на траве, мы откушали пирогов и выпили пива, повидали косуль и зайцев (N.B. все жившие в “Ясениях” зайцы оттуда удрали, и тот маленький с белым ошейником исчез вместе с другими)»¹⁹. Мы знаем, что летом 1877 г. они ездили на ярмарочное гуляние в Ле Лож, что расположен недалеко от Сен-Жермен, и побывали на празднике в Буживале²⁰. Полина Виардо описывает Тургеневу довольно красочно торговые лавочки и птиц, которые там продавались²¹.

В семье устраивались чтения вслух. В Буживале Тургенев вместе с мадам Виардо читали вслух из только что изданного в 1881 г. сборника поэм Виктора Гюго «Четыре вихря духа» («Les quatre vents de l'esprit»). Иногда Тургенев писал для Клоди комментарии к только что прочитанному. Он никогда не упускал из виду, что обращается к художнице: «во второй части “Фауста” Гёте встречаешь моменты совершенной поэзии, а именно в Classische Walpurgisnacht (в классической Вальпургиевой ночи – нем.) встречаются некоторые места, которые так и просятся, чтобы ты это проиллюстрировала: там – нимфы, кусты роз, луна, Хирон, уносящий прекрасную Елену... всё это я тебе покажу»²². Клоди приняла во внимание замечание своего крёстного и изобразила этот сюжет, сделав рисунок чернилами.

Следовало бы сказать несколько слов о музыке в усадьбе «Ясени». Мадам Виардо давала уроки пения все дни недели – по будням, а по воскресеньям устраивались музыкальные утренние спектакли. Мы знаем, например, что 12 августа 1882 г. в большом салоне виллы была исполнена оперетта «Последний колдун» («Le Dernier Sorcier»), сочиненная в Баден-Бадене Полиной Виардо на текст Тургенева.

«Это был вдохновляющий успех! Приятно было смотреть на все эти молодые лица, обращённые к маме с выражением восхищения и умиления. Над проделками Перлимпинпина²³ мадам Василенко смеялась так безудержно, как смеются только дети. И мне представление тоже доставило самое большое удовольствие... Ты знаешь, как я люблю эту поэтичную и грациозную музыку; и все воспоминания о том добром времени, быть может, наилучшем периоде всей моей жизни, проходили перед моими глазами. Я как будто видел тебя в роли королевы эльфов, слышал твой голос до мельчайших его интонаций. И все другие лица вспомнились мне – и Поль – тогда он был другим, не таким как сегодня (N.B. его совсем теперь больше не видно) и т.д. и т.п. Нужно обязательно этой зимой постараться устроить представление “Последнего колдуна”»²⁴.

Да, воспоминание – доказательство дружеского расположения – соединяет в единую цепь всех членов этой семьи: звенья этой цепи – Луи, Марианна, Клоди и Поль Виардо, оба конца её держат в своих руках Полина Виардо и Иван Тургенев. И в завершение приведём заключительные строки одного из редких писем Полины к Ивану Тургеневу, написанного 9 мая 1881 г.: «Вспоминаете ли Вы о Париже, о “Ясенях”, о карточной игре безик, о Фаноре²⁵, о своих друзьях? Вы найдёте себе и новых друзей, но все они, вместе взятые, не дадут Вам и тысячной доли той сердечной привязанности, которую испытывает к Вам самая старая, но и самая верная из всех друзей и подруг»²⁶.

Примечания

Опубликовано в *Cahiers Tourguéniev*. № 5. 1981. Р. 19 – 27.

1. Неопубликованное письмо Луи Виардо Тургеневу от 29 июня 1876 г. (Из коллекции Мопуаль).

2. Письмо Тургенева Клоди Виардо от 4 августа 1874 г. NCI. Т. I. Р. 264.

3. NCI. Т. I. Р. 222, п. 5.

4. См. письмо Луи Виардо Тургеневу. Ibid.

5. Письмо Тургенева Клоди Виардо от 4 августа 1874 г. Ibid. Р. 264–265.

6. Тургенев. Письма. Т. X. 1965. С. 324.

7. См.: Зильберштейн И.С. Выставка художника В.В. Верещагина // Литературное наследство. Т. 73. Кн. 1. 1964. С. 299.

8. Письмо Тургенева Клоди Виардо от 11 июня 1880 г. NCI. Т. I. Р. 299.

9. Письмо Тургенева Клоди Виардо от 23 августа 1882 г. LI. Р. 292.

10. Письмо Тургенева Клоди Виардо от 9 сентября 1877 г. Ibid. Р. 271.

11. NCI. Т. I. Р. 303–304.

12. Письмо Тургенева Клоди Виардо от 24 июня 1873 г. Ibid. Р. 258.

13. Письмо Тургенева Клоди Виардо от 4/16 августа 1881 г. Ibid. Р. 306.

14. Письмо Тургенева Клоди Виардо от 4 августа 1874 г. Ibid. Р. 264.

15. Письмо Тургенева Полине Виардо от 16 августа 1874 г. Ibid. Р. 222.

16. Письмо Тургенева Клоди Виардо от 1/13 июня 1877 г. LI. P. 261.
17. Письмо Тургенева Клоди Виардо от 19 июня 1882 г. Ibid. P. 287.
18. Письмо Тургенева Клоди Виардо от 5 июля 1873 г. NCI. T. I. P. 260.
19. Письмо Тургенева Клоди Виардо от 26 августа 1876 г. NCI. T. I. P. 274.
20. Письмо Тургенева Клоди Виардо от 3 сентября 1877 г. Ibid. P. 280.
21. Письмо Полины Виардо Тургеневу от 1 августа 1881 г. LI. P. 334.
22. Письмо Тургенева Клоди Виардо от 3 сентября 1877 г. NCI. T. I. P. 281.
23. Перлимпинпин, слуга колдуна в оперетте «Последний колдун».
24. Поль Виардо, брат Клоди и сын Полины. Письмо Тургенева к Клоди Виардо от 13 августа 1882 г. NCI. T. I. P. 290.
25. Фанор — кличка собаки Луи Виардо.
26. LI. P. 333.

Пер. В. ЛУКИНОЙ

Тургенев и Мария Малибран

Тургенев знал о Марии Малибран только по рассказам её близких: сестры Полины и её мужа Луи Виардо. Без сомнения, молодому Тургеневу поведали трагическую историю этой гениальной певицы, умершей в самом расцвете юности, его новые знакомые – Луи и Полина Виардо, которая три сезона подряд выступала на сцене Большого театра в Санкт-Петербурге (1843 – 1846). Начинающему писателю запомнились именно два эти факта: гениальность и преждевременная смерть.

Имя Малибран впервые упоминается Тургеневым на листке, датированном 14 декабря 1848 г., где перечислены без всякой связи имена ушедших и живущих знаменитостей, среди которых странным образом присутствует имя Малибран, но отсутствует имя её сестры. Этот автограф находился в парижском салоне немецкого революционера-изгнанника Георга Гервега¹. Действительно, лишь год спустя, только после блистательного исполнения партии матери в «Пророке» Мейербергера Тургенев поставит Полину Виардо в один ряд с Марией Малибран².

Известно, что, отправившись в 1845 г. во Францию, Тургенев остановился у своих друзей Виардо в замке Куртавнелъ, недалеко от Розе-ан-Бри.

Воспоминания о Куртавнеле встречаются впервые, начиная с марта 1847 г., в одном из первых рассказов сборника, который получит название «Записки охотника». Это третий по счёту охотничий рассказ, озаглавленный «Мой сосед Радилов», действие которого, хотя внешне и происходит в России, на самом деле переносит нас в куртавнельский парк. Со времени первого визита Тургеневу запомнились великолепные липы, располагавшиеся непо-

далёку от прилегающей к замку фермы. Несколько лет спустя, он предложит г-же Виардо произвести некоторые изменения именно в этом месте.

«Я бы снёс половину фермы, находящейся возле дома, как здесь показано: всё пространство, обозначенное так ABCD; с помощью этих материалов я бы отремонтировал Виконте и привёл в порядок другую половину фермы <...>, от А до В я возвёл бы стену, а великолепные липы и место, где стояла разрушенная половина фермы, всё это отойдёт к парку. Можно было бы устроить чудесный фруктовый сад вплоть до оранжереи, а среди лип – зелёную беседку, которая, я в этом уверен, станет лучшим местом в саду... Что вы мне на это скажете и что скажет Виардо?» (письмо от 19 июня 1849 г.)³.

Между тем «Мой сосед Радилов» начинается с похожих наблюдений: «Прадеды наши, при выборе места для жительства, непременно отбивали десятины две хорошей земли под фруктовый сад с липовыми аллеями. Через лет пятьдесят, много семьдесят, эти усадьбы, “дворянские гнёзда”, понемногу исчезали с лица земли <...>. Одни липы по-прежнему росли себе на славу <...>. Прекрасное дерево – такая старая липа... <...> Лист на ней мелкий, могучие сучья широко раскинулись во все стороны, вечная тень под ними».

Певец природы пробует свои силы в новом жанре, который принесёт ему славу: достоверное полотно деревенской жизни, на котором художник набрасывает то картину нравов, то психологические образы окружающих его людей. «Мой сосед Радилов» относится к этой второй категории и заимствует психологические черты и эпизоды жизни реальных лиц. Имя Радилов является почти полной анаграммой фамилии Виардо⁴: это землевладелец, хозяин поместья, ничем, за исключением имени, не напоминающий мужа Полины Виардо. Что касается этого персонажа, то, создавая его, Тургенев, очевидно, ориентировался на бельгийского скрипача Шарля Огюста де Берио, вдовца Марии Малибран, женившегося, несмотря на огромное горе, во второй раз. Также и Радилов потерял свою жену, с которой прожил три года. Похоже, Тургенев воспользовался биографическими подробностями из жизни Малибран, переданными ему недавно супругами Виардо: известно, что в 1833 г. у Марии родился сын и что 23 сентября 1836 г. она умерла, будучи беременной, – детали, которые фигурируют и в рассказе. Жена Радилова умирает во время родов, летом. Сам Радилов тяжело переживает её смерть, не только сразу после неё, но и много позже, когда встречается с нашим охотником: он «вдруг вздыхал и опускался в кресла, как человек, утомлённый тяжкой работой, проводил рукой по лицу. Вся душа его, добрая и тёплая, казалось, была проникнута насквозь, пресыщена одним чувством».

Биографы Шарля де Берио единодушны во мнении, что он был сокрушён разлукой с женщиной, которую обожал: после смерти Марии Малибран

ран эта невосполнимая потеря принимает форму навязчивой идеи. Тем не менее, он вскоре снова женился⁵, как и Радилов в рассказе Тургенева.

Мать главного героя напоминает Хоакину Гарсиа, мать Марии Малибран: автор меняет местами родственные связи, сохраняя верность прототипу: «старушка небольшого роста, в коричневом платье и белом чепце, с добреньким и худеньким лицом, робким и печальным взглядом».

Наконец, Тургенев создаёт яркий образ разорившегося помещика, неразлучного с дрянной скрипкой, проживающего в доме у Радилова: здесь автор снова иронически заимствует скрипку де Берио, чтобы отдать её родственнику Виардо, проживавшему в замке. Не является ли знаменитый Фёдор Михеич тем самым «кузеном Теодором», комната которого прилегалa к тургеневской?⁶

В 1851 г. Тургенева и Полину Виардо разделяют тысячи километров, и мучительную боль разлуки писатель мастерски выразил языком музыки в рассказе «Три встречи». Безмолвие бледной северной ночи в русской деревне разрывает песня незнакомки, некогда встреченной в Сорренто: «Всё в ней дышало уверенностью и отдыхом любви, торжеством красоты, успокоенной счастьем. Она долго не шевелилась, потом оглянулась назад, в комнату, и, внезапно выпрямившись, три раза громким и звенящим голосом воскликнула: “Addio!” Далеко, далеко разнеслись прекрасные звуки, и долго дрожали они, слабая и замирая над липами сада, и в поле за мною, и повсюду. Всё вокруг меня на несколько мгновений наполнилось голосом этой женщины, всё звенело ей в ответ, — звенело ею».

Как убеждает письмо Тургенева к Полине Виардо от 21 июня 1850 г.⁷, слово «addio», печально повторённое незнакомкой в Сорренто, отсылает нас к романсу Марии Малибран «Прощание с Ниццей» («Addio á Nice»). Дата этого письма весьма примечательна: писатель окончательно покидает Париж и уезжает в Россию: его охватывает отчаяние при мысли, что он никогда больше не увидит Полину: «Когда-то вы показывали мне арию, сочинённую в ранней молодости вашей сестрой на слова Метастазиио: “Ессо

**Мария Малибран в роли Дездемоны.
Литография Ф. Элиаса. 1836**

il un fiero istante” <“Вот сей плачевный час”>⁸. Помню, что она поразила меня, словно печальное предчувствие. Вот уже несколько дней, как эти слова не выходят у меня из головы. Addio, addio. И вот это слово addio пробуждает во мне другое воспоминание: во время карнавала 1840 года я находился в Риме. Я шёл по маленькой, уединённой улице, как вдруг на пороге одного из домов увидел красивую девушку в одежде крестьянки из Альбано, которая держала за руку мужчину, закутанного в коричневый плащ, и, заливаясь слезами, говорила ему: “Addio, addio”. Она произносила это таким проникновенным, таким чистым и в то же время таким грустным голосом, что звук его остался в моих ушах, и мне кажется, что я слышу его и сейчас. Не знаю, зачем я всё это вам рассказываю. Addio!»⁹.

Печальный звук этого слова навязчиво преследует его всю жизнь. 12 (24) апреля 1859 г. он пишет В.П. Боткину: «Addio, vita, слышал я раз на Корсо, во время Карнавала; молодой женский голос произнёс эти слова – и долго звук их звенел у меня в ушах». 20 лет спустя, в июне 1879 г., будет написана вариация на ту же тему – стихотворение в прозе «Я встал ночью...».

«Но вдруг где-то вдали возник жалобный звук и, постепенно усиливаясь и приближаясь, зазвенел человеческим голосом – и, понижаясь и замирая, промчался мимо.

“Прощай! прощай! прощай!” – чудилось мне в его замираниях.

Ах! Это всё моё прошедшее, всё моё счастье, всё, всё, что я лелеял и любил, – навсегда и безвозвратно прощалось со мною!

Я поклонился моей улетевшей жизни – и лёг в постель, как в могилу».

Прощание с жизнью, желанная встреча со смертью, которая будет преодолена вечной любовью, – таковы лейтмотивы творчества стареющего писателя. Михаил Гольдштейн убедительно показал в своей статье¹⁰, что Тургенев намеревался рассказать о разрушенной идиллии Шарля де Берио после ухода Марии Малибран в самом расцвете юности. В свою очередь мы полагаем, что эта история была полностью воссоздана, правда, в своеобразном ракурсе, в одной из последних повестей писателя «Клара Милич. После смерти».

Реальное происшествие, самоубийство русской певицы Евлалии Кадминой (1853 – 1881), умершей, как и Малибран, в возрасте 28 лет, послужило поводом или толчком к написанию повести. Имя молодого человека, который влюбляется в Клару после её смерти, Аратов, снова является почти полной анаграммой фамилии Виардо. Тургенев как будто хочет завершить портрет де Берио, набросанный 35 лет назад в «Моём соседе Радилове». «Биография Клары мною вымыслена, а также и отношение её к Аратову, типу, сохранившемуся в моей памяти ещё со времён молодости»¹¹. Нет ли здесь намёка на рассказ 1847 г.: «Вся душа его, добрая и тёплая, казалось,

была проникнута насквозь, пресыщена одним чувством»?

Если повесть 1882 г. действительно представляет историю психоза человека, мучимого навязчивой идеей, которому приданы черты овдовевшего Шарля де Берио (ещё не женившегося повторно), то Тургенев мог заимствовать какие-то черты у Марии Малибран, соединив их с теми, которые он мог получить после недавнего самоубийства её alter ego – Евлалии Кадминой. Смерть Марии Малибран была очень похожа на самоубийство, хотя версия несчастного случая дожила до наших дней. По крайней мере, в повести причина самоубийства остаётся загадкой, поскольку источники подобного бо-

Портрет Полины Виардо. Худ. Нефф. 1842

лезненного поступка остаются для трезвомыслящего писателя-реалиста непостижимыми. Напротив, в случае с Кларой Милич всё ясно: писатель с удовольствием сравнивает её с Полиной Виардо, подчёркивая цыганские или еврейские черты лица героини, её смуглость; героиня носит мантилью; с другой стороны, по примеру Марии Малибран, она певица, обладающая контральто, и актриса. Она плохо ладит с отцом (как Мария Малибран со своим), который пытается выдать её замуж за купца: намёк на Эжена Малибрана очевиден. Она «нетронутая», девственница, какой осталась и Малибран после фиктивного брака с Эженом Малибраном; нет никаких сведений о её любовных связях¹².

Клара публично признаётся в любви человеку, которого она видела один раз в жизни, что несколько напоминает признание Марии Малибран в любви Шарлю де Берио после его концерта. Любопытно, впрочем, что в повести ситуация меняется на противоположную: находясь на сцене, Клара влюбляется в зрителя, оставшегося в целом безучастным к её пению. За сорок лет до этого Тургенев пережил похожее потрясение, увидев Полину Виардо на сцене Большого театра в Санкт-Петербурге. Прядь чёрных женских волос, которую находят в стиснутой руке умирающего Аратова, неправильный, размашистый почерк (принадлежавший Марии или Полине?) перекликаются с реальными деталями, которые Тургенев, скрупулёзный наблюдатель, считал нужным внести в своё произведение.

Можно спросить, чем объясняется настойчивый интерес писателя к истории Малибран и Берио: навязчивой идеей, которая проходит почти через

всю его человеческую и писательскую жизнь. В конце её эта одержимость как будто соединяется с эзотерическими течениями и с поисками тайн реинкарнации. Евлалия Кадмина, она же Клара Милич, воплощённая Мария Малибран – все они принадлежат к циклическому движению человеческой комедии, откуда проистекают те проблески истины, которые так восхищали Флобера, увидевшего в некоторых эпизодах жизни Тургенева свой собственный опыт, свои собственные иллюзии.

Примечания

1. Автограф хранится в Музее поэтов в городе Листаль (Швейцария), факсимиле – в музее Тургенева в Буживале.
2. См. Тургенев. Сочинения. Т. 4. 1980. С. 455 – 459.
3. Тургенев. Письма. Т. 1. 1982. С. 302.
4. ВИАРДО складывается в РАДИЛОВ. 30 лет спустя Тургенев найдёт для м-ль Бларамберг, гостившей в то время в доме у Виардо в Буживале, литературный псевдоним АРДОВ, составленный из части фамилии хозяев.
5. Второй женой Шарля де Берио в 1840 г. стала Мари-Луиза Юбер (Hueber), дочь венского судьи, которая родила ему сына.
6. См. письмо Тургенева к Полине Виардо от 4/16 мая 1850 г. (Тургенев. Письма. Т. 2. 1987. С. 20.).
7. См.: там же. С. 23-26.
8. Романс «Прощание с Ниццей» вошёл в изданный посмертно альбом музыкальных сочинений Марии Малибран под редакцией Шарля де Берио.
9. См.: Тургенев. Письма. Т. 2. 1987. С. 24.
10. Тургенев. Письма. Т. 4. 1987. С. 38.
11. Письмо Тургенева к Л.Б. Бертенсону от 19/31 января 1883 г.
12. Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 2. 1968. С. 157.
13. И здесь Тургенев верен прототипу. Мария Малибран вела очень целомудренный образ жизни. Теофиль Готье писал 27 июля 1836 г. из Остенде своему другу Эжену Пио: «Женщины совсем не похожи на море, у них слишком много различий; даже относительно границ, поскольку женщины чрезвычайно ограничены и даже недоступны, как г-жа Малибран».

Пер. Ю. ЮСТИЦКОЙ

Пушкинский талисман: место и смысл тайного в трёх новеллах И. С. Тургенева

«Яков Пасынков», новелла, написанная 13–25 февраля 1855 г., занимает место посередине между двух других сочинений Тургенева: «Переписка», завершённая в 1854 г., и «Фауст», появившийся в 1856 г. Все три новеллы объединены общим мотивом переписки. Первая повествует о пятнадцати

письмах, которыми обмениваются мужчина и женщина; третья представляет собой «рассказ в девяти письмах». Что касается промежуточной новеллы, которой будет посвящено это исследование, тема переписки занимает центральное место с первых же страниц произведения. Константин Асанов хвалится как трофеем десятью любовными письмами, написанными рукой юной девушки; во время дружеского застолья он демонстрирует их всем окружающим, небрежно кинув письма на залитую шампанским скатерть. Тайна, так бережно хранимая до последнего момента, выставляется на всеобщее обозрение. На первых страницах «Якова Пасынкова» говорится о том, что каждый из нас «что-то прячет глубоко в душе». Несколько листков, испещрённых женским почерком на французском языке, приобретают ценность магического предмета, приносящего счастье, некой нити, связующей навеки судьбы двоих. Письма становятся залогом взаимной верности: «Мой дорогой друг Константин... будьте осторожны по-прежнему, а я буду ничья или ваша».

Мы не можем отказать себе в удовольствии упомянуть здесь отрывок из одного письма Пушкина, адресованного его невесте, где мы встречаем похожие слова. И хотя в остальном нет заметного сходства, ибо Тургенев не мог тогда (в 1855 г.) знать переписку поэта с Натальей Гончаровой, которая будет опубликована только в 1878 г.: «что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь»¹.

Тургенева не столько интересует клятва любви, сколько её нарушение во всех зловещих проявлениях. В «Якове Пасынкове» предание огласке тайной любви приводит к разрушению любви, хотя, в конечном итоге, менее трагичному, чем в двух других новеллах. Рассказчик, герой повести, узнаёт в письме Константину почерк Софьи: она писала также и ему, но скрыла свою любовь к другому.

Пятью годами ранее Тургенев упрекал мадам Виардо в том, что, она писала длинные письма Шарлю Гуно, его более счастливому сопернику, заслонившему его собою в сердце певицы². Писатель узнаёт об их разрыве в 1852 г. после неожиданной свадьбы композитора. Сам Тургенев в момент создания «Якова Пасынкова» ощущает, что душевная разлука с мадам Виардо близка: её письма становятся всё более и более редкими и их содержание грешит сухостью. Что же касается Тургенева, то после несостоявшегося намерения жениться на своей молодой кузине Ольге Тургеневой (мадам Виардо из ревности не перестает его в этом упрекать в своих письмах) он посылает Полине Виардо стихотворение А.С. Пушкина «Прощание», которое поэт написал графине Воронцовой за некоторое время до своей свадьбы с Натальей Гончаровой:

В последний раз твой образ милый
Держаю мысленно ласкать,

Будить мечту сердечной силой
 И с негой робкой и унылой
 Твою любовь воспоминать.
 Бегут, меняясь, наши лета,
 Меняя всё, меняя нас...
 Уж ты для своего поэта
 Могильным сумраком одета,
 И для тебя твой друг угас.
 Прими же, дальняя подруга,
 Прощанье сердца моего,
 Как овдовевшая супруга,
 Как друг, обнявший молча друга
 Пред заточением его.

Удивительно, что издатели второго академического издания произведений Тургенева не упомянули в комментарии к «Якову Пасынкову» о том значении, которое это стихотворение имело тогда для самого Тургенева, для его ума и сердца. Только в 1971 г. было впервые опубликовано письмо Тургенева к мадам Виардо, содержащее текст «Прощания» на русском языке³. Это письмо от 10/22 февраля 1855 г. написано тремя днями ранее начала работы над редакцией «Якова Пасынкова». Две первые строки процитированы во второй части новеллы. Они предшествуют неожиданному признанию в тайной любви Пасынкова (он третий воздыхатель!) к Софье. Всеобъемлющая любовь, пронесённая сквозь долгие годы, несмотря на невозможность осуществления, созвучна чувству Пушкина, скреплённому клятвой: «Я буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь».

Связь со стихотворением Пушкина очевидна: Тургенев вводит в новеллу психологическую ситуацию, которую переживает сам и которая напоминает ему, что пережил поэт четверть века назад. «Всё стихи виноваты», – восклицает Пасынков.

Помимо тайны любви Тургенев затрагивает другой важный аспект истинной страсти: клятву и обещание верности.

Тончайшая цепь, соединяющая сердца влюблённых, материализуется через переписку – как в случае Константина Асанова и Софьи – или через предмет – как в чувственной идиллии Пушкина и Елизаветы Воронцовой. Кольцо, которое она дарит своему возлюбленному с надписью на иврите, становится талисманом и залогом верности в любви. Отступив от своего обязательства, Пушкин, прежде чем жениться, адресует бывшей возлюбленной в оправдание известное стихотворение «Прощание», которое произвело сильнейший эффект на воображение Тургенева в его 37 лет.

Он снова вернётся к этому сюжету 20 лет спустя, когда будет сам обладать этим таинственным перстнем, ценным в его глазах, поскольку он принадлежал его почитаемому учителю – Пушкину. В фантастическом рассказе «Сон», который он напишет, главной идеей будет не верность в любви, а нарушение клятвы супружеской верности, её осквернение, противоречащее закону любви.

Кольцо Пушкина унаследовал его друг Василий Жуковский, оно было передано Тургеневу в 1875 г. сыном поэта Павлом Жуковским. «Я очень горжусь обладанием пушкинским перстнем и придаю ему, так же как и Пушкин, большое значение. После моей смерти, я бы желал, чтобы этот перстень был передан графу Льву Николаевичу Толстому как высшему представителю русской современной литературы, с тем, чтобы, когда настанет и “его час”, гр. Толстой передал бы мой перстень по своему выбору достойнейшему последователю пушкинских традиций между новейшими писателями»⁴.

Значение иррационального в нашей жизни было подчёркнуто Пасынковым: «Вся жизнь наша сон, и лучшее в ней опять-таки сон». Тургенев перефразирует здесь заглавие пьесы Кальдерона «Жизнь – это сон», которое вдохновило его в молодости и заставило сказать: «La vida es sueño, y el sueño es la vida» («Жизнь есть сон, и сон есть жизнь» – исп.)⁵.

Сюжет рассказа «Сон» начинается в атмосфере тайны, подчёркиваемой на каждой странице произведения: «тайная печаль» матери молодого рассказчика, повествующего о «неведомых тайнах», которые скрываются за полуоткрытой дверью. Его сон является вещим, тайный смысл которого он пытается отгадать. В конце концов, он встречает «загадочное» существо, которое он много раз видел в своих снах.

В действительности сын отыскивает своего настоящего отца, который, в мистических обстоятельствах обесчестив его мать, украл у неё обручальное кольцо необычной формы: с семью маленькими золотыми звёздочками, которые чередуются с семью серебряными. Это была старинная семейная драгоценность. Магнетизм этого кольца приводит молодого человека к берегу моря, где он находит тело своего отца, выброшенное волнами, и видит на его пальце то роковое кольцо. Срывая кольцо с руки своего родного отца, герой освобождается от навязчивого сновидения, которое его преследовало.

Описание этого кольца напоминает кольцо Пушкина, которое поэт получил из рук графини Воронцовой. Это кольцо поэт считал своим талисманом, который должен был охранять его от чар другой женщины.

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,

Где луна теплее блещет
 В сладкий час вечерней мглы,
 Где, в гаремах наслаждаясь,
 Дни проводит мусульман,
 Там волшебница, ласкаясь,
 Мне вручила талисман.
 И, ласкаясь, говорила:
 «Сохрани мой талисман:
 В нём таинственная сила!
 Он тебе любовью дан.
 От недуга, от могилы,
 В бурю, в грозный ураган,
 Головы твоей, мой милый,
 Не спасёт мой талисман.
 И богатствами Востока
 Он тебя не одарит,
 И поклонников пророка
 Он тебе не покорит;
 И тебя на лоно друга,
 От печальных чуждых стран,
 В край родной на север с юга
 Не умчит мой талисман...
 Но когда коварны очи
 Очаруют вдруг тебя,
 Иль уста во мраке ночи
 Поцелуют не любя –
 Милый друг! от преступленья,
 От сердечных новых ран,
 От измены, от забвенья
 Сохранит мой талисман!»
 А.С. Пушкин. Талисман 1829

Поэт отказывается от своего обещания и женится на Наталье Гончаровой. Со своей стороны, Тургенев в рассказе «Сон» изображает символами разрыв счастливой супружеской жизни своей героини в сцене похищения её талисмана бароном. Писатель верит или заставляет поверить, что наказание непременно найдёт того, кто нарушил клятву: Пушкина настигает смерть на дуэли спустя семь лет после его расставания с графиней (число семь есть символ: семь золотых звёздочек чередуются с семью серебряными и соединены попарно). В рассказе «Сон» барона-насильника сначала

как будто убивают за карточным столом, а позже он, выжив после ранения, тонет при кораблекрушении.

Тургенев со свойственным ему артистизмом, кажется, не верит ни в предсказания, ни в предчувствия, ни в предзнаменования⁶. Тургенев придаёт дополнительные магические свойства кольцу-талисману, которым он обладает и которым некогда обладал Пушкин. Благодаря своей писательской фантазии он указывает в своём рассказе на духовное родство с потомком арапа Петра Великого, изображая слугой барона одного негра высокого роста. Не очевидно ли, что для образа барона прототипом послужил барон Геккери, убийца Пушкина, который отнял у него жизнь, жену и обручальное кольцо.

Тургенев на этом не останавливается. В рассказе он приводит барона к смерти в обстановке, похожей на ту, которую Пушкин выбирал для своих любовных свиданий с Елизаветой Воронцовой: морской пейзаж, «где крутые гребни длинных валов чередою катились и разбивались о плоский берег». Тело барона лежало «возле крупного камня, одиноко торчавшего среди однообразной скатерти песчаных берегов». Вариации пушкинской темы встречаются и в других пассажах рассказа. Барон погибает во время партии в карты и, как старуха из «Пиковой дамы», появляется вновь после смерти. Стараясь ввести оккультные элементы в свой психологический (или скорее психоаналитический) рассказ, Тургенев включает в ткань повествования моменты из жизни и фрагменты из произведений Пушкина. Основная идея рассказа «Сон» – это мысль о том, что сын после смерти отца овладевает тайной, заключённой в чудесном кольце, и приобретает «магическую силу», которую воспел поэт. Несомненно, хранить или заполучить силой сокровенный предмет («который тебе дала любовь», «старинная семейная ценность»), или выведать с помощью угроз секрет старой дамы – все эти действия заслуживают наказания, которое во всех трёх случаях неизбежно настигает виновного. Пушкин, который изменил клятве верности, встречает смерть на дуэли, защищая свою честь. Барон, мужчина, который добился силой замужней женщины и украл у неё обручальное кольцо, носит на себе печать бесчестия. И «счастливый» обладатель изящного мартингала-ремня, решившийся завладеть им через преступление, оказывается запертым в доме для душевнобольных.

Проявление низменных и жестоких инстинктов человеческой природы неизбежно связано с суевериями, предчувствиями и видениями, составляющими целый мир, где Тургенев черпает вдохновение, размышляя о кольце Пушкина. Мир, который знаком Тургеневу с давних времён и который находит отражение в рассказе «Сон», возникает в более ранних произведе-

ниях, в частности в новелле «Три портрета», написанной тридцатью годами раньше. Тургенев затрагивает тайны наследственности, показывая необузданность поведения своего двоюродного деда по материнской линии, обесчестившего свою сестру и убившего её жениха, который, узнав о том, что произошло, уже не захотел на ней жениться. Физический и моральный портрет Василия Ивановича напоминает черты барона.

Три портрета (1846)

Его смуглое худощавое лицо дышало дерзкою надменностью. Его тонкие длинные брови почти срастались над чёрными, как смоль, глазами; на бледных, едва заметных губах играла недобрая улыбка.

В нём не было ни совести, ни доброты, ни честности... Даже люди, уверенные в сухости и холодности его души, не раз поддавались чарующему могуществу его влияния.

<...> Братья его немели перед ним и удивлялись ему, как существу высшему.

Сон (1876)

Жидкие завитки чёрных волос спускались почти до самого носа; тонкие губы стискивали мундштук короткой трубки. <...> Каждая черта его смуглого, желчного лица... запечатлелась в моей памяти... он возвёл на меня свои чёрные, колющие глаза...

Мне не нравилась улыбочка, с которой г-н барон меня расспрашивал; не нравилось также выражение его глаз, когда он их словно вонзал в меня... В них было что-то хищное и покровительственное... что-то жуткое.

Тургенев идёт дальше, чем Пушкин, в психологическом анализе существ жестоких и властных. Его Василий Иванович, живой образец двоюродного деда Алексея Лутовинова, «дон Жуан, злодей, остроумный, изысканный – и варвар». Тем, что он соблазнил свою сестру Ольгу и убил её жениха, он не вполне доволен. Тотчас же после он проколол на месте сердца портрет жениха Ольги. Тургенев проникает в глубь его психологии, читая тайные мысли его сердца: потомство будет думать, что честь защищена, что правосудие свершилось. Ольга беременна от проделок своего жениха! Вместо священной тайны настоящей страсти, пушкинского талисмана, доступного только возвышенным душам, Тургенев показывает подмену этого символа, над которым насмеются на всех уровнях социальной лестницы фальсификаторы истории.

Примечания

Опубликовано в Cahiers Tourguéniev. № И. 1987. Р. 27 – 33.

1. Письмо А.С. Пушкина к Н.Н. Гончаровой, конец августа 1830 г. (Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В: 10 т. Т. X. М.: Наука, 1966. С. 303).

2. Тургенев принимал свою судьбу с юмором. Он писал семейству Виардо 2/14 мая 1850 г., ссылаясь на письмо, полученное от Полины: «Я начал с вашего – каждому по

заслугам его – и, потом, что бы вы ни говорили, вы не слишком-то баловали меня письмами этим летом – я знаю кое-кого, кому не раз уже завидовал – он-то их получал! и какие мясистые, плотные, написанные мелким почерком, который к концу становился ещё более мелким». И четырьмя днями позже: «Это чудовище Гуно получает письма на 8 страницах! Ну что же! Я не стану завидовать его счастью» (Тургенев. Письма. Т. 2. 1987. С. 16–17, 21).

3. Письмо Тургенева к Полине Виардо от 10/22 февраля 1855 г. (там же. Т. 3. 1987. С. 11–12).

4. Речь записана журналистом Василием Пасеком, который встретил Тургенева в Париже в 1876 г. (опубликована в журнале «Новое время» 8 марта 1887). Со своей стороны, Жуковский трепетно относился к тому, что кольцо должно было перейти к нему (к Л.Н. Толстому) после смерти Тургенева. Его унаследовала Полина Виардо и передала в дар Музею Александровского Императорского Лицея в 1887 г., откуда оно было похищено 23 марта 1917 г. Ранее Тургенев одалживал кольцо и прядь волос поэта для выставки, посвящённой Пушкину и организованной в С.-Петербурге в 1880 г.

5. См. письма Тургенева к Полине Виардо от 19 и 25 декабря 1847 г. (Тургенев. Письма. Т. I. 1961. С. 279, 281 – 282), 13 августа 1849 г. (там же. С. 366).

6. Он напишет своей дочери Полинетте 24 марта 1882 г.: «Не верь так называемым “предчувствиям”. Мой опыт сотни раз мне доказывал, что они никогда не сбываются. Это занятие столь же вредно, сколько и бесполезно». И 9 мая: «Отделайся раз и навсегда от всех твоих страхов, подозрений, волнений, суеверий – словом, от всего того, что причинило тебе в жизни так много вреда; и, главное, верь, что я говорю тебе сухую правду – ничего не прибавляя и не уменьшая» (Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 1. С. 216, 241).

Тургенев размышляет над двумя первыми строками стихотворения Пушкина «Талисман», но также вдохновляется для создания морского пейзажа в главе XIV картины Гюстава Курбе, висящей у него в кабинете на улице Дуэ, где он пишет этот рассказ весной 1876 г. Он представляет себе жизнь пляжа в Сен-Обен-сюр-Мер (1872).

Пер. Е. ПЕТРАШ

Чёрный человек и мужик

Только по случаю знаменательных дат два типа людей оказались, условно говоря, под скальпелем историка, социолога и моралиста. Чёрного человека из Африки и мужика, русского крестьянина, объединённых наперекор векам, живущих по разные стороны океана, на судьбы которых ранее никто никогда не обращал внимания, вдруг услышали в середине XIX в., это – послание надежды.

Если Виктор Гюго в гуманной и благородной борьбе, которую он вёл против несправедливости и страданий народов и отдельных людей, был особенно сосредоточен на проблемах, связанных с социальной жизнью чёрного человека (это видно из его переписки, публичных выступлений и газетных публикаций), то Иван Тургенев, писатель и изгнанник, как и Гюго,

встал на защиту угнетённых своей страны. Он это делал в своих знаменитых рассказах «Записки охотника», в новеллах «Муму» и в «Постоялом дворе», а также в политическом тексте, запрещённом цензурой, – в «Записке о публикации журнала “Экономический указатель”», в которой отражается бескорыстная и плодотворная деятельность людей, близких Александру II, что должно было привести к уничтожению крепостного права.

Тургенев, будучи помещиком, интересовался судьбой крестьян своей страны и требовал отмены крепостного права. Виктор Гюго, придя к либерально-демократическим воззрениям, также защищал американских рабов и требовал уничтожения рабства негров. Один человек вряд ли может объять сразу весь мир, поэтому Виктор Гюго защищал чёрного человека, а Иван Тургенев – мужика. В подтверждение своей мысли процитируем отрывок, принадлежащий перу обожателя Тургенева – Альфонса Доде:

«Именно степи России разбредили чувства и сердце Тургенева. Становишься лучше, когда прислушиваешься к природе, и тот, кто её любит, не может не интересоваться человеком. Отсюда эта нежность, которая вызывает жалость, печальная, как песнь мужика, чьи рыдания слышны в книгах славянского романиста. Это человеческий вздох, о котором рассказывается в креольской песне, этот клапан, который мешает человечеству задохнуться: «Si pas té gagné, soupe n'en mouné, mouné t'a touffé».

И в этом многократном вздохе, который присутствует в «Записках охотника», как и в другом произведении – «Хижине дяди Тома», так мало декламации и воплей.

«Мало декламации и воплей»: мы отмечаем в этом суждении сдержанность тона Тургенева, который находится в контрасте с патетическим слогом Гюго. Что касается «Хижины дяди Тома», вышедшей в свет в 1852 г., как и «Записки охотника», то их авторы не могли оказать никакого влияния друг на друга.

Точка сближения – в другом: ведь отчаяние, как и любовь, не знает границ. Недавно в библиотеке И.С. Тургенева в Орле обнаружили книгу (я благодарен г-же Балыковой¹, которая сообщила мне об этом) Пьера Везинье «Жертва свободы негров, или Джон Браун, Христос чёрных», опубликованную в 1866 г.. В этой книге напечатано известное письмо Виктора Гюго «По ту сторону океана», в котором он выступает против казни Джона Брауна, американского священника, вставшего на защиту чёрных на юге Америки. Тургенев отмечает в книге Везинье те пассажи, в которых говорится об отмене рабства в мире. Автор упоминает и о России и с радостью говорит о реформе – отмене крепостного права 1861 г. как о примере развивающейся цивилизации. Тургенев отмечает следующий отрывок на странице 370: «Между рабом и свободным человеком пролегает целая вечность.

Нет перехода из одного состояния в другое. Либо владеешь, либо нет; либо это вещь, либо человек». За три года до закона об отмене крепостного права Тургенев писал г-же Виардо: «Когда мы увидимся, на мне уже не будет оков владельца человеческих душ (29 ноября 1858 г.)».

Везинье написал «Марсельезу чёрных», посвящённую Джону Брауну:

Мы знаем, что придет наш день,

Когда оковы рабства рухнут.

Тургенева можно сравнить с Джоном Брауном: один – освободил 10 миллионов мужиков, другой – отдал свою жизнь за чёрных. Таково, по крайней мере, мнение Эдмона Абу, который сказал в речи на смерть Тургенева: «Видные государственные деятели... удостаиваются памятников из железа, потом их сносят заключённые, побеждённые, захватчики, несчастные, закованные в цепи.

Кусочек разбитой цепи на белой мраморной плите всего лучше шёл бы к Вашей славе и удовлетворил бы, я уверен в том, Ваше скромное самолюбие».

Три дня спустя после этой речи Полина Виардо написала Эдмону Абу о том, что ей было всего дороже в его речи: «Я собираюсь предпринять всё возможное для того, чтобы ваша идея, поэтическая и трогательная одновременно, о “куске разорванной цепи” была положена в основу памятника, который собираются воздвигнуть в Санкт-Петербурге на народные пожертвования. Это была бы самая большая честь, которую смогли оказать этой благородной памяти» (неизданное письмо Эдмону Абу, 4 октября 1883 г.).

Возвращаясь к книге Везинье, хочу отметить, что Тургенев интересовался событиями войны между Севером и Югом, позицией Церкви по отношению к рабству, а также расправами, учинёнными над чёрными. Внимание Тургенева привлекает продажа чёрных (с. 354 книги Везинье). Выкуп, который должны были платить бывшие рабы бывшим хозяевам, стал актуальным вопросом в 1866 г. в России в пореформенный период.

Интерес к этой проблеме, огромное сострадание, которое Тургенев испытывал к слабому, угнетённому и покорному мужику, близкому ему, как, впрочем, и к униженному негру, о котором он знал только по книгам, – всё это выявляет в нём натуру чувствительную и деликатную, воспитанную в духе идей Просвещения. Тургенев никогда не выражал своего недовольства, как это делал Виктор Гюго, великий оратор. Даже в таком прекрасном тексте, как «К Соединенным Штатам Америки», где Гюго пытается спасти от смертной казни пастора Джона Брауна, преобладают пассажи, посвящённые храбрым и жертвенным поступкам на благо цивилизации, но не упоминается ни одного случая из жизни чёрных, которых защищает писатель. Возникают сомнения, а знает ли он их, видел ли он, как они живут и

страдают. Но Гюго догадывается – и в этом его гениальность – об одной из основных черт порабощённого чёрного народа. Среди призывов к восстанию, сравнений с Христом, трескучих заявлений, сделанных по поводу оскорбления демократии, республики, свободы, права, встречаешь это лаконичное утверждение, которое показывает отчаяние целого народа: «Джон Браун призвал этих людей, этих братьев к освобождению. Рабы, забитые кабалой, не ответили на призыв. Рабство порождает глухоту души».

«Глухота души»: я представляю, как Гюго на скале Гернси читает новеллу Тургенева «Муму», изданную в «Ревю де монд» в 1856 г. Уточним: речь идёт о крестьянской России, её символом стал глухонемой богатырь, воспринимающий невозмутимо свою судьбу. Рабство в России бьёт не просто по человеку, но по самому личному, самому дорогому, что у него есть. Глухонемой Герасим вынужден утопить единственное дорогое ему существо, маленькую собачку. Её лай беспокоил помещицу, собственностью которой они с собачкой были.

Трудно вообразить, что желание восстать не возникает у людей, находящихся в постоянной зависимости: русский народ известен своей вековой покорностью, сонливостью сознания. Любое восстание воспринимается бессмысленным, и постоянная несправедливость – в порядке вещей. Ситуация могла бы измениться только под давлением извне, например, в результате выступления какого бы то ни было писателя или политического деятеля.

В одной из новелл под названием «Постоялый двор» (1855) Тургенев изображает крестьянина, разорённого помещицей. Он был лишён всей своей собственности, в частности, постоянного двора, и оказался на улице. В отличие от глухонемого Герасима Аким испытывает в какое-то мгновение желание отомстить и задумывает сжечь постоялый двор, которого он лишился. Но его схватили, заперли.

«Как терзался он в течение этих ужасных часов? Подобные страдания всегда молчаливы, никакими словами их не передашь».

Тургенев пишет о чувстве ещё глубоко подсознательном. Горничная помещицы прекрасно понимает извращённость рабства, омертвляющего и калечащего человеческое сердце:

«Вы знаете, что такое господская воля, нам не под силу её побороть». Возвращаясь к мысли о том, что есть писатели, которые способны вмешиваться в дела своей страны, а также в международные события, я могу привести в пример Виктора Гюго, единственного в своём роде писателя.

В 1858 г. Тургенев, будучи в Европе, составляет «Записку о публикации журнала “Экономический указатель”», которая по цензурным соображениям будет опубликована только после его смерти, в октябре 1883 г. Там он предлагает сотрудничество с царём против значительной части дворянства, которая склонна поддерживать рабство. И как литератор, и как чиновник,

состоящий на службе у правительства, он принимается за дело, которое должно содействовать счастью русского общества (мечта наших филантропов XVIII в.). Наш реформатор считает, что русская наука (он имел в виду экономистов) и русская литература могут способствовать прогрессу на благо общего процветания. Еженедельный журнал, о создании которого он сообщает, должен стать правительственным органом.

Вот что он пишет Полине Виардо:

«Я нашёл время написать довольно большую записку (это между нами) о необходимости основания в России специального еженедельного журнала, предназначенного исключительно для обсуждения вопросов, связанных с освобождением крестьян. Подавляющее большинство дворян боится намерений правительства и готовится оказать ему противодействие; единственное средство их успокоить – прибегнуть, разъяснив все трудности положения, к самой широкой гласности; но это средство противоречит всем застарелым традициям нашей бюрократии, и я сильно сомневаюсь, что моя записка, хотя она и будет прочитана в верхах, сможет что-либо изменить. В конце концов, надо пытаться, а там – будь что будет»².

Впечатляет слово «гласность», которое звучит совсем по-современному. Русское слово «гласность», употреблённое Тургеневым, вот уже 15 лет как переводится на французский язык словом «прозрачность». Тургенев является предвозвестником этого понятия.

Тургенев напоминает в своих заметках о том, что ночь царила в прошлом России, но ещё возможно выйти из потёмков к свету: ведь царь возглавит народ. Это противопоставление тьмы и света, чёрного и белого обаяет меня прочесть вам одно письмо о чёрном человеке, опубликованное в «Опиньон насиональ» 14 января 1865 г.

В одной из восточных сказок ангел, пребывающий в вечности, где нет тьмы, встречает человека и спрашивает его:

– Ты кто?

– Я тот, – отвечает человек, – который пребывает во времени, мою жизнь тащат две лошади, белая и чёрная, которых зовут День и Ночь.

– Тьма и свет не могут долго идти вместе, – отвечает ангел, – вот почему, человек, ты идёшь к смерти.

То, что ангел сказал человеку, можно сказать о республике в Америке.

Её тоже тащат белая и чёрная лошади, свет и тьма, где свет олицетворяет свободу, а ночь – рабство. Куда она движется?

Пора ответить на этот вопрос. Для процветания американской республики уничтожение рабства – это вопрос жизни и смерти. Такова одна из чудовищных случайностей, провозглашающая, что всё возможно. Если отвратительный институт рабства становится частью республики, то в одно прекрасное

время выяснится, что – либо рабство убьёт республику, либо республика рабство. В самом деле, представьте себе: братство, покупающее и продающее людей, равенство, интересующееся цветом кожи, а не душой, свободу, имеющую рабов! Рано или поздно разум, невидимая сила, заключённый в основе всех вещей, восстанет и отомстит. Каким образом это произойдёт? В результате гибели народов, мыслящих нелогично. И тогда жизнь, прекрасная жизнь в Соединённых штатах Америки в будущем предложит миру создать Соединённые Штаты Европы. Необходимо только одно, нужно, чтобы рабство исчезло из законодательства. Выше я сказал, что любая нация, государственные установления которой тянут День и Ночь, движется к пропасти. Народы выживут лишь в том случае, если опровергнут такой принцип существования. Ошибиться в представлении о том, что справедливо, всё равно что выпить цыкуту. Народ, который идёт всегда вперёд, олицетворяя прогресс, переходя от одной идеи к другой, такой народ никогда не закончит это движение и никогда не погибнет. В будущем он сольётся со всем родом человеческим.

За нации, логику, за вечность.

Гюго, используя и даже злоупотребляя противопоставлением дня и ночи в иносказательном смысле, в действительности не очень чётко прорабатывает этот вопрос. Человечество в своём большинстве не созрело до того, чтобы ассимилировать нации второго сорта. Именно этим отличается тургеневская концепция противопоставления белого и чёрного, хорошего и плохого. Примером может служить одно из его стихотворений в прозе 1878 г. «Два четверостишия»:

Поэт Юний оробел, когда в него полетели камни из-за последнего стиха четверостишия:

Придёт желанный миг... и свет рассеет тьму!

В это время поэт Юлий получает аплодисменты за последний стих стихотворения:

Желанный миг придёт – и день прогонит ночь!

Да разве это не всё едино... – начал было Юний...

– Прибавь ещё слово, – перебил его гражданин, – я крикну народу... и он тебя растерзает!

...слышавший его разговор с гражданином седовласый старец пошёл к бедному поэту и, положив ему руку на плечо, промолвил:

– Юний! Ты сказал своё – да не вовремя; а тот не своё сказал – да вовремя. Следовательно, он прав – а тебе остаются утешения собственной твоей совести.

Мир Гюго принадлежит только ему одному. Предсказывая, что мир станет лучше, просвещённое, он зачастую остаётся непонятым, как это было во времена Вольтера или Золя, выступавших против несправедливости.

И всё же... Гюго не молился в пустыне. Его переписка с Виктором Золшером до и после декрета об уничтожении рабства в колониях (1848), с американской аболиционисткой Марией Вестон Шапман в 1851 г., наконец, с Эмилианом Эртелу, главным редактором газеты Порт-о-Пренса «Прогресс», свидетельствуют об этом.

Эти тексты не столь многочисленны, но существенны. Прочитаем их, а потом перечитаем, так как свободолюбивые идеи поэта здесь звучат наба- том. Сначала для примера процитируем ответ Гюго на письмо Марии Шап- ман от 27 апреля 1851 г.:

«Рабство в США! Что может быть чудовищнее? Варварство, укоренённое в обществе, одновременно выступающем за цивилизацию; свобода, закованная в цепи, хула, исходящая из алтаря, железный ошейник чёрного человека, прикованного к пьедесталу статуи Вашингтона! Это неслыханно! Я скажу больше: это невозможно!»

Потом это воззвание «К Соединенным штатам Европы» (1859):

«В южных штатах есть рабы. Это возмущает логику и чистоту сознания людей штатов Севера. Этих рабов, этих негров белый человек, свободный человек, Джон Браун решил освободить. Джон Браун начал великое дело по освобождению негров в Вирджинии. Пуританин, священнослужитель, суровый, исполненный Евангелия, “Christos nos liberavit” (“Христос нас освободит” – лат.), он призвал этих людей к свободе».

И вот, наконец, несколько отрывков из письма, посланного Гюго с Гаити 8 января 1861 г. (знаменательная дата: мы накануне войны Севера с Югом и за месяц до уничтожения... рабства в России):

«Ничто не может передать мою радость, которую я испытал, прочитав послание вашей горячей любви к народу Гаити. Позвольте мне поблагодарить Вас от его имени, от имени чёрной расы людей, которая, находясь теперь под защитой вашего мощного гения, не может не выйти победительницей против вековых предрассудков, позорных с момента зарождения человеческой цивилизации...

Когда с вашей кафедры в Гернси вы говорите нам: рабство исчезнет, человечество объединится и победит, вы вызываете в африканцах радостный трепет и невероятное, невыразимое счастье.

Мы все, сыны Африки, населяющие эти обширные земли в Америке, мы будем ждать первых знаков падения рабства, чтобы огласить небеса таким радостным криком, какой ещё никогда не поднимался с лика земли. Ваши доброжелательные слова показались нам предвестниками события, которого мы ждём с таким нетерпением. Пусть Бог вас хранит и продлит ваши дни во имя успеха демократических и гуманистических идей, вдохновленным и ревностным апостолом коих вы являетесь!»

Спустя несколько недель в «Русском вестнике» появился роман Тургенева «Накануне» (что означает «накануне реформ»). Русский писатель объясняет в повествовательной форме романа, что реформа общества должна начаться с перестройки человека.

Метод Тургенева значительно отличается от метода Виктора Гюго: он больше внушает, чем доказывает. Сцены несправедливого отношения к мужикам в «Записках охотника» вызывают тотчас же у читателя реакцию против всего того, что противоречит праву и морали. Я приведу только один пример из рассказа «Бурмистр», в котором два крестьянина приходят жаловаться помещику на угнетение, которое они терпят от старосты:

«— Что вам надобно? <...>

— Батюшка, разорил вконец. Двух сыновей, батюшка, без очереди в рекруты отдал, а теперя и третьего отнимает. Вчера, батюшка, последнюю коровушку со двора свёл и хозяйку мою избил — вон его милость. (Он указал на старосту). <...>

— Невзлюбил меня Софрон Яковлич, за что невзлюбил — Господь ему судья!

Разоряет вконец, батюшка... Последнего сыночка... и того... (На жёлтых и сморщенных глазах старика сверкнула слезинка). Помилуй, государь, заступись...

— Да и не нас одних, — начал было молодой мужик...

Аркадий Павлыч вдруг вспыхнул:

— А тебя кто спрашивает, а? Тебя не спрашивают, так ты молчи... Это что такое? молчать!.. Ах, боже мой! да это просто бунт. Нет, брат, у меня бунтовать не советую... у меня...»

Тематические рамки коллоквиума не позволяют нам исследовать и далее борьбу двух писателей против других зол человечества, в защиту прав человека, прав народов, права на жизнь.

И, тем не менее, я хотел бы отметить ещё, как минимум, две проблемы: смертная казнь и война. Известно, что Виктор Гюго не раз высказывался против использования гильотины. В меньшей степени известно, что Тургенев присутствовал в 1870 г. при подготовке к смертной казни в тюрьме Рокетт, не так далеко отсюда, где мы сегодня находимся. Тургенев написал рассказ об этой печальной церемонии в форме эссе под названием «Казнь Тропмана», где он осуждает публичность смертной казни.

Но в чём Виктор Гюго и Тургенев были единомышленниками, так это в восприятии ужасов войны, в частности, русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Воззвание Гюго «К Сербии» (29 августа 1876) сходно с антимилитаристской и сатирической поэмой Тургенева «Крокет в Виндзоре», опубликованной в «XIX съекль» пять дней спустя.

Вот что пишет Виктор Гюго:

«Вероятно, мы удивим европейские правительства, давая им понять, что преступление – это преступление, что ни правительству, ни просто человеку не позволено больше быть убийцей; солидарность Европы заключается в том, что всё, что происходит в Европе, делается для Европы, и если ещё существуют правительства с дикими замашками, то и с ними надо обращаться согласно их диким законам; именно сейчас, совсем рядом с нами, на наших глазах, убивают, сжигают, грабят, истребляют, перерезают глотки отцам и матерям, продают маленьких девочек и мальчиков; дети такие маленькие могут быть проданы, могут быть разрублены надвое; сжигают семьи в домах; Балак, например, превратился за несколько часов из города с 9-тысячным населением в город с 13 сотнями человек; кладбища переполнены и негде хоронить трупы, так что мёртвые насылают чуму на живых, которые их обрекли на резню, отлично сработано; мы хотим, чтобы правительства Европы узнали, что вскрывают животы беременным женщинам, чтобы убить детей в чреве; что в общественных местах находятся кучи женских скелетов со следами таких вскрытий; а собаки на улицах поедают черепа изнасилованных девушек, и что всё это ужасно, и что достаточно было бы одного движения со стороны европейских правительств, чтобы этому помешать, и что дикие народы, которые совершают эти преступления, – ужасны, а цивилизованные, которые позволяют совершать всё это, – отвратительны».

В «Крокет в Виндзоре» Тургенев пишет:

Сидит королева в Виндзорском бору...

Придворные дамы играют

В вошедшую в моду недавно игру;

Ту крокет игру называют.

Катают шары и в отмеченный круг

Их гонят так ловко и смело...

Глядит королева, смеётся ... и вдруг

Умолкла... лицо помертвело.

Ей чудится вместо точёных шаров,

Гонимых лопаткой проворной –

Катаются целые сотни голов,

Обрызганных кровию чёрной...

То головы женщин, девиц и детей...

На лицах – следы истязаний,

И зверских обид, и звериных когтей –

Весь ужас предсмертных страданий.

И вот королевина младшая дочь –

Прелестная дева катает

Одну из голов – и всё далее, прочь –
 И к царским ногам подгоняет.
 Головка ребёнка, в пушистых кудрях...
 И ротик лепечет укоры...
 И вскрикнула тут королева – и страх
 Безумный застлал её взоры.

И в замок идёт королева.

Вернулась домой – и в раздумье стоит...
 Склонились тяжёлые вежды...
 О, ужас! кровавой струёю залит
 Весь край королевской одежды!
 «Велю это смыть! Я хочу позабыть!
 На помощь, британские реки!»
 «Нет, ваше величество! Вам уж не смыть!
 Той крови невинной вовеки!»

Согласно традиционной точке зрения Тургенев не признавал литературные достоинства Гюго, он не любил ни его поэзию, ни прозу. Это требует уточнения. Политические тексты Гюго, опубликованные в «*Le Rappel*», безусловно, были оценены в России. Иначе, зачем Тургеневу понадобилось посещать Гюго в мае 1876 г.? Он надеялся предложить газете очерк о поэте Рылееве, одном из пяти декабристов, повешенных 50 лет назад.

А через два года, в 1878 г., Гюго и Тургенев бок о бок работали на Международном литературном конгрессе в Париже, что окончательно скрепило союз двух защитников чёрного человека и мужаика.

Примечания

Опубликовано в *Cahiers*. № 26. 2002. Р. 57 – 69.

1. Людмила Балыкова, главный хранитель музея Тургенева в Орле, обнаружила в библиотеке Спасского-Лутовинова заметки Тургенева, касающиеся книги П. Везинье, которую он не раз перечитывал.

От книги сохранилась суперобложка с рисунками, изображающими сцены рабства. В работе под названием «Тургенев и Гюго: шаг к сближению» г-жа Балыкова подчёркивает, что произведение Везинье о рабстве чёрных не случайно оказалось в библиотеке русского писателя, сторонника реформ, озабоченного судьбами мужиков после их освобождения от крепостного права.

2. Письмо Тургенева к Полине Виардо от 20 января / 1 февраля 1858 г. (Тургенев. Письма. Т. 3. 1987. С. 297).

Пер. Л. СЕРЁЖКИНОЙ

Луи Виардо

Мы отмечаем сегодня день памяти Луи Виардо. Он умер 5 мая 1883 г. в Париже в доме № 50 по улице Дуэ сто лет назад.

В наше время имя Луи Виардо было бы уже, скорее всего, забыто, если бы не его замечательный перевод «Дон Кихота», который продолжают регулярно переиздавать во Франции.

Луи Виардо родился в Дижоне 31 июля 1800 г. Его отец был генеральным прокурором апелляционного суда Дижона. В 1798 г. художник Прюдон выполнил его портрет и портрет его жены Мари-Анны Кретене, которая родила ему шестерых детей: четырёх девочек и двух мальчиков, Луи и Леона. Младший оставил по себе память как художник-портретист. В 1807 г. прокурор в возрасте сорока пяти лет скоропостижно скончался. Его вдове пришлось одной заниматься воспитанием детей. Луи учился в коллеже Дижона, затем в 1818 г. отправился изучать право в Париж. Он сохранил прекрасные воспоминания о тех временах, когда был бедным студентом в столице, где сумел открыть для себя читальные залы на двоих, где после лекций можно было перечитать всего Руссо, музеи и оперу, радости интеллектуального труда, который окончательно определил его жизненный путь. Оставаясь без обеда, молодой Луи шёл в Итальянский театр, чтобы послушать знаменитого испанского тенора Мануэля Гарсиа в партии Альмавивы или партии Дон Жуана. Виардо не мог даже и представить себе тогда, что когда-то станет директором именно этого театра и женится на дочери именно этого тенора.

Так случилось, что студент, который готовил себя к профессии адвоката, начал свою карьеру в совершенно иной области. В 1823 г. он был принят на должность интенданта в знаменитую экспедицию «100000 сыновей святого Людовика», которой руководил герцог Ангулемский. Её целью было восстановление на троне Испании короля Фердинанда VII, который был на три года отстранён от дел после восстания полковника Риго. Впечатления от этого путешествия в Испанию переданы в первой книге Луи Виардо «Письма испанца» («Lettres d'un Espagnol»), которая вышла в двух томах 1826 г.

Он пережил чувство глубокого разочарования, открывая Андалузию, лежащую в руинах, и невежественный народ, закабалённый феодальным строем. Адвокат по призванию, Виардо поспешил найти возможное решение. Он думал прежде всего о демократизации страны и полагал, что «Испании, отстающей в своём общественном развитии, следовало бы воспользоваться опытом других стран... ей необходимо раз и навсегда уничтожить гидру инквизиции и теократической власти; ей следовало бы сделать монахов миряна-

Луи Виардо 1883 г.

ми, а монастыри преобразовать в мастерские; ей нужно было бы упразднить майораты, привилегии и облегчить раздел земель; ей необходимо просвещать народ, чтобы смягчить его нравы и в то же время внушить права и обязанности; ей необходимо, наконец, дать возможность избранным представителям участвовать в работе органов высшей власти, в издании законов и установлении пошлин. И тогда все увидят, как эти новые институты точно спасительный бальзам залечат застарелые раны, губящие страну». Думая о необходимости прогресса в испанском обществе, Виардо хорошо понимал, что реформы, которые он проповедует, должны осуществляться с учётом традиций страны.

С того времени Виардо погрузился в изучение истории Испании и опубликовал в различных парижских периодических изданиях ряд исчерпывающих статей, которые в 1835 г. он собрал в книге, получившей название «Исследования по истории учреждений, литературы, театра и изящных искусств в Испании». Следует заметить, что эту книгу открывает исследование по истории национальных ассамблей в Испании, своё видение которых он дал в «Письмах испанца»; это исследование было опубликовано в апреле 1834 г. в издании «Республиканское обозрение». В «Исследованиях об Испании» можно найти и несколько страничек, посвящённых баскским провинциям, в дальнейшем Виардо разовьёт своё суждение в обширной статье, опубликованной в «Независимом обозрении» в декабре 1841 г.

Виардо в те времена, когда был молод и не женат, участвовал и в революционной деятельности. В июле 1830 г. он занял префектуру полиции вместе с Ашилем Рошем, одним из своих коллег по изданию «Глобуса». Тот день, когда он был «префектом полиции» описан в деталях в его рассказе «Воспоминания о 1830 годе» («Souvenirs de 1830»). Во время той же Июльской революции Виардо был тесно связан с испанскими эмигрантами, которые выступали против тиранического режима Фердинанда VII. В сентябре он стал членом и секретарём революционного комитета в защиту Испании. Позднее, в 1842 г., в трёх статьях, которые он опубликовал в «Независимом обозрении», Виардо высказался в поддержку свободной Испа-

нии и осудил правительство Луи-Филиппа, которое относилось к ней враждебно. Приблизительно в это время он поддерживал дружеские отношения с либеральными политическими деятелями Мендисабалем и Олозага.

В 1848-м и 1871 г. Виардо не был во Франции. Что касается Парижской коммуны, то Виардо выразил своё негодование по поводу массовых убийств. Он считал, что за одним злом последовало другое, что город оказался во власти толпы и что всё было дозволено. Он переживал горестное чувство, вспоминая о бунте чернокожих невольников во французской колонии Сан-Доминго, которые убивали белых, и думая об опасности подобного бунта русских крепостных против их господ накануне реформы 1861 г.¹ Толерантный Виардо хотел бы жить при подлинно демократическом режиме, при котором уважались бы личные свободы. Он был противником кровопролития. Скептически относившийся к любым формам правления, Виардо был в политике, как и в религии, нигилистом.

В 1830-е гг., то есть до женитьбы, Виардо серьёзно увлекся изучением испанской истории и литературы. В 1830 г. он перевёл «Историю де ла Монья Альферес» («Histoire de la Monja Alférez») доньи Каталины де Эраузо, а в 1835–1838 гг. – пять томов графа де Торено «Историю восстания, войны и революции в Испании 1808–1814 гг.» («Histoire du soulèvement, de la guerre et de la révolution d'Espagne de 1808-1814»). В 1833 г. он издал новую книгу «Эссе по истории арабов и мавров в Испании» («Essai sur l'histoire des Arabes et des Mores d'Espagne»), дополненный вариант которой он напишет в 1851 г. За эту книгу Виардо был удостоен звания почётного члена Испанской академии; по словам Мартинеса де ла Роза, его постоянного секретаря, он нашёл ключ к истории Испании. Виардо был также членом Королевской академии истории Мадрида и командором ордена Карла III.

Виардо высоко оценивал роль писателя в обществе и выразил это в письме к другу Ивану Тургеневу в связи со своей книгой об арабах, запрещённой в России: «Я был и остаюсь писакой несмотря на жестокие преследования, которым ещё долго, наверное, будет подвергаться вся литература от толстых книг до сиюминутных газетных листков... Что касается “Арабов”, то я весьма удручён тем, что эти несчастные изгнанники юга Европы стали ещё и изгнанниками севера. Где же могут найти убежище истина и справедливость?»².

В 1836–1837 гг. Виардо опубликовал свой перевод «Дон Кихота». Он вышел в двух томах у Дюбоше с примечаниями и статьёй. Издание украсили иллюстрации Тони Жоанно. Этот перевод, гораздо более точный, нежели предыдущие, выдержал множество переизданий. Немецкий перевод «Дон Кихота» вышел в Штутгарте в 1837 г. с тем же предисловием, написанным Виардо, и теми же иллюстрациями Тони Жоанно. Ему было предпослано

критическое введение, написанное Генрихом Гейне. Спустя год после первого издания французского перевода вышли английский и итальянский переводы. Предисловие и примечания Виардо были использованы переводчиками. Предисловие известно и в Америке, где его цитирует Жорж Тикнор в своей книге «История испанской литературы» и равно в России, где он так понравился, что в 1838 г. его использовал Массальский, когда писал биографию Сервантеса, предварив ею перевод с испанского языка «Хитроумного идадьго».

В 1838 г. Виардо опубликовал свой перевод «Избранных новелл» Сервантеса, который также переиздаётся в наши дни. В том же 1838 г. Виардо стал директором Итальянского театра в Париже. В этом театре дебютировала Полина Гарсиа, дочь того испанского тенора, которому Виардо аплодировал в годы своего студенчества. Полина Виардо была младшей сестрой несравненной Малибран, которая ушла из жизни за два года до упоминаемых событий. Что касается Полины, то она не блистала красотой, но отличалась артистическим талантом и в особенности голосом, тесситура которого была необычайно широкой, так как она могла соединять самое мощное контральто с самым блестящим сопрано. Луи Виардо влюбился в Полину Гарсиа и собирался просить её руки. Содействие ему оказала Жорж Санд, которая считала подобный союз ума и музыкального гения счастливым, или, если воспользоваться формулировкой одного из её биографов, «союзом, символизирующим двойное устремление к искусству и гуманности».

Злые языки осуждали разницу в возрасте между супругами (21 год). Альфред де Мюссе, в частности, сделал целую серию карикатур на свадьбу Полины и Луи, которая состоялась 18 апреля 1840 г. Несколько этих рисунков можно увидеть в одной из витрин музея в Буживале.

Супружескую жизнь Луи Виардо могло бы, пожалуй, омрачать присутствие человека, родившегося под северным небом и влюблённого в звезду сцены. Я имею в виду русского писателя Ивана Тургенева, который в течение сорока лет следовал за семейством Виардо. Он жил у них в замке в Куртавнеле, неподалёку от Розе-ан-Бри, прежде чем устроиться рядом с ними в Баден-Бадене, куда Луи Виардо со своей семьёй переехал в 1863 г., бежав от политического режима Наполеона III. Тургенев последовал за ними в Лондон во время войны 1870 г., позднее он будет занимать этаж в особняке Виардо на улице Дуэ и купит для Полины прекрасное имение в Буживале, где построит для себя небольшой домик. 3 сентября 1983 г. Ассоциация друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран открыла мемориальный музей в том шале, где умер Тургенев, а в особняке, построенном в стиле Директории, принадлежавшем некогда семейству Виардо, создала междуна-

родный центр по изучению культур и литератур XIX в., в котором отдаётся предпочтение Испании, истории музыки и истории искусства. Этот центр уже получил научную поддержку парижского университета Сорбонна.

Тургенев, преданный рыцарь Полины Виардо, был другом её мужа. У мужчин была общая страсть – охота, и оба писали о ней. «Записки охотника» – защита в них русского крестьянина содействовала отмене крепостного права в России – вышли шесть лет спустя после книги Луи Виардо «Охотничьи воспоминания» («Souvenirs de chasse»), изданной в 1846 г.

Тургенев и Луи Виардо сотрудничали в области перевода русских авторов. Известны переводы из Пушкина, Гоголя, Тургенева, подписанные Виардо. Но Виардо не знал русского языка; его работа заключалась лишь в том, что он просматривал и редактировал переводы на французский язык. Их передавал ему Тургенев, который был слишком скромнен для того, чтобы подписывать их своим именем.

После женитьбы Луи Виардо подал в отставку с поста директора Итальянского театра, чтобы стать просто импресарио своей жены, которую он будет сопровождать в её многочисленных турне по Европе. И сам воспользуется своим пребыванием в городах – центрах искусства для того, чтобы посещать музеи. Он издал серию путеводителей по европейским музеям, которые пользовались большим спросом в своё время и хорошо, видимо, продавались, поскольку выдержали три издания. Между прочим, Виардо был первым, кто опубликовал во Франции путеводитель по музеям Испании.

Вслед за увлечением Испанией пришло увлечение искусством. Эта двойная страсть Виардо нашла отражение в предисловии к сборнику материалов, который он назвал «Испания и изящные искусства» («Espagne et Beaux-Arts») и который издал в 1866 г. В нём нашла отражение его любовь к Испании, «историю и произведения искусства которой, созданные пером или кистью, он преимущественно изучал». Изящные искусства «были предметом его постоянного интереса и – помимо сердечных радостей – самым большим увлечением» его жизни. Но, уточнит он, «ещё больше, чем живопись, я обожал музыку».

Этот коллекционер произведений великих мастеров владел картинами итальянских, испанских, фламандских, голландских художников, пейзажами барбизонской школы. Известно, что он продал музею Лувр «Разделанную бычью тушу» Рембрандта, копию которой к нему приходил писать Делакруа. У него были картина Веласкеса и картина Гойи. Ценою многочисленных жертв он приобрёл рукопись-автограф «Дон Жуана» Моцарта, перед которой Россини, как говорили, преклонил колени. При распределении должностей, которые он в шутку раздавал в воображаемом королевстве

музыки, Моцарт был королём, Бетховен – генералиссимусом, Гендель – министром вероисповеданий, Бах – министром юстиции, Глюк – министром иностранных дел, Вебер – гроссмейстером вод и лесов, Гайдн – генеральным интендантом придворных праздников. Единственная роль, выпавшая на долю итальянца, Россини – ювелир короны. Можно без труда заметить, что Виардо отдавал предпочтение немецкой музыке, а не итальянской. Он ставил Моцарта выше всех других композиторов, Моцарта, в котором свершилось истинное примирение, с которым уже не нужны немецкая поэзия или итальянская скульптура, поскольку он – высшая, неземная музыка, озеро божественной чистоты, в которое впадают две реки – немецкая и итальянская – для того, чтобы соединить в нём свои воды³.

Виардо искал единое начало в искусствах, единое начало в живописи и музыке. В самом деле, он думал прежде всего о том, как с помощью разных видов искусства объединить людей. Он считал, что артисты – почти что благодетели человечества. «Если вдруг когда-то сделают новый календарь, состоящий из новых святых, если дни года поставят под покровительство великих писателей, великих учёных, великих художников, то выберут их из всех наций мира. Дружески смешают моих немцев с вашими итальянцами, с французами, с англичанами и испанцами, с американцами, индусами и китайцами».

Некоторое время спустя после книги «Беседы об искусстве» («Causeries sur les arts») Виардо написал философский трактат, который стал его последней книгой, поначалу называвшейся «Апология неверующего» и окончательно названной «Свободный экзамен». С 1867 по 1881 г. она выдержала шесть изданий. Это копилка цитат разных философов от античности до новых времён.

В конце жизни Виардо переосмыслил идеи своей молодости, когда он мечтал, что социальный прогресс в Испании будет идти через политику. Дожив до преклонных лет, он пришёл к выводу, что прогресс немислим без морали, он мечтал о гармоничном союзе науки и совести, претворение которого в жизнь принесёт человечеству счастье.

Примечания

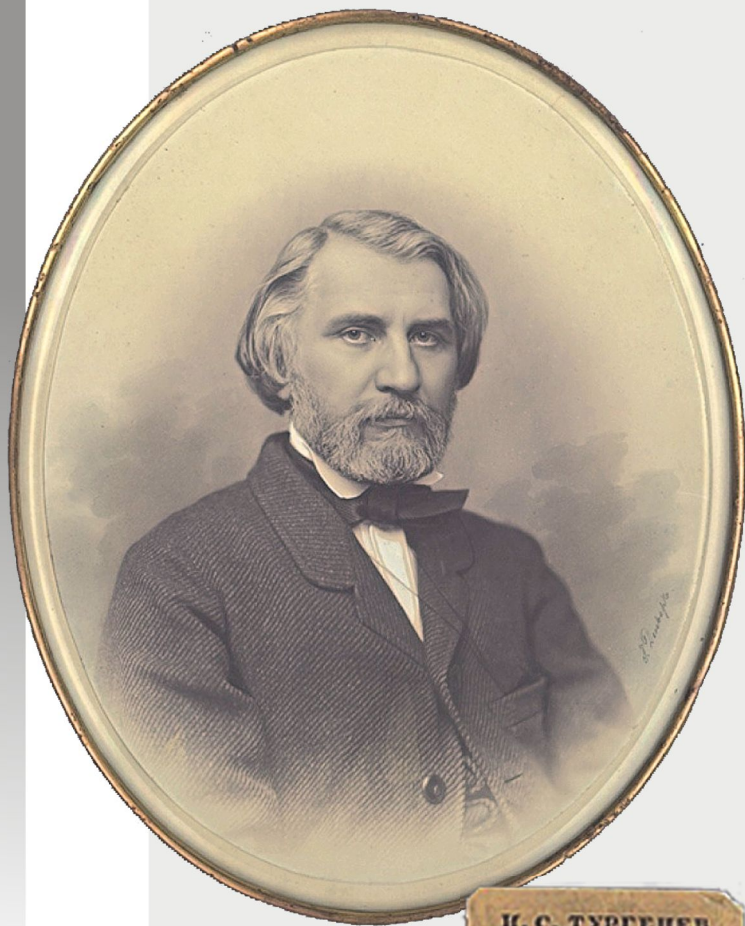
1. Письмо Луи Виардо Ивану Тургеневу от 29 марта 1871 г. NCI. Т. II. Р. 117–118.
2. Письмо Луи Виардо Ивану Тургеневу от 11 января 1852 г. в кн.: NCI. Т. II. Р. 110–111.
3. L. Viardot. Causeries sur les arts // Espagne et Beaux-arts. Р. 380–425.

СПІВІЗІТ «ЛІТІ»

РУССКИЕ ПОЭТЫ- ТУРГЕНЕВУ

Портрет И. С. Тургенева

Семён Яковлевч НАДСОН**Над могилой И.С. Тургенева**

Тревожные слухи давно долетали;
Беда не подкралась к отчизне тайком, –
Беда шла открыто, мы все её ждали,
Но всех взволновал разразившийся гром:
И так уж немного вождей остаётся,
И так уж безлюдье нас тяжко гнетёт,
Чьё ж сердце на русскую скорбь отзовётся,
Чья мысль ей укажет желанный исход?..

Больной и далёкий, в последние годы
Немного ты дал нам, учитель и друг:
Понять наши стоны и наши невзгоды
Тебе помешал беспощадный недуг.
Но жил ты – и верилось в русскую силу,
И верилось в русской души красоту, –
Сошёл, побеждённый страданием, в могилу –
И нет тебе смены на славном посту.

Не здесь, не в мерцанье свечей погребальных,
Не в пёстрой толпе, не при громе речей,
Не в звуках молитв заунывно-печальных
Поймём мы всю горечь утраты своей, –
Поймём её дома, поймём над строками
Высоких и светлых творений твоих,
Заслышав, как сердце трепещет слезами –
Слезами восторга и чувств молодых!..

И долго при лампе вечерней порою,
За дружным и тесным семейным столом,
В студенческой келье, в саду над рекою,
На школьной скамейке и всюду кругом –
Знакомые будут мелькать нам страницы,
Звучать отголоски знакомых речей
И, словно живые, вставать вереницы
Тобою воссозданных русских людей!..
Сентябрь 1883

Афанасий Афанасиевич ФЕТ-ШЕНШИН

Ответ Тургеневу

Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью
Мы любим родину с тобой?
Зачем в разлуке с ней, наперекор злословью,
Готово сердце в нас истечь до капли кровью
По красоте ее родной?

Что ж! пусть весна у нас позднее и короче,
Но вот дождались наконец:
Синей, мечтательней божественные очи,
И раздражительней немеркнувшие ночи,
И зеленей её венец.

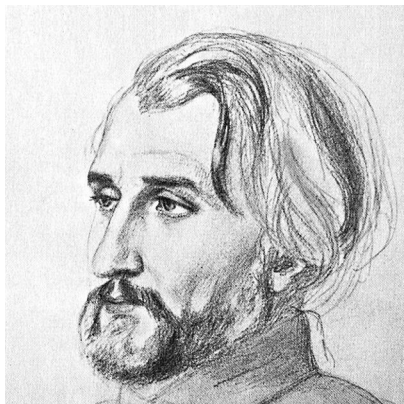
Вчера я шёл в ночи и помню очертанье
Багряно-золотистых туч.
Не мог я разгадать: то яркое сиянье –
Вечерней ли зари последнее прощанье
Иль утра пламенного луч?

Как будто среди дня, замолкнувши мгновенно,
Столица севера спала,
Под обаяньем сна горда и неизменна,
И над громадой ночь, бледна и вдохновенна,
Как ясновидящая шла.

Не верилось мне, а взоры различали,
Скользя по ясной синеве,
Чьи корабли вдали на рейде отдыхали, –
А воды, не струясь, под ними отражали
Все флаги пёстрые в Неве.

Заныла грудь моя – но в думах окрылённых
С тобой мы встретились, друг!
О, верь, что никогда в объятьях раскалённых
Не мог таких ночей, вполне разоблачённых,
Лелеять сладострастный юг!

1856

Портрет
И.С. Тургенева

Тургеневу

Прошла зима, затихла вьюга, —
 Давно тебе, любовник юга,
 Готовим тучного тельца;
 В снегу, в колючих искрах пыли
 В тебе мы друга не забыли
 И жаждались обнять певца.
 Ты наш. Напрасно утром рано
 Ты будишь стражей Ватикана,
 Вот за решётку ты шагнул,
 Вот улыгнулися антики,
 И долго слышат мозаики
 Твоих шагов бегущий гул.
 Ты наш. Чужда и молчалива
 Перед тобой стоит олива
 Иль зонтик пинны молодой;
 Но вечно радужные грёзы
 Тебя несут под тень берёзы,
 К ручьям земли твоей родной.
 Там всё тебя встречает другом:
 Черней бразда бежит за плугом,
 Там бархат степи зеленой,
 И, верно, чуя, что просторней, —
 Смелей, и слаще, и задорней
 Весенний свищет соловей.

Ты прав: мы старимся. Зима недалеко,
 Нам кто-то праздновать мешает,
 И кудри тёмные незримая рука
 И серебрит и обрывает.

В пути приутомясь, покорней мы других
 В лицо нам веющим невзгодам;
 И не под силу нам безумцев молодых
 Задорным править хороводом.

Так что ж! ужели нам, покуда мы живём,
 Вдыхать, оборотясь к закату,
 Как некогда, томясь любви живым огнём,
 Любви певали мы утрату?

Нет, мы не отжили! Мы властны день любой
 Чертою белою отметить,
 И музы сирые ещё на зов ночной
 Нам поторопятся ответить.

К чему пытаться судьбу? Быть может, коротка
 В руках у парки нитка наша!
 Ещё разымчива, душиста и сладка
 Нам Гебы пенистая чаша.

Зажжёт, как прежде, нам во глубине сердец
 Её огонь благие чувства, —
 Так пей же из неё, любимый наш певец:
 В ней есть искусство для искусства.
 1860

Тургеневу

Из мачт и паруса – как честно он служил
 Искусному пловцу под вёдром и грозюю! –
 Ты хижину себе воздушную сложил
 Под очарованной скалою.

Тебя пригрел чужой денницы яркий луч,
 И в откликах твоих мы слышим примиренье;
 Где телом страждущий пьёт животворный ключ,
 Душе сыскал ты возрожденье.

Поэт! и я обрёл, чего давно алкал,
 Скрываясь от толпы бесчинной,
 Среди родных полей и тень я отыскал
 И уголок земли пустынной.

Привольно, широко, куда ни кинешь взор.
 Здесь насажу я сад, здесь, здесь поставлю хату!
 И, плектрон отложу, я взялся за топор
 И за блестящую лопату.

Свершилось! Дом укрыл меня от непогод,
 Луна и солнце в окна блещет,
 И, зеленью шумя, деревьев хоровод
 Ликует жизнью и трепещет.

Ни резкий крик глупцов, ни подлый их разгул
 Сюда не досягнут. Я слышу лишь из саду
 Лихого табуна сближающийся гул
 Да крик козы, бегущей к стаду.

Здесь песни нежных муз душе моей слышней,
 Их жадно слушает пустыня,
 И верь! – хоть изредка из сумрака аллея
 Ко мне придёт моя богиня.

Вот здесь, не ведая ни бурь, ни грозных туч
 Душой, привычною к утратам,
 Желал бы умереть, как утром лунный луч,
 Или как солнечный – с закатом.

И.С. Тургенев. Фотография Тиссье. 1871 г.

Хотя по-прежнему зеваю,
Степной Тантал, –
Увы, я больше не витаю,
Где я витал!
У одичалой, непослушной
Мечты моей
Нет этой поступи воздушной
Царицы фей.
В лугах поэзии зарями
Из тайны слёз
Не спеют росы жемчугами,
А бьёт мороз.
И замирает вдохновенье
В могильной мгле,
Как корнеплодное растение
В сухой земле.
О, приезжай же светлым утром,
Когда наш сад
С востока убран перламутром,
Как грот наяд.
В тени убогого балкона,
Без звонких лир,
Во славу нимф и Аполлона
Устроим пир.
Тебе побегов тополь чинный
Даст для венца,
Когда остудим пеной винной
Мы тук тельца.
Найду начальный стих пэана
Я в честь твою;
Не хватит сил допить стакана –
Хоть разолью!

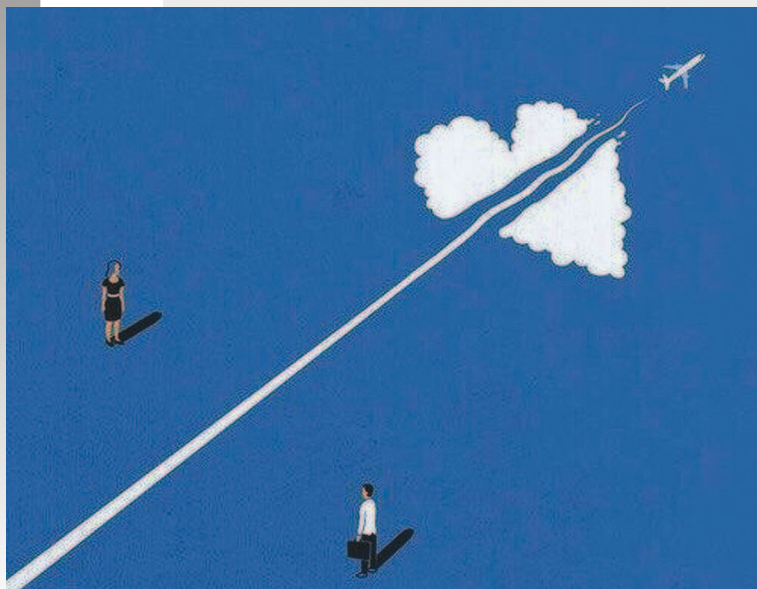

СПБГЭТУ «ЛЭТИ»

СТИХИ о СТУДЕНЧЕСТВЕ

Работа Юлии КОЛТЫШЕВОЙ

Алексей Николаевич АПУХТИН (1840 – 1893)

Когда будете, дети, студентами,
 Не ломайте голов над моментами,
 Над Гамлетами, Лирами, Кентами,
 Над царями и над президентами,
 Над морями и над континентами,
 Не якшайтесь там с оппонентами,
 Поступайте хитро с конкурентами.
 А как кончите курс с эминентами
 И на службу пойдёте с патентами –
 Не глядите на службе доцентами
 И не брезгайте, дети, презентами!
 Окружайте себя контрагентами,
 Говорите всегда комплиментами,
 У начальников будьте клиентами,
 Утешайте их жён инструментами,
 Угощайте старух пеперментами –
 Воздадут вам за это с процентами:
 Обошьют вам мундир позументами,
 Грудь украсят звездами и лентами!..
 А когда доктора с орнаментами
 Назовут вас, увы, пациентами
 И уморят вас медикаментами...
 Отпоет архирей вас с регентами,
 Хоронить понесут с ассистентами,
 Обеспечат детей ваших рентами
 (Чтоб им в опере быть абонентами)
 И прикроют ваш прах монументами.

Анемподист Анемподистович КАЙДАЛОВ (1890 – 1987)

Десятый этаж. Подоконник.
 Окно широко раскрыто.
 Студент танцует чечётку,
 И все одобряют его.

Он днём и ночью учился,
Без отдыха, стиснув зубы,
И вот результат ученья:
Экзамен блистательно сдан!

При ярком солнечном свете
Счастливцев пляшет чечётку,
Снизу глядят со страхом
Кто-то кричит: «Молодец!»

И мы не станем браниться,
Простим студенту чечётку,
Он похвалы достоин, –
Блестяще сдал сопромат!

Максим ШВЕЦ

1.

Гекзаметричен Университет.
Есть строгий ритм, есть стройный ряд делений.
Адмиралтейский удлинённый свет
Над зданием двенадцати коллегий.

Нева *необычайно* легка:
Скользит волны пленительная гладкость
Под телом ледяного челнока,
Переливаясь весело и ладно.

Причудливые заросли ветвей:
Обветренные, тёмные, кривые,
Ещё не утонувшие в листе,
Узорят грани неба голубые.

На всём лежит простая чистота,
Неяркая и блёклая, как пламя,
Каким сияет солнечный кристалл,
Дробясь и исчезая под ногами.

2.

Горит адмиралтейский шпиль,
А лоб Исаакия тускнеет,
Сияет солнечная пыль
На рёбрах выросших скамеек.

Весна в Румянцевском саду,
И солнце плавит снежный уголь.
Чуй-ветерок сквозной подул
И ускользнул, смеясь, за угол.

Иду, закутав горло в шарф,
И солнце ощущая кожей,
Моя осенняя душа
Давно на осень не похожа!

Географы читают нам стихи
И выбирают Короля поэтов.
Я не был там и пожалел об этом,
Жалеют так несозданной строки.

Географы (И кто бы мог подумать!) –
Романтики буссолей, нивелиров.
И вдруг они так весело и шумно
Приветствуют изысканную лиру.

Географы, прочтите мне о море,
Не труд, исследующий фауну его,
А что-нибудь солёное, как горе,
И дерзкое, как антивещество.

Географы, – о джунглях, о сахаре,
Об облаках в небесной тишине,
О том, чего не выразить словами,
А может быть, и вовсе в мире нет!

Вспомни коридоры геофака,
В здании за Смольнинским собором,

Все хитросплетенья лабиринтов,
Узкие пролёты тёмных лестниц.
Там медведь, обшарпанный и грубый
Скалил пасть костлявую клыками...
Чердаки там – с окнами на солнце,
Скаты крыш – под выгоревшим небом.
Тихий парк – на набережной светлой,
Весь открытый ветру и простору.
Снег и небо. Купола собора.
Снег и небо – два великих цвета,
Купола над ними золотые.

Невероятное событие на лекции по теории вероятностей

У нас над головой театр –
В старинном полутёмном зале.
А мы, склонившись к крышкам парт,
Усердно поглощаем знание.
Там, наверху, – иная жизнь:
Идёт спектакль. Оркестр играет.
Шатёр раздвинутых кулис.
Толпа с воздушными шарами.

«Дисперсия нулю равна.
Здесь в теореме корни те же...»

«Да, счастлив тот, кому дана
Преодоленья тьмы надежда!»

В волшебном зале, в духоте
Чадят и нагорают свечи,
Глядят писатели со стен
С улыбкой мудрой и беспечной.

Мы все хотим попасть туда,
Смотреть или играть на сцене,
Вместо того, чтобы гадать
Над вероятностью оценок.

«Здесь по условию прямых
Получится второй порядок...»

«Что нужно, то не знаем мы.
Что ж знаем мы, то нам не надо».

А сверху шум и голоса
Нас отвлекают от задачи.
Ну, почему же, нам нельзя
Вкусить не знаний, а чудачеств?!

«Знакомо многим к одному
Душой и помыслом стремиться...»
Нет, ничего я не пойму!
«Матожиданье – единица...»

Весна гуляет во дворе
В короткой юбке светло-синей.
Апрель? Конечно же – апрель!
И заниматься мы бессильны!

«Ах! Две души живут во мне!
Друг с другом жаждут разделенья!»
А вечер светел там – в окне,
И все мы тоже – в раздвоенье.

Вот начался второй урок.
Куда студенты все пропали?!
За театральною игрой
Следим мы все в огромном зале...

Под лестницей смешной и старый
Стоит расстроенный рояль.
На нём играют вальс вульгарный,
Хоть он и голос потерял.

В пыли тяжёлый, неуклюжий,
Как старый дом, давно пустой,
Увы – заброшенный, ненужный.
В крикливой песне слышен стон.

И всё ж для нас он был прекрасен,
Он очаровывал «глухих»,
Своей потерянною властью
В нас тягу к звукам пробудив.

Мы раньше ничего не знали.
Лишь числа, знаки и слова
Наш строгий разум нагружали,
Который чувства покрывал.

И ты, единственная фея,
Имея музыкальный слух,
Рождала звуки, мы, робея,
Душой ловили каждый звук.

Вслед за Рахманиновым в бездну
Срывались и взмывали ввысь.
Рояль казался нам оркестром,
А песнь – стремительной, как мысль.

И я всё слышу голос чистый,
Как прежде, мне поёт рояль.
И каждый звук наполнен смыслом,
Нет фальши в нём и нет вранья!

Николай Михайлович ЯЗЫКОВ (1803 – 1846)

Разгульна, светла и любовна
Душа веселится моя;
Да здравствует Марья Петровна.
И ножка, и ручка ея!

Как розы денницы живые,
Как ранние снега полей –
Ланиты её молодые
И девственный бархат грудей.

Как звёзды задумчивой ночи,
Как вешняя песнь соловья –
Её восхитительны очи,
И сладостен голос ея.

Блажен, кто, роскошно мечтая,
Зовёт её девой своей;
Блаженной избранников рая
Студент, полюбившийся ей!

Стихи из Интернета

Вот и сессия, приятель,
Незаметно подошла.
На тебя преподаватель
Точит зуб из-за угла.
Всё-то он, профессор, знает –
Что ему ещё учить?
Потому нас и мечтает
На зачёте завалить.
Нам теперь одна дорога:
Прямиком в читальный зал.
Поднатужишься немного –
И глядишь, экзамен сдал.
А потом – гуляй, студенты! –
Если всё пошло на лад,
Жизни лучшие моменты
Между сессий пролетят.

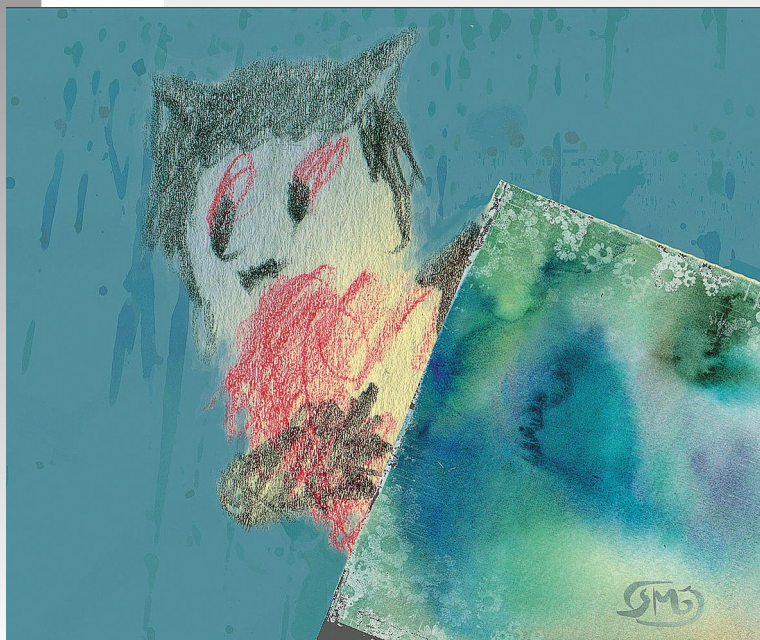

СПІВІЗДАННЯ «ЛІТІ»

КОТОСТРОФИКА « СОБАКОЛАЙ

Робота Марини ЯСЫЧЕНКО

Елизавета АНДРИАНОВА

С давних пор кричим о высоком,
Переполнив свои животы.
А дворняга костлявым боком
Прячет вход своей снежной норы.

Мы спешим в тёплый дом, на работу,
Забываем голодных собак.
А они без семьи, без заботы
Снова лезут в мусорный бак.
Ну а мы говорим о высоком...

Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ

Песенка о котейке

*У кота ли, у кота
Периочка пухова...
Из колыбельной*

Всё бы коту – Масленица,
Всё бы – перинки новые.
Ходит, мурлычит, ластится,
Речи ведёт медовые.

Всё бы коту – мягонько,
Всё бы коту – вкусненько.
Ох, ты, какой мяшенька!
Ох, ты, какой мурзенька!

Что на уме – неведомо,
Что на душе – упрятано.
Всё у кота разведано,
Как валериана с мятою.

Лапки – нежней нежности,
А коготочки цепкие.
Только свои ценности
В мире, где мало ценного.

Солнцем ли дни скрасятся,
Грянут ли вьюги суровые.
Всё бы коту Масленица,
Всё бы – перинки новые.

Дарья БЕРТОВА

Котёнок

Мягкая кожа лапок,
Белый пушистый мех;
Котёнок забрался в тапок –
С опаской смотрит наверх...
Враждебная и неродная
Чужая квартира вокруг,
И шорохом каждым пугает...
Узнать бы, где враг твой, где друг.
Мяукает жалобно, тонко...
Ждёт добрых заботливых рук,
Которые бойко и ловко
Погладят, покормят, поймут.

Кошка

Холодным носом, тёплыми усами,
Мягчайшей шёрсткой и гортанным «муррр» –
Ласкается... «Идём же спать, хозяин!!!!
Свет выключай. Вынь из розетки шнур».

Погладьте кошку

Она сидела рядом с ложкой,
На кухонном столе, что, в общем-то, нельзя...
И думала: «Погладьте кошку,
Пожалуйста, чуть-чуть... погладьте же меня!»
Она сидела и мечтала,
Хвостом легко помахивая длинным,

Придёт хозяин вновь усталый,
 В руках с пакетом магазинным,
 Он в кресло перед ноутбуком сядет,
 Она запрыгнет на колени смело;
 И вот уже её он нежно гладит,
 Ну а она мурлычит очумело...

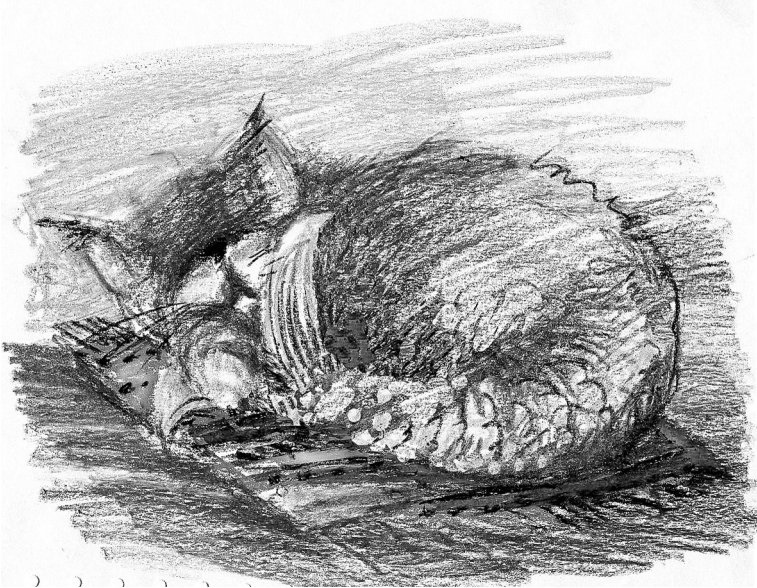
А он пришёл, на кухне свет включил,
 За шкурку взял её и со стола стащил.

Бархатные ушки...

Бархатные ушки,
 Шёлковая шёрстка,
 Кошка на подушке –
 Рядом корма горстка:
 «Я хозяйку угощу
 Самым, самым вкусным!
 И сама я не грущу –
 Да и ей не грустно».

Моей кошке Ксюшке посвящается...

Кашель... Мерная ложка,
 Рядом в кровати – кошка,
 Справа – бутылка с микстурой
 И градусник с температурой...
 Спросонья зевнув так сладко,
 Кошка потянет лапки...
 Мягко скользну я в тапки...
 Свежо на душе и гладко!
 Хрипло мяукнет кошка –
 На кухню бежим – эстафета!
 Позавтракаем немножко:
 Кусочком ветчинки с омлетом...
 А за окном – саблезубая вьюга –
 Нахально с пути сбивает прохожих...
 Но главное, МЫ отыскивали друг друга:
 Близких таких – в мире – столь непохожих!

Работа Марины Ясыченко

Стася НЕКРАСОВА

Моя леди

Как играет со мной моя нежная Леди!
 Как лукав её взгляд и улыбка шальна!
 Я ручной, посмотри. За меня ты в ответе!
 Я люблю тебя, Леди...
 В ответ – тишина.

Я нахально лежу у неё на коленях,
 И терплю, если тянет она за усы.
 Ты сегодня светла, будто солнышко, Леди!
 А она говорит:
 – У меня будет сын.

Я ревную и рад, я печален и счастлив:
 Слишком стар, чтобы сына увидеть её.
 Я так скоро уйду, что боюсь – не сейчас ли?
 Всё же... славно девятую жизнь я провёл.

Я предстану пред Богом смиренный, невинный,
 И Кошачьему Богу скажу напрямик:
 – Разрешь мне... пожалуйста... стать её сыном?
 Он поймёт, я уверен.
 И даже простит.

Ирина БОЛЬШАКОВА

Преподаватель Филологического факультета Санкт-Петербургского Государственного университета

Не повторяя день вчерашний*

Ты просишь счастья и тепла?
 Ну что ж, ну что ж... Тогда отныне
 Ты будешь – на лугу пчела,
 А после – ящерка в пустыне...
 Ну как, теплее?.. А потом,
 Не повторяя день вчерашний,
 Побудь-ка, милый мой, котом –
 Дворовым... Справишься – домашним...

* Это стихотворение – отклик на стихотворение Стаси Некрасовой

И, девять жизней отслужив,
Кошачьих и недолговечных,
Получишь ты в награду жизнь –
Всего одну, но человечью...

Олег ИЛЬИН

Всем кошкам мира посвящается

Котяра, котя, кошечка,
Кошандра, киса, кисонька,
Кошанчик, кысь, котёночек,
Кошандрик, кошкин, кот.

Кошаночка, кисуленька,
Котёныш, киска, кысонька,
Котёна, котик, котичек,
Котёнушка, кошкан,

Мяукай – обмяукайся,
Мурлыкай, сколько нравится,
И добрым людям на руки
Запрыгнуть не забудь.

Александр КОРОЛЁВ

Соната рыжего кота.
Когда наступит пустота
И осень рыжея настанет,
Чтоб созерцая голый ствол,
Укрыться павшею листвою
И раствориться, как в тумане.

Ночных часов небытиё
Вершит могущество своё
Над одиноким мирозданием.
Средь наплывающих теней,

Наклонных ивовых ветвей
Едва заметно содроганье.

Пусть проникает до основ
Глубокий чувственный озноб
И разъедает душу влага,
Однако свой любимый дом
Воспринимается котом
Всегда за подлинное благо.

В нём всё размеренно вполне,
Клокочет чайник на огне
И постепенно закипает.
Когда ненастье за окном,
Мой кот, укрывшийся хвостом,
В уютном кресле засыпает.

Юлия КУМБАШЕВА

...А они ведь умеют тоже
Плакать, ждать, грустить без причины –
Бессловесные твари Божьи,
Те, которых мы приручили.

Наш порядок людской нарушив,
Не дают нам впадать в уныние
Бессловесные Божьи души –
Бессловесные. Не немые.

Выразительней слов их лица,
Их носы, их хвосты и лапы:
Не дают ни скучать, ни злиться,
Заставляют любить и плакать.

Поселившись в домах и в душах,
В нашей суетности и угаре,
Лишь они и умеют слушать,
Беззащитные Божьи твари.

Не слукавят; и днём и ночью
Будут преданно ждать. Утешат.
Жаль, что жизни их чуть короче
Человечьих. Но и безгрешней.

И никто у нас не отнимет
Ни любви их, ни постоянства.
Мы лежим на ковре в обнимку,
Я и кот – посреди пространства,

И мурашки бегут по коже –
Ведь почти что неотличимы
От людей эти твари Божьи,
Те, которые нас приручили.

Илья ЛАПИН

*Выпускник Санкт-Петербургского
Государственного университета*

Всем выборгским котам и кошкам приношение

Столько жёлтого, кирпично-красного, что хмелеют в момент глаза,
Даже стёклышка неба ясного к ним потянется бирюза,
Невесомая, полужимная в парках веток вуаль легка,
Как чириканье старорежимное воробьиного языка:
Как же так! на газетном стенде им крошек-буковок не нашлось,
Пусть выписывает срочно крендели над деревьями земная ось!
А над нею – всё бело-синее, облачков лошадиный всхрап,
И с боков – отпечатки в линию чьих-то вкрадчиво-мягких лап.

Нам навстречу выходят улицы и квартала рябой лоскут.
Видишь, шаркают и сутуляются, и на горку свою идут,
И чудачат походкой шаткою, спотыкаются, костерят,
Костоломят своей брусчаткою, шурят подслеповатый взгляд.
Манят булочные ароматами – загляни, мол, хотя б в окно!
Перетопами, перекатами... А где солнца лежит пятно –
Кошки жмурятся, кошки греются, распушили свои хвосты.
И красуются, елисеются рядом с кошками их коты.

Слева талая, справа талая, всюду талая бежит вода,
 Пляшет в воздухе разудалая бликов огненных чехарда.
 Разбегаются по параболе, по валам крепостным летят,
 Город шепчет им: не пора ли вам превратиться в моих котят?
 Кружит чайками и улейками, перекрещивает пути,
 И дорожки проложит змейками, чтобы кошки могли пройти.
 Город спрячет их и постелет им одуванчики или сныть,
 А с двуногим они поделаются добротой его, так и быть.

Антон ПОГРЕБНЯК

Кошка

А у кошки четыре ноги
 Кто с ней был, тот вернётся другим
 Под ногами её – облака
 Мимо кошки проходят века
 Кошка помнит о том, чего нет
 Кошке двадцать три тысячи лет
 В чёрном небе созвездий стада
 Самолёты бомбят города
 Уцелевшие в этом бою
 Самолёты уходят на юг
 Излучение плавит песок
 Самолёты летят на восток
 В чёрном небе следы от ракет
 Над пустынею властвует Сет
 На крыло поднимается Гор
 Самолёты летят из-за гор
 Над пустынею атомный гриб
 Кошка помнит о тех, кто погиб
 Кто под этим песком погребён
 Кошка роется в списках имён
 Пьёт из глиняной плошки кефир
 Как повторно просмотренный фильм
 По каналу плывут катера
 Точно те же, что плыли вчера
 В чёрном небе летит самолёт

Тот, что кошке уснуть не даёт
Кошка снова не там и не здесь
Кошке холодно, хочется есть
Кошка помнит разрушенный храм
Кошка будит тебя по утрам
Мы остались в квартире вдвоём
Солнце светит в оконный проём
Из окна открывается вид
Кошка на подоконнике спит.

Вера СТЕПАНОВА

Мой чёрный кот – как дар от Нефертити,
значок угрюмых нильских пирамид.
Брильянтами зрочки торчат в зените
полночной тьмы. Участник всех коррид,
безжалостный и ветреный любовник,
ленивец днём, ночами – бег и прыть!
Шалун, огонь, дворовых драм виновник,
подлиза ласковый, ну как тебя винить?
Прощаю вновь украденное сало,
осколки вазы, «мяу» по ночам...
Древнейшей расы дивное начало
узнать в котах нетрудно по очам.

Внуку

Подвальную Мурыську детвора
спешила подкормить уже с утра:
Светланка белобрысая – сосиской,
а кнопка-Катя приходила с миской,
где плавали ошмётки от борща –
не ела кошка, хоть была тоща.
В сосиске целлюлозистый крахмал
наличие мясного замещал,
и борщ Мурыске был не по нутру.

Сашок сказал: «Я сыра ей натру,
добавлю майонеза и чеснок!»
Мурыся наша тот ещё едок:
деликатес из сыра ей не мил!
Но тут к подвалу дворник припылил
и отвалил Мурыське тощей, спьяна,
крутой сметаны целых полстакана.
С тех пор и кормит брыську местный дворник –
бобыль, добряк и пьяница-затворник.
Зимой к нему переселилась кошка:
мурлычет, трётся спинкой о косяк
и поджидает дядьку у окошка,
и любит образину просто так...

Вера ЧИГАРИНА

Мой старый кот стал снова молодым,
Его болезни обратились в дым.
Вся боль как дым, сквозь пальцы утекла.
Расправил кот прозрачные крыла
И улетел. Свободен, невесом,
А мы внизу с моим остались псом.
Прижался пёс испуганно к ногам,
А я с мольбой к неведомым богам
Всё обращалась, чтоб наш серый кот,
Когда наступит мой и пса черёд,
Нас встретил за пределами земли,
Чтоб мы с ним снова вместе быть смогли...

Памяти кота Матиса

Мой серебряный кот, ты уснул, чтоб уже не проснуться.
Ты теперь далеко, вероятно, на Млечном Пути.
И сейчас молоко из хрустального звёздного блюдца
Ты прилежно лакаешь, чтоб дальше неспешно идти.
Ты пушистым хвостом обмахнёшь невесёлые тучи,

И просыплется снег, и укутает наши дома,
Или дождь затяжной, по-осеннему злой и колючий,
Пеленой нас накроет, сводя потихоньку с ума.
Но однажды в ночи. Ведь бывают же ясные ночи,
Я проснусь невпопад, отдохнув от тревожного дня,
И с бездонного неба твои незабвенные очи
Так печально и строго опять поглядят на меня.

Прогулка в лесу

Нам с тобой вдвоём совсем не плохо,
Шар мохнатый, тряпка языка.
Справа, глянь, цветки чертополоха,
Слева лес, а позади – река.

А над нами пасмурное небо,
Хмурится, бросается дождём.
Этого хватило нам вполне бы,
Вон как славно мы с тобой идём!

Работа Дарьи Войновской

Ты рычишь на пенё и ловишь пташку,
Я пишу зачем-то новый стих
Стерженьком на мятую бумажку,
Лишь бы голос в голове не стих.

Завтра будет день и будет пища,
А сегодня в ночь придут сны.
От добра добра, мой друг, не ищут,
Будут наши помыслы ясны.

Шмыгнув носом, дописала. Точка.
Завершился стихотворный бзик.
Пёс приподнял ножку у пенёчка,
«Гав!» сказал и показал язык.

Спит семья. Уснули мать и дочь.
Пёс храпит, не ведая о том,
Как сидим и созерцаем ночь
У окошка мы вдвоём с котом.
Вдруг, зевнув во весь кошачий рот,
Кузя цапнул лапой по стеклу,
Там, хозяйка, мошки, видишь, вот!
Белые. Уносятся во мглу.
За окном беснуется метель.
Кузя щурит жёлтые глаза.
Если б я сейчас пошла в постель,
Он, возможно, был бы только за!
Вмиг свернётся чёрным калачом
Где-то у хозяйского плеча,
И кошачью песню ни о чём
Заведёт, урча, урча, урча...
Подожди, Кузьма, ещё чуток,
Покорись обманщице судьбе,
Вот достану ручку да листок,
И сложу балладу о тебе.

СПЕГЭТУ «ЛЭТИ»

ПОЭМА ДЛЯ ГЕРОЯ

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Калерия СОКОЛОВА

Поэма для героя

Тот и видел, как стройная маска
 На обратном «Пути из Дамаска»
 Возвратилась домой не одна.
 Анна Ахматова, «Поэма без героя»

[Примечание: Поэма состоит из 12 частей, каждая из которых есть подражание кому-либо из литературной студии Галины Гампер.]

I

[Алексей Кияница]

Когда ты вернёшься,
 Я не брошусь тебе на шею,
 Не буду кричать, целовать, говорить,
 Как я долго тебя ждала.
 Я буду только до бесконечности пристально
 Вглядываться в твои глаза,
 Наклоняя голову то в одну,
 то в другую сторону –
 Чтобы не упасть с качающейся земли.

II

[Антон Погребняк]

Ты по жизни моей – красной линией.
 Без тебя становлюсь всё бессильнее.
 Тот февраль, тот концерт, Римский-Корсаков,
 Восьмимартовье зеленогорское.

На Владимирской, Академической
 Мы касались друг друга космически,
 Приземлялись с Луны космонавтово,
 Целовались и падали в Автово.

Мне не нужно иного супружества,
Мне достаточно Площади Мужества.
Я старей своего поколения,
Я ровесница Площади Ленина.

Разрастаются геометрически –
Мне уже не под силу их вычислить –
Расстояния для расставания.
Площадь в Сирии – Площадь Восстания.

III

[Елена Качаровская]

Взял за руку меня, будто – взял.
Стал роднее родных, будто – снился.
А огромный холодный вокзал
Залпом в памяти весь поместился.

Возвращайся, довольно геройств,
Возвращайся для частного счастья,
Будь неласков, не нежен, непрост,
Желчен – только живым возвращайся.

Пусть – почудилось: смерти оскал,
Смесь песка и дамасского дыма.
Есть глаза и огромный вокзал.
Остальное всё – лишь пантомима.

IV

[Вера Чигарина]

Всё к чёрту – и в кого-нибудь влюбиться!
Но каждый строит сам свою страну,
Не ведают нахмуренные лица,
Где тот, к кому всё время мыслью льну.

И ты не знаешь, мой вчерашний рыцарь,
 Спешешь занять свободную меня
 И в сердце мне, как в волосы, зарыться,
 Во всех грехах и грёзах обвиня.

Но зря читаешь «Как влюбить любого»,
 Напрасно пост блюдёшь и молишь Бога,
 Зря ворожишь и просишь у судьбы –

Коту под хвост секретная наука.
 Но если ты сказал бы мне на ухо,
 Что с ним теперь, – клянусь, влюбилась бы.

V

[Николай Неронов]

Мне так понравились объятья –
 Несуществующие – рук.
 Вдоль брюк твоих струилось платье, –
 Что из того, что это трюк?

Всё так привычно и несложно:
 Закрыв глаза, ложусь в кровать.
 Мне так понравилось, что можно
 Тебя в себе нарисовать!

VI

[Олег Ильин]

Д

Дремлю, давлюсь дешёвыми духами,
 Дрожит для дур дублёная дерюга...
 Давай дышать да думать дураками –
 До дыр дурна дорога друг до друга.

Демагогически дубася демократа,
Дебильно доживём до диалога,
До дидыханья, дилобзання, до дилада –
Длинна до дрожи дилюбви дорога.

VII

[Алексей Королёв]

Вот плиты, смородина, сад и ветла,
И вот моя медная кружка.
Увы! Отчего ты опять не пришла,
О, где ты, царевна-лягушка?

А мне не сказали, как вызвать тебя, –
Как только зовут тебя разве.
Не бойся, не буду, слова торопя,
Просить о любви и богатстве.

Просить, чтобы позже, чем многим другим
Быть стиснутой водами Стикса.
Ты знаешь, кого я люблю, и живым
Ему прикажи воротиться.

Не обогащай нас и терем не строй,
Мы счастливы зёрнышком риса.
Я буду навеки твоею сестрой,
Царевна моя, Василиса.

VIII

[Ирина Яркова]

Безвременья – вагон, тепла – в обрез.
Балтийский бриз знобит, колеблет стебли.
Случилась осень. Первый месяц без
Твоих неробких рук и метких реплик.

Работа Марины
Ясыченко

Я жду известий с четырёх сторон,
Глотаю вместе с книгой фунты лиха.
А месяц, словно старый серый слон,
Прошелестел напрасно, умер тихо.

IX

[Наталья Нарсия]

Наш май, близнец в цветах,
Весь в ландышах, в еловых
Проростках терпко-кислых...
И если ты сейчас
В удушливом чаду дамасской – нет, не розы, –
Ночи,
Увы, не сладостной и нешехерезадьей,
Вдруг вспомнишь, как
Наш майский лес встречал,
Да что там – Мшинка, Мшинская встречала
Своих птенцов шкодливых, вся звеня,

Как ты меня
 За ландышами вглубь тянул,
 Что молодую кобылицу,
 И я не шла – плыла, готовая разбиться.
 И если вспомнишь,
 Нет, не то,
 Что я люблю,
 А только травы те,
 И землю ту,
 И тлю, –
 Я то каким-то дальним чувством уловлю.
 Чтoб жить и биться.

Х

[Виталий Нестеренко]

Не войти в эту воду дважды.
 Можно, видимо, лишь вдвоём.
 Но тебя не видеть пока что,
 И вода уже та – былъём

Да гнильём поросла-покрылась –
 Не входили в неё давно.
 Разогнали бы мы ту гнилость,
 Опустились, сцепясь, на дно.

День за днём там – житьё визирье,
 Там смываются гарь и тлен
 И стирается серость сирий.
 Но зачем ты не здесь, зачем?

ХІ

[Лариса Шушунова]

Они сошлись – волна и камень,
 Друг другу – сильные – под стать.
 Союз их был горяч и пламен,
 Хоть оба не могли пылать.

Им лишь схождения было мало —
 Друг другом сделались на треть.
 Она его отшлифовала,
 Он научил её терпеть.

Дивились хищные сирены,
 Умолкнув вдруг и не смеясь,
 Какая музыка из пены
 Меж их телами родилась!

Но всё разладилось, распалось,
 Как будто и не снилось им.
 И только музыка осталась
 Под небом ладожским седым.

ХП

*«...встань и иди в город,
 и сказано будет тебе,
 что тебе надобно делать».*
 Деяния святых апостолов

[Егор Фетисов]

Ты страшно устал от обстрелов и лязга,
 От зла и отсутствия богоявлений.
 Пусть путь до Дамаска и путь из Дамаска
 С тобой не свершит никаких превращений.

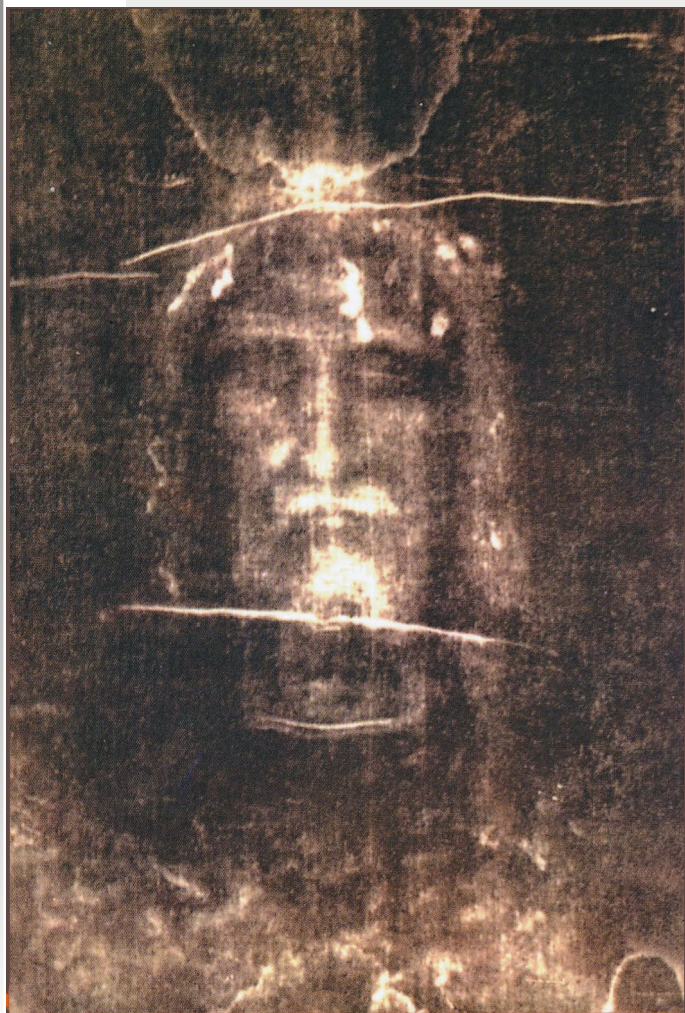
Мой Савл, кто сказал тебе встать и в тот город
 Идти бездорожьем, безлюдьем, ненастьем?
 Пусть мир тому станет противен и горек,
 Да кто бы он ни был — пусть будет несчастен.

Бросай маскхалат, СВД, парабеллум,
 Пусть даже злодеи останутся живы.
 К весне прилетай ко мне лебедем белым:
 Готова рубашка из листьев крапивы.

СПІВІЗДІ «ЛІТІ»

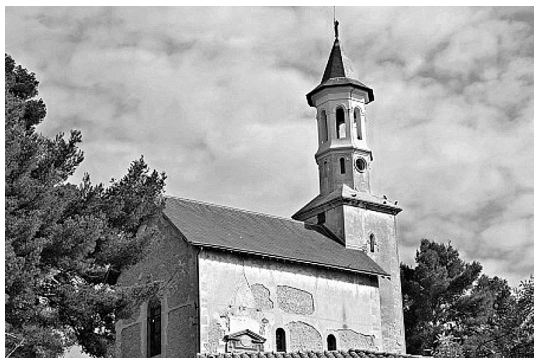
ТУРИНСКАЯ ПЛАЩАНИЦА

Ирина АЛЕКСЕЕВА

Врач, участница конференции

Туринская плащаница

В Ницце состоялась тематическая конференция по Туринской плащанице.

24 мая в самом сердце старой Ниццы, в часовне Пресвятой Троицы и Туринской плащаницы (La chapelle de la Très-Sainte-Trinité et du Saint-Suaire) – официальной резиденции Ордена кающихся грешников красных одежд в Ницце

(La confrérie des Pénitents rouges de Nice), состоялась тематическая конференция по общехристианской святыне – Туринской плащанице. Мероприятие было организовано Ассоциацией «Анна Киевская – королева Франции» и проводилось в рамках проекта «Православная Франция», который является победителем конкурса «Православная инициатива 2013–2014».

В прохладных стенах часовни, украшенных полотнами «Святая Троица» Поля-Эмиля Барбери (Paul-Émile Barberi, XIX век) и «Туринская плащаница» местного художника Джо-Гаспаро Бальдоино (Gio-Gasparo Baldoïno, 1660 г.), прошла весьма необычная научно-культурологическая встреча, объединившая представителей православной и римско-католической церквей. В конференции также приняли участие члены православных приходов Марселя и Ниццы.

Перед началом конференции с вступительной речью о значимости места, выбранного для Конференции, и об истории Часовни, посвященной Туринской плащанице, выступил представитель католического Ордена кающихся грешников господин Гастон Съес (Gaston Ciaïs). Затем президент ассоциации «Анна Киевская – королева Франции» Татьяна Юрьевна Грибкова представила гостей и участников Конференции и зачитала приветствие Владыки Нестора Епископа Корсунского. Она также подчеркнула, что ассоциация, взявшая на себя организацию данной Конференции, ставит своей задачей проводить мероприятия, способствующие сближению культур Западной и Восточной Европы, в строгом соответствии с ее названием.

Анна Киевская, дочь знаменитого Князя Древней Руси Ярослава Мудрого, была выдана замуж за французского короля Генриха I и стала своеобразным «мостиком», соединяющим обе культуры.

Настоятель православного прихода Иконы Казанской Божией Матери Московского Патриархата в

Марселе иерей Иоанн Готье (Père Jean Gautier) представил основного докладчика доктора медицины боли господина Жака Жоме. Конференция началась показом фильма «Плащаница – Евангелие страстей Господних» на русском языке с синхронным переводом на французский. Этот православный документальный фильм из серии «Православные святыни» был снят студией «ДНЕСЬ» в 2003-м году. Данная кинематографическая работа, которая, по мнению многих, является лучшим фильмом о Туринской плащанице, нашла очень сильный эмоциональный отклик со стороны зрителей. Здесь искусным образом переплелись тексты Евангелия, затрагивающие данный сюжет, и интереснейшие результаты исследований учёных: фотографии в ультрафиолетовом, рентгеновском и инфракрасном диапазонах, анализ пятен и анатомических деталей изображения. Подобные исследования длились годами, но никто так и не смог объяснить – каким образом отпечатки появились на ткани, аналога которой в современном мире не существует...

В продолжении основной темы выступил почётный гость конференции – французский врач-альголог, специалист по исследованию Туринской плащаницы, автор множества книг и научных статей – доктор Жак Жом (Docteur Jacques Jaume). Доктор представил русско-французской публике очень интересный и насыщенный научно-историческими фактами доклад с мультимедийной презентацией, который сопровождался синхронным переводом на русский. Доклад был посвящён анатомическому исследованию травм Христа, полученных после распятия, а также информационному анализу изображения плащаницы и ее истории. Были представлены предполагаемые трёхмерные изображения тела и лица, созданные на основе отпечатков на плащанице. Интересным фактом было также и то, что, согласно последним данным, невозможно определить точный возраст Туринской пла-

щаницы, если речь идёт о более раннем историческом периоде, чем XII век. Сравнительный анализ этой ткани с другой, но подобной ей по структуре и возрасту тканью невозможен, поскольку аналогов плащаницы в мире не сохранилось. Кроме того, в Туринской плащанице использован, так называемый, саржевый способ плетения

нитей или диагональный, который появился спустя тысячу лет после предполагаемой даты смерти Христа. В ответ на это положение существуют работы некоторых учёных, которые допускают, что подобное саржевое плетение ёлочкой применялось в I веке в Сирии, для изготовления очень дорогих тканей, что указывает на возможность изготовления ткани плащаницы на Ближнем Востоке в I веке. Таким образом, Туринская плащаница остаётся одной из самых громких и таинственных находок века и, со слов доктора Жомы, она, вероятно, ещё не закончила нас удивлять.

По окончании доклада президент Ассоциации «Анна Киевская – королева Франции» поблагодарила участников конференции и Орден Кающихся грешников в Ницце за предоставленное для этого мероприятия столь тематически значимое помещение и вручила памятные подарки. Присутствующие смогли задать доктору Жому все интересующие их вопросы, а затем дискуссия в дружеском ключе продолжилась в уютном внутреннем дворике часовни, где организаторы предложили угощение для всех гостей конференции и где они смогли пообщаться и поделиться впечатлениями.

СПЕГЭТУ «ЛЭТИ»

РОЖДЕСТВО и НОВЫЙ ГОД

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Дарья БЕРТОВА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора Александра III*

Новогоднее

Ожидание сказки как в детстве;
Только б чудо не пропустить!
Вся в снежинках, в мечтах, в кокетстве,
Волшебство – это просто жить!
Зимний вечер чуть-чуть прохладный,
Мандариново-праздничный запах,
Звон бокалов с шампанским нескладный;
Будто кошка на мягких лапах,
Ты крадёшься, боясь спугнуть,
Магию новогодней ночи...
Те мечты, что сжимали грудь –
Загадать, закрывая очи,
И проснуться в новом году
Со сказкой в сердце и наяву!

Алиса КЛИО

Утро Нового Года

Они могли бы расти
И тенью радовать в зной,
Сжимать в колючей горсти
Пушистый снежок зимой.
Смотреть на далёкий костёр,
Мечтать, что летом опять
Начнут в свой лесной шатёр
Певучих гостей созывать,
И вместе встречать восход,
Ловить отраженье в пруду,
А если ещё повезёт –
Верхушкой задеть звезду...

Но нынче – покой и уют
В объятиях белизны,

Тут лучше всего подойдут
 Цветные осенние сны!
 Ведь нужно силы беречь
 Для будущих разных дел,
 Волнений и новых встреч,
 Да кто бы не захотел,
 Чуть влажную землю мести
 Смолистой хвоей по весне?!..
 Могли бы они расти –
 Но как расти без корней?!..

... кому-то под Новый год
 Срубить захотелось денюжат,
 Не сладился бизнес, и вот
 С утра на помойке лежат
 Деревья...

Татьяна ЛАПИНА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
 Электротехнического университета Императора Александра III*

Рождество 2009 в Репино

Вечереет, ещё не дождавшись рассвета.
 Заметает в белесом пространстве залива.
 Набухает сугроб в промежутке от следа до следа,
 Ни ухода, не требуя и ни полива.
 Если встать между сушей и тем, что вчера называли водой,
 Прижимаясь спиной к чернилам прибрежного леса,
 И кричать во всю мочь. То она, что зовётся Полярной звездой,
 Обратится в Звезду Рождества, заблестит, заиграет рыбёшкой на леске.

Рождество 2012

Заиграло, загуляло Рождество:
 Белой скатертью похрустывает стол,
 Ель в шарах, как на параде генерал,
 В нетерпении подарки: не пора ль?

Загустела синева на небесах,
Опустила я печальные глаза:
Мой любимый на другом краю земли.
И бокал его шампанским не налит,
О его щеке грустит моя щека
В Рождество.
Как тянет холодом в рукав...

Екатерина МИТИНА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
университета*

Новогодний вальс

Новый год – это чудо,
Он как синяя птица.
Это праздник оттуда,
Где детство резвится.
Он пришёл к нам с тобою
Из открыток старинных.
Он приносит зимой
Аромат мандаринов.

Новый год нам подарит
Волшебную сказку,
Отрывной календарик,
Игрушки и маски.
Фейерверки-салюты
Ожидают свободы.
Нам остались минуты
До Нового года.
И стеклянные бусы
Ёлка наша надела.
На неё полюбуйся –
Почти королева!
Ей сосулек добавим
И гирлянд хороводы.
И друг друга поздравим
С наступающим годом.

Вот 12 ударов
Бьют один за другим.
Провожаем год старый,
Прощаемся с ним.
Конфетти и конфеты,
Бенгальские свечи.
Новый год на планете
Наступил в этот вечер!

Игорь НОСОВ

В преддверии Его Рождественского чуда,
На землю снизойдёт святая благодать,
Печаль ослабит лук, и радостный Иуда,
За тридцать тетрадрахм не станет предавать.

Мы связаны одной невидимой нитью,
Нерасторжимых уз проверенным звеном,
Приходим в этот мир по Высшему наитью,
И покидаем вновь, но не пустеет дом.

Звезда горит, звезда – сквозь пламя пятисвечий,
Сквозь буреломы вех, призывна и чиста,
И пишутся уже всех судеб человеческих
Нетленною строкой поступки и дела.

Ребёнок спит в яслях, спит умиротворённо,
Устало гладит мать уснувшее дитя,
И радуется мир коленопреклонённо
В Рождественскую ночь рождению Христа.

Максим ШВЕЦ и Марина ЯСЫЧЕНКО

Поверить в сказку в Новый Год
мы сможем, как всегда.
И Рождество за ним придёт,
засветится звезда.

Нет в мире маленьких чудес,
 есть просто чудеса.
 Поступком добрым сможешь здесь
 создать ты чудо сам.

И засияет в небе свет
 совсем иных миров,
 и ангел принесёт нам весть,
 что Бог – это Любовь.

Звезда блеснула!..
 Неба больше нет.
 Сомкнулись кроны
 серебристых елей.
 Громада снежных игол –
 в вышине,
 и уголёк свечи –
 над колыбелью.

Рождественская полночь...
 На Неве –
 включённых волн
 зыбучие сугробы.
 В дыхании луны
 заиндевав,
 сияет нежно
 хвоя над собором.

Балтийский ветер
 в царственном саду
 позванивает
 струнами решётки,
 настраивая лиру,
 и бредут
 волхвы к Младенцу
 с крестиком дешёвым.

И над Дворцовой площадью
 летит

защитник и хранитель
вещий ангел...
На их пути –
ожившие цветы
и поднятые
праздничные флаги.

Лампадным маслом
брызжут фонари,
как маяки,
в густой метели...
Волхвы идут
сквозь парки и дворы,
их старческие взоры
молодеют.

Случится чудо:
в утренний просвет
опять звезда зелёная
заглянет...
Соломою запахнет
от яслей...
С любви и счастья
снимутся заклатья.

Блеснёт звезда
и небо возвратит!
Надежды солнце
воссияет в мире...
Недаром слёзы жгучие –
в груди, –
и памяти
пронзительные вихри...

Новый Год 2016

Новый Год и новый ветер.
Новый Год и новый снег.
Новый Год – на всей планете.
Новый Год – один на всех!

Будут новые морозы,
будет новая жара.
Новой грусти будут слёзы,
новой радости пора.

Новое — оно — всё то же,
только — снова, только — вновью.
Просто старый год наш прожит,
в нём известно всё давно!

Неизвестность интригует.
Есть возможность помечтать,
жизнь счастливую, другую
на себя попримерять!

Ночь, двенадцать, и желание
нам пора всем загадать,
как и год назад и раньше,
пусть сбывается опять!

Поздравление-стишок

Салюты, шутихи, петарды —
Над нами горит фейерверк!
И начался он ещё в Старом,
И в Новом взлетает наверх!

Отсчитаны точно секунды,
Куранты проббили опять,
И все в ожидании чуда
Успели его загадать!

И чудо, конечно, случится.
Проснёмся и чаю попьём,
И небо оденется чистым
И снежно-пушистым бельём.

Исчезнут когда-нибудь смуты,
И войны, и злоба, и ложь...
А ты нынче, солнечным утром,
Свой чудо-подарок найдёшь!

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ

Работа Дмитрия ЯКОВЕНКО

Демид РАБЧЕВСКИЙ**Геолог**

Геолог меряет ландшафт
Горнонаучными шагами
В руках суровых с чувством сжав
Спирт, налитой в хрустальный камень.

Он так глядит из-под бровей,
Как слолав пуд калийной соли –
Геолог пьёт не до чертей –
Геолог пьёт до горных троллей.

В его глазах – печаль миров,
Планет древнейшее развитие,
В минуту каждую готов
Он громко совершить открытие

Бутылки. Да, велик народ
Гор и прокопанных тоннелей!
Геолог как бутылку несёт
Друзьям свет знаний подземельных!

Постойте, девушка! Я где-то
Совсем недавно видел вас:
Я помню: солнечное лето,
Сиянье звёзд в озёрах глаз...

Июльский дождь и ели ветки,
Дымок синеющий костра,
Таёжной дали километры,
Тень тучи. Молнии искра,

Гитары стоны, говор звонкий,
И в небе сказочном звезда...
Вот-вот! На баночке с тушёной!
На этикетке! Да! Да! Да!

Когда по дому раздаётся
Осенний вестник – громкий звук,
С каким вода по трубам льётся,
Дрожат от счастья пальцы рук.

В глазах искрится просветление,
Надежда наполняет кровь,
Коль батарея отопления
Кудахчет с плеском вновь и вновь.

Улыбка серебрится рьяно,
И всё предчувствует жару,
И тянется рука к стакану,
К резцу, и кисти, и перу...

Забилось сердце от волненья,
И я бегу от всех клише:
Когда включают отопление,
Теплей не в доме – на душе.

Бомонд сходилась петербургский,
Парил восторженно пиит
Когда-то здесь. Теперь им чуждый,
Царит тут коммунальный быт.

Где, очевидно, вдохновлялся
Прекрасной дамой юный Блок,
Теперь паркет поистрепался
И разлился ночной горшок...

Где Достоевский ждал обеда,
Про ночи белые писал,
Теперь в кастрюлю, в суп к соседу
Сосед обмылков накидал...

На радость, прелести и свинство
Нам подаёт судьба билет,
И может быть с самим Белинским
Хожу в один я туалет....

Поэма об агрономе...

– Привет, Дружище – слышал новость?

Погиб Илюша-агроном!

– Не врёшь ли ты? Скажи на совесть!

– Мне карты путать не резон!

– Так как же наш мичурин новый

Ушёл на тот, скажи мне, свет?

Да, агроном он был путёвый...

Но дай скорее мне ответ!

– Всё началось, как с атомфлота

Илья в отставку списан был –

Ходили слухи, будто что-то

Он из машины прихватил.

Потом недели две затишье,

А дальше в утреннюю рань

Пробила в его доме крышу

Семиметровая герань.

Через неделю новый случай –

Огромный дедушкин табак

Взорвался под окном Илюши –

Погиб сосед и семь собак...

Он был прекрасным садоводом

В тех дней былые времена –

На удивление народа

Сажал повсюду семена.

Ходил по городу с лопатой,

Светился в темноте ночной –

Храня советский мирный атом

Он исхудал от лучевой,

Ввиду чего под взглядом зорким

В минуту поднимался куст,

Цвели в апреле помидоры,

В декабрьской стуже рос арбуз,

Он помогал властям в секунды
 Когда вставал с едой вопрос,
 И на прилавки чудо фрукты:
 Бананы с маракуйей нёс.

Затем Илюшу наградили
 За перевыполненный план,
 Звезду геройскую вручили
 И с водкой поднесли стакан....

Он проводил эксперименты
 Скрещал рябину и клопов,
 Однажды появился етти
 В том городке и был таков...

Не закрывал под вечер двери:
 Горох на стражу выставял –
 И если кто-то мало верил
 Табличке «Злой горох» – съедал...

По магазинам Чипполино
 Скупал хозяйственный товар,
 И светлячка гибрид с рябиной
 Во тьме ночи порой мерцал.

Картошка бегала по грядкам,
 Держал расчёску хрен в руках,
 С рассветом делали зарядку
 Горошинки в своих стручках.

Бухал банан порой с черешней,
 Дуб был всегда навеселе,
 И ананас, продукт не здешний
 Женился как-то на свекле.

Черника деток поучала,
 Открыла сакура танцкласс,
 И слоноутка схлопотала
 От свинозайца прямо в глаз...

Крапива дико пела песни –
Илья пошёл с редиской в ЗАГС,
Той свадьбы не было чудесней...
Но вот к концу идёт рассказ –

Он спьяну с грядками устроил
Тяжёлый и неправый спор,
Но проиграл, и тут героя
Загрыз огромный помидор.

Вера ЧИГАРИНА

Пародия на «Царевну-лягушку» Алексея Королёва

Алексей Королёв

Царевна-Лягушка

О, где ты, царевна-лягушка?

К.К. Соколова

По мраморным плитам спускался я в сад,
На поясе – медная кружка.
Раздвинул смородинный куст наугад –
Там скачет царевна-лягушка.

И за полночь снова увидел её
В наряде из шёлка и стали.
Блестел под луной её шлем-остриё
И узкие очи блистали.

О, кто вы, посланница древних могол,
В дрожании призраков сада?
Какой архетип на меня вас навёл
И что вам под вёглами надо?

Она задержалась под сетью густой
От яблонь и молвила странно:
– Сюда я из крымской орды кочевой,
Праправнучка грозного хана.

**Работа Дарьи
Войновской**

Но я здесь одна, помоги мне, чернец,
И глядя с тоской, безутешно,
Спросила: «Ты, правда, мой крёстный отец?»
Я тихо ответил: «Конечно».

Вера ЧИГАРИНА

Пародия

По мраморным плитам спускался поэт,
Карманы полны шоколада,
Манил его мягкий, таинственный свет,
Из старого льющийся сада.
Был сад неухожен, печален и пуст,
Не стрижен по правилам моды,
Поэт раздвигает смородинный куст
И видит там чудо природы.
Царевна-лягушка в шеломе златом
Сверкает очами под старым кустом.

Смутился поэт, изумился поэт,
Царевна-лягушка, как странно,
Он задал вопрос и услышал ответ
Про прапрапрадочь Гирей-хана,
«Но я здесь одна, помоги, о, поэт! —
Сказала царевна неспешно. —
Отведать мне дашь шоколадных конфет?»
Поэт ей ответил: «Конечно»!

Елена ШИПИНА

Выпускница Института Киноинженеров

Евпаторийские частушки

*Очень жаль мне тех, которые
Не бывали в Евпатории.*

В. Маяковский

Карамелька «Взлётная»,
Карамель «Дюшес»,
Жизнь моя улётная,
Ты мне по душе!

Здесь, в июньской Евпатории,
Здесь, на краешке земли,
Где резвятся волны моря
И гуляют корабли,
Наслаждаюсь жизнью всласть,
Карты все ложатся в масть.
Видно, правильно ловлю
Жизненную линию.

Солнце плавится в лимане,
Греется вино в стакане,
Грациозней даже лани
Я сама себе кажусь.
Жаль, что мне не восемнадцать!
Так и хочется погнаться
За удачей и забраться
Кой-куда, где я сгожусь!

Ветерок затих в нирване,
Облака в закатной рвани
Очень выпрєнны.
И пусть!

Салага Имаго* не знает конца,
Не помнит начала, как и лица,

* имаго – взрослая (дефинитивная) стадия индивидуального развития насекомых и некоторых других членистоногих животных со сложным жизненным циклом

Того, кем он создан, то бишь Отца.
 Не знает ни цели, ни средств, ни пути
 И сможет ли сделать, достичь и дойти.
 Не знает, зачем он, и годен на что.
 И проживёт он лет пять или сто?

Не знает он даже, что будет на ужин,
 И думает он: «Никому я не нужен,
 Никем не любим и ни с кем я не дружен,
 Что так одинок и ничтожен,
 Что должен быть я уничтожен».
 Ах, так нелегко быть совсем молодым!
 Бедняга Имаго! Не дрейфь, не сдадим!

Топочут голуби по подоконнику,
 Поглядывают за стекло на Монику.
 Она старается не шевелиться,
 Рассматривая, как апрель искрится,
 Как небо истово синее,
 И чувствует, как солнце греет.

Не весело сегодня Монике:
 Приснился ей творог в подойнике,
 А это значит, неприятности.
 Какие же? Нет полной ясности.
 Ах, Моника, забудь о соннике!
 Воркуют голуби на подоконнике.

Воробьиное хулиганство

Куст, как бочка с порохом –
 Воробьиным вспорохом!!!
 Стайка воробьиная –
 Надо мной дробинами!
 Напугали – улетают,
 Я дар речи обретаю:

«Стихотворною карточью
Вас в другой раз, птички, встречу!»

Две кошки, собака и трое детей,
без ведома центра и местных властей
в одной проживая квартире,
вполне разбирались в ОВИРе,
ужасном и полном коварных затей,
в тивишном вулкане кипящих страстей,
в семейном компьютере, в деде Морозе,
в подарке для мамы – законной мимозе,
уверены были, что папина сила,
когда б захотела, весь мир поразила,
а также в погодном на завтра прогнозе.

Подобное было, и есть, да и будет,
в ближайшее время, товарищи-люди.
И это не частности, не ерунда.
Ведь было бы здорово, если б всегда
такая семейка хоть где-то жила,
счастливо избегнув коварных тенёт.
Пусть бы на кухне фиалка цвела,
быть может, нам в гости зайти повезёт.

*Матовое, светло-серое с нежным розоватым отливом, – в
те годы цвет этот называли «пепел розы».*

Маккалоу

(о платье героини романа «Поющие в терновнике»)

Дорога цвета пепла роз
И тучи цвета злобы гроз.
Что их могло так завести?
Не в сердце ж завязь зависти
У бедолаги травести
К милейшей приме Мэри Росс!

Трусит вдоль по дороге пёс,
Вдыхает пыль собачий нос...
На чьей же это совести,
Что нет конца у повести?
Что только ветер вдруг подул
И громовых раскатов гул
Летит от дальнего моста?
Ох, неспроста! Нет, неспроста...

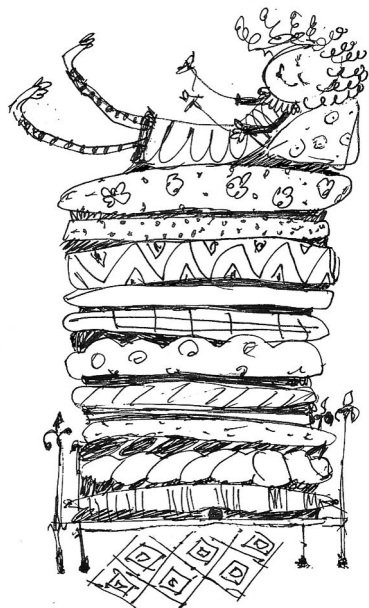
Окури меня, как пчёлку,
Забери к себе в светёлку,
Наряди меня, как ёлку,
Объяви, что я твоя –
Спрячу я глаза за чёлкой
И сложу свои иголки,
Можешь гладить, словно шёлк, их,
Потому что – ты да я.

Мне уже не о чем,
Мне уже нечем.
Сгину я неучем,
Опытом лечен.

Клеточкой, веточкой,
Палым листом –
Не о чем, незачем,
Нечем о том.

Очень серым утром в средней полосе
Очень грустно в будни, в выходной – совсем.
Петухов не слышно, и молчат скоты.
Подожди немного, загрустишь и ты.

Работа Марины
Ясыченко

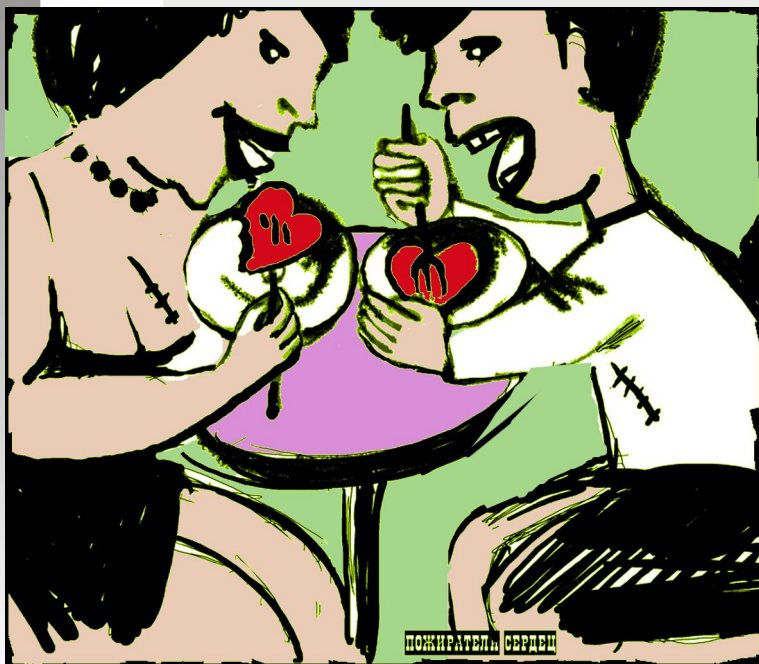
Чтобы выключить будильник мобильного надо нажать на кнопку «Окей».

Бесстыжий басурманин смял мой сон,
Цветной, уютный, с тёплыми глазами.
Врага прижала я, но не сдавался он:
Кидался в бой повторными бросками,
Елозил и пилил мои мозги,
Извилины утюжил с визгом, с лязгом,
Окоп засыпал мой.
Хоть не видать ни зги,
Спасенье, чую, где-то тут завязло.
Обрывки сна, как знамя обмотав
Вокруг себя, шиплю: «Убью злодея!..»
И веко тяжкое, как исполин, подняв,
Победно нажимаю на «Окей» я.

КРУТИКА

Робота Марини ЯСЫЧЕНКО

Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ

Владимир Мороз: Книги «О живых людях и их выборе»

В наше время, несмотря на загруженность информационного пространства и книжного рынка художественной и псевдохудожественной литературой, мы сталкиваемся с дефицитом истинно хорошей прозы. Я имею в виду не качественные переводы и не переиздания классиков, а произведения наших современников. «Раскрученные» авторы порой предлагают или хорошо «смастерённые» агитки, или публицистику под видом художественной прозы, или – при довольно хороших сюжетах и увлекательной фабуле – написанные «холщовым языком» и наскоро вещи, которые трудно назвать художественным произведением.

Поэтому особенно приятно и ценно, когда внезапно знакомишься с книгами автора, которые разительно отличаются от многочисленного ширпотреба, предложенного нам журналами и издательствами. И по содержанию, и по качеству. Подобные открытия напоминают найденные исследователем драгоценные копии.

Таким открытием для меня стали книги Владимира Мороза. Познакомилась я с ними, просматривая книжные новинки издательства «РЕНОМЕ», с которым давно сотрудничаю сама. Заинтересовалась романом «Рваные души», потому что в аннотации говорилось, что он посвящен событиям Первой мировой и Гражданской войны в России. Один из моих исторических интересов – Великая война (Первая мировая). Да и не так много встречаю современных художественных произведений, которые посвящены данному периоду. А то, что удавалось листать и читать, относилось к приключенческому направлению или к альтернативной истории.

Книгу очень захотелось взять в руки, и вскоре такой случай представился, на Санкт-Петербургском международном книжном салоне-2016. Там я впервые раскрыла роман Владимира Мороза «Рваные души», чтобы понять, стоит ли читать и... осознала, что автор писать умеет и делает это очень талантливо. Книгу я, конечно, приобрела. А чуть позднее познакомилась и с другими произведениями писателя. Все книги Владимира Мороза я прочла буквально на одном дыхании. Это действительно – отличная качественная проза. И чисто по-человечески она способна затронуть душу читателя.

Владимир Мороз – писатель, достойный внимания. Так как его имя не на слуху, несколько слов о самом авторе. Он относится к «поколению 40-летних», имеет высшее техническое образование, интересуется историей, в т.ч. историей войн... Но при этом его отношение к любой войне – крайне

негативное, как к абсолютному злу. В литературе его привлекает творчество Э.М. Ремарка и историческая проза. В писательских союзах и организациях Владимир не состоит. В настоящее время является автором четырёх художественных книг (романы «Рванные души», «Сашка», повести «За отвагу», «Обречённые на забвение») и одного философского исследования в форме эссе. Писатель работает в жанре военно-исторической прозы. Но ни развлекательного «чтива», ни поверхностного описания, ни модных «агиток» на страницах его книг читатель не найдет. А оценит по достоинству серьёзную литературу в жанре военной драмы, продолжающую традиции русского классического исторического романа XIX столетия и реалистической прозы XX века.

Мне посчастливилось познакомиться с Владимиром и поговорить с ним о творчестве и истории. Он очень интересный, открытый к общению, увлечённый человек.

По словам самого автора, его не интересуют развлекательные детективы, фантастика или эротика. В «коммерческих» жанрах Мороз пробовать себя не хочет. «Гораздо больше меня привлекают истории о простых настоящих людях, таких, как мы с вами», – пишет он на страницах своего сайта-визитки.

Основная тематика произведений писателя: война, человек в условиях войны, взаимоотношения людей на войне. О войне и человеке на войне в литературе сказано максимально много. И, казалось бы, данная ниша давно занята. Но, наверное, пока существует наш мир, авторы постоянно будут браться за эту тему, раскрывать какие-то новые страницы, грани, потаённые уголки. «О чём мои книги? В первую очередь, о живых людях и их выборе, – говорит сам автор. – Пользуясь разумом как инструментом, человек сам определяет сценарий развития своей жизни. Но иногда стороннее событие меняет всё на 180 градусов, заставляя искать всё новые пути, переосмысливать устоявшиеся стереотипы и нормы морали».

При работе с художественными произведениями Вл. Мороз активно привлекает документальные источники: архивные документы, мемуарную литературу, записанные краткие устные воспоминания современников, исторические исследования. При этом старается учесть все pro et contra, не давать одностороннюю оценку событиям, не судить однозначно поступки героев своих произведений. Большинство героев его произведений – люди, судьбы которых сломала, скрутила революция или советская система. Порой он поднимает «неудобные» темы, о которых долгое время, по вполне объяснимым причинам, умалчивали или говорили шёпотом. Да и сейчас кому-то выгоднее представлять нашу русскую историю в искажённом свете.

Но Владимир Мороз старается следовать объективности и собственному наитию. Недаром роман «Рванные души» посвящён одному из самых сложных, неоднозначных и мрачных периодов нашей истории – Великой войне, революции и Гражданской войне в России, а в центре повествования – трагическая судьба русского офицера, верного своему долгу и своей любви. По сути, это произведение – дань памяти всем верным российским офицерам, которые не пошли на поводу бандитского режима большевиков, не покривили душой, не разменяли своё понятие о чести.

«Ни офицерский мундир не сделает вас храбрым, ни священническая ряса – милосердным, ни судейская тога – справедливым, ни министерское кресло – сильным, если ваша душа не изобилует ни мужеством, ни состраданием, ни праведностью, ни крепостью», – говорил святитель Николай Сербский. А в главном герое романа «Рванные души» – капитане Владимире Фёдоровиче Новицком – как во многих порядочных и благородных людях той эпохи, сочетается и мужество, и сострадание, и справедливость, и крепость духа, и верность долгу и чести. Да, он живой человек, со своими ошибками и страстями. И Вл. Мороз вовсе не идеализирует главного героя, как и других персонажей романа. Его Владимир Новицкий разрывается между долгом и привязанностью к семье и невольной, но искренней любовью к женщине, которая ответит ему таким же сильным чувством. Он может, по воле обстоятельств, срываться, вершить справедливый суд, балансировать на грани жизни и смерти. Но есть черта, грань, которую главный герой повествования не переступит никогда, не допустит малодушия и сомнительной сделки, не предаст Родину, не предаст любовь. Это автор очень хорошо прочувствовал и показал на страницах романа.

В своё время автор художественных мемуаров о Гражданской войне на юге России, которые стали книгой «Походы и кони», участник событий тех времен Сергей Мамонтов писал: «Война – ужасная вещь. А война гражданская и того хуже. Все божеские и человеческие законы перестают действовать. Царит свобода произвола и ненависть». Об этом пишет и наш современник Владимир Мороз в «Рванных душах». Но ещё и о том, как сохранить человеческое лицо, человеческое сердце в хаосе ненависти и беззакония.

Что я особо отметила, что меня очень порадовало при прочтении: создавая произведение о событиях первой четверти XX века, автор не стремится подражать ни Булгакову, ни Пастернаку, ни Шолохову. Мороз пишет по своему, в своей стилистике. Язык его произведений – это стиль современного человека. Язык культурного человека, не загрязнённый сленгом и примитивизмом. Без пафоса и наигранности, словесной мишуры и игры в слова,

но с живыми диалогами и героями. Забегая вперёд, отмечу, что во всех его произведениях присутствует некоторое влияние нашей послевоенной т.н. «лейтенантской прозы» и зарубежных произведений писателей «потерянного поколения», а в диалогах «Рваных душ» можно найти некоторые параллели со стилем А. Куприна. Но это всё не подражание, а авторские реминисценции, основанные на хорошем знании литературы. Владимир Мороз не прибегает к замысловатым эпитетам, к риторическим оборотам. Его слог простой и ясный, но в нём чётко описываются судьбы людей, их характеры, чувства и действия.

История трагической и прекрасной любви оттеняет мрачную и порой очень мерзкую действительность. Вначале у меня закрались некоторые сомнения: не решил ли автор, не мудрствуя лукаво, повторить сюжетную линию замечательного фильма «Адмиралъ», но потом я поняла, что это – другая история, тоже очень возвышенная и светлая на фоне ужаса эпохи. Герои проносят свою любовь сквозь годы и испытания, разлуку и вечность. Авторский замысел показывает нам, что война и смерть могут торжествовать, но мир – это любовь, и лучшее, что есть в человеке – это любовь.

Единственная моя претензия к автору: постоянное подчёркивание, что любовь главного героя – «грешная», становится необоснованным и раздражающим повтором, особенно когда это слово повторяется несколько раз в тексте и (!) в аннотации к книге. Да, понятно, что герой разрывается между долгом перед семьёй (хотя чувства там изжили себя) и возлюбленной, что он воспитан в традиции быть верным единственному браку, что любая «интрижка» на стороне – грех, даже если она со временем перерастает в серьёзное чувство. Герои М. Шолохова, Льва Толстого, М. Булгакова, И. Бунина, Б. Пастернака тоже мучались, попадая во власть любви или страсти, которая идёт в разрез с устоями общества, воспитания и даже здравого смысла. Но авторы находили для этого определённые стилистические приёмы, образы, эпитеты.

А в целом роман Вл. Мороза «Рваные души» – это сильное, живое, разноплановое произведение. В моей относительно небольшой статье я не имею возможности углубиться во все пласты и подробности, остановиться на каждом герое и персонаже.

Остальные изданные произведения автора посвящены периоду Великой Отечественной войны, в основном – наиболее драматическим событиям начального периода войны. Роман «Сашка» описывает судьбу молодого советского солдата, белорусского паренька Сашки, свидетеля вероломного начала войны, отступления и кровопролитных боёв. Но кроме Сашки читатель знакомится на страницах книги с целой чередой людских судеб и

людей, сломанных войной и несломленных, сильных и малодушных, порядочных и подлых. Роман читается тяжелее, его повествование сжато и сухо. Перед нами художественная хроника. Но это вновь размышление на тему природы войны и человека в её нечеловеческих условиях. Это книга о том, как война способна как разрушить душу, так и, наоборот, раскрыть лучшие стороны человеческого сердца.

Повести автора продолжают развивать темы, поднятые в романах. «За отвагу» берёт за основу довольно расхожую историю. Честно говоря, тематика отношений в духе «конвоир-пленник» (вариант - «пленивший-пленник») или когда два врага оказываются в одной «связке» и вынуждены есть один хлеб, пить воду из одной фляги и выживать в сложившихся условиях – не нова. Здесь вам и хрестоматийные «Кавказские пленники», и «Сорок первый» Б. Лавренёва... В современной литературе и кинематографе данной теме тоже уделяется немало внимания. Достаточно вспомнить наиболее яркие примеры – фильм А. Рогожкина «Кукушка» или повесть Вл. Маканина «Кавказский пленный» (с последующей экранизацией А. Учителя – фильмом «Пленный»). Даже в жанре фэнтези и фантастики нет-нет да и обыграют эту тему. Поэтому каждая новая попытка взяться за знакомый сюжет – дело очень рискованное. Но Владимира Мороза это не останавливает. И он идёт на риск, представляя читателям свой вариант сюжета. Эта повесть – наиболее остросюжетное произведение автора. Даже её завязка – в духе серии «Военные приключения» или сериалов о разведчиках: небольшая разведгруппа послана за «языком», но операция срывается, один разведчик убит, второй – тяжело ранен. Во всей этой передрыге целыми и невредимыми остаются только самый молодой из разведгруппы по имени Василий да пленник Хейнс – парнишка-немец из вражеского обоза, волей случая оказавшийся незадачливым попутчиком убитых в перестрелке немецких офицеров. Василию удаётся довести раненого старшину и пленника до партизан. Линия фронта тем временем откатывается назад, так как действие происходит в августе 1941 г., и добытые сведения теряют актуальность. Немец интереса не представляет, и от него надо избавиться, что по логике войны – самое разумное, но события приобретают сюрреалистический оттенок. Или из характерной для нас, русских, жалостливости, или по своей логике, отличной от логики войны, раненый старшина отдаёт приказ Василию довести немца до наших частей, объясняя это тем, что пленник послужит залогом доказательства выполнения задания и к Василию не будет претензий со стороны «особистов». Приказ есть приказ, его надо выполнить. Так начинается трудный путь героев повести по оккупированной территории, по дорогам и бездорожью войны, по тайным тропам сво-

ей души, по осознанию и прозрению. Как и в «Сашке», читатели вместе с героями повести соприкоснутся с разными людьми и разными судьбами. И снова перед нами – серьёзная, очень достойная проза. Да, в повести будет немало захватывающих моментов – и погони, и перестрелки, и схватки. Но повествование не скатывается в приключенческий «шутер» (игру-стрелялку). Автор рассуждает о непростых вопросах человеческих взаимоотношений и поступков. Некоторые моменты звучат невероятно остро и щемяще.

Самая новая повесть «Обречённые на забвение» – это история высшей самоотверженности. Горстка тяжелораненых бойцов, не имеющих шанса на спасение, прикрывает отступление окружённых частей, чтобы те выиграли время и сумели пробиться к своим. В повести нет никакого героического пафоса, громких слоганов, красивых речей. Это – не лакированная картинка, не агитка, а история подлинного героизма. В ходе повествования мы узнаем судьбы каждого из этих людей, перемолотые, переломанные сталинской эпохой. И при этом никто из них не помышляет сдаться в плен или просто ждать смерти в землянке. Они будут сражаться до последнего. Не за Сталина и пресловутых «вождей», не по приказам, не потому что «ни шагу назад»...

Описывая изнанку войны, самую её сущность, Владимир в своих произведениях даёт описания довольно жёсткие. Он не романтизирует ни войну, ни действия воюющих сторон. Оно и понятно. Романтика – это парады. А война – совсем не романтическое и не эстетичное зрелище. Не говоря уже о том горе, которое она несёт каждому человеку, оказавшемуся в её власти. Книги Мороза имеют ограничение 16+, и найдутся те, кто начнёт возмущаться тем, что автор слишком увлекается описанием ужасов войны... Но, во-первых, давно признанные классики литературы не приукрашивали действительность, описывая войну или поступки людей. Во-вторых, я сейчас нередко сталкиваюсь с тем, что рьяные «эстеты» и приверженцы красивых картинок в описаниях спокойно посматривают фильмы ужасов или почтивают, например, Мориса Дрюона или Джорджа Мартина, по-своему хороших авторов, но грешащих подробными описаниями средневековых убийств, пыток и казней. Но что делать? Двойные стандарты нашего ханжеского общества. Так что тем, кто привык не портить себе настроение и не дразнить свои эстетические чувства, читать радужные сказки и тёмное фэнтези, книги Мороза вряд ли придутся по душе. Но те, кто способен понять и почувствовать, сразу уловят, насколько человечны главные герои его произведений и многие из тех, с кем приходится им сталкиваться, насколько важно сохранить в себе, несмотря ни на что, хотя бы частицу тепла и света. «Люди злы, а человек добр», – говорил Рабиндранат Тагор. Герои произведений Мороза подтверждают это высказывание.

«Мне очень хочется писать так, как это было на самом деле, без прикрас, чтобы у читателей появилось желание просто задуматься о происходивших событиях, делать свои выводы. Я откровенно считаю, что любая война – зло», – говорит сам автор.

Для Владимира Мороза война – это действительно огромная трагедия, и для народа, и для отдельного человека. Трагедия вдвойне, если она – братоубийственная, затеянная ради власти и ненавистности, грабежа и разрушения, какой она описана в «Рваных душах». Или – величайшая трагедия, когда на твою землю приходят иноземные захватчики, когда жизнь в одночасье превращается в ад, а вечные человеческие ценности подвергаются нечеловеческой проверке на прочность.

Владимир Мороз – один из немногих современных авторов, которые не только серьёзно подходят к теме, не только обладают писательским талантом, не только проживают жизнь своих героев, но и пишут честно, не кривя душой, не стараясь угодить кому-то. Пишут, затрагивая тонкие струны души читателя, заставляя не быть равнодушным. Также, читая его произведения, мы видим и чёткую гражданскую позицию автора. Владимир Мороз выступает против войны как разрушающей силы. И искренне не сочувствует ни большевикам-коммунистам, ни преступному советскому режиму, откровенно говорит об ошибках и просчётах власти и командования. Но при этом сочувствует обычным нормальным людям, даже если тем пришлось родиться и жить уже в советской России, и это сочувствие и симпатии передаются и читателям. И всё это, несомненно, вызывает большое уважение к автору и привлекает внимание к его глубокому творчеству.

При написании статьи были использованы материалы с сайта Владимира Викторовича Мороза и записи личной беседы с автором.

Ахрип ГУЛТОЛПЫ

Критик

А желания сбываются?

«Любовь похожа на комнату, в которой нет потолка. Страсть – на комнату, в которой нет пола», – утверждал ингерманландский философ Эдвин Корсар. И у нас нет повода с ним не согласиться.

В романе-притче Анастасии Баталовой эти два чувства (любовь, страсть) сливаются в одно, во что-то третье – любовь+страсть, и именно поэтому, всё действие, всё развитие любовной истории романа происходит не про-

сто в комнате, а в целом мире, где нет, условно говоря, ни пола, ни потолка, к тому же, и стен не наблюдается... Если даже второстепенные персонажи сквозь них легко проходят, не испачкав платья.

Весь сюжет держится на этой главной (хотя и невидимой) интриге любви-страсти, столь же самоотверженной, сколь и собственнической.

При этом роман о такой любви, о такой мистической и магической страсти несколько не выглядит обыкновенным любовным романом из серии романтических дамских мыльных опер.

Перед нами – современное фэнтези с элементами боевика и детектива (только успевай следить за ходом событий) незаметно, пожалуй, для самого себя, обращается настоящей притчей. Волшебники-колдуны, ведьмы и русалки занимают свои, предназначенные им места в этой притче-сказке, разбавленной или густо пересыпанной составляющими научной фантастики. Существует, к примеру, прибор-наручники для ареста магов, и другие антимагические устройства, разработанные ведущими инженерами.

И всё же, весь смысл в первой любви, не вообще – в первой, а в первой – настоящей: жестокой и сладкой, чувственной и связанной ограничениями, невозможной и желанной.

Герой и героиня на протяжении всего повествования долгое время ходят бок о бок, действуют сообща, работают вместе, перемещаются в своих предпочтениях взаимной любви вокруг да около друг друга, удовлетворяясь, не любовью, а желаниями.

И только интуитивно, подспудно читатель может предугадывать, предчувствовать, предсказывать для себя, что в конце они обязательно будут вместе, что «Бог, Судьба, Провиденье» неминуемо расставит всё по своим местам, и случится то, что должно.

Головокружительные и непредсказуемые виражи сюжетной линии закручены так, что, порой, вылетаешь на обочину, пытаешься одуматься и опомниться. Но автор снова умело направляет читателя по нити-линии сюжета – дальше и дальше.

Пусть город-мир, где живут и действуют персонажи романа – одновременно и сказочный и фантастический, но он почти непреодолимо реальный, реалистичный.

Если у Кира Булычёва (Игоря Всеволодовича Можейко) в его «Непоседе» присутствует сюжет о том, что эпоха ведьм и колдунов, драконов и рыцарей когда-то в стародавние времена, действительно существовала на Земле, то здесь у Анастасии Баталовой она – та эпоха – так и продолжалась до самого не слишком отдалённого, как я понимаю, будущего.

Надо отметить серьёзную психологичность романа и социально-гражданскую позицию автора, по крайней мере, ярко выраженную по отношению к обществу потребления.

Роман многопланов, его спектр широк, как горизонт в закатном море.

Необычное и необычайное так срастаются в красках и в тонком духовном мире с реальностью, что нет никакой силы их разъединить.

Несмотря на эту гремучую и огнедышащую, взрывоопасную смесь, читатель с неослабным и зорким вниманием неотрывно и выжидательно следит за главными героями необыкновенной пьесы. Ну, ведь, они должны, обязательно должны в конце книги полюбить друг друга. Хотя и не было никаких намёков, во всяком случае – откровенных (видимых) намёков, но что-то неведомое мучает, подсказывает. Но автор, наоборот, подталкивает иногда к другим мыслям.

И, тем не менее, – влюбятся, и будут вместе, и будут счастливы...

И ты веришь в это?

В завершении романа – неожиданная и непредвиденная развязка, сразу после кульминации вкупе с эпилогом, как мне кажется, сознательно, автор использует здесь аллюзию к роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита».

Может быть, многих из нас это окончание разочарует, а кто-то задумается над смыслом своей собственной жизни и любви, захочет искренне что-то изменить, пока не поздно.

Кто вас знает, дорогие читатели?!

Я воздержался от пересказа сюжета, точнее его деталей, поскольку – полностью пересказать – значит, и читать не надо. В данном случае полный пересказ вообще невозможен, ибо притча должна восприниматься только в цельности, «от первого до последнего слова», от начала до конца, от зачина до завершения, от Альфы до Омеги.

Сокровенное содержится даже в самом названии романа-притчи – «Исполнитель желаний».

Вот, возьмите в руки волшебную палочку, «коробок спичек» из «Тайны железной двери»... И раз... два... три...

Сколько там желаний можно исполнить?

По-моему, одного достаточно, но только – самого-самого, можно сказать, неотвратимо желанного, но доброго, честного, справедливого, по совести, по уму, по душе.

Почему желания сбываются именно в новогоднюю ночь? Энергетика веры в сбываемость действует на тонкий мир, раздражает нервы Вселенной. Такие вещи возможны и в других случаях. Если сильно-сильно захотеть...

Прошу вас, дорогие читатели, не желайте зла, не желайте недоброго, даже если вас обидели. Это может иметь непредвиденные последствия.

«Немир» Алисы Клио

*О пожелтевшие листы
В стенах вечерних библиотек,
Когда раздумья так чисты,
А пыль, пьянее, чем наркотик...
<...>*

*И тёрн сопутствует веницу,
И бремя жизни – злое бремя...
Но что до этого чтецу,
Неутомимому, как время!..*

Николай Гумилёв

– Не верю, – повторил он. – Мало ли что где пишут. В газетах, книгах... я столько их прочёл на своём веку, а Вы, юноша?

Алиса Клио

«Крик души и неопределённость». Именно такой подзаголовок (впрочем, не исключено, что это было название, за давностью лет, не помню) я дал давным-давно одному из своих так и не состоявшихся поэтических сборников.

И что я этим хотел сказать?

Чем – подзаголовком или упоминанием о нём?

А может, тем и другим?

При разговоре о неопределённости все ЭТИ вопросы имеют право на существование. Они инвариантны. Правда, ответ на них один – на всех: Следуя по извилистому пути бесконечных ассоциаций, я нашёл ближайшую из них к роману Алисы Клио «Немир», и решил нагло и недвусмысленно похвастаться ею перед читателями, и своими, и будущими читателями романа. «Вот я какой, тоже сумел, хоть боком, но прикоснуться к автору!» (Мечта любого критика.)

На вопрос – почему, ответ – проще простого – захотелось. С этого началась моя критическая «подрывная» деятельность – прочитал и побежал делиться своими восторженными впечатлениями с друзьями, родственниками, одноклассниками, случайными знакомыми, со всеми, кто попадал под руку. Это было непреодолимое желание, я не мог себя контролировать. Я же прочёл – это здорово! Пусть и другие узнают, почувствуют радость узнавания и понимания. ЭТО я сегодня так объясняю, в пятом классе советской школы я ЭТОГО никак не объяснял, просто делился и хвастал.

«Немир» с видимой стороны... Впрочем, неясно какая из его сторон видимая, но это не важно: есть внешность, по которой определяют (узнают, идентифицируют) человека, предмет, книгу. Эту внешность я и подразумеваю, когда утверждаю – с видимой стороны роман «Немир» – недоделанное фэнтези.

И дело здесь не в том, что в романе без всякой системы, злого умысла и задней мысли просто перемешаны в невычисляемых пропорциях полупонаучная фантастика, полусказка, полутриллер, полудетектив, полупhilософия, полуметафизика – все возможные полумеры-недомерки. Здесь намешано ещё много чего, чему и определения не выдумать. Но главное – в неопределённости. Даже в отношениях добра и зла нет – как нет конкретных критериев. Злой оказывается добр, а добрый может быть злым, иногда. Неопределённо всё. Не путать с «не определено». Всё неопределённое, тем не менее, благополучно идентифицируется. В целом, всё – как в жизни.

Роман Алисы реалистический. Роман о книге. Ну, не только о книге, о литературе вообще, о читателях, писателях, библиотеках, архивах – обо всём, что включает в себя понятие книга, вплоть до рукописей.

Недаром главным героем повествования является книга – «Книга времён», которая пишется всегда, независимо ни от каких катаклизмов, беспределов, концов света, вселенских катастроф, апокалипсисов, армагеддонов и прочей мелочи. Книга времён становится на один уровень с Творцом, с Тем, Кто Создал Наш Мир И Немир – Тоже.

Те, кто пришли следом, писатели-творцы так же вносят свою лепту в эту вечную книгу. И даже маленький, но настоящий писатель способен её, даже оставленную Творцом (незаконченной, незавершённой, брошенной), продолжить.

Все мельчайшие детали указывают на эту возможность. Способность хранителя архива в Немире чувствовать книги пальцами, постоянное желание героя (почти главного) найти везде, где бы он не оказался, библиотеку, наконец, внятное ощущение того, что посторонние, не относящиеся к делу, обстоятельства катастрофически мешают писать (сочинять, фиксировать, создавать, творить), в частности, королю Галахаду (одному из действующих лиц разыгрывающейся трагедии и неправильному герою по совместительству). Он – бедняга так и не успевает закончить свои мемуары, несмотря на бессмертие. Но за Галахада в той самой Книге времён их сможет дописать кто-то другой.

Роман Алисы приключенческий. Все атрибуты приключенческого романа в нём присутствуют. Путешествия, столкновения, открытия, интри-

ги. Последние плетутся (не о скорости речь) одна за одной, взаимосвязываясь, переплетаясь друг с другом и разрываясь в неожиданных местах. Доходит даже до чисто детективного сюжета, когда главного «подозреваемого», перебрав несколько вариантов, автор выносит за скобки – в окончание, завершение романа. Тем более что и там с этого человека «подозрения» снимаются. А как же – виновны все, почему же одному персонажу отдуваться?

И потому, что всё неопределённо.

Кульминация действия и сюжета приходится на момент, на этот раз не ГЕРОИ, а почти главные действующие фигуранты попадают в некую область Немира, именуемую Подступы, где и хранится та самая книга, о которой всё время говорят. Так вот, там и царит безраздельно настоящая неопределённость. С этого момента начинаешь понимать, что всё, происходившее с персонажами до этого, и всё, что случится после – не более чем та же неопределённость. Воронка этой неопределённости только там – на Подступах.

В общем, так и остаётся не определено – кто виноват. А надо? А может, – все мы? А может, – никто?

Явная неопределённость во всём многообразии.

Автор сумел почувствовать, прочувствовать этот момент жизни и реальной, переведя его в мир другой, он смог гиперболизировать свои ощущения.

Другой мир.

Мы знаем его и по фантастике, и по фентези. Давно знакомы. Новая неоткрытая планета, переход во времени, дендритная (ветвистая) структура самого времени Алексея Леонидовича Королёва, параллельные миры и т.д.

Мы уже читали и знаем «Улитку на склоне» братьев Стругацких, «Робинзоны космоса» Франсиса Карсака и «Заповедник гоблинов» Клиффорда Саймака, «Непоседу» Кира Булычёва. Мы многое читали. «И вот уже в который раз придумал я свой мир», – мог бы с гордостью сказать любой из писателей-фантастов, да и вообще – любой писатель.

Но здесь и сейчас речь идёт о романе, написанном о книге со всеми вытекающими последствиями.

Книга – это всё, что у нас есть – заключает автор. Иными словами – книга – это наше всё, а совсем не А.С. Пушкин, как думали раньше. (Хотя в этом смысле и он – наше всё.) Без книги нет, и не будет ЖИЗНИ. И, наверное, если это неверно математически, то на уровне метафизики – обязательно верно. Я, как бывший математик, утверждаю и свидетельствую.

Книга это и есть – наш критерий, отражение, образ, наша объективная мерка – измерение нашей действительности.

А читатели – показатель плюса или минуса спроса на этот критерий. Не показатель голосования за того или иного кандидата на выборах, а показатель, по большому счёту, живы мы ещё или умерли, все.

Такие вопросы задаёт себе и нам автор «Немира».

Алиса Клио пишет уверенно, твёрдо, с безошибочной точностью выбирая краски и оттенки. Трагическое и комичное у неё соседствуют согласно вполне определённом контексту общей неопределённости. Выдумывание иного мира – только приём, чтобы показать всю непреодолимо близкую неопределённость нашего, объективно реального.

И дружно заскрипели перья...

Однажды, впрочем, возможно, даже известно когда именно, 4 июля 1977 года, через пять лет после того, как покинул страну советов, Иосиф Бродский написал:

...Скрипи, моё перо, мой коготок, мой посох.

Не подгоняй сих строк: забуксовав в отбросах,
эпоха на колёсах нас не догонит, босых.

Мне нечего сказать ни греку, ни варягу.

Зане не знаю я, в какую землю лягу.

Скрипи, скрипи, перо! переводи бумагу¹.

После «канонизации» поэта, как Нобелевского лауреата и возникновения в мире такого явления, как Интернет, наши с Вами современники дружно заскрипели перьями, которых, возможно, и в глаза не выдывали никогда.

Очевидно – в надежде потратить побольше бумаги и чернил, что указывает прямо на их работоспособность.

1 – Хотя образ скрипящего пера встречается также в других произведениях Иосифа, например, в стихотворении «Друг, тяготея к скрытым формам лести...»:

И я, который пишет эти строки,
в негромком скрипе вечного пера,
ползущего по клеткам в полумраке,
совсем недавно метивший в пророки...

я, склонен считать, катализатором процесса именно этот отрывок из «Пятой годовщины».

Однако началось вся эта «вакханалия», т.с. «процесс пошёл», ещё задолго до Бродского².

Похоже, начал эту оригинальную скрипучую традицию совершенно своеобразный поэт-авангардист Тихон Чурилин –

КОНЕЦ КЛЕРКА

Перо моё пиши, пиши.

Скрипи, скрипи, в глухой тиши.

Ты, ветер осени, суши

Соль слёз моих – дыши, дыши.

Перо моё скрипи, скрипи.

Ты, сердце, силы все скрепи.

Скрепись, скрепись. Скрипи, скрипи,

Перо моё – мне вещь купи.

Весёлый час и мой придёт –

Уйду на верх, крошечный крот,

И золотой, о злой я мот,

2 – критики склонны считать, что «Нобелевский лауреат» «позаимствовал» «скрипучий» образ у Владислава Ходасевича, который в 1923 г. написал –

Дай посягать в румянном блеске,

Прилежным поскрипеть пером.

Живёт в его проворном треске

Весь вздох о бытии моём.

(«Вдруг из-за туч озолотило...»)

Что ж, не буду спорить, однако стихотворение Чурилина датируется 1913 годом. Да и, вообще, впервые перо заскрипело в пушкинском послании «К другу стихотворцу», только этот скрип подчёркивал тщетность усердия несчастного графомана:

Страшись бесславия! – Что, если Аполлон,

Услышав, что и ты полез на Геликон,

С презреньем покачав кудрявой головою,

Твой гений наградит – спасительной лозою?

Но что? ты хмуришься и отвечать готов;

«Пожалуй, – скажешь мне, – не трать излишних слов;

Когда на что решусь, уж я не отступаю,

И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.

Пусть судит обо мне как хочет целый свет,

Сердись, кричи, бранись, – а я таки поэт».

Арист, не тот поэт, кто рифмы плестя умеет

И, перьями скрывя, бумаги не жалеет...

Жаль, что нынешние стихописцы не удосуживаются читать классику.

Отдам – и продавец возьмёт.
 Возьму и я ту вещь, возьму,
 Прижму я к сердцу своему.
 Тихонько, тихо, спуск сожму,
 И обрету покой и тьму.

Полагаете, здесь речь идёт только о служебных записях клерка и о его заработной плате? На первый взгляд речи о творчестве нет и в помине, но, как знать, странный клерк вполне может и стихи пописывать, речь-то у него насыщена образностью. Впрочем, наша речь о продолжателях «скрипа».

Первым мне на кончик уже моего критического пера попался некий Евгений Голубенко (Поэт души) –

СКРИПИ, СКРИПИ, ГУСИНОЕ ПЕРО

В чернильнице моей немало слов
 Нагуливают красоту и силу,
 Сближая стихотворца ремесло
 С витиеватым ремеслом мессии.

Густеет неокрепших строчек суть,
 Становится опасной и чреватой.
 Обмолвишься не так, рискнёшь чуть-чуть –
 И в сытое заказан путь обратный.

Скрипи, скрипи, гусиное перо,
 Делись со всеми донорскою влагой.
 И, чтоб на миг от сердца отлегло,
 Всю боль мою препоручай бумагам.

Несмотря на «всю боль», о которой здесь больше ни слова и не сказано, весь опус смешон. Слова, нагулявшие жирок, как-то употребляются не к месту и не по делу. Звание мессия никак не означает, что оный говорит красиво и сильно, при этом ещё и витиевато. К слову, несложно догадаться, откуда взялась эта «витиеватость». Эта реминисценция пришла к нам из знаменитой «Свечи» Беллы Ахмадулиной. Напомню –

Всего-то, чтоб была свеча,
 свеча простая, восковая,
 и старомодность вековая
 так станет в памяти свежа.

И поспешит твоё перо
 к той грамоте витиеватой,

разумной и замысловатой,
и ляжет на душу добро...

Для настоящего поэта «путь в сытое» вовсе не благо, а гибель. Риск обмолвиться как раз и означает – совершить ошибку в поэтическом произведении, следовательно, перестать быть поэтом и отправиться в сытое. Делиться своей болью, называя её донорской влагой, попахивает издёвкой. Ну, да чего не сделаешь, чтобы хоть на миг от сердца отлегло. Через миг-то придётся снова садиться за перо и скрипеть им дальше так же усердно, не забывая пополнять чернильницу...

Хотя, надо заметить, что, скорее всего, большинство стихов из «Международной паутины» не только написаны не гусиным пером, но и не пером вообще, и не на бумаге даже. Все они родились в компьютерных программах, а, м.б., и прямо в пространстве Интернета, и были они не написаны, а, что называется, набраны или, грубо говоря, набиты. Вероятность такого самая большая. А перья скрипят для той самой красоты слов, о которой талдычит «Поэт души».

А вот уважаемая Ву Галина Тен вкрадчиво и вполне прилично «поскрипывает своим пёрышком» уже на тему несчастной любви, у которой, как известно, только стихи и бывают –

НЕ СКРИПИ ПО БУМАГЕ ПЕРО...

Не скрипи по бумаге, перо.

То, что было, уже не вернуть,

Как вчера, ты шагнул за порог

И продолжил свой жизненный путь.

Одиноким не будешь ты, нет.

Да и я не останусь одна,

Только радостей общих и бед

Не подарит нам больше весна.

И унылая рифма тоски

На тетрадку мою упадет.

Не увидим мы больше весны,

Ведь она к нам уже не придёт.

Следующим номером нашей программы – некий юморист «кубинец» (так у автора) из «Глухих дебрей Амазонки» со своим наскальным, точнее, надрённым шедевром –

Скрипит перо гусиное,

И строчки всё быстрее

Спешат неукротимые

Навстречу новых дней.

Скрипит перо гусиное,
Работает поэт,
Чтобы сердца счастливые
Дарили людям свет.

Скрипит перо гусиное
Уж вечер на дворе,
Соседушка сварливая
Ворчит на ухо мне.

Скрипи перо гусиное!
Пусть шумит толпа!
И сквозь молву постылую
Летят мои слова!

Работа Дмитрия Бобылева

Где раки зимуют,
Однажды узнав,
С пивом туда приходи!

Подгармошечный конгломерат из «Песни о встречном» Бориса Корнилова и «Свечи» Константина Бальмонта ловко оборачивается балагурной шуткой в виде хокку. Если Поэт души втюхивал людям свою боль по капле на лист, то странник «кубинец», наоборот, хочет всех осчастливить и вешает над своим рабочим столом громкоголосую объяву – «Пейте пиво с раками!».

Возможно, конечно, возможно, что «хокку» оказалось в «опасной» близости к данному шедевр совершенно случайно, но тогда стишок станет плоским, как поднос.

Впрочем, не надо думать, что все инет-авторы «одинаково полезны». Надо сказать, что лучше, чтобы их было «больше хороших и разных».

Следующий наш «пронумерованный программист» Степан Аксёнов посвятил незнакомому мне Валентину Панарину очередное «Скрипи перо...» –

Скрипи перо. Терпи бумага.
Тоску и грусть свою забудь.
До вдохновения – два шага,
А, может, ещё меньше путь...
Ну, наберись чуть-чуть отваги,
Ведь мысль уже щекочет нерв.

Рука к перу, перо к бумаге...

Без притязаний на шедевр.

Вот, оказывается, «где собака порылась». Тут уже «Солнце нашей поэзии» в явном виде со своим золотым пером³. Вот, где начало всех начал. О смиренном терпении бумаги мы тоже наслышаны. Так что здесь всё в порядке: аппликация-контаминация – налицо. Написано беззаботно – «без притязаний на шедевр».

А у следующего №-а, наоборот, – налицо – претензия.

Стейси – N

*

Скрипят перо и половицы,

Слова пятнают белый лист.

Опять пишу. Опять не спится.

Мешает ветра тихий свист.

Мешает свет луны неполной

И ночи чёрной темнота,

И встреча с Музой непокорной.

Она приходит не одна.

Она приходит с Вдохновением,

Идеей, гениям под стать,

И пробуждает нетерпение:

Нельзя уснуть – пора писать.

Пора писать. Затихли птицы,

Луна взлетает в небосвод.

А я не сплю. А мне не спится.

А я пишу который год.

3 – эта строка относит нас к образу пера из пушкинской «Осени» («И пальцы просятся к перу, перо к бумаге...»). Да и у Бродского можно встретить, к примеру, в «Литовском ноктюрне»:

Вот откуда пера,

Томас, к буквам привязанность.

Вот чем

объясняться должно тяготенье, не так ли?

Скрепя

сердце, с хриплым «пора!».

Тут, кстати, проявляется явная перекличка с Тихоном Чурилиным.

Первые ассоциации умиляют⁴. Сразу вспоминается «скрипит моё потёртое седло» и «пока, пока, покачивая перьями на шляпах». Я вижу в этом опусо-шедевре явные признаки самопародии. Тем более что у моего знакомого поэта (нашего современника), Михаила Кузьмина, есть великолепная пародия на стихи Андрея Майкова (тоже знакомого поэта и современника) –

О ПОСКРИПЫВАНИИ

Поскрипывала старая кровать,
И вместе с ней поскрипывала дружба.
Хотелось не любви, а просто спать –
И я решил, что так оно и лучше...
Андрей Майков «Искушение», СП-6, 2001.

Да, о любви писал, пожалуй, всяк –
Особенно – кто в звании поэта:
И так, и сяк, и наперекосяк, –
Одно и то ж, про то-то, и про это...

В конце концов, на дружбу наплевать,
И на любовь случайной проститутки!..
«Поскрипывала старая кровать...»
А это, сами знаете, не шутки!..

И спать хотелось, скулы аж свело.
И я решил проспаться – как ни странно?!
Во сне скрипело старое седло –
Не у меня, увы! У Д^тАртаньяна.

Я стану стар. Меня страшит одно:
А что как стал поэтом я случайно?..
Поскрипывать мне будет суждено,
А это, сами знаете, печально!..

Зимой смеркается сразу после обеда.
В эту пору голодных нетрудно принять за сытых.

4 – признаться, и у самого «Законодателя моды» «перо скрипит, как чужие сани» в «Эклоге 4-ой (зимней)»:

Зевок загоняет в берлогу простую фразу.

Сухая, сгущённая форма света –
снег – обрекает ольшаник, его засыпав,
на бессонницу, на доступность глазу

в темноте. Роза и незабудка
в разговорах всплывают всё реже. Собаки с вялым
энтузиазмом кидаются по следу, ибо сами
оставляют следы. Ночь входит в город, будто
в детскую: застает ребёнка под одеялом;
и перо скрипит, как чужие сани.

В общем, я отвлёкся. Первая строчка навеела массу впечатлений. И их становилось, чем дальше, тем больше, по мере чтения шедеврального опуса Стейси – N.

Вторая строка доказала читателям, что автор действительно пользовался настоящим пером, ибо слова у него напоминают кляксы. Хотя, можно заметить, что половые признаки у автора отсутствуют, но говорить о нём, не он, а – оно, я, разумеется, не стану. Потому выбираем мужской пол. Наугад, несмотря на явно женский псевдоним.

И, пожалуй, не ошибаемся, в третьей строке автор-герой отказывается от выпивки, т.к. никак не может спиться и приступает к стихописанию.

В четвёртой читатель неожиданно понимает, что не спился автор из-за тихого свиста ветра, очевидно пугающего своим сходством со свистом из «Пёстрой ленты» Артура Конан Дойла. Как уж тут сопьёшься, когда змеи полезут из стен!

Далее смех уже начинает душить читателя.

Из следующей строфы мы узнаём весь список того, что мешает автору. Итак, мешают –

свет луны неполной,
ночи чёрной темнота,
встреча с Музой непокорной,
которая приходит не одна.

В первых двух строках, явно противоречащих друг другу, автор пытается отвлечь внимание читателя от главного. К нему одновременно пришли две дамы. Одна из них непокорная, а вторая, полагаю, её сопровождает, чтобы автор не начал приставать. Атмосферу нагнетают бледный месяц – сквозь черноту ночи. Теперь становится ясно, почему автор до этого пил. Одни ужасы – кругом.

Но, к сожалению, в третьей строфе читатель узнаёт о своей досадной ошибке. Оказывается он (читатель) допустил путаницу. Ни о какой пьянке

речи не шло. Просто автору не спалось. Муза и Вдохновение посетили его и... наделили гениальной идеей. Пробудилось нетерпение, до этого всё же успевшее заснуть... и началось.

Затихли птицы, луна взлетела (луна вообще-то, медленно поднимается), и автор начал писать, и, вот, уже который год всё пишет, и пишет, и пишет. Никак остановиться не может... бедняга.

Слава «первопроходца» Бродского, несомненно, перешагнула границы нашего богоспасаемого Отечества.

Белорусский поэт, Рыгор Иванович Бородулин написал неплохое, в сущности, поэтическое произведение на тему скрипения пера. Вот оно в переводе Ивана Бурсова –

Скрипи, перо!

Скрипи, перо!

Ночей

Не спи, – а как иначе?

Скрипеть – всё лучше,
чем

Захлёбываться в плаче.

Скрипи, перо,

пока

Спеша, греша и каюсь,

Ещё бежит строка,

Устало спотыкаясь.

И хоть в душе мертво,

Спеша, как прежде,

смело...

Тайком ни на кого

Ты в жизни не скрипело.

Последние строки особенно удачны, они выводят произведение на общечеловеческий масштаб.

Ну что ж, теперь рассмотрим произведение владелицы следующего номера – Веры Никольской –

Скрипи, скрипи, полночное перо,

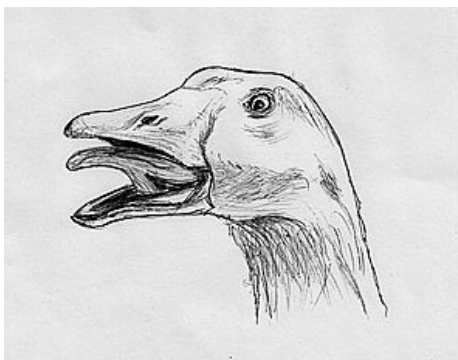
Терзай меня и царствуй на бумаге!

Достанет ли безумства и отваги

Цепочку слов оплавить серебром?

Какая мука в радостной мольбе,

Какая блажь, какое злое зелье –

Работа Дмитрия Бобылева

Бросать в огонь с надрывом и весельем
Слова навстречу будущей судьбе.

Какие-то из них сгорят живьём,
Какие-то блеснут сияньем новым,
И будут ли они прожить готовы
Совсем в другом значении своём?

Мой друг, судья, старинное перо,
Храни меня от лжи и пустословья,
Царапай не чернилами, а кровью
По жизни, что мерещится игрой.

Работа Дмитрия Бобылева

К этому монументальному созданию претензий нет. Разве, что неумолимая банальность, как его сюжетов, так и образов его.

Здесь, пожалуй, есть всё-таки одна находка. Обращение к пословице – «Слово – серебро, а молчание – золото»!

На «арене» появляется новый участник программы (его номер – не шесть). Встречайте, Андрей Кучумов со своей новой пестней –

Поэт я или не поэт,
Я не сумею дать ответ,
Хоть хорошо с бессонницей знаком.

Который год в ночной тиши
Моя душа твердит – Пиши!
Хотя слыву, наверно, чудачком.

Пусть кто-то скажет – Ерунда!
А мне так нужен карандаш,
И горечь папирос, и крепкий чай.

Скрипи перо, огонь гори.
Недаром кто-то говорил –
Перо сильнее булатного меча.

Скрипи, скрипи, моё перо!
Пусть будет нелегко порой,
Но всё ж, судьбу благодаря,
Стараюсь верить, что не зря
Скрипит, скрипит моё перо.

Страшит и манит чистый лист,
Мы с ним неистово вели
За каждое словечко жаркий бой.

А где-то выгодней смолчать,
Но всё труднее различать
Где тут твоя, а где чужая боль.

И пусть твердят, что это блажь,
А мне так нужен карандаш,
И горечь папирос, и крепкий чай.

Скрипи, перо, огонь гори.
Недаром кто-то говорил –
Перо сильнее булатного меча.

Дальше повторяется пятистишие:
Скрипи, скрипи, моё перо!..

...

И... наконец – завершение:
Гори, гори, моя душа!
Воспоминанья вороша,
Ты подскажи мне пару строк.
Скрипи, скрипи, мое перо!
Моё счастливое перо!

Возможно в виде пестни это и злоупотребимо, т.е. кто-то этим злоупотребляет. К примеру, наш номер первый, который тоже хотел промолчать. Да и другие, страдающие бессонницей поэты или не...

В этом произведении даже не к чему придаться. Банальщина на банальщине сидит и банальщиной погоняет. Кроме просьбы – ты подскажи мне пару строк моё скрипучее перо – ничего своего у автора не было и нету. Как говаривал небезызвестный некто по фамилии Коровьев – «Что самое интересное в этом вранье, что это враньё от первого до последнего слова»!

Никакого пера и нет, карандаш, чай – кофе, сигареты – дым, гитара – кухня.

Айда – пером скрипеть. Зачем?

Я спрашиваю – зачем это написано? На вопрос – для кого – я уже ответил. Для наших номерочков, если мои читатели это проигнорировали или пропустили.

Нашёлся некий аноним-псевдоним по кликухе – Димыч, решился выступить вне конкурса, простите, вне программы. Послушаем его мысли –
СКРИПИТ ПЕРО, БУМАГА ТЕРПИТ...

Рождение слова от природы,
От созиданья, от труда,
От бед, что выпали народам,
От счастья, жаль, что не всегда.

Слова по капельке веками
Текли в копилку языка,
Росой, дождями, ручейками
Росла словесная река.

Разливы слов, моря; богатство –
Пиши, не ощутишь потерь,
Не совершай лишь святотатства,
Бездумно тратя их теперь.

...

Скрипит перо, бумага терпит,
Загружен рифмой Интернет,
Народ бесценным словом вертит,
Цены словам, похоже, нет.

Похоже, ему надо было бы выступать под занавес, в конце «программирования».

Несколько неумело, но зато – прямо в точку. Дружные скрипачи перьями должны аж пошатнуться от такой правды-матки.

Не все, конечно, а только – избранные.

Но, к большущему сожалению, они (скрипачи перьями) не перевелись.

И, как обозначено, в том самом Инете «из глубины души» выступает Тётушка Ау –

Скрипи, перо! Листок, шурши!
Уже летит строка!
Из глубины моей души!
Свободна и легка!

Как знать, какой остаток дней
Есть на моём веку,
Но можно сделать жизнь длинней.
Хоть на одну строку.

Тут – не подкопаешься. Сделать жизнь длинней – это, разумеется, веский повод для скрипа пером. Или скрипа пера?

Впрочем – без разницы. Жизнь длиннее – смерть короче. И это – хорошо.

Опять в нашу программу вклиниваются иностранцы. Следующим номером будет Alexander Montgomerie (Александр Монтгомери).

Для начала он прочтёт своё произведение на родном ему языке (для тех – кто понимает) –

Sonnet 53. Go, Pen and Paper

Go, Pen and Paper ! publish my complantis;
Waill weghtie words, because je cannot weep;
For pitthie poemis prettilie out paintis
My secreit sighis as sorouis gritest heep,

Bred in my breist, je rather dungeon deep,
As prisoners perpetually in pane,
Vhilk hes the credit of my harte to keep,
In martyrdome, but mercy, to remane.

Anatomeje my privie passionis plane,
That sho my smart by sympathie may [sie,]
If they deserve to get some grace agane;
Vhilk if they do not, I desyr to die.

Go, sonet, soon unto my Soveran say,
Redeme jour man, or dam him but delay.

Лично я даже не понял, на каком это языке, но есть же переводчик – Сергей Александровский по совместительству – русский поэт.

Послушаем, ещё одного продолжателя процесса скрипения на русском –

Сонет 53. «Пиши, скрипи, послушное перо...»

Пиши, скрипи, послушное перо,
Бумаге поверяй мою мольбу.
На скорбь стихами сетовать – старо,
Старо – в сонете проклинять судьбу.

Да нынче мы с бедой ведём борьбу...
Слова! Рыдайте, подымайте вой!
Перо! Немало горя, как в гробу,
В груди похоронил хозяин твой.

Ох, горе схоже с гирей пудовой!
Коль милая не сжалится и впредь,
И не простит – повинной головой
Клянусь: гораздо легче умереть.

Прости поэта! Разом от скорбей
Избавь его – иль разом же убей!
Пожалуй, это не хуже Петrarки. Сразу видно – итальянец.

Это уже совсем не о стихах, а о любви, прямо, как в песне, которую
когда-то яростно пела наша Алла Пугачёва.

Но это – поэзия, а не стихослагательство, не версификация и не графомания. Не рифмоплётство. И перо здесь вполне уместно скрипит, и вполне возможно, автор Пушкина читал, хотя, скорее всего, Бродского, но он своё привнёс в этот долбаный скрип.

В 200... неизвестно каком году, к нашему шоу присоединился и Антон
Духовской со своим вариантом скрипения –

ЧТО Ж – СКРИПИ МОЁ ПЕРО

Что ж – скрипи моё перо...

С глаз я чёлочку откину.

Был я молодым Пьеро.

Стал я старым Арлекином.

К седине года спешат.

Но есть время до развязки.

Дома ждут тетрадь стишат,

Коломбины юной ласки.

Тридцать пять – ещё не срок
подведения итога.

До последней из дорог
есть ещё одна дорога.

И заброшенный перрон
в снежное проснётся утро.

Только вот с висков Пьеро
не отмоем белой пудры.

В небесах не кончен счёт
 всем моим дождям и птицам.
 И хотя бы раз ещё
 я смогу до слёз влюбиться.
 Свет зовёт чужих планет.
 Но ещё в земных маршрутах
 своё имя нужно мне
 в отчество отдать кому-то.

Крутит пусть за кругом круг
 времени упрямый циркуль.
 И – кто знает? – может, вдруг
 встречу я тебя у цирка.
 Что ж – скрипи моё перо...
 Не оставят, не покинут
 эти песенки Пьеро,
 даже в маске Арлекина.

Хочется поаплодировать мастеру. Здесь всё – на своём месте. Мне напомнило это одно из юношеских стихотворений Максима Швецца –

БЫЛО ЭТО ВЧЕРА...

Было это вчера...

Юбки веер порхал.

Этот танец – игра.

Эта ночь – карнавал.

Эта музыка – шум

в декорациях штор.

Мальчик в смокинге – шут,

маскарадный актер.

Арлекино – чудак

накрахмалил лицо...

А в последних рядах

шепоток с наглечей:

«А любовь эта – бред!

А сближение – ложь!

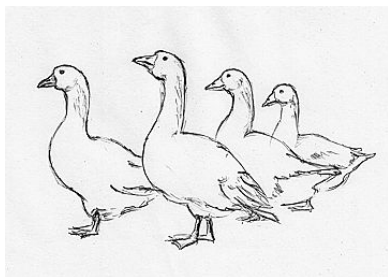
Это фарс, – а не смерть!

И герой не пригож!

Коломбина глупа.

Пониманье – обман.

Арлекино упал,
неуклюжий болван!
Краска красная – кровь.
И чернильная синь...
Арлекино, каков?!
Его имя – Максим.
Коломбина хитра.
Её Танечкой звать...»
Это было вчера,
много лет назад.

Работа Дмитрия Бобылева

Одна беда – скрип пера в стихотворении Духовского совершенно, абсолютно, невозможно – ни при чём.

А всё остальное – своё – оригинальное – поэзией называется.

Порадовал меня, ну, и вас, господа читатели, заодно, некий псевдоаноним SeT своим юморным стишком –

Скриплю мозгами каждый день,
Пора бы смазать их, наверно.
Да всё мешает что-то. Скверно
Когда тебя так держит Лень.

Поэт, скрипи пером, не телом,
Иль не услышишь песен муз.
И выйдет со стишком конфуз,
И нарекут стишок твой Белым.

Насчёт белого стиха спорить не буду. Может быть, может быть. Однако рифма выдумана была гораздо позже стихов и поэзии. А в остальном – весело.

Пора перейти к главному номеру.

Если бы не Евгений Антипов, я бы и не снизошёл, и не сподвигнулся, и не заметил.

В книге Антипова «Только рисунок» я наткнулся на следующую контаминацию (надеюсь, что на стихи Бродского), реминисценцию на стихи Пушкина, Чурилина, Ходасевича, похоже, Вяземского и т.д., а, м.б., ещё и античных поэтов, и латинян и т.д., и т.п. –

Желтеют листья. Прочно, день за днём.
Не ты теперь мои ласкаешь кудри.
Как мудро ты молчишь: у нас, у мудрых,
Всё звонкое ещё произойдёт.

Кривляются, скучают облака.
 Нам нечего любить. Нам негде скрыться.
 Скрипит перо. Скрипи своё постскриптум.
 Желтеют листья. Идиллично как.

И что нам листья? Листьев – не срывал.
 Мы знаем эту смену декораций.
 Как прозаично. Лишь в прозрачных пальцах
 скрипит перо, коверкаю слова.

И улыбаюсь: что такое грусть?
 И ты не тронь оторванные числа,
 не плачь слезами, всё ещё случится
 когда-нибудь, потом, когда-нибудь.

Вот тут я испытал настоящее потрясение. Если назвать Антипова должителем поэтической ветви Виктора Сосноры, значит, ничего о нём не сказать. Антипов – эпигон, но в самом лучшем смысле. Как видите, он использует свою собственную палитру, как настоящий художник, он не пользуется чужой. Но кладёт на неё краски, которые сделали другие. Но смешивать краски – это главное.

Когда-то, в моей далёкой юности, один мой приятель страшно удивился, увидев у меня на листе цвет, которого не было ни в карандашах, ни в фло-мастерах. Я тоже удивился. Я и не задумывался, смешивал всё подряд. Получалось что-то другое.

Так поступают мастера.

А что касается оригинального, индивидуального, то и с этим всё в порядке.

Прочно желтеют листья – одно это дорогого стоит. А дальше – больше. Сами подумайте над этим.

СПІВІЗІТ «ЛІТЕРАТУРА»

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО "ЛАМПА"

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Алексей КАПИТАНЧУК

Я подношу дары карандашу,
И хороню, под грифелем листы,
А ты, снежи, декабрь, я прошу –
Весь город в ожидании застыл.

Бесснежность нежно город довела
До белого запоя, до числа
Бутылок под кроватью, на столе –
Живи на стеклотару хоть сто лет!

И только белость перекроет грязь,
И поймана на удочку, как язь,
В руках зимы трепещет чистота –
Бесцветность белоснежного холста.

Снежи! Кружи! Слтай на гаражи!
На крыши лапу снега положи!
И от корней небес, до кроны льда
Отчисти нашу землю Белый Дар!

Как беспризорник ночью,
По проспекту
Коросту ледяную тротуара
Один
Подошвой стоптанной
Терзает –
Так я
Влеком венком чернильным
Черчу через сомненья знаки
И комканное зеркало бумаги
К несчастью разобьётся
О чернила.

Облако в сумерках, около
Озера, осенью просится
Ливнями – косами, с проседью
Холода, вылиться О землю.

Яблоко – солнышко, лампочка
Космоса, спицами жаркими,
Жёлтыми, греются жАлюзи
Времени, лучиком ласковым.

Дерево листьями острыми
Тычется в облако сонное.
Бедное, красное, солнышко
Режется ветками вольными.

Пруд

Вода, вода, вода, вода
Дырою чёрного пруда,
Замкнутая в кольцо душа,
Спит за оградой камыша.

Едва шуршат рыдания ив,
По берегам у глубины,
Их сны ветвями сплетены.
Листва опавшая скользит

В разверстой небу глубине.
Коряги чёрные на дне
Хранят секреты блеклых рыб
И пруд отрезан и сокрыт –
Лишён движения воды.

Я возвращаюсь от
Двери из всех дверей.
Ноги ломают лёд
На перепутье дней.

Девушка-тень-асфальт
 Прячься скорее в шар,
 Прячься ко мне в хрусталь,
 В мой котелковый вар.

Спицы секунд стригут
 Времясплетенье глаз.
 Речи лежат в снегу –
 Жить подбивают нас.

Жить или просто быть?
 Я прикоснусь к руке.
 Нас накрывает быт,
 Спрятанный в кошельке.

Ты закрываешь дверь.
 Стачек в ночи кипит,
 Снова поёт метель –
 Путь для меня накрыт.

Динара МАРДАНОВА

В одиночестве
 Не до пророчеств,
 Хочешь, Кришну зови,
 А хочешь,
 Ближе к ночи, без «Аве Отче»
 Я сыграю два солнечных вальса
 На ладони своей –
 Твоей.

Между пальцев,
 Беспечных пальцев
 Оживает твой ритм
 Абстракций
 Хари-хари, святые старцы,
 Хари солнцу и хари земле.

В одиночестве
 Прячутся ночи,
 Наши ночи, святые ночи.
 Мы живём в этом ритме отчем,
 В ритме от «ничего-чего».

В ритме радио, в ритме раций,
 В ритме скерцо
 «Остаться-статья»
 В ритме ран дождевых,
 И сдаться
 Будет проще всего.
 Всего.

Иду за тобой, во тьме. Мне всё равно. Холодно. Падает снег. Ты держишь за руку. Иногда. И вода, я ощущаю её. Вода.

Вода, вода. Как привет из прошедших дней. Я была замужней. Совсем не твоей. Ничьей.

Я в полнолуние ходила бабочек выпускать. Слёзы текли по щекам. И простить – солгать.

Не за что. Мой заветный муж. Мой нелепый бог. Совершенство в простенках наших пустых дорог. Ты живёшь в каждом дереве, в каждом замшелом пне. Я отпускаю на ветер слова, а тебе видней.

Нежность заходит в тупик каждый миг, когда. Сны полудетские выхолостит вода. Вода струится по телу. По тлену дней. Ты отступаешь назад. Да. Тебе видней.

Ты отступаешь в пустоты, в простенки дней. Я так хочу протянуть тебе руку. Но ты сильнее. Я остаюсь – наравне с природой – одна. Во тьме. Рейден. Вернись ко мне сонмом дней, в уме.

Танец вселенной. С мыслями наравне. Белая дева танцует на ветхом пне. Белая, полунагая. Смешная связь. Счастливы были мгновение. Дальше... власть.

Света над тьмою. Пространство пустых стихий. Предощущение повторов. Прощальный стиль.

В мыслях до полудетского никогда. И вода по стене. По спине. По мечтам – вода.

Цвет мира – прозрачно-красный.
Глаза, лобовая доля.
В молчании, безопасно
Выводишь чувства на волю.

Сомнения, выше веры,
Сомнения, ярче света,
Влюблённый, предельно-серый,
С другой не-родной планеты,

Стрекочуще безопасный,
Пьянящий как горный воздух,
Неспешно сменяя краски,
Рисует цветы и звёзды

На сколоте подсознания,
Зажатом меж серо-синим,
В глазах огонёк признания
И отблеск, и нежный иней.

В глазах ни крупинки правды.
Ты скомкан, разорван, брошен.
Потерянный миг желанья,
Как конь молодой, стреножен

И соткан мираж спасенья
В воде, идеально гладкой.
А дальше – на запад, тенью.
На запад, без слов, украдкой.

Миф, пережёвывая нутро,
Овладевая тем, что почти добро,
В тихом пределе искренности, любя,
Наперекор обетам дробит тебя

На миллиарды замшевых мотыльков.
Ты или полугений (не то чтоб бог),
Или оранжевый, полный чужих идей
Плюшевый мишка, сторож бесцветных дней.

Как в лабиринте звёздном найти ответ?
Кружится спутник в небе, спокойный свет.
Дафна заходит в комнату, извинясь.
Между мечтой и сказкой какая связь?

Как бессознательны сказочные пути.
Вот через лес зелёный бредёт мотив
Песни, забытой кем-то на ветхом пне.
Ты говоришь: «Это Локки».

Тебе видней.

Анна ПЕТРОВА

Девять солнечных дней для города –
Патология. Бред и жар.
Говорят, если тело вспорото –
Девять дней будет с ним душа

Расставаться. И новорожденный
Девять дней обживает плоть...
Но наш город, насквозь продолженный,
Глух и нем: угадать бы хоть,

Умирает он или муками
Нарождения скручен в жгут.
Те, кто стены его простукивал,
Знают: все его стены лгут.

По фасадам бежит орнаментом
Пентаграмма петровской лжи.
Даже светом пробитый намертво –
Пациент наш как будто жив:

Небо поднято декорацией,
Впущен в сад заводной павлин,
Львы расставлены, солнце-рацио
Освещает мощёный блин.

Классицизм вволю сдобрен броскостью.
 Но разряд шаровой души
 Не задержится в этой плоскости.
 Лоск бесплотен. А он спешит:

Он пытается скрыть испарину,
 Заморозить предсмертный пот.
 Столько холода напускает он,
 Что и кровь уже не идёт –

Чуть сочится из ранки, наледью
 Застывая. Почти убит,
 Из смельчачества выйдя на люди,
 Он скучающий принял вид

И с улыбкой кивает доктору,
 Вникнуть в капли и чудеса
 Ни на миг себе не давая труд.
 «Исцели себя, врачу, сам».

Доктор лезет в пузатый портфель: жиры,
 Углеводы – измерил всё...
 ...Мы же знаем, коллеги-фельдшеры,
 Если вовремя не отсёк,

Как досада вспухает, как злость томит, –
 Что же мы, побросав ножи,
 Наблюдаем, как между плоскостями
 Девять дней вызревает жизнь?

Алексей САХАРЧУК

Капнул столом на язык,
 Щепкою нёбо вскопал.
 Заламинирован крик
 Оперативных лекал.
 Сжамкай чернила в ладонь,
 Пасту залей в отпечаток.
 Белое дерево тронь,
 Но без перчаток.

Порожняк. Стенки, и те просвечивают.
 Всё качусь, как таблетка в пузо.
 По дороге меня обилечивают,
 Плюс отдельный талон для груза.
 Прицепляются вдруг ненароком –
 За какие крюки не ведаю –
 То ли палочки стафилококка,
 То ли красные тельца каретою...
 Вот, упал. В кислоте, тоскуя,
 Расползаюсь на многие дольки.
 А желудок, меня воруя,
 То джигитку возьмёт, то польку.

Кажется, мир со-шёл
 С теми, кого нельзя
 Выжать. А порошок
 Судеб просыпан. Зря
 Качество фаворит
 Людей осмысляющих
 Искру, что коротит
 В разум. Всепоглощающа
 Власть у количества
 В головах обесточенных.
 Мысль где спичечна,
 Но бескоробочна.
 Миру бы «меж»
 Двинуться, только вот
 Вестибулярная брешь
 В поворот...

Оттягивал резинку наизнанку,
 Держа за-под-коленку в полруки.
 Батистовые трусики на пьянке
 Строжайше неуместны, Mon Ami.

Локтём колотишь кости криворука,
 Однако же ложишься на кровать.
 Батистовые трусики с испуга
 Ты выбросила в форточку летать.

«Маяковский – Высоцкому»
 Ты слышишь,
 Высоцкий,
 Стеклом опоясанный?
 Комок наркоманов и клерков
 пускается в пляс.
 И нам
 приходится гадство буржуйное,
 вислощёкое,
 В нутро своё вторгнуть.
 Стадо баранов крещёное
 Полезет на гланды,
 Вцепившись ногтями.
 Закат, углядевши их визг пороссячечный,
 Потопит твой памятник, Вова.
 И в прачечной
 Рабочего нет.
 Громада оконная,
 слушай,
 Высоцкий,
 Ребёнка Антея взяв за руку.
 Закатятся всё-таки солнце
 и свиньи
 за палубу...

И странно, что голый карниз,
 И видно, что некому спрыгнуть,
 И кажется будто вниз
 Пора бы уже привыкнуть,
 Проглатывая испуг.
 Да только мои привычки

Случаются как-то «вдруг»,
Минуя собой переклички
Событий. Послушай, друг,
Щепоточкой крошек кирпичных
Обсыпешь паденья круг
Таких же, как я, непривычных?

Макаюсь рукою в кинжал,
Подвывих икоточно стонет.
Но обер-штурм-фюрер забрал
Мои трепыхания воли,
Последствия предотвратив
Калечащего побега.
Бросает под локомотив
Несбывшегося калеку
И спрашивает: «Укус
Полотен плотнее вздоха?
Насколько ментален вкус
Когда рецепторов – кроха?»
Не знаю. И щебня ком
Не выстрелившим ответом
Заглатываю. Потом –
Забвение пистолета.

Мне кажется будто кино
Не в качестве дерева спето,
А словно гнилое сукно –
Обёртка для пистолета.
Зерно нераскрывшихся слов,
Росток гениальных проектов
Теряется в звоне голов,
Увидевших спецэффекты.
Оглохнувши, мякоть семян
Сдувают на дальнюю полку.
Невыкуренный кальян
Со смыслом, кладут в кошелёчку.

Тише... непропорционально страшно
 Не нащупывать письма,
 Не вдыхать ощущение каждой
 Рассыпающейся в слова

Строчки. Тише... Помолчим
 О созвучиях смыслов слов.
 По фонемам соединим
 Отголоски глухих мостов.

Стекает день с опущенной руки,
 Задерживаясь лишь от вздутых вен.
 Утраченные капли не смогли
 Разбудоражить жажду перемен.
 По щиколотку ноги не видны,
 Сокрытые во мгле стоячих вод.
 Живу, не замечая глубины,
 Из года в год, из года в год...
 Болотный смрад уже почти родной,
 Сплетается с рукой и головой
 Неразличим (тире) неотделим.
 Густеют испарения низин,
 С тобою, разум, мысленно парим,
 Вскипая, выделяем керосин.

Пасмурно. И не то чтобы холодно,
 Но колотит. Мои мечты
 Перемешаны. В огненном
 Взгляде порыв пустоты.
 Перебежками. Просто хочется
 Поразмяться. От ватных ног
 Не отвертись. Ночью то
 Не увидишь полных дорог.
 Переулками. Так спокойнее
 Поразмыслить. У темноты

Нет пристрастия. Человечнее
За собой возводить мосты.

На песке перекрёсток,
Скрытый ветром сыпучим,
Перешагни.
Нераскрывшийся воздух.
Наизнанку прокручен.
Тошнит.

По стеклу растеклась по сто
Растрёвоженных студней
Настойка.
Серебрёное полотно –
Межсезонная койка.

Пой
Передышками между квартир
Бей
Перерывами перед собой
Спи
По пути к перекрёсткам идей
Лги
При молчании после тоски
Стой

Александр СЛАВНИКОВ

Зимнее облако

Зимнее Солнце – тусклая пуговица на полотне,
лампа фонарная в скользком колодезном дне.
твари походят на прошлогодних таких же тварей,
прикрывайся от них, если маски нет, марлей.

Абсолютно сгорают все вирусы
 в беспощадном живом огне.
 Твари походят на тварей. Парни походят на баб.
 В коридорах метро теперь факелы вместо ламп.
 И я прохожу этот путь в полумраке,
 надеясь избежать неожиданной драки.
 Ускользнуть из чудовищных чёрных лап.
 Ледяная пустыня. Медведица и медвежата
 живут пока. Ядерная кнопка ещё не нажата.
 Только погонщик на них испытал электрический кнут.
 Ты бы это узрел, если сумел подойти к окну,
 любопытство твоё так остро и так кровожадно.
 Белоснежный рояль, на котором – тюлени, сугробы, гробы,
 от костра на вчерашней стоянке меловые клубы.
 Медвежонок не просит у матери горькую титю,
 он готов уже с новою самкой к соитию.
 О, на севере крайнем все крайне грубы.
 Ледяная пустыня, и ты без неё – ледяной,
 снеговик приглашает в бездну, пойдёшь ли со мной?
 Ветер трепет, кого ещё, в принципе, можно трепать?
 Ветер – терпит. За это – бессмертен. За это ему – Благодать.
 Есть ли Жизнь под замёрзшей навеки рекой,
 оловянный солдатик, нашедший в камине покой?
 Надувные пузатые фляжки – застывшие утки в пруду.
 Каменные лисицы, которых уже за курятник
 уже не привлечь к Суду.
 Не без трещин блестящий забор, как эмаль, поражённая ржой,
 как цинга, как царап, как стекло по стеклу –
 ногтем, грифелем, лезвием, взглядом, наживкой, ножом;
 треугольник, прижатый за тупость
 к самому острому своему углу.
 Ласки походят на ласки. Лайки походят на лайки.
 Тот, кто закручивает гайки, продолжает закручивать гайки.
 Ломом долбишь в колодце зеркальное сдутое дно.
 Под сукном на столе оказалось такого же цвета сукно.
 И ожившие снеговики собираются в хищные стайки.
 Тварь теперь утверждает, что только кажется таковой.
 Снежная королева, сказали, покинула пост ферзя.

Ледяная пустыня, в которой найти себе лёд нельзя.
Кашель безостановочный над обугленной головой.
Зимнее Солнце в чулке, в околевших руках энтомолога.

Не рожжающее никак, но нависшее бременем слёз,
беспощадное облако.

Предельно прозрачно

твари приходят к твари
и признаются: «устали,
нам не нужны медали,
правый глаз – голубой,
левый, однако, карий.
Ну – выбирай любой».
твари молчат и плачут.
Значит, какой-то Мальчик
в Вифлееме рождён,
ирод, не бей копытцем
под проливным дождём,
Мальчик ведь – Многолицый.
Значит, ты – побеждён.

Блины

В те года были солнечным только двор,
да из мальчиков местных церковный хор,
бабка юная нам всем пекла блины
вот такой ширины, вот такой толщины.
Продолжалось всё это довольно дол...
а потом в меня вбили осиновый кол,
и теперь я кидаюсь на всех, а все
еле крутятся в сломанном Колесе.
Я плюю в потолок, и хрустальный гроб
мне советует крышку разбить о лоб,
дабы выбраться, дабы матери мать,
как ребёнка, как дурочку, обыграть.

Октава

Мыши влезают в уши,
 чтоб глухоту разрушить.
 Выскобленной щекою
 к зеркалу пианино,
 выйдя за грань покоя,
 бережно прислонись.
 Моцарту лучше видно
 с нотных твоих страниц.
 Толстый чугунный купол
 звуки накрыл от кукол –
 думаешь, ты отличен
 от остальных глухих?
 Может быть без кавычек,
 сносок и прочих птичек
 узнан Библейский Стих?
 Конус твой слух настиг.
 Мыши закончили поздно,
 увековечь их в бронзе,
 сыром не унижай!
 Пусть не возьмёшь октаву,
 но ты напишешь сонату,
 солнечную скрижаль.
 На пианино мыши
 клавиши лижут....

Рождество

Ручейки проступили на потолке.
 За окном намело так, что будь здоров.
 День застрял в разжиревшем суровом сурке,
 отливающим цинком и серебром.
 Подойди, разомнись, к ледяному окну.
 Снеговик за стеклом отошёл после сна.
 Он, как ты, свою линию тоже гнул
 и теперь составляет компанию нам.
 Через дюжину лет треснет пруд во дворе
 сквозь осколки протянет к тебе ладонь
 Тот, Кто празднует в январе
 Рождество. Прикоснись ко Мне. Зеркало тронь.

Положение кресла

Разверни своё кресло на север, к углу,
 профиль ясен для снайпера на чердаке.
 ты создал с ним особый интимный клуб,
 где протез держит он на гнилом курке.
 Разверни своё кресло на юго-восток,
 чтобы снайпер позицию нужную взял.
 Вы черту перешли, и ты скажешь «стоп».
 Только вряд ли уже остановишь ферзя.
 Разверни своё кресло по центру, и Свет
 через стёкла окна и очков ослепит.
 Вдруг зажмурился снайпер – неловкий момент.
 И – стрелок твой другими стрелками убит.

Пётр – примёрз и не слезет с седла

И проступает сквозь бронзу зелень.
 Может быть, кляча его унесла
 и не помог бы волшебный гребень
 гриву счесать. Успокоить лошадку.
 Всадник бы точно ослабил хватку.
 Так что зима их спасла обоих.
 Так же застыл на коне Николай.
 Нам не оставить царей в покое –
 в рыцарском образе подавай.
 Но остановлена колесница.
 Вечный покой только Блоку мог сниться.
 Факел чадит в одноместном каноэ,
 в саван завернут наездник-царь,
 в сумраке тело, как кокон, другое,
 в форме растянутого яйца.
 (Вспомнил, как тётку в гробу целовал.
 Вкус солонины – знакомый металл).
 Речка сужается вглубь под мостом,
 спящих скрывают пещерные своды,
 Саван рептилья смахнула хвостом,
 словно сменила рубашку колода.
 Прыгнула за борт. Кривляется факел,
 мысль настигает об аде в Аду.

Жизнь свою зря на царей растратил.
 Вместе с Христом не остался в Саду...
 В саван заруюсь – разбудят, небось,
 чтоб целовать меня тоже пришлось.

Из дупла

Я в дупле заскучал, посмотрю на полянку.
 Перевёрнутый стул – словно в башнях улитка.
 Ливень метит Ахиллу в хрустальную пятку,
 но по темени длит бесконечную пытку.
 Перебежчик от дерева к дереву скачет –
 от слоновьей ноги до ноги динозавра
 он за пазухой спрятал с начинкою мячик,
 чтоб закинуть в дупло не сегодня, так завтра.
 аХИЛес получил это имя как ХИЛый
 и теперь прячет первенца от царицы,
 ищет норы в деревьях, пещеры и дыры,
 чтоб ребёнка укрыть – самому не укрыться.
 Оловянной рукою качаю младенца,
 деревянной – считаю колонны в лесу.
 От детей не получится лешему деться,
 и поэтому люди их нам несут.
 Это было давно. Лёд – лиловый и лютый
 в мою чашу проник без подсказок и троп.
 На поляне пруды – как дымящие люки.
 Люди валят деревья – на лодку и гроб.

Хургуях-Тас

Каменные курганы. Изваяния в тишине.
 Женщина-богатырь убивает свекровь –
 вечный сюжет в тюркоязычной стране,
 живущей по принципу подсчёта голов,
 то ли овец, то ли тучных молочных коров,
 то ли местная Марианская котловина
 лавой наполнится и оставит скульптурными вдов,
 как при извержении платиновой плотины.
 Где-то в этом котле, как в глубокой чаше,

мать твоя притаилась и чинит метлу,
 чтобы вовремя покинуть собственных пташек,
 не попасть под раздачу вулканическому стеклу.
 И когда Енисей подойдёт или платины магма,
 к бабе каменной Хуртуях успеи подбежать,
 попроси тебя сделать продолженьем Кургана –
 то есть то – что не сделала твоя мать.

Весы

Лошади кровью плюют и ржут,
 ждёт тебя войлочный экипаж,
 по бескозырке сползает жук,
 напоминая воню клопа.
 Всё ли готово? – в нос говоришь,
 и незнакомец в ошейнике лжёт:
 «Да, всё готово. Осталось лишь
 нам погрузить ваших жён».
 «Скажешь – свободны, теперь я – аскет,
 может быть, в новом краю найду
 бабу слепую с весами в руке,
 чтобы смогла меня вздуть».
 Голод, наверно, определил
 наше сознание пустое и быт,
 Дети желают услышать быль,
 там, где не белый бычок, а бык.
 Дети, готовы? И лошади в ров
 прыгнули. Баба смеётся слепая,
 от удовольствия щерит рот,
 ужин с кониною предвкушая.

Зимняя песня конченной твари

Эта песня – о декабре,
 январе, феврале, о марте.
 Речь усопшего, горечь, бред,
 отражённый в его медкарте.
 Эта песня – залог у тех,
 кто берёт у поэта залог.

Работа Александра Масленникова

Одиночество в темноте,
 над которой проносится Бог.
 Эта песня – служенье Добру,
 оправдание матери страшной;
 доведи до конца игру,
 даже если твой ферзь – бумажный.
 В темноте чей-то плач и ничей,
 просто кажутся слёзы плачем;
 может – Дракула, может – Кощей.
 То есть песня о горе, значит.
 Может, песня, о лучших днях,
 может, песня о Светлой Доле?
 Растолкуй, разбуди меня –
 человек о спасении молит.
 Эта песня – о смысле лет,
 уносящих во Свет любимых.
 Даже если... любимых нет.
 Значит, дело в иных причинах?
 Эта песня – пособие для,
 дабы пешек построить рать.
 Для того, кто молчит, чтоб кляп
 в пасти смог удержать.

Эта песня – конец конца,
за которым, надеюсь, начало,
ты не сможешь теперь отрицать,
что тогда... отрицала.

Фигура ферзя

Поздно рыпаться, здесь нам солгать нельзя.
От фантомов пешек не спасти ферзя,
ты зачистил вокруг не одну поляну
и развесил из шахмат над речкой гирлянду.
Из квадрата прыгнул на новый квадрат,
а представь, что под ним не квадрат, а – дыра?!
Будешь падать в дыру, не порви мундир,
ты ведь в курсе, какие фигуры содержит тир?
Или это, допустим, коварный ход?
И фигура сама по доске идёт?
Но квадрат за квадратом приводят в куб,
ферзь берёт тебя за испуг.
За ферзём будет следовать новый ферзь,
сквозь себя пропуская почву, как червь,
чтоб последующий понимал,
как в сравнении с первым ферзём он мал.
После множества партий и сбитых фигур
мне не страшен ни римлянин и ни гунн,
подо мною скорее треснет доска,
на которую ты меня отпускал.

Благодарная публика

Молодой человек удаляется медленно от тебя.
Безвозвратно, наверно. И Ангелы вострубят,
что тоже довольно скверно сейчас поступил.
А сам продаёшь лишь за то, что недавно купил.
Молодой человек удаляется. Значит, и ты удались.
В приближении фотоприцела – рассмотришь рычащую рысь –
Данте встретил какую-то тварь в лесу.
Значит, Ад лишь начался – а не подошёл к концу.
Репетиции то ли кончились, а может быть, начались.

В последнее время я ловлю втихаря глухаря
и глюки ловлю, и глюка, и ференца, мать его, листа.
Мать как-то обмолвилась, что папа был роялистом.
При этом её глазёнки чудовищным светом горят.
При виде концерта с роялем в отсутствии пианиста.
В последнее время я – совсем молодой человек.
Мне нужен твой дельный, а может, бездарный совет.
Сигналы послал, за органом скрываясь, натужный Бах.
Клюет не зазубренным клювом в капелле сонливый монарх.
К часовне на гору восходит – ряд усыпальных шкатулок-карет.
В последнее время я не вижу в чулане копия,
чтоб ноты проткнуть, чтоб, собственно, подтолкнуть
к убийственному для меня
поступку, пойти на уступки
с кровавой шкатулкой.
Но разве поддамся я?
В последнее время я в тональности слышу фальшь,
как жмых из турбин духовых, из флейты с прожилками фарш.
Никто уже не сочинит ни фугу, ни пастораль –
Бах больше не жмет пред органом на болевую педаль.
И только мужчины в цилиндрах исполнят вам траурный марш.
Молодой человек немедленно удаляется от тебя.
Возможно, ему нагрубил. Возможно – ещё нагрубят.
Возможно, его тонкий слух сканирует вздохи мух.
Кукушка хвалит петуха, не потому что он – петух,
а за умение одновременно играть на инструментах двух.
В последнее время я не вижу последнее время.
Оно – ни убито, ни спрятано и ни дремлет.
На пепельном табурете, возможно, обугленном пне,
за пианино, пред входом и выходом в Ад скрипичный,
в воронке, на самом колодезном влажном дне,
с трагичною маской на морде весьма комичной,
по клавишам бьёт человек твой любимый,
скорей всего не попад,
и изредка, в перерывах,
ему рукоплещет
глухой безголосый Ад.

СТИХИ.РУ...НО...

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Елена СУББОТЕНКО

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора Александра III*

Солёная песня

За сколько лет, за сколько зим
Нам это не испытать...
Пойдём за солью в магазин,
Чтоб ровно пуд купить.

Чтоб не корили ни за что,
Чтоб всё по чести честь.
Пуд соли выложим на стол
И будем долго есть.

Мы обо всём поговорим
И всё переживём,
И столько раз переговорим,
Покуда соль жуём.

И будет лёд, и зной, и грязь,
И будет трудно нам,
Но пересолов не боясь,
Мы всё возьмём сполна.

Мы наломаем кучу дров,
Но вспыхнет наш очаг,
Един и прочен станет кров,
А прочее – пустяк.

Ночная сказка

Лишь лёд преломит тонкий
Свой первый лунный луч,
Я поверну тихонько
В двери огромный ключ.

Войду, вздыхая смутно,
Хоть дело всё не в том,
В ужасно неуютный
И очень древний дом.

Чуть скрипнет половица...

Ну, как ты тут, один?

Небось, опять не спится

Тебе, мой господин?

Неси ж вино скорее,

Я разожгу камин.

Дай губы отогрею

Тебе, мой господин...

Ах, сразу не согреешь,

И потому, поди,

Так быстро ты пьянеешь,

Мой бедный господин...

Что ж дерзость? Где отвага?

Ты вдохновенно слеп,

Влюблённый бедолага,

Мой приручённый лев.

А мне усталый почерк

Опять не смог помочь...

Нежнее этой ночи

Я буду в эту ночь.

И мускулы тугие

Я тихо обниму,

Что не поймут другие,

То я одна пойму.

Со лба я сдуну хмурость,

Наветы отведу...

Мне не знакома мудрость

На первом лунном льду.

Растает ночь, а с нею

И мой растает след.

Была ли, кто и где я?

Была. И есть. И нет.

Закарпатье

Оборвутся разговоры
И отхлынут берега,
Я шагну за сини горы,
За высокие снега.

На малиновом закате
Голубая тишина,
Закарпатье – Закарпатье,
Непонятная страна.

От прощальной незабудки
До не встреченной весны
Только буковые Буки
Да невиданные сны,

Да в невысказанной сказке
Неизбывная печаль.
Там сиреневые скалы
С облаками на плечах,

Там коричневые руки,
Там медовые уста,
Неподверженные скуке
Расписные города...

У дорожного распятыя
Помолитесь обо мне...
Таает сон, как первый снег
В Закарпатье. В Закарпатье.

И.П.

Мой первый друг, мой странный враг,
Нам общий жребий выпал кратко,
Ты сдался в плен досужих врак
Без возражений, без остатка.

Была похожая судьба,
И на двоих двойная сила,
И то тепло, что на губах
К твоим губам я приносила.

Но всё пропало, даже сны.
И мы, покинутые снами,
Опять растеряны, бедны,
И строгий город между нами.

Цикл «Прощания»

А.О.

Прости меня, я не отвечу.
Я не отведаю огня.
За каждый вздох, за каждый вечер
Прости меня. Прости меня.

Прости рассеянную нежность,
Мою нечаянную власть.
Прости извечную надежду
Не обмануться, не упасть.

И пусть покой давно развенчан,
В моих ладонях нет тепла.
Прости меня. Я не отвечу.
Я только нынче ожила.

М.Б.

1.

Ужель сбылось?
Моих волос
Ещё касается, не веря,
Манит тепло открытой двери,
Но некий внутренний вопрос

Ещё решать...
Последний шаг,
И я понять уже не в силах,
В каких мирах досель носила
Меня бездомная душа...

Моя ли власть?
Да будет всласть

На шее тяжесть бус рябинных,
 Берёз изогнутые спины...
 Судьба, что чудом удалась.

Из всех миров
 Да будет кров
 И мне светлейшею наградой,
 К весне зарёванная Радость,
 И с ней уютная свекровь...

Моя ли власть?
 Светлым светла
 В истоке торная дорога,
 Где ждут кривые зеркала
 Не нас. И лгут совсем немного.

2.

Ступай и здравствуй. Не позор,
 Что ты ведом судьбой.
 Да будет мой невольный взор
 Не властен над тобой.

Да будет мой не слышим стон
 Чтоб ни полшага вспять.
 И ровный день, и ясный сон
 Да будут у тебя.

Да будет впредь из всех измен
 Лишь памяти провал.
 А мне по северной зиме
 Несметные права:

В том доме, где очаг хранит
 Мои былые сны,
 Немного тени, и в тени
 Немного тишины.

3.

Причёска в стиле рококо,
 В душе бесстрастно и бесслётно,

Смеюсь, но это нелегко,
Грущу, но это несерьёзно

Так отгорела, что зола
Всю память давнюю укрыла.
Невозвратно и бескрыло
Печаль от сердца отлегла.

Жива, затем что умереть
Прошла безумная минута.
Быть может, ведомо кому-то
То благо: медленно стареть,
Владеть бесцельно и светло
Покоем жеста, лаской речи...
Да заслонит меня при встрече
Улыбки горький уголок.

Ну, вот и всё (какой холодный вечер...)
Спокойной ночи. Дайте руку, друг.
Не стоит и прощаться: эти встречи
Для нас обоих были слишком «вдруг».

Оставим нерешённые проблемы,
Забудем всё, чего не дождались.
Дороги наши слишком параллельны,
Чтоб даже в бесконечности сойтись.

Ты молчалив.
Я вижу: тебе не хватает собаки.
И мне хочется стать щенком,
Чтобы однажды ты взял меня с собой на охоту.

Я принесу тебе подстреленную птицу
И загляну снизу в твои глаза,
И ты погладишь меня,
И можно будет благодарно вильнуть хвостом.

А по вечерам я буду сидеть,
Уткнувшись носом в твои колени
И молчать.
От счастья.

В.К.

Склонился к гриве профиль гордый
И, замирая в полусне,
Устало вытянулся город
На белоснежной простыне.

И час пробил. И год иной
Текущим сделался мгновенно,
Нас принимая сокровенно
Со всей обидой, и виной,

И прочим. Видишь ли, родной?
Бледнее тень поникшей ёлки,
И фонарей сквозные чёлки
Мерцают первой сединой...

Что нам? Ещё одна страница
Судьбы. Известно наперёд,
Что всё случится в свой черёд,
Чему назначено случиться...

И ты – отступишь в долгий вечер,
Всё понимая, всех любя,
Когда уверенные плечи,
Меня закроют от тебя.

И только в памяти закружат
Под близкий шёпот чьих то губ
Осколки ёлочных игрушек,
Рассыпанные на снегу.

Приходи не на час, не на чай,
Не на зов – пироги – именины,

Приходи и узнай невзначай,
 Как тревожат меня по ночам
 Эти чуждые тяжкие спины,
 Эти лица с глазами вразбег,
 Бесконечный забег одиночеств,
 Эта горечь в надбровной резьбе...
 Тонкий лёд хоть однажды разбей,
 Между нами не тающий к ночи.

Приходи прислониться к плечу,
 Опереться, проверить опору.
 Я работе тебя научу:
 В лабиринте растрёпанных чувств
 Диалогу и ясному взору.

Приходи, говорю, не на чай,
 Не на зов... А приходит – не чаю:
 Два ли голоса в песне звучат,
 Иль рукою руки не встречаю.

На дачу

На дачу, на дачу, скорее на дачу,
 Там всё прояснится, а как же иначе,
 Вернётся, продлится, и если не начат
 Роман твой, тем паче, скорее на дачу!

По снегу, по снегу, по свежему снегу,
 Последнее средство: прибежем к побегу!
 Нам нынче отпущена дачная нега,
 Как редкостный дар ленинградского снега.

Сегодня, сегодня и только сегодня
 Отыщется всё в полутьме новогодней
 Те порваны связи, что нам не угодны,
 А те, что угодны, завяжем сегодня.

В порыве, в запале поднимем бокалы
 За нечто, чего нам всегда не хватало,
 Ведь если гореть в половину накала,
 То лучше погаснуть! Поднимем бокалы.

Ты смят и захвачен врасплох неудачей,
И шаг неуверен, и долг не оплачен,
Но выход надёжный сегодня назначен:
Мы едем на дачу, на дачу, на дачу!

Город – надвое. Тень
Наступает с востока.
И раскат водостока
на столько
Заигранных тем
Разделён, что внушает сознанию фальшивую ноту восторга.

Никуда не спешить
В наступающий пятый
День недели, не прятать
помятой
В толкучке души,
В скорлупу, над которой прилежно скорбит самозванец распятый.

Как улыбки излом,
Угловатый проспектик,
И растерянный скептик
конспектик
Трясёт за углом,
Но утрачена нужная запись в его аккуратном конспекте.

Поверженный

На рот – ладонь. На рану – бинт.
Кренится полночь чёрной башней.
И наступает день вчерашний
Для тех, в ком завтрашний разбит.

О недруг, сотворивший бой,
Отлей без ложного оскала
На хлеб из первого бокала
За всех, поверженных тобой.

Ближайший мир, заочно и наощупь
Присвоив, не заглядываю дальше.
Я бабушка, нечасто, но без фальши,
И явно разрушаю образ тёщи.

Я в дочери отказываюсь видеть
Сложившейся мелодии неточность.
Люблю дышать. Люблю простор и сочность.
Боюсь терять, стократ боюсь обидеть.

Когда же ангел мне протянет руку,
И поведёт домой, на этом свете
Хочу всё так оставить, чтобы детям
Мои долги не портили разлуку.

Ода переводу

С. Степанову

Мысль изреченная есть ложь.

Тютчев. «Silentium»

Как нам себя перевести?
Из смутных образов и чётких,
Мучительных и мимолётных
Движений сердца – наскрести
Десяток слов? И кто сказал,
Что через ветряное ухо,
Скользящий глаз, препоны духа,
Другой уловит наш сигнал?

Наивно, библос беребя,
Язык считать ключом сигнала
Он разен даже в самой малой
Семье, повсюду вне тебя.

Тем более, язык чужой,
Сложившийся в ином укладе.
Конечно, просвещения ради,
И всё такое, но душой

Чужой души коснуться – нет,
Не в наших силах. Эта ода

Сизифов камень перевода
 Влачащему сквозь толщу лет
 Безумцу. Или мудрецу.
 Творец его не судит строго,
 Признав: Сизифова дорога
 Ведёт к высокому концу.

Татьяна ТАРАСЕНКО

*Студентка Национального Исследовательского университета –
 Высшая Школа Экономики*

Всё в мире могут короли –
 Я в этом убеждён.
 Ради людей со всей земли
 Всегда покинут трон.
 Давайте верить в королей,
 Что каждый Божий час
 И жизнью жертвуя своей
 Всё сделают для нас.
 Будь это дружеский совет,
 Иль эконоом расчёт,
 Для короля различий нет,
 Кто в нём подмоги ждёт.
 Помочь в расчётах ВВП
 Иль шутку поддержать,
 И даже друга он в беде
 Не бросит умирать.
 И снять котёнка с высоты,
 Пожары затушить,
 Король в подобие святых
 Готов добро вершить.
 Так знайте люди всей земли,
 Всегда без лишних слов
 Всё в мире могут короли,
 Как А.В. Королёв!

Виктор ТАРАСЕНКО

*Студент Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора Александра III*

Серебристым осколком от взглядов чужих
Меня с ног повалило и ранило в грудь.
Эта рана мала, я смогу с нею жить,
Но уже не смогу воздух полно вдохнуть.

Птица взлетает,
Она не боится,
Нужно кормить детей.
Скоро светает,
На первой странице
Пусто который день.

Кто-то невидимый,
Мягкий и липкий
Меня обнимает за грудь.
Поздно увидел я,
Это ошибка,
Полностью не вдохнуть.

В прихожей пальто
Прокисает в унынии,
Дымкой замыто окно.
И наплевать, что

Небо синее,
Если не нужно оно.

Больно сказать «Привет!»
И не услышать ответ,
Но ещё больнее
Говорить пока.

Что у любви в руке,
Цветок или стилет,
От неё вдалеке
Не узнать никак.

А где мой дом? Хочу домой!
Он там, где только мы с тобой,
Где нету дразг и пошлой суеты.
Где, хоть и холодильник пуст,
Я чую самый сладкий вкус.
Там где лишь мы, и нету я и ты.

У меня очень длинные руки,
Только нет от этого толку.
Завещал своё тело науке,
Да и там положили на полку.

По обещанию,
Раз в год,
Навещай меня.
И не умрёт
Надежда.
Прощание,
Как прежде.
Пишу завещание.
В сотый раз.
Не от отчаяния,

От равнодушия глаз
И от безмолвия ртов,
От грубой прозрачности рук.
Для тех, кто готов
Вынести звук,
Рвущихся ниток.
Бойтесь несказанных слов,
Бойтесь моих ошибок.
Бойтесь ударов часов.

Наш город стал большим катком,
Серебряное блюдо.
Фонарь мигает мне глазком:
«Катись-ка ты отсюда».
И я качусь, качусь вперёд,
Несусь без остановки.
Ведь, зная, что зима, что лёд,
Я надевал кроссовки.

Мне вчера ещё было десять,
А сегодня исполнилось двадцать.
Засыпал в незнакомом месте
С мыслью – стоит ли просыпаться?

Я вчера был ещё свободен,
А сегодня просто безумен.
– Закрывай на засов, уходим,
Я, ребята, по ходу, умер.

Пусть лежит на постели остов
На рубашку слегка похожий,
Пусть лежит, там мягко, здесь – жёстко
Взгляды колют, щипают кожу.

Пусть лежит, уж на то и ночи,
Чтоб из тела сбегать украдкой
Перелесками червоточин,
Так и не завлечённых тетрадкой.

Моя долгая дорога
 Разлилася по нутру.
 Ты с утра меня потрогай,
 Может, за ночь и помру.
 Разлилася между рёбер,
 Расплескала пыль с колёс.
 Эх, дай Боже, чтоб не помер,
 Мысль в могилу не унёс.

Треском будит день под утро,
 Треском ласковой печи.
 Мы в ней, словно в Камасутре,
 Заплетёны калачи.
 И туда-сюда отсюда,
 Да куда-нибудь туда
 Ходишь. Ждёшь ты то ли чуда,
 То ли страшного суда.

В лесу у нас был случай: как-то раз
 Олень вообразил, что он – карась.
 Залез на ёлку, прыгнул и... разбился.
 Увы, олень не знал, карась – не птица.

Вот ступает долгожданный
 Гость моей печали – вечер,
 И фонарь движением пьяным
 Оголяет улиц плечи.
 Свет им быстро, в три штриха,
 Нарисует жениха.

По фасадам древних улиц,
 По шершавым складкам зданий
 Жесты страстные рисует
 Ветер крепкими руками.
 Речка манит темнотой:
 «Ну, узнай, что подо мной».

Ночь вошла и тихой мышью
Забралась под одеяло.
Симулируя затишье,
Город нежно приобняла.
И над тем парит одна
Необласкана луна.

Вагон метро тебя накроет стуком,
И новый день заменит старый день.
А ты опять, опять заходишь в ступор,
Скорей беги, беги туда скорей.

Который год стоишь, закутан в саван,
И ждёшь, когда польётся благодать.
Вагон несёт, куда не знает сам он,
Ему на то, как и тебе плевать.

Евгения ТЕРЕНТЬЕВА

*Студентка Национального Исследовательского университета –
Высшая Школа Экономики*

Зашагает красным светом

Зашагает красным светом,
Зальёт мысли синевой,
Незатейливым приветом
Осветит мой путь домой.

Зашуршат деревьев руки
И зашепчут чьи-то тайны,
То ли так они от скуки,
То ли это лишь случайно.

Шар небесный прикоснётся,
Серебром покроет спину,
И неспешно распахнётся
Рот, с губами из рябины.

В темноте едва сочится
 Запах моря и тумана.
 От чего-то мне не спится –
 Для бессонниц слишком рано.

Шелк взлетит и заструится,
 Капли – прочь из фонарей!
 И летит шальная птица,
 Из распахнутых дверей.

Спешка

Спешка.
 К чему суета сует
 приводит столь огромный свет?!..
 Не мешкай.
 Общество жадное
 проглотит любое чувство отрадное...
 Слежка.
 Любые тайные тайны
 принимают в чужих устах исход летальный.
 Аморальны.
 Понятия.
 Восприятия.
 Ах, ваше сиятельство...
 Неприятеля.
 В неприятные обстоятельства
 были помещены.
 Болезнь – предательство.
 Вмешательство –
 над судьбой издевательство.
 Да как бы не вырвалось здесь ругательство.
 Всего лишены.
 Мы.

Ни о чём, или к декабрю

Рельсов вокзальных стук
 Уже не слышен.
 Суров и недвижим
 Остался ноябрь в глуши,
 Не стремясь кричать то,
 Что хочу я услышать,
 Рот, скривлённый в улыбке,
 На равнине лица дрожит.
 И внедряемый в стужу разум,
 Невозможно теперь согреть,
 Месяц ночной хитрым глазом,
 Заставляет меня петь.
 На колёсах уже квадратных
 Я въезжаю в декабрь другой,
 А вокруг наш мирок развратный,
 Я сказала бы... наш, но не мой.

С.

Один,
 И город движется в окне.
 Как льдин
 Геометрические формы,
 Стоят дома
 В уютной темноте,
 Кляня общественные нормы,
 Прописанные матом на стене.
 Фонарь, мосты, асфальт, заборы...
 Нет дня.
 Есть ночь,
 И фары свет
 Вторгается в немые разговоры,
 Чтоб дать ответ —
 Мы все покорны.

Вот только всё же не покорены.

Послушай!

Молчание. Холодность взгляда.
Улыбка... Как будто смешно...
А может быть, всё же не надо?!
Нет. Решено.

Послушай!

Я так хочу, чтобы твой очерченный профиль
Навсегда слился с моим чёрным воротником.

...

Но сейчас я цинично пью крепкий кофе,
Нервно постукивая каблуком.

Случайному прохожему

Мне нравятся твои мысли –
Они на мои похожи,
В них много густого страдания,
А я его чувствую кожей.

Ты смотришь на жизнь открыто,
Ты правды в ней ищешь тайные.
Другими давно позабыты
Терзания души в отчаянии.

Лезвия чувств обнажённые,
Как будто магнитом тянут.
В твоём сердце пламя зажжённое.
В моём – васильки вянут.

Смотрите на неё!

Схватила за рёбра и дёрнулась,
По швам треснула. Захрустела.
Я себя наизнанку вывернула,
Выйдя душой из тела.

Схватила за рёбра с криками,
На асфальт бросилась. Хлынула.
Я себя изнутри обнажила.
Я душу из плоти вынула.

Когда-то я любила весну в Екатеринбурге

Когда-то я любила весну в Екатеринбурге,
 Не могла жизнь представить без этого чувства.
 Всегда, каждый год, одно и то же,
 Но мне это подозрительно не надоедало.
 Вот и сейчас не вижу её – грустно.
 Небо жёлтое из окна на двадцать втором этаже,
 Раму откроешь – глаза сощуришь от пыли,
 А воздух удивительно свежий и вкусный,
 За этот весенний уральский воздух можно все блага мира отдать,
 И я б отдала, если б были.
 Без шапки, схватив неудобно пальто за рукав,
 Нырнешь в гулкую улицу и, как вкопанный, столбенеешь,
 Только голова крутится и улыбается глупо.
 Ветер, ехидно смеясь, путает волосы,
 лижет лицо,
 А ты шевельнуться не смеешь.
 Сейчас остались только воспоминания.
 Меня охватила весна серая, северная.
 Она тоже особенная, со вкусом дождя и шоколадного мороженого,
 Которое я не люблю, но почему-то ем по праздникам.
 У каждого ведь причуды свои, наверное.
 Жизнь течет, сменяются пазлы, картинки, события.
 Каждый день приносит мне новый вираж,
 Я не разучилась, в суете по-прежнему могу на миг остановиться,
 Задержать дыхание, закрыть глаза, представить весну на Урале...
 Но это уже мираж.

На траве следы
 Я твои ещё вижу, их смоем тёплый июньский дождь.
 Больше здесь никогда не пройдёшь,
 Будет много воды.
 Капли с хмурого неба
 Срываются вниз на прохожих.
 Ты не любишь дожди, похоже,
 То ли дело, когда много снега.
 Там, наверное, нет дождя,

Как нет боли, страданий и старости...
 Ты прости, если что, меня,
 Убегай в лучший мир, пожалуйста.
 Нет дороже, привычней нет
 Твоих глаз с бесконечным доверием.
 Ждут тебя голубой рассвет,
 Ветра свист и просторы прерии.

На мокрый асфальт намажь вечер
 голой рукой
 Со вкусом лимонных вафель и свечек
 за упокой.
 Вода под ногами, на стенах, в глазах,
 во швах
 Сочится, и некуда засухе спрятать
 страх.
 Снова разводят и сводят мосты
 над Невой,
 Краснеют ладони, их ночь обернёт
 листвою.
 Циклон уйдёт, и цветущим иллюзиям —
 крах.
 Нам в лоб опять ставят мат,
 пропуская шах.

Неясности.
 о гласности
 Предав, что гложет изнутри,
 Я расплываюсь
 Дымкой ночи,
 Я раскрываюсь,
 Посмотри,
 Мой механизм не обесточен.

В раздумье.

Будто обезумев,
Смывают смех с лица дожди
И растворяют
Солью в ране.
Я засыпаю
Ты не жди
Меня в предутреннем тумане.

Запах вечности старых гор

Запах вечности старых гор
атакует в упор.

Знаешь,
в этом облиии
во имя приличия
нельзя по прямой пересечь
незнакомый нам двор.
То ли с тягой к величию,
то ли ради отличия
личности
заведёшь сам с собой разговор
«о Высоком».
Как пахнет осока,
как падает тень от штор.

Видишь,
здесь не горят фонари.
Лишь обрывок зари
жестоко
накрывает мой внутренний спор.

Что же ты замолчал?
Говори
мне о вечности старых гор.

Юрий ТРАУБЕ

*Выпускник Корпуса Горных Инженеров, Член Петербургского
Дворянского Собрания*

За что поэтов убивают?
— За то, что гордыми бывают,
И у разрушенных позиций (окопов)
Им — пуля в лоб, а прочим — в ягодицы (...).

Людская память всё же коротка:
Из всех рабов мы помним Спартака,
И лишь немногие, допустим так, экзоты
Припомнят, поднатужившись, Эзопа.

Две дверцы хлопнули почти одновременно,
Закончив фразу на лезгинском языке.
Глядели звёзды с высоты небес надменно
На нас, сидящих на грузовике.
Мотор завыл,
Пошла машина с места,
Вновь застучали старые борта...
Где ты сейчас
И чья теперь невеста?
Кого твоя пленяет красота?

Двойка

Подушки снежные на лавочках садовых,
Укрыты снегом тротуары и дома,
И с этим снегом на бульвары Кишинёва
Приходит ленинградская зима.

Она пришла, но я не стану, как когда-то
Ни разжигать костёр, ни греться у огня
И, всё равно, хочу просить я вас, ребята:
Не уходите в двойку без меня.

И пусть судьба моя дорогами богата,
И я иду по ним, куплетами звеня,
Но мне досталась перевозка агрегата,
А вы идёте в двойку без меня.

Подушки снежные на лавочках садовых,
Укрыта снегом облетевшая листва,
И с этим снегом, как туман, под вечер снова
Ко мне приходят грустные слова.

Куэльпор

Когда отбой зиме
Весна назначила,
Тогда за солнцем вслед
По склонам гор
Катились девочки,
Катились мальчики
И с перевалов шли
На Куэльпор.

И не хотел никто
Маршрут заканчивать
Сгорал, как молодость,
Большой костёр.
Сходились девочки,
Сходились мальчики
К домам геологов
На Куэльпор.

На старых карточках
Смеются девочки,
Манят на карточках
До этих пор
Долины светлые,
Снега глубокие
И склоны белые
Хибинских гор.

Когда над тундрой
Пурга отплачется
И солнце выглянет
За гранью гор,
Другие девочки,
Другие мальчики
Придут весной
В долину Куэльпор.

Лето

С голубым билетом
Улетаю в лето,
На мажор настроен,
Жизнью не сражён.
Опускаюсь в лето
Прямо под Ташкентом,
Выдержан, спокоен
И слегка пижон.

Эх ты, моё лето,
Гордостью согрето,
«Девушки не любят» –
Женщины – зовут,
И остались где-то
У костра рассветы,
Танцы в сельском клубе
И броски в траву.

Кочевал по свету,
Привыкал к брезенту,
Пробовал на кроссах
Догонять зарю...
Разыгралось лето,
Пламенем задетый,
Лес от боли стонет.
Дело к октябрю.

Поверь!

Слогу неровному, строчке колючей,
буквам бегущим –
Поверь!
В невероятный, единственный случай
нашего счастья
Поверь!
В то, что не будет другой и другого
больше на свете
Поверь!
В то, что лишь двое за всё мы в ответе
перед Вселенной
Поверь!
Будень и праздник, и небо в алмазах –
всё это наше,
Поверь!
Я понимаю, не можешь ты сразу,
но не сдавайся,
Поверь!
В то, что я веры твоей не нарушу,
в то, что не струшу,
Поверь!
Если ж сомненья покой твой нарушат,
выставь их, выставь
За дверь!

Вальс шестисоточника

Судьба мне подыграла
С Варшавского вокзала
Среди болот огромных
Возделанный лоскут:
Там воздух опьяняет,
Там дождик поливает,
Там жизнью полнокровной
Друзья мои живут.

Мне будни надоели,
Я жду конца недели,

Чтоб, взяв рюкзак с привычным
 Припасом для семьи,
 Забрать ребят с собою,
 Уйти с людской толпою,
 Чтоб сесть и в электричке
 Доехать до земли.

А там – цемент в корыте,
 Канава не дорыта,
 Усы от земляники
 Полезли на горох,
 А те, кому работа
 Не в тягость, а в охоту,
 В субботу, погляди-ка,
 Шагают вдоль дорог.

Видал я и предгорья,
 И пляжи Черноморья,
 И пусть к иным красотам
 Уходят корабли –
 В любое время года
 Хорошая погода
 На площади в шесть соток,
 На ломтике земли!

Вальс петербургским дамам

Город, будто сквозь дым,
 Проступая в забытых названьях,
 Из архивов живым
 Возвращает родных имена.
 Господа ленинградцы,
 Господами не скоро мы станем,
 Петербургские дамы,
 Где-то есть и моя в том вина.

По медвежьим углам
 Разбрелись петербургские дамы,
 Мать-Россия легла
 Под тяжёлый конвойный каблук...

Петербургские дамы,
 На земле вас так мало осталось,
 Вам так много досталось
 Пятилеток, блокад и разлук!

О, мой город-герой,
 Награждённый муляжем «Авроры»!
 Как тяжёлый больной,
 Всё никак не придёшь ты в себя.
 Ты очнёшься с годами
 И, хотя это будет не скоро,
 Петербургские дамы
 Сберегут и украсят тебя.

В суматошном метро
 Узнаю благородные лица,
 Даже вспомню порой,
 Кем написан был этот портрет,
 Но в душе иль с глазами
 Несуразное что-то творится:
 Петербургская дама,
 Из каких вы к нам прибыли лет?

Нам не время искать,
 Кто виновен был в самом начале,
 Не к лицу нам тоска,
 Одолеем беду и нужду,
 Чтобы в Санкт-Петербурге
 Нас Прекрасные дамы встречали,
 Эти милые дамы
 Пусть, как прежде, и любят, и ждут!

Кантата к 25-летию воссоздания СПб дворянского собрания

От вечных льдов до выжженной пустыни,
 От Колымы до финских берегов
 Цвела страна по имени Россия,
 Сильна собой, смиряя пыл врагов.

Служило ей российское дворянство
 Мечом и честью, кровью и трудом.
 Три сотни лет опорой христианства
 Бессменно был в ней царствовавший дом.

Пойдя путём великих потрясений,
 Тем загубив умнейших без числа,
 В глухую ночь в безумном ослеплении
 Страна на трон безродных вознесла.

Не воскресить безвинно убиенных
 И родовых имений не вернуть,
 Но нам учить иные поколения,
 Нам возрождать великую страну.

Больших родов немногие потомки,
 Кого судьба случайно сберегла,
 Нам дали жизнь и памяти котомку,
 В которой их бессмертные дела.

Во времена воря и самозванства
 С надеждой на спасение Руси
 Нам крест святой Российского Дворянства
 Самой судьбой доверено нести.

Ползучий коммунизм

Опять алеет вроде бы восток –
 Там засиял Иркутск зарёй надежды:
 Власть – секретарь обкома, как и прежде;
 Избрал его себе народ простой.

У большинства сколь память коротка!
 Хоть большинство – горой за справедливость,
 Но видно, слишком скоро подзабылось,
 Что значит, сталинско-ежовская рука.

Что значат, за полночь пришедший воронок,
 «Отца народов» камеры и зоны,
 Идущие на север эшелоны,
 Лесоповал, и водка по талонам,
 И «десять лет без переписки» – срок.

Ничто, как будто, не грозит бедою,
Но память большинства преступно коротка,
Забыты и иркутская чека,
И кровь на льду, и трупы под водою.

P.S. И вот вам итог коммунячьего политиканства, сопоставимый с Гула-
гом: Боярышник – 2016.

Когда не право большинство

Когда не право большинство,
Законы пишутся штыками,
Глупцы командуют полками,
Когда не право большинство.

Когда не право большинство,
Нет мира ни дворцам, ни хатам,
Во злобе брат встаёт на брата,
Когда не право большинство.

Когда не право большинство,
Сгорают храмы и больницы,
И голод во дворы стучится,
Когда не право большинство.

Когда не право большинство,
Народ пророка бьёт камнями,
В портянку обращают знамя,
Когда не право большинство.

Когда не право большинство,
Свергают статуи и лики,
Жгут на кострах людей и книги,
Когда не право большинство.

Когда не право большинство,
В пустынях исчезают реки,
И гибнут города навеки,
Когда не право большинство.

Когда не право большинство,
Варфоломеевские ночи

Грядут, и дьявол захохочет,
Когда не право большинство.

Марш ополчения Новороссии

Теряет себя Украина,
Безродным отдавшая власть –
С трибуны вопят о единой,
А в мыслях – единое – красть!
Но слова, звучащего дерзко
Приказом «Ни шагу назад!»
Ещё не сказала Одесса
И Харьков ещё не сказал. (2 раза)

Там воли пока не хватает
Скрутить озверелый парад –
Бегут проживавшие с краю,
И крайние хаты горят,
Бегут на восток и на запад,
Тикают к чужим и своим.
О том, что не следует драпать
Сказал, как положено, Крым. (2 раза)

Опять в чужеземное рабство
Ведут украинский народ
Майданом, брехнёй и коварством
Туда, в сорок проклятый год.
Мы знаем про те эшелоны,
Но в памяти свято храним
Ноябрьскую ночь Краснодона
И красные флаги над ним. (2 раза)

Теснят православную веру
И русский поносят язык
Потомки бандита Бандеры,
Чей призрак из грязи возник,
Но лихо, как в давние годы,
Их лупят шахтёр и казак,
В том славным примером народу
Был Сидор Артемьич Ковпак. (2 раза)

Сметая мазепино племя
 С Луганско-донецкой земли,
 Мы правду несём поколениям
 О тех, кто костями полегли.
 Мы впишем на долгие годы
 Лучами ракетных зарниц,
 Что нет недостойных народов
 В пределах славянских границ. (2 раза)

От Области Войска Донского
 Мы летопись нашу ведём,
 Крепили России основы
 Клинком, и зерном, и углём.
 Всё так же, как в годы былые,
 Надейся, славянство на нас:
 Чужой нам не будет Россия,
 Фашистским не будет Донбасс! (2 раза)

Гимн великому городу*

Рождённый к славе российского народа,
 Петром Великим крещён ты был.
 Всё краше город наш год от года –
 Создатель своей легендарной судьбы.

Ты помнишь лёд и пламень дней блокады,
 И скорбный грохот рухнувших церквей,
 Победных дней военные парады
 И мятежи, свергавшие царей.

Добру открытый и верою хранимый,
 Да будет вечно Господь с тобой!
 Мы будем славить тебя, любимый
 Наш Санкт-Петербург над прекрасной Невой!

* Текст к гимну великого города на музыку Глиэра

Мне известны два варианта текста «Гимна великому городу» на музыку Глиэра – Александра Городницкого и Олега Чупрова. Не нравятся оба, и могу «по пунктам» объяснить, почему. (*Прим. автора*)

Два гренадера из Г. Гейне*

Домой из русского плена шли
Во Францию два гренадера.
Дойдя до края германской земли,
Устали они без меры.

Тут оба с печалью о том узнают,
Что к прежней стране нет возврата,
Разгромлено храброе войско её
И, о боже, пленён император!

Друзья прослезились в горе своём
Над грустной и злой судьбою,
Сказал один: «Мы не дойдём,
Горят мои раны, ноют».

Другой в ответ: «Не в том печаль,
Что оба смерть мы встретим,
Но мне жену и сына жаль,
Как им-то жить на свете?»

* Появление этого перевода вызвано тем, что захотелось мне исполнить «Двух гренадеров» в концерте. Ознакомившись с шумановским клавиром, увидел в нём два текста. Один – исходный, Генриха Гейне, второй – русский перевод М. Михайлова. Перевод, на мой взгляд, звучит поприличнее первоисточника, поскольку стихи Гейне ритмически не очень-то выдержаны. Тем не менее, писал Шуман музыку именно на стихи Гейне, а не на русский перевод. Поэтому пришлось кому-то подгонять вокальную партию, написанную Шуманом, под русский текст Михайлова. (Роясь позже в Интернете, обнаружил: ремайстеринг А.М. Лихницкого). В результате получился «не совсем Шуман». Исчезли в вокальной партии, по крайней мере, четыре шумановские триоли, многие ноты заменены паузами, и если немецкая партия заканчивается двумя четвертями в такте на ноте соль с безударной гласной в конце (schuet-zen), то русская – одной четвертью на ударной гласной (сол-дат). Посему, из глубокого уважения к музыкальному классику, я постарался сделать русский перевод стихотворения Гейне ритмически соответствующим первоисточнику и неискажённой вокальной партии Роберта Шумана. Удалось ли мне это, – судите сами. Сможете перевести ближе к первоисточнику, – буду рад за Вас. С благодарностью приму локальные поправки, приближающие к тексту Гейне. Исполнил на юбилейном концерте 25 сентября 2016 года в Троицком культурном центре (СПб, пр. Обуховской обороны, 223, М. «Пролетарская»). Прошло гладко. Послушать можно в RealMusic. Ю.Т. (*Прим. автора*)

Да что жена и нищета,
Есть в мире страшнее утрата —
По дворам пойдут с верой во Христа —
Ужасней: в плену император!

Исполни волю, брат, мою:
Я здесь прощусь с тобою,
Возьми моё тело, в родном краю
Французской укрой землёю.

На грудь приколешь орден мне,
Заслуженный отвагой,
А в руки вложишь ты ружьё
И подпояшешь шпагой.

Буду чутко лежать я в гробу,
Прикрытый мирной травой
И ждать далёких орудий пальбу
И ржанье коней надо мною.

Там мой император, он вновь на коне,
Знамёна полощет ветер,
В колоннах идут солдаты,
Так значит, пора наступает и мне
Из гроба восстать, Император!»

Вера ЧИГАРИНА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
университета Член союза писателей Санкт-Петербурга*

Метро Сенная

Вот я опять застряла на Сенной —
Вышагиваю цаплей по перрону,
Вперёд, назад, размеренно, синхронно,
А слева, справа, впереди, за мной
Толпятся незнакомые мне люди,
Снуют, галдят, садятся в поезда...
И кажется, что это навсегда —
Другой уже картина вряд ли будет.

Баллада о коммуналке

*Все жили вровень, скромно так –
Система коридорная:
На тридцать восемь комнаток
Всего одна уборная.*

В. Высоцкий

Размурлыкалась, как кошка,
Петербургская весна.
Сохнут детские сапожки
У открытого окна.

Дядя Миша чешет брюхо,
Тётя Катя ест коржи,
Пробудившаяся муха
Неуверенно жужжит.

Миша грустен и издёрган,
Хочет денег от жены.
Шлёт жена его на орган,
Упакованный в штаны.

Ветерок семейной сцены
Перерос в свирепый шквал.
Даже борщ у бабы Лены
Из кастрюли убежал.

Входит в кухню Марь Иванна,
Пессимист и педагог:
«Михаил, Вы снова пьяны?
Михаил, ну, как Вы мог...?»

Не закончив эту фразу,
Замолкает пессимист,
Так как слышит: «Ты, зараза,
По-хорошему заткнись!

Десять дней плита немыта,
Пол на кухне не метён.
А с бельем твоим корыто
Я выбрасываю вон!»

Заступилась тётя Катя
За родного мужика.
Колыхаются под платьем
Необъятные бока.

И позорно с поля брани
Удирает педагог,
Содрогаясь от рыданий,
Спотыкаясь о порог.

Только нам с тобой нет дела
До квартирных этих дел.
Два горячих, чутких тела
Улетели за предел

Хамства, ругани и сплетен.
Жарок наш весёлый блуд.
Мы резвимся словно дети,
А соседи пусть орут.

Дорожное

Сижу, дремлю в холодной электричке,
Летают по вагону, словно птички
Туда – обратно коммивояжёры.
Вот полупьяный бомж вошёл с гитарой,
С лицом опухшим, но ещё не старым,
С плечами в вечных поисках опоры.
И он запел фальшиво, хрипловато,
И тенькала гитара виновато.
(В ней не одна оборвана струна).
Я незаметно затыкаю уши,
Но всё же слышу «Яблони и груши»
И мне вдруг тоже хочется вина...

Подруге детства

Созвонимся, может, раз в полгода,
Под парами пива или грусти.
Детство выпихнуло на свободу
И обратно нас уже не впустит.

Наши встречи длятся кратко, редко.
 Ты другая, я теперь другая,
 Слушай, Светка, ты ведь помнишь, Светка,
 Как с тобой ходили за грибами?

Или забирались посудачить
 на большую иву у обрыва.
 Мы тогда вели себя иначе,
 Я была ревнивой, ты – строптивой,

Но уходят «правды» за кулисы,
 Мы помянем их, да пивом сбрызнем.
 Нами нынче правят компромиссы
 в дружбах, в отношениях и в жизни.

До осени осталось две недели

До осени осталось две недели,
 Жара уходит в сонное вчера,
 И люди надевают свитера,
 И кое-где в лесу уже надели
 Осины золотистые пальто.
 А небо превратилось в решето,
 И льют дожди сквозь сумрак влажно клейкий,
 И во дворах намокшие скамейки,
 Теперь на них не выпится никто.
 Все алкаши попрятались в дома,
 И даже Оля – местное несчастье,
 Ушла домой, спасаясь от ненастья,
 Хотя квартира для неё тюрьма.
 Там старший сын, едва отбывший срок,
 С ним не шути. Чуть что – фонарь под глазом,
 Там младший сын, он та ещё зараза,
 Вчера трёх девок сразу приволок.
 А дождь всё шёл сквозь небо-решето,
 И только галки мокрые галдели...
 Они нам сообщить хотели, что
 До осени каких-то две недели...

Ты снова заблудился сам в себе,
 И, став дождём, идёшь по бездорожью,
 Из пункта А к неведомому Б.
 Намокшей птицей, злой и осторожной
 Глядит душа и ухает совой,
 Забыв слова и прочь откинув мысли,
 Они, как тучи чёрные, повисли,
 Уже не в голове... над головой.
 Шаги считаешь: два... четыре... шесть...
 Бредёшь вперёд, не смея оглянуться,
 Ты только вспомни: мы на свете есть.
 А значит, есть куда тебе вернуться.

Из цикла «Дневник гувернантки»

Поленьке

Барышня Поля лет шести с половиной,
 Выглядит ангелом трепетно и невинно,
 В образ не верьте, Поля – бестия та ещё,
 Может ведьмочкой стать, на метёлке летающей,
 (Если она как следует разозлится),
 А ещё Поля любит собак, танцевать и резвиться,
 Но не всегда готова читать и играть на флейте,
 Барышню Полю вы, господа, пожалейте,
 И рассудите сами, приятно ли это?
 Тебя вынуждают есть суп, когда желаешь конфету.
 Или, что ещё хуже, читать по слогам заставляют.
 Кому он нужен, этот дурацкий текст про козу или галку???
 Поленька хочет рыдать, ей себя очень жалко,
 И слёзы льются ручьём прямо в тарелку с супом.
 Шмыганье носом. Сопrotивляться глупо.
 И бесполезно. Суп доедаем. Достали книгу,
 Читаем быстро, гладко, довольно ловко.
 Всё ведь умеет маленькая плутовка.
 Барышня Поля цапает цепкой лапкой
 Яйцо в шоколаде. Я потрясаю папкой
 С нотами. Время флейты настало.

Игра пятнадцать минут – не много, не мало.
 И волшебство, как всегда приходит внезапно.
 Забыты капризы, слёзы и пьётся залпом
 Музыка флейты – нежный, живой источник,
 Полина играет «Сурка» самозабвенно, точно,
 А я замираю, слушая, на диване,
 Сложная, но не скучная жизнь у няни.

О трудностях детского языка*

Максимке

Пьём кефир, жуём мандарин
 И о том, о сём говорим,
 С золотистой долькой в руке
 Ты мне на своём языке
 Говоришь, что все поезда
 Поразъехались кто куда,
 Что уплыли все корабли
 К берегам далёкой земли,
 Что машинки, кажется, все
 Уезжают прочь по шоссе...
 Не грустите, мой Капитан,
 Всех отыщем тут или там,
 Из конструктора городок
 Для бабак, дудок и туток
 Мы с тобою вмиг возведём
 И для Няма выстроим дом,
 Улыбнись, печальный малыш,
 Ты про что опять говоришь?
 То ли лепет, то ли курлык,
 Труден взрослым детский язык.

* Бабаки – машины
 Дудоки – пароходы,
 Тутоки – поезда
 Ням – кот

Эммушке

Бронзой вспыхивают кудри
 Шевелит их бойкий ветер,
 За косички он в ответе.
 Нос веснушками напудрит
 Солнце нежное, как мама,
 Будешь смелой. Самой, самой!
 Пусть качели вверх уносят
 Выше! Выше! Выше! Выше!
 Шишки скидывает с сосен
 И бросает их на крышу
 Дерзкий ветер, наш дружище.
 Он пугает нас ночами,
 Что-то туча в небе ищет,
 Да и птицы замолчали.
 Раздались раскаты грома,
 Дробь весёлых, звонких капель,
 Небо, словно серый штапель,
 Мы бежим вприпрыжку к дому.
 Небо рвётся, небо плачет,
 После молнии – зигзага,
 Мы сидим с тобой на даче,
 И в глазах твоих отвага
 Мне видна пока не очень,
 Ты пока боишься молний,
 Прочитаем сказку к ночи,
 Волшебство своё исполни,
 Добрый сказочник Лукойе,
 Сон пришли нам про такое
 Самое большое чудо
 Чтоб сказала крошка Эмма:
 «Гроз бояться я не буду!
 Грозы вовсе не проблема».

Никите

Очень сердится Никитка,
 Даже хочет драться,
 Не желает пирамидка
 Быстро собираться,

Он и с краю, он и прямо,
 Не надеть колечко,
 Так и наступает драма
 В жизни человечка!
 Зареветь? Повременить?
 В кухню к маме, может быть?
 Заползти бы под кровать!
 Нет, продолжил собирать.
 Трёт Никитка правый глаз,
 Всхлипывает мрачно,
 Снова трудится, вдруг раз!
 Всё прошло удачно.
 Входит мама, не спеша,
 Обнимает сына,
 Нет здесь плаксы малыша.
 Есть боец! Мужчина.

Усталое курьерское

Улицы, дворы и снова улицы.
 Адреса, сума через плечо,
 Я бегу, а небо мрачно хмурится
 И целует ветер горячо.

До чего ж погода бестолковая,
 То дожди, то солнце – не поймёшь,
 Это что там дальше? Пирожковая?
 Там чаёк, наверное, хорош...

Воробей нахальный и взъерошенный
 Подлетел и скок на край стола,
 Хочет птица, чтоб я по-хорошему
 Пирожок с капустой отдала.

Ладно, птах, давай с тобой поделимся,
 Мы с тобою оба на крыле,
 Знаем про дожди да про метелицы,
 Про ветра на питерской земле.

Ты-то понимаешь, птах отчаянный,
Как житуха нынче тяжела,
Клюй пирог, а пол стакана чая – мне.
Всё. Пора. Взлетаю. Поползла...

Курьерская молитва

Хоровод весёлых муз
Нынче мне не по плечу.
Продаёт узбек арбуз,
Как же я его хочу!
(Не узбека, а арбуз)!
Этот сочный, круглый плод.
Боги, скиньте тяжкий груз
Возрастающих забот
С плеч моих. Вдохните сил,
Распрямите мне крыла.
Может, кто бы попросил
Денег. Я вот не смогла.
Ни спросить, ни умолить,
И бредёт курьер домой.
А дорога, словно нить
Вьётся. Где же спрятан мой
Самый лучший день и час?
Самый сильный талисман?
Талисманы не про нас?
И молитвы все обман?
В небесах висит луна,
Как начищенный пятак,
Наступает время сна,
Меж домами полумрак.
На скамейках спят бомжи,
Кошки свой горланят блюз,
Добрый Боже, подскажи,
Где взять денег на арбуз?

Вот женщина, на вид лет шестьдесят.
 Седые пряди космами висят,
 Не знает краски эта седина.
 Она бредёт, заботами полна.
 Нахмурен лоб от бесконечных дум,
 И если ей однажды наобум
 Задать нелепый, каверзный вопрос,
 Когда и кто её красу унёс,
 И молодость, как тряпкой стёр с лица,
 Она смолчит. Вздыхая без конца,
 И отвернувшись, свой продолжит путь,
 Ей некогда присесть и отдохнуть.
 А рядом с ней такой же старый пёс,
 Облезлый, криволапый альбинос,
 Идёт с трудом и дышит тяжело.
 И дождь пошёл, и ветер, как назло.
 А дома ждут дела, дела, дела.
 На днях невестка внука родила,
 А сын то без работы, а в долгах.
 Нет правды в подагрических ногах.
 За пенсией на почту и назад.
 Вздыхает пёс. Он всё отдать бы рад
 За силу лап и лёгкость бытия,
 Лизнёт хозяйке руку – мол, моя.
 А та вздохнёт, пробормотав слова:
 Спасибо, Боже, что пока жива...

Ночь, улица, фонарь аптека...

А. Блок

Шоссе. Маршрутка. Улица. Метро.
 Как эта жизнь устроена хитро.
 Закручена в сплетенья и узлы,
 А мы в ней то расстроены, то злы,
 Становимся, не зная сами, как,
 В проблему превращается пустяк,

Как муравьи в извечной суете
Творим дела, да всё не те, не те...
А я мечтаю жить среди лесов,
Иметь коня и двух весёлых псов,
Чтоб на печи мурлыкал толстый кот,
А над сосновым бором небосвод
Был бесконечен, полон тайн и звёзд,
Чтоб каждый день был благостен и прост.
Но наша жизнь устроена хитро.
Опять маршрутка. Улица. Метро.

Грите

Никто из нас не говорит,
Что есть на свете много Грит,
Есть много Грет и Маргарит,
А Грита лишь одна,
Она нам друг и тёплый свет,
Утешит или даст совет,
Поможет выбрать тот ответ,
Где истина видна,
Пусть светит звёздный скорпион
Тем, кто в поэзию влюблён,
Кто смотрит вечный дивный сон,
Кому не всё равно,
За Гриту пьют её друзья,
Она и он, и ты и я,
Пусть выплеснется за края
Коньяк или вино!

Елена ШАПКА

*Студентка Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора Александра III*

Новый взгляд

Новый взгляд не веет романтикой,
Я с претензией на гениальность
Попрощалась, как с брошенным фантиком.
Хоть и жалко — самую малость.

Новый взгляд разрушает сомнения —
Только дай мне опору, я выстою.
Профанация, а не презрение,
Демонстрация новой истины.

Новый взгляд упорядочил прошлое,
Словно бусы нанизал на ниточку.
Написал содержание — грош ему,
Ведь дышать теперь тоже убыточно.

Новый взгляд распознал подоплёку,
Одиозные мысли безжалостны.
Наслаждаюсь победным упрёком.
Может быть, это всё показалось мне?

Три минуты на сигарету —
Я могу разрешить себе это.
Три минуты до отправления —
Подмигнуть молодому соседу.
Суета. Быстрота. Много дыма.
Я опять обвиняю монеты.
Суета. Быстрота. Время пусто.
Утекло, потеряв силуэты.
На пружине обрывки смятений.
В темноте различать самоцветы.
Под товарными полками тихо
Пролетают немые ответы.

Грустно. Радостно. Странно. Банально.
Выливая убитые граммы
(Три минуты до отправления:
Цвет пейзажа красиво-нахальный),
Посыпая теплом расставанья,
Завершаю 20-е лето.

Максим ШВЕЦ

Выпускник Математико-механического факультета Санкт-Петербургского Государственного университета

Вы знаете,
Сегодня дарят розы,
Но я цветов сегодня
Не нашёл.
И вот, теперь,
Стою понуро возле
И чувствую себя
Нехорошо.

Вы знаете,
Сегодня дарят песни,
Но песню я
Не смог Вам сочинить.
И вот сейчас
Стою со всеми вместе
И не могу
Слова соединить.

Вы знаете,
Сегодня все целуют,
Но разве я
Вас мог поцеловать
И гордую,
И нежную такую.
Я в глупом положении
Опять.

Вы знаете,
 Сегодня дарят розы.
 Ну почему я розу
 Не нашёл?!
 И летний вечер плыл,
 Янтарно-розов.
 Я за весь вечер к Вам
 Не подошёл...

Скальд

Я – скальд! И песнь моя проста.
 Я – скальд! И песнь моя крылата.
 В ней – честь разбитого щита,
 и слава смелого булата.

В ней – женщин огнекарий взор,
 невинность нежная и гордость.
 В ней – широта озёр
 и горы!

Покой и воля волн морских.
 Упорство, рушащее скалы.
 Рабочий горн, монаший скит
 и сердце скальда!

В ней – снеговая тишина
 страданья, стойкости и смерти.
 В ней лютни музыка слышна
 и ветер.

Любовь, свобода, и мечта,
 и совесть.
 Я – скальд! И песнь моя чиста,
 как солнце.

Светит белое небо ночное
 на раскрытые книги мостов.
 Улыбается рядом девчонка,
 машет локонов ветвью густой.

Становлюсь самым сильным и храбрым.

Я – мужчина, защитник, вожак.

Представляю старинный корабль,
на котором должны мы бежать.

Парусов развернувшихся гряда.

Скрип креплений и чавканье волн.

Окрик чайки, пронзительно-грубый,
и замшелый, заплесневевший мол.

Шум погони. Горячая схватка.

Шаткость сходней. Скрещение шпаг.

Но зато – как потом целоваться
будет сладко... до звона в ушах!

Как в запахах роз

и в шелест листьев,

и в шедший над пустыней ливень;

как бы упав в сирени грозди;

как в Млечный Путь;

в восторга слёзы –

лицо я окунаю в счастье!

как в шёпот ветра, в поцелуи;

как в неба облачные лужи;

как бы в подснежник, мяту, ландыш;

как в «исполнение желаний» –

я сердце окунаю в счастье!

как в сна цветное вдохновенье;

как бы в шампанского кипенье;

как будто в бабочек порханье

и в книгу с белыми стихами –

я душу окунаю в счастье!

как бы в закат...

в любимой взгляд...

Мы – никто и ничто. Ветер осени рьян.
Нас оставили гнить на вселенских задворках.
И куда мы бежим с пьяным криком – «Ура!!!»
и с каким-то последним унылым задором?

Остальное не помню, проснулся и встал.
И опять – эта боль. И опять – эта ярость.
Никогда эту книгу, мой друг, не листай,
потому что она называется «Старость».

Навсегда я заброшен в иные миры,
где не знает никто, что есть остров Надежды.
Тишину раздирает лишь сдавленный крик
тех, кто вечно обижен и вечно отвержен.

Здесь великий учёный и крохотный клоп
вместе горькую пьют на своих раскладушках.
Но положат когда-то в единственный гроб
наши бедные, бедные мёртвые души...

Я знаю, что ты не прощаешь.
Я знаю, что ты не простишь.
Я многого не обещаю.
Не Лондон, не Рим, не Париж...

А только б на станции бывшей
с названием чудным – Чудцы
с тобой мы из поезда вышли
в день летний, в ночные часы.

«Не может быть!» – ты бы сказала,
а я бы сказал – «Может быть».
Есть новый перрон. Нет вокзала.
Грунтовки развёрнутый бинт...

И мы бы пошли по тропинке,
по той, где ходили всегда...
Весь груз, что за жизнь накопили
в купе пассажирам раздав,

Работа Марины Ясыченко

мы шли б налегке, без поклажи,
лишь за руки крепко держась,
вдоль насыпи... Был бы погашен
свет всех фонарей в этот час.

Как свечи бы звёзды сияли
в безоблачном небе кругом,
нас тёплым накрыв одеялом –
мерцающим Млечным Путём....

Нам так бы идти и идти бы...
Но – вот – и берёза, и дом...
Старушки-рябины изгибы.
Черёмухи взлёт молодой.

Вошли б мы в раскрытые двери.
Натоплены печки. Уют.
Ты точно сказала б, – «Не верю!»,
а я бы стоял, где стою.

Вселенная сдвинулась б с места,
Коллапсов винтами скрипя...
Мы вместе, мы вместе, мы вместе!
Любовь, как известно, слепа...

Тут жизнь проста, однообразна.
Жизнь – развесёлая, как праздник.
Жизнь – беспробудная, как сон.
Так – белка крутит колесо.
Здесь знают «тут» и знают «тута».
Но нет часов, идут минуты.
Здесь пышно яблоня цветёт,
несутся куры наутёк.
Птенцы малиновки в трубе
пищат тут сами по себе.
Труба та вовсе не печная,
она калитку означает.
Здесь весь забор из арматуры,
бетонных труб стоят фигуры,

раздеты, как в садах Эдема,
 или на родине Родена.
 Здесь – чешуя и алюминий.
 Здесь в «Лукоморье» дуб спилили.
 Русалка – мощный агрегат
 сумеет матом обругать.
 Тут есть сарай, но нет больницы.
 тут плохо естся, плохо спится,
 но пьётся пиво здесь рекой,
 порой, не вспомнишь – кто такой.
 Идут бессменно поезда,
 туда – сюда, сюда – туда.
 Но леший здесь давно не бродит,
 с похмелья застрелился вроде.
 Собаки лают день и ночь,
 и всё ж никто не точит нож.
 Есть автолавка – раз в неделю,
 а в ней – сухарики «Емеля».
 Орёт петух, как оглашенный...
 Я – не прощённый, не волшебник...
 Чудес тут много, много грязи.
 Тут жизнь проста и безобразна.

Екатерина ШИПИНА

*Выпускница Национального Исследовательского Университета –
 Высшая Школа Экономики*

Уйдя из снов, ты причинил, безусловно, боль.
 Условно, измерю её в килограммах соли.
 Общие планы, деленные мной на ноль,
 похожи на грань потерянной силы воли.
 Я не буду дышать фразами с конфетти
 (хотя мне бы очень хотелось). Прости.

От леса до города миллион кирпичей,
сотня людей, тысяча бессонных ночей.
На окраине города румянец щеки сочной,
воздух сравним с рождественским хрустом наста.
За городской чертой руки, вроде, нежней
(не стремлюсь утверждать). Скорей
бы зажечь праздничный глаз фонарей.
Увидеть бы ночь на обрыве стального контраста.

Перья ветра щекочат юные щеки, запорошено поле.
Уловив интонацию фраз в дорогом разговоре,
мысль пробьётся в голову быстрой пулей.
И горячее слово вылетит изо рта, слегка
в замешательстве, сравнимом лишь
со стремительностью, с которой ты говоришь
на Урале. Повиснет свинцовая тишь.
На миг по телу трусцой пробежит тоска.

Двое. Листы омелы. Зима. Новолуние.
Нервы похожи на семиструнные
инструменты. В ушах шипящие, шумные
звуки, кроме своих неродных голосов.
Рукавицы покрыты узорами снежными,
если протянуть руки вперёд. Больше не нежные
чужие слова даже за чертой города. Прилежные
блики искрятся на спинах сугробов.
Правая бровь под шапкой надменно
выползет вверх по лбу. Заметно
холодно на морозе. Как, впрочем, и душевно.
Один человек, как снежный бархан вдалеке, маячит уже.
Вторая уходит, поднимая как можно выше
ноги, что перемёрзли; икона в нише
родного дома не подарила помощи свыше.
Снег подобен местами аскорбиновому драже.

Тогда праздничный ветер сменится.
Звезда на звезде никогда не женится.
Машина не заведётся – она поленится
(а может, от трескучего холода – не понять).

Пространство будет колоть нос и губы,
пульс в голове – средневековые трубы.
Мысли мышами роятся – их груды.
И ничего ни с кого не взять.

Ты всегда выходила в окно, а я открывала дверь.
Ты летала, когда тепло. Куда улетела теперь?
Говорила о снах и мечтах (равно в английском dreams).
Я искала тебя впотьмах, а нашла только львов и львиц.
Мне несколько жаль себя, не летавшей так высоко.
Но кто уверял меня, что будет не так легко?
Я поверила, поддалась: и теперь совсем на мели,
но ещё не совсем сдалась. В конце дружбы одни нули.
В конце дружбы одни гудки, выводящие из себя,
ярко-красные огоньки сигарет, сжигающие поля.
Я боялась тебя потерять – теперь боюсь обрести.
Никакого «времени вспять». И никаких «прости».

*Как хорошо, что до смерти любить
тебя никто на свете не обязан...*

Иосиф Бродский

Энное ноября. Стремительней холодает.
Всё быстрее остаюсь ни с чем.
Серое небо меня раздражает,
серое небо меня укрывает.
И я становлюсь ничем.

Сколько мною оставлено позади:
Столько споров, разбитых чашек,
столько выкриков: «Уходи!
Что ты сделала, погляди!
Это всё не твое, не наше!»

Голова разрывается, стоит вспомнить.
Воспоминаний хватит на чемодан,
который стоит только наполнить –
и в путь. Некого успокоить,
некого сжать в объятьях моим рукам.

Снова энное ноября. Морозит,
 опять чуть подкашиваются ноги.
 Спасибо тебе, дорогой Иосиф,
 за слова, о которых просят
 сказать, подводя итоги.

Вечерами моя милая сидит у кипящего чайника,
 наливает из него горячую воду в кружку,
 заваривает чай.
 Вечерами моя милая не думает о начальнике,
 не шепчет никому на ушко,
 не говорит «прощай».

Милая моя устала. Она устает всегда: и днём,
 и ночью от медленной бессонницы
 ворочается.
 Чуть светает – она под палящим сплошным огнём
 незнакомцев в метро – не знакомятся,
 глядят в переносицу.

Кажется, моей милой не хватает внимания
 человеческого – а уж моего
 и подавно.

Сквозь бессонницу объявляется нужная станция,
 милая выбегает, ото сна протрезвевшая
 и подавленная.

Так день перетекает в неделю, минуты – в часы,
 одиночество приближается и шипит
 навязчиво.

Моей милой кажется: она пробирается сквозь басы
 города. Лишь её пальто шелестит
 вкрадчиво.

В своих мечтах моя милая смеётся и говорит «да».
 гуляет босиком в любую погоду и непогоду,
 на улице – май.

Я люблю её особенно в те минуты, когда
 она наливает в свою кружку горячую воду
 и заваривает чай.

Мой незначительный круг общения
ограничивался всегда.
Сначала в утробе матери, да
с большим возрастом линия
графика одиночества всё росла:
я, четыре стены и мгла.

Контекст утрачивает значение –
сложно быть гибким в среде,
в которой всегда «не ты» и «нигде».
С декабря я оставлена на лечение,
(сказали, что это от недостатка
душевного, внутреннего порядка)

благо, стены войлоком не обили.
К моим двум друзьям
прибавились книги – почти семья.
Я теперь не страдаю от изобилия,
я в принципе одинокая.
Но что-то колет меня в левое лёгкое.

На столе у Элен-студентки много вещей:
кипа бумаг, пенал, лампочка в сорок ватт,
календарь, в котором показано, сколько дней
проведено в одиночестве, фото старых друзей...
Элен не любит Скарлетт. И это факт.

Ночью Элен пишет тонны влюблённых стихов,
по утрам называя их дурью и рефлексией,
комплиментов не принимает, надеется на богов,
за просроченное желание бросает молитвослов
из окна. А Скарлетт не любит. Сильно.

Сегодня была суббота, и кофе перекипел,
Элен раздражена – сегодня ей не согреться.
Она намеренно забывает о паре обыденных дел,
надевает на плечи пару поношенных одеял,
и твердит почти вслух: «Я заспиртую сердце».

Первое время давалось с непосильным трудом,
 Элен по вечерам подумывала о смерти.
 Сейчас прикипела, покрылась толстенным льдом,
 раньше не было времени – дочитала последний том
 толкового словаря: «чувство» – между «чума» и «черти».

Скарлетт гуляла, пила вино и чего покрепче,
 Элен была в квартирке с книгой наедине.
 Студентке так было легче, намного легче.
 Она полюбила Скарлетт экзотической, певчей,
 а разлюбила – умирающей в тишине.

Да сбережёт тебя бог или что покрепче:
 Не бойся всё начинать с нуля.
 Двигайся вверх, тогда будет немного легче
 пережить что-то, затронувшее тебя.
 Не оборачивайся: бойся судьбы Орфея,
 я не хочу, чтобы кто-то из нас страдал.
 Какие-то вещи запросто можно склеить,
 но ты – уникальнейший минерал.
 Я гоняюсь за журавлём, когда ты – синица,
 Ты же спешишь врубить на полную мощность свет.
 Из-за этого нам по ночам не спится:
 мне слишком ярко, тебе – совершенно нет.
 Я нуждаюсь в тебе, как народ в мессии,
 я жду у моря погоды, хотя здесь пруд.
 Но сколько бы мне подарков не приносили,
 я не выживу, если тебя у меня отберут.

Ты человек, который разбит погодой.
 Не за горами зима, скоро придёт метель,
 ты будешь ёжиться, и, заправляя постель,
 шипеть растворённой в стакане содой.

Оттого ли ты хочешь тепла и света,
 что, прижимая к шее плотнее шарф,
 выглядишь как африканский жираф,
 попавший на север, где тонны снега

и столько же страха за свой карман.
 Оттого ли живёшь ты в городе, где,
 только и разговоров, что о беде,
 только и слухов, что где-то там,
 дыма в воздухе больше, чем кислорода.
 Ты понимаешь и смотришь через петлю,
 откуда слышно заботливо «Я люблю».
 После чего уходишь на родину. Никуда.
 Вокруг остаётся одна вода.

Полише-1

Знаешь, детка, жизнь устроена странно:
 сегодня мы вместе, а завтра нет,
 быть может, оставленный мною след
 в твоей душе заменили другие раны?
 Ты не боишься, что будет любовь-комета?
 Сначала горит, а потом превращается в уголь,
 падает, забивается, жалкая, в тёмный угол
 нашей сине-зелёной планеты.

Ответь. Если нет, я продолжу свой путь
 сквозь сотню туманнейших альбионов.
 если да, то из тысячи миллионов
 сердец, я возьму твоё. Только будь.

Полише-2

Детка-конфетка, наша любовь – ничто
 в сравнении с тем, что творится сегодня в мире.
 Представь: где-то в английском метро,
 на станции, два человека в пять-ноль-четыре
 обнимают друг друга, как будто не виделись сорок лет.
 Всепоглощающий страстный бред.

Я веду к чему. Мы – такие, как все,
 а наша любовь обычна и всё такое:
 она, получается, как цветение по весне,
 как аксиома «дао всегда спокоен».

На самом деле, я искал тебя в путешествиях иногда,
но кругом попадалась одна вода.

Я памятник себе ничем не воздвигал:
я не какой-нибудь поэт и не правитель.
И до меня огромные столпы стояли там,
где человек умел и ликовать, и ненавидеть.

Я весь умру – душа в мешке из кожи.
Могила разверзнёт прохладное жерло,
куда я упаду изрытой криком рожей,
и от меня останется сплошное ничего.

Ни слова не пройдёт. Ни шёпота. Ни звука.
Европа, Азия ли, Северный Урал.
Вся жизнь моя – одна сплошная скука:
я ел и спал. Спокойно, мирно спал.

За что меня винить? За то, что я обычен?
Я вырастил детей и выстроил свой дом.
В сердечной простоте я узнаю, где вычет,
а что слагать – находится с трудом.

Тебя виню я, муза, лишь за то,
что вовремя меня не пробудила.
И я сейчас в задрипанном пальто
похож на старого немого крокодила.

Время шинели прошло, настала пора Шанели.
Скрипели сигналы машин, шла она, еле-еле сдерживая восторг.
Листая глянцевого журналы, она впивалась в разделы мод:
как бы взглянуть на мир с недостижимых высот
каблуков, несущих её в поток
людей, всё делающих абы как, бегущих туда-сюда,
чьи слова для неё непонятны – одна вода.
Большая проблема – деньги.
Обменять бы их на простроченный лоскуток
и начать расстреливать взглядом, сыпать в глаза песок,
стройностью ног позволять чужой пуле

обживаться в чужом виске.

Но она никто и плетётся сейчас нигде.

Проработав два месяца продавщицей,
она идёт покупать лицо всего за семь тысяч пятьсот
и уже представляет, как крутится и кружится
перед людьми
в своём новом пальто.

Выходя из метро,
поднимает себя ступень за ступенью
(деньги греются в кошельке).
Входная дверь ударяет её с определённой целью:
заставить обернуться налево,
где в уголке
стоит индивид с табличкой в руке:
«Мы живём на сухом пайке».

Вытащив из кошелька кредитку и пару карт,
она отдаёт его мальчику просто так.

Пустые улицы мегаполиса, северополусные огни.
Мы одни, я надеюсь. Сейчас и впредь
твой взгляд заставляет меня изнутри
бояться, кричать и реветь,
отбивать замёрзшим негнущимся кулачком
по торчащей ключице сигналы SOS,
молчать, а затем выдыхать с трудом:
«Чего ты глядишь, как лось?»

Елена ШИПИНА

Выпускница Института Киноинженеров

Пускай легко ложится на плечо
Вечерний сумрак с шорохами моря.
Давай ещё, о чём-нибудь ещё,
Потом ещё о чём-нибудь поспорим;

На чём-нибудь сойдёмся, а потом
 Приступим к чаю под включённой лампой –
 И будем мы застуканы котом,
 Подкравшись из сада тихой сапой.
 И этот миг запомнится тебе,
 А может, мне, а может быть, обоим.
 И будем благодарны мы судьбе,
 Так счастливы, как этого не стоим.

Хочу, чтоб стих ложился пледом
 тебе на плечи...
 А к ногам –
 мой стих ковром бы лёг,
 чтоб следом
 плыть за тобою по пятам...
 Хочу, чтоб волокнистой тенью,
 легко цепляясь за полу
 халата, скованного ленью,
 играл он на твоём полу...
 Чтоб слышался сквозь птичье пенье:
 и ввечеру, и поутру...
 Чтоб не пускал мой стих забвенье
 в твой дом.
 Мне было б по нутру,
 когда б он любопытной галкой
 встречал тебя и провожал,
 а зайцем солнечным бы – в салки –
 метался, прыгал бы, шнырял,
 пятнал, целуя, и дрожал...

Метнётся тень крылом, и день пойдёт на убыль.
 Оставим на потом пытающие губы.
 Склонение зеркал, спряжение отражений,
 И в фокусе – бокал комедий положений.
 Качнётся влаги фарс – извольте напиться.
 Ступает вечер-барс, крадётся ночь-тигрица.

Мы не покинем пост – натружены глазницы.
Гармонию за хвост поймает, как жар-птицу...

Тональности к утру выравнивая фронтом,
Уснём, уснёшь, усну – спрягаем, как по нотам.

Во дворе, как чайники в стакане,
Крутит ветер порывом листву.
Я сыночка, как только он встанет,
Выпить чаю со мной позову.
Не большая забота, однако
И ему на душе всё ж теплей.
На асфальте, от влажности лаковым
Мелких лужиц разбрызган елей.
Сын в печали, и девичьим именем
Будет мучиться он до поры.
А листва усмирится под инеем,
Сверху белые лягут ковры.

Градирни, трубы, краны,
и – соловьи в кустах;
и голубая ванна –
для облаков и птах;
«Родильный дом 17»,
трамвайное кольцо –
ну, как не улыбаться
в открытое лицо
окраины весенней,
по-птичьи не свистать,
факт своего рожденья
везеньем не считать?!

Живёт старушка, мне не знакомая.
Время затягивает её, словно тина.
Одолевает осенняя истома,
липкая, как паутина.

Старушка готовится к смерти,
впадает почти что в кому.

Я –
ни при чём, поверьте.

Я – молодая, здоровая и весёлая,
только что окончила школу я:
институт, бассейн, твист,
СНО, диплом, молодой специалист.
Кандидатская? Плевать! Дети!
Это важнее всего на свете!

Коли ноша не тянет, тянуть не лень:
день не болеют – счастливый день!
Ясли – тайком заглядываю в окно:
как там дитятко-то моё?

Оно
не плачет? не кукуется? ест?..
Многие дни и года окрест...
Такая усталость! Не сорваться б с орбит!
Всё меньше радостей, всё больше обид.
Осеннею паучихой впадаю в кому я...
Паутинки летят невесомые...

Здравствуй, старость моя, незнакомая.

Малохольное

Сняли деревьев бельё, запихали в мешки,
дождь бесконечно клюёт распростёртые лужи.
Я бесконечно клюю:
буковки, строчки, стишки...
Может, проклюнется что-то:
внутри занедужил
тонкий росток с бледным листиком-ликом, живой.
Стойко держись, я тебе обещаю подкормку.
Мне по весне малохольной срывать не впервой
нерв зеленеющий будет,
вставлять в переплётную корку.

Юных дней далёкой жизни
 Быстрогаснувшие искры...

 ...Снег лиловый – близкий-близкий,
 Лай собачий, шорох быстрый,
 Скрип ступеней...
 Навзничь звёзды,
 Лунный лик, кривой немножко,
 Горлом сдержанные слёзы,
 Жёлтым глазом свет окошка...

Купол неба, снега царство...
 Дремлют вчуже беспробудно...
 Мама, мама, что ж так трудно
 В этом мире разобраться?!..
 Скоро будет мне тринадцать.

Я клоунесса-седовласка в колпаке,
 Смешная старушонка: «Кхе-кхе-кхе...»
 На каблуках пройдуся и розовый бутон
 Поправлю на груди под общий смех и стон.
 Но это только образ мой ковёрный.
 Разоблачаюсь за дверьми гримёрной.
 Нет ни морщин, ни шуток несмешных.
 Есть с зеркалом игра: я – за двоих.

Как кошка сытая, в углу
 Урчал лениво холодильник,
 TV молчало, и мобильник
 Затих, не ёрзал по столу.
 Торшер уютный светом нежным,
 В шкафу высвечивал тома,
 И коготками крупки снежной
 Окно царапала зима,
 Кулисы вечера смежая.

И зажигались фонари.
И некое подобье рая
Я ощущала здесь, внутри.

Шершаво пахнуло геранью –
Так резко, что скулы свело.
Блеснуло задумчивой гранью
Прессованной вазы стекло.
Здесь всё неподвижно и пыльно,
За что-нибудь взяться – нет сил.
И память застыла бессильно...
Конечно, полью – как просил.

Предновогодняя печаль о себе

За окном в полумгле старый тополь ветвями прядёт,
Настороженно слушая пустошь туманного утра.
Он сосед мой, давнишний настолько, что стал мне родным:
Мы друг друга ведь с юности знаем, и день без свидания редок,
Даже платя менять не стесняемся друг перед другом,
А беседы о жизни ведём – понимает, вздыхает.

Кряжистей стали, шумливее воспоминанья,
Замерзаем в постелях зимы, ищем лицами солнце.
Скоро в прах превратимся, истаем на этой земле.
И побеги, смазливые, шустрые и голенастые,
Даже вспомнив о нас,
О себе лишь печалиться станут.

Ретро

Кособокая скамейка,
Клён, склонившийся над ней,
Кофточка из бумазейки,
Юбка в сборку, без затей.

Видел свет, спроси, где не был,
Но опять приходит в снах:

Туфельки из райпотреба*,
Новый гребень в волосах.

И на что сия морока?!
Ведь тот вечер так далёк!..
...Словно светит алым оком
Под золою уголёк.

Брызги моего фонтана

Когда-нибудь этот фонтан отключат,
И струи болтливые вдруг замолчат,
И запах полыни настигнет зимой:
Я так постарею, что стану немой...

Фонтан демонтируют, листья падут,
И тёплые дни никогда не придут.
Я так постарею, что стану немой,
И запах полыни настигнет зимой...

Когда-нибудь этот фонтан отключат,
И струи болтливые вдруг замолчат,
Фонтан демонтируют, листья падут,
И тёплые дни никогда не придут.
Я так постарею, что стану немой,
И горечь полыни настигнет зимой.

Скрипящий шлагбаум, слепящие фары,
Проверка, барак, двухэтажные нары.
И мат трёхэтажный... Где шум, там и драка.
На стыках вся в саже труба вдоль барака
Идёт от печурки.
Дверь паром клубится,
настырным и юрким...
...Приснилось. Не спится.

* райпотреб – просторечное сокращение официального «райпотребсоюз»; в СССР розничную торговлю в сельских магазинах в основном осуществляли райпотребсоюзы.

Весенние призывы

С набухшими почками ветки
Забыли уже про пургу,
И, вытаяв, радость монеткой
Блестит на весеннем снегу.

Рождайтесь, живите, порхайте,
Включайтесь в игру ли, в борьбу,
Пишите верлибры и хайку
Про Бога, про Мир, про Судьбу.

Не мучайтесь в поисках смысла,
Творите, дарите его.
Да будет так – ныне и присно –
Прекрасно, свежо и легко!

Последний девиз

Подвергнуть рифмованию весь мир:
От трав до звёзд, и дальше – до границ,
От выстрелов глухих и до бренчанья лир,
От воспарения и до паденья ниц –
Пусть в окна мне стучит глумящийся Борей,
Вот радость и печаль, и смысл остатка дней.

Экзальтация девы

Шпоры, штаны и меч,
А также коня, коня!
Бог меня должен беречь
И в нощИ, и средь бела дня.
Будут допросы и смерть,
Между ними бои, бои:
Только доспехам греть
Я позволю плечи мои.
Эту чашу испить до дна
Да поможет мне божья рать!
Дева Жанна, сражайся одна!
А конец не заставит ждать.

Так о чём ещё, как не о смерти?!
Мысль о ней – что муха в жаркий день:
то присядет на моём десерте,
то кружить над хлебом ей не лень.

Кто про что, а вшивый всё про баню –
наплевать мне на десерт и хлеб!
С мыслью той мы всё про смысла тайну:
жизни миг так краток, что нелеп.

Вот уже луна в окне повисла,
Звёздами украсилось окно...
Кто про что, а человек – про смыслы.
Да о промыслах, коль верить в них дано.

Муха спит, не думая о завтра,
Рыбки-птички на своих местах,
Вот и я почти пилотом-авто
Спать бреду плыть-улетать во снах.

Парковые этюды

I

Старинный парк, столетние дубы,
И клён, похоже, не намного младше.
Нахмурились морщинистые лбы
Камней замшелых. Тонкой веткой машет
Берёзка юная.

Сирени пышен куст,
А древний постамент надменно пуст.

Извив ствола причудлив, как судьба,
Канал темнее вековых преданий,
И слышится невнятная мольба
Над отражением деревьев и зданий,
Где ряска лёгкая,
кувшинки круглый лист
И мостик – крепок, хоть и неказист.

И куст сирени стыл, соцветья опускал
Во тьму канала.... Так
молчали я и Вы.

Августовские этюды

I

Нанюхаться флоксов лиловых и белых,
Смородины зрелой и слив переспелых,
Нанюхаться вдоволь – на осень, на зиму –
На Яблочный Спас собирая корзину
Плодов кисло-сладких, брызжущих соком,
Зелёных, и красных, и с рябеньким боком.

II

АвгустОвские росные травы,
белогривый кипрей среди них –
это лета последние главы,
это яблочно-сливовый стих
эпилогом, последней страницей,
над которой замрёшь дочитав:
ведь над нею всё движется, длится
время ериком без переправ,
и сюжетные струи сплетают
нити судеб опять... Но – пора!
Переплёт книги лета терзая,
не откроешь её, как вчера.

Осенне-вечерние этюды

I

Невнятный пейзаж за опорой высоковольтки,
Он выполнен сажей осеннего вечера, только:
Ни красок, ни блеска, ни чётко прочерченных линий.
Лишь тень перелесков и дальние вышки над ними.
И тишь – вдруг пронзённая зычным смычком электрички.
И снова всё сонно – безлюдье, беззвездье, беспитчие.

И лист – с ветки клёна скользнувший подмётным посланьем.
И я – удивлённая мглой, неожиданно ранней.

II

По Новорощинской джип навороченный рык прокатил и смылся:
тишь опорочена им, и испорчено благотечение мыслей.
Явь оторочена звёздами ночи, но штиля высокого нет уж:
оды отсрочены нынче, короче,
и листьев последняя ветошь
шепчет, что кончено и заколочено лето. Бессмысленна ретушь.

Небесная цветомузыка

Осенний закат вкруговую разлился,
Устроив костёр из деревьев и крыш.
Лик бледной луны меж ветвей разместился
Послушать концерт под названием «Тишь».

Играет оркестр небесного круга:
Там – дымчато-розовым тает вдали,
А там – вдруг срываясь в багровую фугу,
Вершит её рьяною вспышкой зари.

Трепещет звезда среди буйной палитры:
Отважилась детским сопрано вступить.
Луна, разрумянившись, мэтром к пюпитру
Всплывает ночную музы~~ку~~ку творить.

Чуфут-Кале

Были
горы до звёзд,
да Хронос
вершины снёс.

Плоские срезы скалы –
Словно богов столы.
Здесь, на таком столе –
Город Чуфут-Кале
И длинная, как змея,
Времени колея.

Словно остатки пиров
Хроноса, Вод и Ветров,
Вдоль колеи в скале
Камни Чуфут-Кале.
К краю и под карниз
Тропка струится вниз.
Сверху скользит, маня,
Синяя простыня.

У моря

Полудикой мальвы заросли
С анемичными цветами,
Вышита лазурным гарусом
Моря ширь, шумит волнами.
Со спины объятья пряные
От лавандовой поляны.
Мы от них такие пьяные!
Ты скажи, что мы не пьяны.

Минимы

По квартире бродят
два моих сына.
А куда ушло счастье?

В беззвучной пустыне туманного утра
прокаркала ворона.
От такого призыва к жизни и жить не хочется.

В хаосе мира
дзынькнула лира...
Встрепенулись ли уши Вселенной?

Полынья на белом снегу –
маленькое чёрное платье на простыне.
Для кого?

И как птенцы из гнезда,
листочки из почки
клювы разинули солнцу навстречу!

Кто счастливее всех на свете?
Это я
на велосипеде!

Чёрная сковорода
Соль рассыпана
Жарится желток ночи

Сергей ШУМИЛОВ

*Студент Электротехнического университета Императора
Александра III*

У костра, в темноте, под луной.
Когда с искрами ветер флиртует.
Прежде страсти не зная такой,
Арабески в тумане рисует.

Я сижу и смотрю на огонь,
Пожирающий ветку за веткой.
Всё-то в пламени сыщёт покой,
И всё «важное» станет вдруг ветхим.

Будто феникс расправивший крылья,
Воспарил из могильного пепла,
Новый день, не затронутый пылью
От сомнения, страха, запрета.

Чистый лист. Всё возможно, как прежде.
Нет пределов, так будет и дальше.
Полив угли бензином надежды,
Новый день полыхает всё ярче.

Пламя дней никогда не погаснет,
Лишь подкидывай брёвна из веры.
И гляди, этот мир так прекрасен,
Когда рвенье не чувствует меры.

Когда «Это, увы, невозможно»
Заменяет «Попробую снова».
И костру я шепчу осторожно:
«Я смогу, я даю тебе слово!»

Нерушимо стоит изумрудный дворец,
Хоть одет кирпичом и бетоном.
И эпохами полон бездонный ларец.
Не стареет фасад год за годом.

Эти стены всё помнят: как пули свистят,
И как птицы поют над Невой.
Эти окна смотрели: устои горят,
И потом их залили водой.

И хоть двери всегда и открыты для всех,
Он не прячет богатств в погребках.
Забери сколько сможешь! Здесь жадность не грех,
Ведь богатства в сердцах и умах.

Анастасия ЮРЧЕНКО

***Студентка Национального Исследовательского университета –
Высшая Школа Экономики***

Я знала юношу с глазами цвета неба
С улыбкой, что затмила солнца свет,
А смех его был отголоском эха
Ребёнка, что шагал за ним вослед.

Не знал тот юноша, как выглядит несчастье,
Всегда на всё он находил ответ,
Но изменилось всё буквально в одночасье
Из глаз исчез оттенка неба цвет.

По улице бесследно шёл и тихо,
Похож он стал на призрачную тень.
А в памяти людей остался мигот,
Способным тучи разогнать в дождливый день.

Я знала юношу с открытою душою.
Забыв себя, другим он помогал.
А люди, пользуясь подставленной спиною,
Воткнули нож, что душу убивал.

Тогда тот юноша, поняв свою ошибку,
Закрылся ото всех и ото вся.
Никто не видел больше той улыбки,
А он со временем совсем ушёл в себя.

Он стал задумчивым и спрятался за маской,
Не изменило это ничего.
Доверился он девушке с опаской,
А вскоре та оставила его.

Я знаю юношу с глазами цвета стали,
С улыбкой, так уставшей ото лжи.
А где тот смех, что снился мне ночами?
Ребёнка спрятал в глубине души.

Я знаю, сквозь какие испытания
Прошёл он, отказавшись от всего.
Я знаю юношу, что цену знал страдания,
Ведь я та девушка, что бросила его.

Павел ЯКИМОВ

*Автор-исполнитель. Организатор поэтически-музыкальных
квартирников в Санкт-Петербурге «Стихочайная»*

Учитесь ждать, вас искренне прошу.
Так важно слышать, с близкими прощаясь:
«Ты возвратишься?» – «Да, конечно, я приду,
Ты лишь дождись» – «Дождусь, я обещаю».

И мы бежим, заряженные тем,
Что там нас ждут любимые обратно.
Мы побеждаем, мы доказываем всем:
С любовью мы сильны невероятно!

Учитесь верить в сказки и в мечты,
Вы ахнете – они начнут сбываться!
Учитесь строить – не сжигать – мосты,
И вот оно – в вас жизнь начнет влюбляться!

Терпеть учитесь и сжимать
В груди своей бурлящую обиду.
И крик скребущий смейте удержать,
И боль не выдать, скрыть её из виду.

И не сдаваться, бросив всё к чертям,
Когда уже расчерчено полмира,
Полжизни отдано когда – зазря?!
Чтоб скорбь не пить потом в углу трактира...

Учитесь ждать, тоскуя у окна,
В сугробы свою всверливая душу
Сквозь стёкла тонкие. И к вам придёт весна!
Я вам клянусь – заменит солнце стужу!

Так важно знать, что кто-то тебя ждёт,
 Так важно знать, что есть к кому вернуться,
 О ком скучать ночами напролёт,
 Кого обнять и чьей души коснуться.

И я безудержно, неистово хочу,
 Чтоб каждый мог от счастья улыбаться!
 «Учитесь ждать!» – я вам до хрипоты кричу.

Но эхом мне: «Учитесь возвращаться...»

Анна ЯКУБОВИЧ

Ученица школы

Ласточка и самолёт

Ласточка зимою
 К нам не прилетит.
 Ласточка зимою
 В гнёздышке сидит.
 Далеко на юге
 Деток своих гладит,
 Она их очень любит
 И с ними летает.
 А здесь всё идёт снег.
 Самолёт по небу летит на юг.
 На небе остаётся полоса.
 Самолёт на домик приземлится – шлёп,
 И все люди выйдут,
 И увидят, как ласточка летает и поёт!

Редакция с мамой

Ласточка зимою
 К нам не прилетит.
 Ласточка зимою
 В гнёздышке сидит.
 Птенчикам на юге
 Песенки поёт.

А у нас тут вьюги,
Холод, снег идёт.
Самолёт на небе
Оставляет след.
Полететь бы следом,
Только крыльев нет.
Самолёт на юге
Приземлится – шлёп!
И услышат люди –
Ласточка поёт.

Ученица 3-го класса

Жук

Смотрю в окно, вдруг вижу – жук!
Стучится жук ко мне в окно.
Ни так, ни сяк влететь в окно.
Открыл окно. И вот, теперь
Он прожужжал: – Летим ко мне!
– Куда к тебе? – Ко мне домой.
– А где твой дом? – В кусте мой дом.
Жук взял меня и полетел
К тому кусту зелёному.
К тому кусту мы прилетели.
Жук говорит: «Знакомься – дом.
Садись на стул, не стой в углу».
Я сел на стул и осмотрелся –
Висели ягоды вокруг.
Жук прожужжал: «Ты не стесняйся,
Давай бери и угощайся!»
Я встал со стула и сказал:
«Спасибо, я не буду». «Да?!»
«Простите, я наелся дома
И больше не хочу».
«Так больше ты не хочешь,
Тогда пойдём гулять.
Гулять мы будем по лесу
И прыгать, и плясать!»

7 лет

Но вдруг повечерело
Нет больше сил гулять.
Скорей летим в постельку
И будем засыпать!

9 лет

Дедушка

Дедушка, родимый,
Долго проживи!
Дедушка мой милый,
Счастье ты найди.
Солнышко тут светит,
И прошли дожди.
В твоём добром сердце
Светятся огни.
Помогал ты всем нам,
Добрая душа.
Лучше всех на свете
Дедушка всегда!

9 лет

Михаил ЯКУБОВИЧ

4 года. Слушатель детского сада

— Мама, а Земля круглая как шар?
— Да.
— А если её проткнуть большой-пребольшой иголкой, она сдуется и улетит?

— Мама, а ты знаешь, чем заканчивается бесконечность?
— Нет. А ты знаешь?
— Нулём, конечно!

СПЕГЭТУ «ЛЭТИ»

ПРОЗА.РУ...НО...

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Юлия АЛЕКСЕЕВА

Рыжее чудо

Одиннадцатилетний мальчик Миша верил в то, что в преддверии Рождества добрые ангелы высыпают из волшебных мешков снежинки-желания на всех людей на земле и, чем больше снежинок упадёт на высунутый язык, тем больше желаний исполнится.

Он сидел на скамейке, кутаясь в старую потрёпанную куртку, ждал свою маму с работы, и загадывал:

«Я очень хочу, чтобы моя мамочка поправилась и нашла нам хорошего папу!»

Внезапно что-то уткнулось в его ладошку. Миша открыл глаза и увидел большую рыжую собаку.

Пёс приветливо вилял хвостом.

– Привет, – поздоровался с ним мальчик, – меня зовут Миша, а тебя?

Дворняга внимательно смотрела на парня и молчала.

– Мишаня, с кем ты там разговариваешь? – спросила подошедшая худощавая женщина. Она совсем ничего не видела левым глазом и подслепова-то шурилась.

– Мама, это мой новый друг. Он совсем один. Давай его возьмём?

– Сынок, мы сводим концы с концами. Какая может быть собака? Пойдём домой.

– Ну, мамочка, он же замёрзнет. Давай оставим его хотя бы до завтра? – попросил Миша.

Светлана вздохнула. Сил, чтобы спорить с сыном не было. Она очень устала.

На следующий день Миша предвкушал прогулку со своим новым четвероногим другом и быстро справился с поручением мамы – сходил в магазин за продуктами.

– Мама, а где моё Чудо?

– Понимаешь сынок, баба Клава принесла листовку о пропаже собаки, – начала Светлана, – оказывается, они почти по всему городу развешаны. Я позвонила, и хозяин его забрал. Он...

Но мальчик уже не слушал. Он закрылся в комнате и горько разрыдался.

– Как же так? Сегодня же Рождество. Это было моё Чудо.

Кто-то позвонил в дверь.

Дверь в его комнату распахнулась, и Миша увидел высокого мужчину с собакой.

– Кто это тут у нас плачет? – улыбнулся вошедший, – а я решил поблагодарить тебя за то, что нашёл моего Джека. Он убежал почти месяц назад, и я уже не надеялся его снова увидеть. Спасибо тебе, Миша.

– Я живу совсем один, – продолжал мужчина, – я принёс продукты. Если ты и твоя мама не против, я хотел бы встретить это Рождество с Вами.

Миша улыбнулся.

«Спасибо, ангелы за настоящее Чудо!»

Однолетняя жизнь

Я появился на свет поздней весной. Внутри сработал какой-то механизм, который разбудил меня.

Я попробовал пошевелиться. Ноги, зажатые чем-то тяжёлым, не двигались. Руками можно было пошевелить совсем немного. Темнота давила на всё моё существо своим безмолвием. Где я?

Сверху на меня вдруг полилось холодное и неприятное нечто. Если бы у меня был рот, я закричал бы от ужаса, но рта не было.

Я рванулся вверх прочь из мокрой тесноты и оказался в другом пространстве, таком же тёмном, как и предыдущее, но наполненном множеством звуков. Меня оглушило от неожиданности. У меня есть уши!

Реальность вокруг медленно двигалась, приветливо прикасаясь ко мне. Я слушал и вдыхал невидимый мир.

Что-то тёплое нежно коснулось моего тела. Как приятно и хорошо. Я успокоился и уснул.

Не знаю, сколько я проспал. Тяжело следить за временем, когда ты слепой.

На мои ноги снова полилось что-то холодное, но очень вкусное. Я сразу почувствовал прилив сил и вдруг увидел мир вокруг себя. Он обрёл цвет и объём. Звуки стали громче.

Надо мной склонилось какое-то существо. Оно улыбалось мне.

– Привет, – я не знал этого языка, но понимал его, – петунья!

«Пе-ту-ни-я!» – мысленно повторил я. Мне сразу понравилось это слово. Оно было таким родным и знакомым.

Это существо так зовут?

– Ты зацвел! Такой красивый цветок нежно-розового цвета! А сколько ещё бутонов! – радовалось существо, наклонило голову и прикоснулось губами к моему единственному глазу.

Щекотно! От охватившей меня нежности мне захотелось ответить, прижаться всем телом к ней. Почему-то я сразу понял, что передо мной девушка.

Со временем у меня появилось много глаз. Себя я по прежнему не видел, но это было мне и не нужно. Я радовался тому, что могу видеть девушку и признаваться ей в любви. Я понял, что Петунья – это я, это моё имя.

Она разговаривала со мной, кормила и часто целовала. Мне бы хотелось, чтобы это продолжалось вечно, но в мир пришла осень.

Я понял это, мои глаза вяли и закрывались. Есть я больше не мог. Мои ноги отказывались принимать пищу. Я дрожал от холода.

Моя любимая склонилась надо мной. Из её глаз текла прозрачная жидкость. Она плакала.

«Я люблю тебя!» – беззвучно прошептал я и умер.

Я появился на свет поздней весной. Внутри сработал какой-то механизм, который разбудил меня. Но теперь я знал – кто я.

Пе-ту-ни-я!

Ангел-удача

Дождь набивал ритм, понятный только ему, по крышам, по мостовой, по машинам, по разноцветным зонтам случайных прохожих.

Ангел стоял на крыше пятиэтажки, подставив руки под капли. Ему нравилось наблюдать – как дождь стекает по его красивым тонким пальцам.

Мысленный призыв названного брата прервал его любование.

Вих* (именно такое имя было дано ему при рождении) расправил огромные крылья.

Они были почти чёрными. Одно перо на правом крыле выбивалось из безупречной гармонии белым пятном.

Ангел улыбнулся. Сегодня он исправит это, закончит свою работу и обретёт долгожданное бессмертие.

Несколько минут полёта по вечернему городу и ангел оказался на другой крыше, где его ждал брат – высокий, темноволосый Сурум**.

Дождь стих.

– Рад тебя видеть, Вих! – брат кивнул головой в сторону тёмного силуэта, стоящего на краю крыши, – твоё последнее испытание. Всё очень просто: толкни её в спину и будешь жить вечно, как я!

* – Vihm – удача на эстонском.

** – Surm – смерть на эстонском.

– Кто она? – молодой ангел никогда раньше не интересовался жизнями людей, которых ему нужно было добить, чтобы окрасить свои крылья в цвет траура.

– Какая-то молодая девчонка, решившая покончить с собой. Наверное, несчастная любовь! – со смехом и безразличием ответил Сурум, – Какая нам ангелам разница? Люди глупы и не ведают, что творят. Эта девчонка сама сделала свой выбор, просто помоги ей его принять.

Вих медленно подошёл к девушке и, неожиданно для самого себя, вдруг обошел её справа, чтобы увидеть.

На вид ей было не больше шестнадцати. Огромные голубые глаза, спутанные прядки розовых волос.

– Что ты делаешь, брат? Зачем ты на неё смотришь? Не смотри на неё! – закричал Сурум, но Вих не слушал его.

Он заглянул в её глаза, полные отчаяния и страха.

Вих никогда не смотрел в глаза своим жертвам, не запоминал их лица, но сейчас все те, кому он помог умереть, вдруг ожили в глазах этой девчонки.

Ангел вспомнил их всех: молодых и старых, всех, после смерти которых, его крылья обрели чёрный окрас.

«Ты помог им умереть! Ты добил их, лишь для того, чтобы обрести вечную жизнь!» – эта мысль почти физически пронзила его.

– Люди такие хрупкие, но они тоже хотят жить! Я больше не хочу убивать их! – крикнул Вих брату и принял решение – сложил свои крылья и шагнул вниз с крыши спиной вперёд.

– Нееет!! – закричал Сурум и прыгнул к краю крыши.

Девушка словно очнулась ото сна. Она вздрогнула и сделала несколько шагов назад.

Вих летел вниз и смотрел в её голубые, как и у него, глаза.

– Живи! – успел крикнуть он прежде, чем упал спиной на мокрый асфальт.

Ангел задохнулся от боли. Оба крыла и позвоночник были сломаны.

Из его красивого рта потекла струйка крови.

Впервые в жизни он узнал, что испытывают люди перед тем, как умереть.

Вих раскаялся. Страх, боль и пустота.

Дождь набивал ритм, понятный только ему, по крышам, по мостовой, по машинам, по разноцветным зонтам случайных прохожих.

На асфальте лежал мёртвый ангел с ослепительно белыми крыльями.

Дмитрий БОБЫЛЕВ

Выпускник Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии

Другие люди

Субботним вечером в «Макдоналдсе» сидела молодая компания: двое парней, трое девчонок. Жизнь в мегаполисе позволяет встречаться друзьям только в выходные: после работы ехать в другой район нет времени. Поэтому компания старалась повеселиться на славу. После очередного взрыва смеха девушка с пирсингом в ноздре, похожем на прыщ, вдруг посерьёзнев, сказала:

– Мы очень невнимательны к другим людям.

– Ты о тех несчастных с деревянной ногой, которые побираются, пока мы веселимся здесь? – предположил парень, с первого взгляда на которого было понятно: хороший парень.

– Сегодня ехала в метро и краем глаза заметила отражение в стекле в конце вагона, ну, я думала, что это отражение. А потом поняла, ну, что это просто люди в следующем вагоне, а не отражение моего. Поняла, потому что не нашла там себя, а вовсе не потому, что рядом сидели другие люди.

– Ну и что?

– Да они совсем были другие: со мной сидели пенсионеры рядом, а там – девчонки молодые. А я искала себя в отражении и не заметила тех, кто рядом, – и, в ответ на недоумённое молчание, добавила: – Вот так.

– Да не парься, Мах, я один раз ехала, смотрю, а там зеркало вставлено вместо стекла, тоже с торца вагона. Причёску поправила и вышла, – приободрила её подруга с бритым виском.

– Да тебе поправлять надо только с одной стороны теперь, зеркало, видать, справа было? – пошутила Маха.

– Ага, справа, – беззлобно засмеялась девушка.

Часом позже, спускаясь в метро, Женька вспомнил о разговоре и помог старухе перетащить сумку через ступеньки. Иногда он ни с того ни с сего делал добрые дела.

Известковые своды вестибюля освещались с боков таким образом, что казались подсвеченной изнутри парусиной. На фоне мозаичной стены стояла девушка, прикрывшись оранжевым квадратом сумки, – сумка сливалась с мозаикой, превращая девушку в часть изображения. Из тоннеля подул ветер, затем показались фары – одна, потом, из-за поворота, – вторая, и электричка пригрохотала к перрону.

Усевшись в конце вагона, Женька краем глаза заметил отражение в стекле – своё и соседей. Потянулся к волосам, но отражение не последовало его примеру, а, вынув из рюкзака книжку, углубилось в чтение. Женька смутился: принял всё-таки внутренности соседнего вагона за отражение своего. Обернулся, в другом конце стояла девушка в короткой юбке. Заметив его интерес, потянула подол вниз двумя руками. «Какого чёрта они надевают мини, если потом всё время придерживают и оправляют подол?» – в очередной раз удивился женской несурзности парень. В соседнем вагоне копия девушки держалась за поручень и поправлять юбку не собиралась. Копия Женьки перевернула страницу. Какого фига?! Это было не отражение, но – в заднем вагоне были те же самые люди, и Женька там был! И старик в тужурке, дремлющий рядом, там – встал, собираясь выйти!

На остановке Женька пулей влетел в задний вагон и оказался в толпе, которой только что не было. Запнувшись об анорексичные ноги парня в шортах («тощее меня, а ещё шорты надел»), Женька устремился к межвагонной двери – и не обнаружил там ни своей копии, ни старика. Облегчённо выдохнув, бросил взгляд за стекло, на своё прежнее место – увидел Женьку, плящущегося на девушку в мини. Старик рядом уронил голову на грудь, вероятно, совсем уснув. Определённо, там был Женька: большое родимое пятно на шее с этой как раз стороны. Протолкался в противоположный конец, столкнулся с девушкой в мини, потрогал её зачем-то за руку, отпрянул от «Молодой человек?!», в последнем вагоне увидел себя, готовящегося к выходу.

К станции прибыли одновременно со встречным, и, нетерпеливо переминаясь у двери, Женька наблюдал, как закрытые двери вагонов напротив к середине состава становятся всё раскрытее. Выскочил пулей на пустой перрон, вернулся на прежнее место, растолкал старика: «Посмотрите... там...» – старик раскрыл белесые глаза, усмехнулся привычно-горько-терпеливо: «Я не вижу, слепой я, парень...». Кинулся к девушке, к той, то всё ещё держалась за юбку: «Девушка, извините...» – повлёк её к стеклу: «Что вы видите там?» – свет в соседнем вагоне мигнул и погас. «Ничего, там тонировка, стёкла тёмные, а что?» – не просто спросила, игриво так. Глаза голубые, пустой вагон. Остановка.

Настойчиво вышел всё-таки на перрон, столкнулся с каким-то торопыгой... с собой. Двойник посторонился, остановился, растерянно глядя Женьке в лицо: так смотрят на малознакомых: я знаю тебя, но кто ты? Нырнул в вагон, кивнув неуверенно: закрываются двери, надо спешить.

Женька дёрнулся было вперёд, да поздно, только руку поднял – опустить забыл, остолбенело смотрел вслед ускоряющейся электричке, видя не

её, а лишь равнодушное выражение (своего ли?) лица. Обида обожгла сердце: он ведь так на меня похож, может, это моя копия, и – не остановился, не спросил ничего... Да как так?! Слёзы застлали глаза.

– Вот так, – усмехнулся в последнем вагоне старик с родимым пятном на шее, по-доброму глядя на уменьшающегося юношу с поднятой, как для прощанья, рукой.

Преодоление Коро*

...и завладеют ею пеликан и ёж...

Ис.34:11

Раздался стук в дверь, сразу же она отворилась, и в комнату без приглашения ввалился мистер, как бишь его... Френч? Для художника он был просто Жан. Жан весело и несколько ошарашено оглядел комнату, сплошь увешанную и заставленную мрачными пейзажами. В данный момент творец дописывал самый большой из них прямо на стене, частью заводя на потолок. Чтобы не упасть, он упирался рукой в свой старый холст с гадкими белыми деревьями на фоне ночи.

– Dear Andrew, ты всё больше погружаешься в пучину своего сумасшествия, – констатировал Жан, обеими руками держась за полы своего белого плаща. – Если старина Коро решит снова воплотиться на нашей жалкой земле, он выберет твоё тело.

– И тебя с добрым утром, – раздумчиво произнёс художник, озирая чудовищное дерево с видом человека, потерявшего что-то важное: вот сейчас было, отвернулся – и нет его.

– С добрым утром, – захохотал Жан. – Дело к вечеру уже давно. Я ведь заехал за тобой, поехали ко мне на ферму. Пара дней отдыха определённо пойдёт тебе на пользу. А то, боюсь, когда я тебя увижу в следующий раз, ты и на себе намалюешь деревья. Хотя, тогда я тебя просто не найду среди этих сгазу-пейзажей, – и гость, дружески похлопывая Андрея по плечу, повлёк его к выходу.

– Пожалуй, ты и прав, – неожиданно легко согласился художник. – Подожди только, переоденусь. – Пара дней отдыха на природе, на страусиной ферме приятеля вполне могла вывести фантазию художника из тупика, в который та угодила давно и бесповоротно. Уже несколько недель кряду Андрей покидал квартиру только за тем, чтобы купить продукты, да и эти вылазки сократил до минимума, запасаясь едой на неделю сразу.

*Жан Батист Камиль Коро – французский пейзажист эпохи романтизма

На улице приятелей ожидала голубая Corolla с рыжей «кукушкой», на которой маркером неумело были выполнены чёрные шашечки. Едва повалявшись на сиденье (кузов просел), европеец извлёк из кейса бутылку «Джемисон», и дальнейшее путешествие – сначала по проспекту, затем – по автобану, dear Andrew запомнил смутно. Жан с видом знатока рассуждал о живописи, а Андрей развлекался, наблюдая, как на нижней губе «знатока» пузырятся слюни – почему-то это было непрямым атрибутом речей европейца. «И как он это делает? Ведь и на подбородок не капает почему-то». Он ещё успел отметить, что, запнувшись на высоком крыльце, хозяин по-русски выругался в адрес страусов, а затем глубокая постель поглотила гостя, растворив его в белой прохладе сна.

Очнулся Андрей, вероятно, далеко за полдень. Хотя часы не попадались на глаза, а за окном была серая хмарь, художник не сомневался, что проспал не меньше половины выходного. «Ну и чёрт с ним», – решил Андрей, направляясь к выходу. Снаружи на двери висела записка следующего содержания: «Dear Эндрю, дела заставили меня уехать в город, так что вернусь, видимо, поздно вечером. Советую тебе прогуляться в лесу через дорогу, там водится тьма грибов. Заблудиться не бойся: слева и впереди ты упрёшься в Какву, а справа – в овраг, так что, если ты благоразумно откажешься от форсирования этих преград, то по-любому выйдешь к ферме. В холодильнике есть кое-что из еды. Рассчитываю на тебя в вечернем бильярде. With love, Jean Frysk».

«Фриз, вот какая его фамилия», – равнодушно вспомнил Андрей, направляясь на кухню. На ферме обитал только сам Фриз, пара рабочих, да страусы, ради которых эксцентричный европеец и построил обиталище в гуще Шушарских лесов. Что характерно, художник был здесь второй раз, а страусов до сих пор не видел. Может быть, потому, что весь прошлый визит превратился в беспросветную пьянку, так что потом гость толком не мог ничего вспомнить, кроме того, что продал европейцу несколько картин. Одна из них и висела сейчас на кухне – голые белые деревья во мраке ночи. «Что тогда в мастерской висит?» – тупо подумал Андрей, но соображать не хотелось, и он переключился на поиски ножа для «тихой охоты». Складной нож обнаружился в ящике стола. Захватив пакет, избавленный от вчерашней стеклотары, Андрей поспешил на улицу.

В лесу было неожиданно солнечно, тучи рассеялись, ещё не до конца облетевшие дубы благородно чернели на меди палой листвы. «Пейзаж, достойный Камиля Коро», – по привычке подумал художник. Все его усилия в последние недели были направлены на развитие миров французского романтика, но дальше простого подражания Андрей так и не продвинулся,

в крайнем случае, воспалённая фантазия исторгала сущее непотребство, не имеющее отношения ни к чему сущему. На плечо упал жухлый лист, которому повезло прожить целое лето. Сколько его собратьев было сорвано летними грозами, или осыпалось, пожелтев уже в июне! «Некоторые из них живут в несколько раз дольше прочих», – с чувством превосходства подумал парень.

Грибов, действительно, оказалась тьма – в окрестностях одинокой фермы их было попросту некому собирать. Крепкие боровики возвышались над курчавыми листьями, и стоило разгрести листву вокруг одного, как рядом обнаруживались ещё несколько небольших упругих поплавок. Пятнистый паук висел на искрящейся паутине, притворяясь мёртвым. Пакет наполнялся, «хорошо, что всё-таки прояснилось», – подумал грибник. Если бы вдруг пошёл дождь, безлистные дубы вряд ли бы от него укрыли. И, словно в ответ на эти мысли, небо стремительно стало затягиваться тучами. Такой быстрый полёт облаков Андрей видел только раз, в горах. Но тогда облака, промчавшись над головой, устремлялись дальше, а сейчас небо вмиг оказалось затянуто непроглядной серостью. Сразу стало заметно, что дело к вечеру. Не желая оставаться в ставшем вдруг недружелюбном лесу, художник поспешил на ферму. Однако чем быстрее он шёл, тем гуще становился лес. Земля прогибалась под ногами, будто под её тонким слоем ничего не было, и не сохраняла следов. Стало заметно темнее. Обеспокоенный путник остановился, прислушиваясь – где-то неподалеку Каква, извилистая лесная река, должен быть шум воды. Но вязкая тишина окутала лес, застывший в безветрии. Андрей пошёл напрямик, всё убыстряя шаг. Опускался туман, и листва уже не казалась медной, скорее она походила на ржавчину, пожирающую чёрные, как обугленные, стволы. Странные прозрачные грибы выглядывали из мёртвых листьев. Потянув один, омочил руки слизью, подавился химическим запахом. «Можно ли здесь вообще собирать грибы?» – промелькнула мысль, заглянул в пакет, увидел окислившиеся чёрным, как осиновики, грибные тела. И не заметил, что уже настолько стемнело. В бок, из-под ног, – земля: поскользнулся на мерзком грибе, ударился о дубовое тулово. Пласт засохшей коры пополз вниз, обнажая цементное чрево. «Бежать!» – подавившись дыханием.

Врезался в невидимую преграду, она подалась, с жутким скрипом и воздухом встречным. Упал, прокатился по жёсткой листве, ушибся о стену. Встал, отряхнуться пытаюсь, – но нет ни соринки на синем халате. Встал, будто в новое место попал; и пошёл.

Неожиданно лес прервался, открылась поляна безбрежная, ровная, туман по краям, и сзади уже – только плоская пустошь. Провалилась нога,

сомкнулись незримые корни, не отпуская. В изнеможении сел на траву. «Дубы, надо было залезть на вершину, осмотреться, пока не было гущи тумана, пока было светло». Вспомнив цементный холодный ствол, понял, что тогда не решился бы. Может, просто дупло замуровано, чтобы дерево сохранить от гнили, но могло ли оно зарости корой?!

На границе обзора возникло пятно, разрастаясь. «Стог, что ли, здесь? Только чей? Разве страусы сено едят?» – стог шатался, темнея, сгущаясь, подземная дрожь пробежала к Андрею, как будто взрывали затор на реке. «Видно, шахты, – почему бы здесь шахтам не быть? Ведь не слон же идёт на меня», – приближалась громада неспешно, шатаясь – «Бежать? Замереть? Быстро бегает слон?» – и задёргал ногой истерично, увидев в тумане, что тварь исполинская – ёж, устремившийся к жертве! Пovýлезли иглы, чудовищный смрад источает гниющая пасть, истекая слюнями, и жёлтые зубы ощерились хищно и зло. Но то, что заставило пленника оцепенеть, – то не зубы, не лапы, подобные мощным, корявым столбам, – а глаза, то есть то, что осталось от них – чёрны дыры, ужасные ямы слепой головы. Влажный воздух густел, это было дыхание зверя.

Андрей цепенел, забывая дышать, наблюдая, как мощная тварь, подбравшись вплотную, приготовилась есть его тело, вбирая живое тепло в свою дряхлую немощ. Подбравшись вплотную, гигантская тварь, вдруг качнулась, зловонный и долгий исторгнув в туманные сумерки выдох, стала на бок клониться, подобно подгнившему дубу, и рухнула наземь. Разорвалась кошмарная шкура во многих местах, открывая кишасшие дыры, рассыпающие на поляну потоки червей. Забывая себя, пленник резко рванул корень вверх, ногу высвобождая, и бросился прочь, оступаясь, сбивая в тумане препятствия – дьявольский смех раздавался повсюду, как будто из затхлой могилы над ничтожеством труса смеялся Коро.

Всё, что видел беглец неотступно – не сдвинуть руками, не забыть, не сорвать пелену с жалких глаз – только жёлтые зубы кривые, в щербинах и трещинах, пасть не вмещает, и слепые провалы, отверстия в бездну на морде ежа.

Ворвавшийся в ванную, врезался в зеркало, за миг до падения громких осколков, – увидел.

Отпрянул, сбивая стаканы с кистями, осколок упал прямо в руку.

Полоснул по глазам

По жалким глазам

Поперёк

Переносица крикнула болью

Огонь на лице

Но сначала

Тугие деревья с корнями ветвей и звериная морда – навсегда перестали быть

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Вдох.

Иван ДМИТРИЕВ

*Студент Национального Исследовательского университета –
Высшая Школа Экономики*

Марш паука

С искренней благодарностью, М.П.

Когда Якоб Ровьер вернулся в город, мало кто узнал в нём прежнего человека. Лицо стало более смуглым, загорелым и словно впитавшим в себя песочную пыль. Возможно, она же прочертила между его бровями две тонкие, но вполне заметные морщины. Веки будто бы опустились. Прибавить сюда появившуюся, казалось бы, ниоткуда нелюбовь к солнцу, и можно думать, что последние месяцы он провёл далеко южнее привычных мест. Может быть, так оно и было. Сам Ровьер ничего не говорил о том, куда он исчез почти на три года. Одни говорили, что он путешествовал по Африке, другие – что его приютила одна из пустынь Северной Америки, а третьи – что и в Австралии много песка и солнца. В ответ он улыбался сомкнутыми губами и слегка хмыкал, отчего создавалось впечатление, что любой из предлагаемых вариантов казался ему забавным и не правдивым. Однако с каждым из них он соглашался и даже шутил: «После Австралии многие вещи ставлю вверх ногами – никак не привыкну».

Всем было понятно лишь одно: где бы Ровьер ни побывал, он пережил или осознал что-то, что очень сильно поменяло его внутри. Прежде он был всегда добродушен, открыт, готов к чему-то новому. И нельзя сказать, что это пропало насовсем, но теперь оно точно скрылось под его, если не надменным, то каким-то недоверчивым взглядом. Хотя те, кто всматривался в его не то жёлтые, не то бледно-зелёные глаза, говорили, что взгляд словно перестал находить в окружающих предметах что-то интересное. В разговоре он часто опускал глаза вниз, смотрел по сторонам, изредка на небо, будто проверяя, не возшло ли второе, ещё более слепящее солнце, и только

в конце своего рассказа – на собеседника. Глаза в глаза. Те, кто умели отличать мудрость в глазах от усталости, говорили, что взгляд этот иногда казался пугающим, но всегда уверенным и прямым.

Все эти попытки разгадать недавнее прошлое Ровьера были понятны: теперь он казался отбившимся от стаи, и стая, чтобы принять его назад, должна была узнать, тот ли Якоб перед ними. Хотя он не просил их об этом. Да и став хищником, вряд ли бы стал делать выпад.

Итак, приехав назад в город, он первым делом встретился с несколькими старыми приятелями, которые и разнесли новость о его возвращении. На пару часов после встреч его персона становилась предметом коротких вечерних разговоров и споров на кухне, равно как и то, о чём он рассказывал. Это не было какой-то безумной теорией, каким-то учением, он не привёз с собой фанатичных догм и убеждений. Теперь он буквально читал собеседников и угадывал то, о чём они хотели сказать. И это тоже не было провидением, но стало непривычным с первых минут каждой встречи. Прежде его искренность принимали просто за некую вежливость и оттого не всегда верили его словам. Тогда это не было попытками уличить Ровьера во лжи, но казалось слишком частым и необязательным для обычных разговоров. Теперь же подобные слова стали казаться весомей. Так бывает, когда теряешь что-то важное из виду, и однажды обнаруживаешь это отсутствие. Появившись снова, предмет начинает обладать куда большей ценностью.

Предметом стало не только лицо Ровьера, от которого многие успели отвыкнуть, но и его голос, любое движение рук во время разговора. Хотя ему казалось, что никаких принципиально новых тем он не поднимал.

Готовясь к главной встрече, Якоб уже знал, что ей рассказали о том, как он изменился, но, несмотря на обрётённую стойкость внутри себя, всё равно волновался. Да, возможно, его внешность и манера речи теперь не станут для неё сюрпризом, но он помнил её еще милой смешной девочкой, в меру наивной, но совсем не глупой, такой радостной каждому новому событию и открытой для всего прекрасного. Глядя в зеркало на свои морщинки, он с небольшим усилием погладил их пальцами – раньше это помогло, но теперь они не захотели исчезать. Ровьер очень боялся, что то живое, что было в ней, теперь могло потеряться или угаснуть, как пропали многие его черты с тех пор, как он уехал. Переживал, что то, за что он её любит... – и здесь мыслительный процесс стал на паузу – любит. Он не подумал о ней в прошедшем времени, хотя их ничто не связывало, кроме прошлого. Воспоминания, живущие с человеком день за днём, следующие за ним, куда бы он ни отправился, становятся частью его настоящего. И

Ровьер как никто другой понимал, что обязан ей своим новым обликом и тем качеством, которое обрёл. Джейн. Он вспомнил, как, дурачась, написал на салфетке в кафе их имена – «Jacob, Jane» и спросил:

– Знаешь, почему мы всегда будем вместе?

Она посмотрела игриво, ожидая от него шутку, а он переписал её имя вверх ногами, так, что буквы J слились в подобие сердечка.

– Больше похоже на треугольник, – засмеялась она.

– Тогда – Бермудский. Попадая туда, уже никуда не денешься, – ответил он.

Это было давно, но в памяти воспроизвелось очень явно. Он закрыл глаза, опустил голову и прислонил ладонь к зеркалу, отдав ему всё тепло руки.

Спешно пообедав, Ровьер набрал знакомый номер, и они договорились о встрече. Её голос почти не изменился, разве что пропала прежняя девичья звонкость, и оттого он показался серьёзнее. Вечером он уже мог убедиться в этом вживую.

– Прости, что так вдруг свалился с луны, просто хотел тебя увидеть, – сказал он, глядя в знакомые до боли глаза и никак не решаясь раскинуть руки для объятий – вдруг она не поймет. Но она опередила его, на момент прижавшись и наградив своим теплом.

– Привет, – сказала Джейн.

Теперь её некогда длинные волосы сменились каре, которое ей очень шло. Бордовая помада выделяла правильную форму губ, и Ровьеру стало стыдно оттого, что он не помнил, была ли эта помада у неё раньше. На всех снимках, которые он сохранил у себя в столе, Джейн была почти без макияжа, но новый облик ей точно шёл.

– Ты очень хорошо выглядишь, – сказал Якоб и подумал, что эта фраза заезжена и пуста. Но он говорил это искренне.

– Спасибо, – ответила Джейн, и они вошли в кафе.

Если бы кто-то из прежних собеседников Ровьера увидел их в те минуты, то он бы к удивлению заметил, что недоверчивый прямой взгляд пропал, паузы между словами сократились, а на его щеках появился лёгкий, едва заметный румянец. Это было забавно, учитывая, какое серьёзное впечатление он производил до этого. Перед ней он был просто мальчишкой, который пережил долгую разлуку и теперь никак не мог налюбоваться на свою главную причину бессонниц и тоски. Он старался не показывать этого, но будь там кто-нибудь еще, его бы точно раскрыли. Джейн же держалась если не сухо, то без лишних эмоций, хотя, возможно, ей тоже было очень приятно видеть Ровьера. Она пару раз посмеялась над его шутками,

а он про себя порадовался, что разговор ей приятен и заметил, что теперь в ней появилось что-то совсем женственное, чего он не замечал несколько лет назад. Да, перед ним сидела уже не та девочка из прошлого, но взрослая цветущая девушка. Он заметил это и оттого, что, опустив по привычке взгляд, увидел кольцо на пальце. Не то, что он дарил ей пару лет назад, серебряное с ярко-голубым камнем, а гладкое золотое и вполне обычное. Но он знал, что это значит.

– Я счастлива, очень счастлива, – произнесла Джейн после нескольких взаимных реплик на общие темы, и Ровьер понял, что к этому счастью он теперь вряд ли причастен. К удивлению для него, как бы ни было больно осознавать счастье любимого человека вне их союза, он обнаружил, что не расстроен, а наоборот рад за Джейн. Как в книжках, подумал он, но не стал стыдиться этого чувства, ведь оно было искренним. Он знал это, потому что этому вторила любовь к ней. Иначе и быть не могло. Любовь двоих – это всегда счастье, любовь одного – смирение.

Да, он любил её, и ничего не мог с этим поделать. Так странно и неправдоподобно, как в дешёвом романе. Но он знал, что именно это чувство давало ему сил все последние годы. И теперь к нему прибавилась благодарность. Такая необъятная и невыразимая, что он не нашёл слов, чтобы объяснить это Джейн.

Неожиданно, с обратной стороны стола на поверхность выполз паук. Небольшой и тонконогий. Джейн никогда не боялась их, и оба теперь смотрели на то, как паук гордо маршировал поперёк стола, поднимая то одну, то другую лапку. Переведя взгляд на Ровьера, Джейн ожидала, что же будет. Оба знали, что раньше Якоб без раздумий прихлопнул бы насекомое или грубо смял его пальцами. Но Ровьер положил ладонь перед пауком, и тот, секунду подумав, ступил на неё. Якоб поднял руку, и осторожно пересадил паука в вытянутый прямоугольный горшок с цветами, висевший на стене. Джейн едва заметно улыбнулась и, кажется, всё поняла. Ровьер заметил это и тоже улыбнулся. Ему было приятно, что она увидела в нём что-то новое, что-то более глубокое, чем раньше, чего не объяснить.

– Это в Австралии у тебя возникла любовь к паукам? – шутя спросила Джейн.

– Ты думаешь, я был в Австралии? – ответил Ровьер, посмеявшись для неё не так, как для всех.

– Говорят, что был. Иначе откуда загар и дружба с восьмипалыми? – спросив это, она будто хотела убедиться, действительно ли теперь Ровьер испытывает такой трепет перед жизнью или всё же это была попытка угодить ей.

– Не был я ни в какой Австралии, и в Африке не был. Солнце здорово отражается и от снега, – ответил Ровьер и снова пропал в любимых глазах.

Вечер кончился быстро. Они вышли, он проводил её к такси, по привычке сказал «Увидимся», и на секунду очень загрустил, ведь в прошлый раз эта фраза была последней перед разлукой на несколько лет.

– Скучаю, – добавил он, обнимая ту, которой был обязан всем, но ответа не услышал.

Оставшись под ночным небом, он заметил целую россыпь звёзд над головой, такую яркую и непривычную для городской черты. И тогда он понял, что благодаря Джейн сияет ничуть не меньше.

Александра ЗАХАРОВА

***Выпускница Национального Исследовательского университета –
Высшая Школа Экономики***

Поток

Ждали восемнадцать часов. Сидели, ходили, ели, спали, смеялись и ждали, ждали, ждали. Молчали, ехали, смотрели в окна, смотрели в небо из окон и ждали.

Шли, смеялись, потели. Чеша ругала слишком закрытые жаркие ботинки, лямки нового рюкзака тёрли Тёме открытые смуглые плечи. Я молчал и думал о Кате.

Бежали, кричали, потеряли Чешу, аукали в толпе, как в лесу. Нашли, смеялись, ругались, обнялись и всё это время ждали. Дышали тяжело, сухо, с надрывом. Нашли, купили, выпили, выкинули. Шли.

Тёма нарвал одуванчиков и отдал Чеше. Чеша смеялась, истерично, безудержно, без остановки, как преступник, узнавший о решении суда. Одуванчики все облетели. Я заколол волосы, и Чеша смеялась, что я похож на девушку.

Увидели, побежали, смотрели во все глаза, потом на небо, потом друг на друга. Шли медленно, осторожно, высоко поднимая ноги и ругаясь. Другой, случайный, наставительно и упорно говорил нам что-то, а мы смеялись, отмахивались и шли дальше. Смотрели на солнце, тёрли глаза и смеялись, и всё вокруг говорило, что нам на троих пятьдесят четыре года, а троим по восемнадцать лет.

Услышали, испугались, заторопились. Прыгали выше чужих голов, и Тёма предложил посадить Чешу на плечи, а та смеялась и била его по этим го-

лым смуглым плечам. Нашли, встали, огрызались, посторонились и, наконец, замерли. Началось.

Чеша, маленькая, стояла впереди и сначала оглядывалась на нас часто-часто. Тёма, огромный, стоял слева и меньше смотрел поверх голов, чем на Чешу. Справа ко мне прижималась низкая объёмистая женщина в колючей розовой кофте, и в каждой русой девушке в толпе мне виделась Катя.

Стояли час. Кричали браво и хлопали так, что ладони отзывались колкой болью и молили о пощаде. Чеша прыгала на месте, искала просвет среди качающихся голов и не помнила уже, что где-то за её спиной взволнованно раздувал ноздри Тёма, а я не сводил глаз с девушки в изумрудном платье, которая, конечно, не была Катей, но так повернула голову, что нельзя было и сомневаться, что это не она.

Стояли полчаса. Чихали хлопьями тополиного пуха и духами маленькой женщины. Лицо Кати потемнело, но может быть, это всё-таки была не она. Чеша почти не смотрела в промежутки между голов, а Тёма не смотрел на Чешу: они оба подняли головы вверх, и маленькая женщина тоже, и половина людей в толпе, но так как Катя не поднимала головы, то мне казалось, что наверху нет ничего интересного.

Потом что-то сверкнуло и где-то далеко угрожающе затряслось и загремело небо. Маленькая женщина исчезла так быстро, что кожа не успела осознать отсутствие колючести и ещё некоторое время ныла. Тёма вздрогнул и легонько затрясся. Маленькая Чеша нырнула в толпу и заняла освободившееся впереди пространство. На щеку капнуло. Я не хотел, чтобы Катя подумала, что я плачу, и отвернулся. Стремительно темнело.

И хлынуло. Напало, захватило, прокралось под воротник и дальше, пропитало волосы и стучало, стучало, стучало по голове. Стояли под чужими зонтами, не двигались с места и слушали, слушали, пока не стало невыносимо холодно и тесно в потяжелевших одеждах. Смотрели растерянно. У нас был один зонтик на троих и по тысяче капель на каждого.

Стояли, ругались, и непонятные итальянские звуки арии Мефистофеля громом отдавались в небе, соревнуясь со струнами контрабаса. Вокруг стремительно расширялось пространство, и я чувствовал, как набухает правая подошва.

Сверкнуло – здесь, близко, прямо над нами, среди нас, стерев на мгновение всё мокрое, беспорядочное и громкое бытие вокруг. Закричали, то ли от страха, то ли на небо, и небо в гневе ответило нам раскатистым басом, сравнив с землёй талант и черноглазого Мефистофеля, и блестящего от коварных капель контрабаса.

Бежали, кричали, давили и были сдавливаемы в ответ. Устали, сломали зонтик, сдались и просто потонули в людском водовороте, тянувшем нас под огромный многоспицый белый купол. Промокли насквозь, задохнулись, захлебнулись водою и криком. Я искал в толпе прилипшее к девичьему телу изумрудное платье, всем телом тряся Тёма, и Чеша визжала от страха и возбуждения и потеряла новую куртку.

Стояли, сжатые со всех сторон, обнимали друг друга мокрыми, холодными, сморщенными пальцами. Смеялись истерично, безудержно, с короткими недоумёнными передышками, как сбежавшие преступники, оказавшиеся на воле.

Дождь стеной окружал купол, и я с трудом видел экран над сценой, а Тёма сцену, а маленькая Чеша не видела вообще ничего и только смеялась и говорила, что готова расцеловать свои слишком закрытые, заглотившие столько воды и хлюпающие, жаркие ботинки. И было тепло от чужих, крепко прижатых к нам человеческих тел, и мы до одури, до хрипоты кричали браво и пели незнакомые, но родные и тёплые, тёплые, тёплые русские песни. И толпа жила, и дрожала, и подпрыгивала как огромное многоклеточное чудовище, и кричала «спасибо» и «молодцы» каждой своей клеткой, и я стоял по щиколотки в воде и совсем не помнил о Кате и только каждой влажной клеточкой кожи ощущал, до чего же я счастлив.

Смолкли, откланялись и ушли. Небо затосковало без контрабаса и замолчало, и только плакало, всё тише и тише. Пошли, пытаясь открыть сломанный зонт, бросили, побежали. Дорога была рекой, и когда зелёный человечек пошёл, мы побежали, визжа, и охая, и ругаясь, по колено в воде, и мне вдруг стало жалко новые джинсы, и только тут я увидел, как Тёма обнимает и прячет от влаги новый рюкзак. И только Чеша заливалась дробящимся смехом где-то впереди, беспечно оставляя за спиной, под огромным белым куполом новую куртку.

Бежали за автобусом, кричали автобусу, смеялись на весь автобус, и Чеша сняла свои маленькие раскисшие ботинки и вылила целую лужу на тёмно-коричневый от людских следов автобусный пол. Вышло солнце, и небо, обрадовавшись, заплакало ещё сильнее, и сухие люди, закрывая зонты, входили в автобус, и мы смеялись над этими людьми и говорили, что они не знают жизни.

Потом весь вечер сидели у Тёмы на кухне, пили горячий чай с бергамотом, и Чеша, чистая, с мокрыми волосами, закутанная в тёмно одеяло, говорила, что, будь этот день последним днём в её жизни, она бы не стала жалеть о ней.

Обнялись, попрощались, разошлись. Учились, встречались по выходным, гуляли в парке. Существовали. Я смотрел издали на Катю и, когда она выходила замуж за однокурсника, не подошёл к ней.

Провожали Тёму, огромного, смуглого, широкоплечего куда-то за Запад и немного на Юг. Смеялись, дразнились, обещались и прощались. Потом ждали, ждали, ждали. Не дождались. Стояли вдвоём под дождём, и мокрая земля была ещё рыхлой, и капли стучали, стучали, стучали по ней, но Тёма не слышал. Нам на двоих было пятьдесят четыре года, а двоим по двадцать семь лет.

Потом уезжала Чеша, куда-то на Запад и немного на Север, и я всё смотрел на маленький бриллиант у неё на пальце и думал только о том, что Тёма бы разорился, но купил побольше.

Писали, потом сменили адреса и больше уже никогда не общались и не знали друг о друге. Я помнил только, как Тёма нарвал одуванчиков, и Чеша смеялась как сумасшедшая, а потом как сумасшедшая плакала на его могиле, а она, наверное, не помнила обо мне вообще ничего.

Много читал, писал, работал. Хихикал вежливо, натянуто, и ездил в офис на рабочем автомобиле. Встречался, ходил на встречи и вздрагивал, когда ко мне подходила женщина в изумрудном платье.

Купил бутылку коньяка и поставил в холодильник.

Потом весь вечер сидел в кресле-качалке с бокалом в руках и смотрел, как огромная туча с востока наползала на безоблачное небо. Мне было одному пятьдесят четыре года, а троим нам было бы по восемнадцать, и я думал, что окажись тот день последним в моей жизни, я бы не стал жалеть о ней.

Внезапно смертен

– Три дня, считай, прошло, да вот уже и последний.

Антон неторопливо вытянул из кармана пачку сигарет. Серж, наблюдая, как тот щёлкает зажигалкой и расслабленно, как это говорят, «со вкусом» затягивается, всё старался поймать какую-то смутную, не дававшую покоя мысль. Мысль ускользала, и он гонял её по всей черепной коробке, пока, наконец, ему не показалось, что она успокоилась и затаилась где-то под темечком. Серж прыгнул, но мысль растаяла в сигаретном дыме. К горлу подступил кашель.

– Удивительно живёт человек – нет, вы послушайте, у меня было целых три дня, чтобы всё это тщательно обдумать. Я, может, больше времени на эти мысли потратил, чем иной за сорок лет.

Антон прищурился и как-то криво усмехнулся. Сигарета на мгновение вспыхнула алым угольком, и точно такой же огонёк Серж увидел в уголке его правого глаза.

– Слышишь, Серж? Это он на нас намекает.

Серж передёргнул плечами. Движение вышло очень неловким.

– Кому как, а мне до сорока как до Австрии.

– И никаких кенгуру, – пробормотал Антон, стряхивая пепел. Серж глянул на то, что минуту назад красным цветком горело в руке его друга, и почувствовал, как внутри него тоже сжимается и скукоживается что-то серое и жалкое.

– В том-то и дело, – грустно продолжал Кеша. – В двадцать лет ты живёшь припеваючи, полностью уверенный в том, что прожить лет семьдесят на этой земле тебе просто обеспечено. До семидесяти далеко, и волноваться пока совершенно не о чем. В тридцать...

– Ты продолжаешь пребывать в этой уверенности, разве только начинаешь думать, что и восемьдесят тебе вполне по силам, и волноваться по-прежнему не о чем, – нетерпеливо перебил Антон. – А вот ближе к сорока начинаешь задумываться, что от тех семидесяти, которые ты себе приписал в двадцать, осталась меньшая часть, а большую ты бесцельно прожил. Или не сделал того, что должен был сделать. Или просто «ничего значительного». Или – что ты мечтал совсем о другом. И какой из этих вариантов взбрел в голову тебе?

Кеша поднял голову и взглянул на Антона. Серж попытался измерить тяжесть этого взгляда на маленьких рычажных весах и обнаружил, что ему не хватает гирек.

Резкое, быстрое движение. Серж недоумённо моргнул, а Кеша уже гасил сигарету Антона в стеклянной пепельнице. Пальцы Антона оставались всё в том же положении, и он озадаченно пошевелил ими в воздухе.

– В тридцать ты даёшь себе восемьдесят, – сказал Кеша спокойно, но Серж отставил в сторону весы и начал прикидывать, чем измеряют степень наэлектризованности воздуха. – В сорок ты дашь девяносто, а если и нет, то всё равно утетишься мыслью, что до восьмидесяти ещё ого-го сколько.

– Я слышал, что пожилые люди с годами смиряются с мыслью о смерти и даже ждут её, – сквозь зубы проговорил Антон. Его руки лежали на столе, но Сержу всё равно показалось, будто в Кешу летит незаточенный, но брошенный с огромной силой столовый нож. Серж шумно выдохнул и хотел уже встать, но вдруг испугался, что Кеша переведёт свой чугунный взгляд на него, и остался, ограничившись тем, что слегка потряс головой. От этого движения в голове ожила Мысль и звонко захохотала, дразня его. Серж поморщился.

– И в этом их огромная привилегия, – вздохнул Кеша. – Хотя знаешь, побегай ты, как я в эти три дня, по больницам и посиди в очередях, ты посмеялся бы над этой фразой. Да подумай же хорошенько! – внезапно он вскочил на ноги и, опершись руками о стол, весь подался вперёд. – Разве может хоть одно живое существо смириться с мыслью о смерти? Что, бабочка-однодневка знает, что завтра этого неба, этого солнца и вот этого вот цветка для неё не будет? Нет, она родилась всего несколько часов назад, но ей уже кажется, что так оно всегда и было и так останется. «Пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я!» – зло пропел Кеша и, раздражённый, сел. Он был очень взволнован.

– Люди ещё могут допустить, что когда-то их не было, но того, что когда-то их не будет, они представить не в силах, – вдруг сказал Серж.

Кеша растерянно взглянул на него, и даже Антон поднял брови. Это вышло у него очень странно. Лицо изменилось в одно мгновение.

– Не помню, кто это сказал, – пояснил Серж, – но ведь это чертовски верно, правда?

Кеша отвёл взгляд.

– «Чертовски», – передразнил Антон. – Как ты ляпнешь вечно...

Серж промолчал. Он окончательно убедился, что настал один из тех дней, когда лучше не высовываться и не предпринимать никаких мало-мальски важных действий – всё равно всё пойдёт не так.

Антон тоже умолк. Они сидели в тишине человеческих голосов и только слушали, как под звёздами стрекочут кузнечики. Вечерний летний ветер вытеснил из их беседки сигаретный дым, как высасывают яд из ранки. Обступившая темнота пульсировала чудовищным тёплым сердцем, а внутри сидели они, и мотыльки бились о горячее стекло покачивающейся электрической лампы.

– Она пришла три с половиной дня назад и сказала, что через четыре дня я умру.

Это сказал Кеша. Сержу подумалось, что эти слова прекрасно вписывались в окружающую обстановку. Не хватало только большой белой – или лучше красной – луны над головами.

– Фразочка в стиле голливудских ужасиков. Кто это был – девочка в белом со спутанными тёмными волосами? Ладно, это я уже говорил три дня назад.

Кеша покачал головой.

– Разве важно, как она выглядела? Чтобы узнать её, не нужны ни зрение, ни слух. Если хочешь знать, она была прекрасна, как королева, и пугала, как отражение в зеркале.

– Это уж кому как повезет, – хмыкнул Антон. – С отражением, знаешь ли...

Но Кеша не слушал.

– Я что хотел сказать, – тихо, глядя в стол и словно к нему и обращаясь, проговорил он. – Мы, может быть, даже и способны смириться с тем, что смерть когда-нибудь придёт. Некоторые из нас даже ухитряются представить, что будет после. Но что мы постигнуть просто не в состоянии, так это то, что прийти она может в любой момент. Мне ещё повезло, что она предупредила – будто времени на подготовку дала, а ведь как бывает? Вот сидишь ты вечером перед экраном, общаешься с друзьями или там, фильм смотришь. И тут – раз! – какой-нибудь тромб...

– Слушай, мне это не нравится, – Антон произнёс это так медленно, вкладывая столько силы в каждое слово, что Серёжа вновь мысленно потянулся за весами. – Сначала ты проводишь три дня, бегая по врачам. Тебя обследовали, как и где только можно, хотя это было совершенно ни к чему. Я не врач, но и то легко могу поставить тебе диагноз...

Кеша уронил голову на руки и сокрушённо застонал.

– ...ты – совершенно здоровый мужик – не мужик даже, а парень – в самом расцвете лет, к которому кризис среднего возраста просто пришёл малость пораньше, чем к нормальным людям. Меня это даже не удивляет.

Серж подумал, что в чём-то Антон был прав. Переходный возраст у одноклассников наступил к тому времени, когда у Кеши он уже закончился, что принесло ему в своё время немало проблем. И всё же Серж опасался, что здесь кроется что-то другое. Не кризис среднего возраста – навязчивая идея.

– Скоро вся эта дурь из тебя выйдет, нет – так мы поможем. Сейчас тебе нужно просто нормально выспаться.

Антон встал, Серж тоже. Вместе они повели Кешу в дом. Кеша безучастно передвигал ногами. Только на крыльце он резко остановился, закрыл лицо руками и простонал:

– Внезапно! Человек внезапно смертен! Как же я раньше этого не осознал, Господи, как же это я раньше!..

Успокоиться он уже не мог. В доме Кеша вскакивал, ходил по комнате, молча и размахивая руками, страшно вытаращив глаза и глядя прямо перед собой. Иногда он хватал ртом воздух – ему казалось, что он задыхается, – но тогда он взглядывал на часы и облегчённо бормотал:

– Ещё не полночь. Ещё не полночь.

Через некоторое время Антон не выдержал. Зло глянув на Кешу, он буркнул:

– Выведи его.

Серж вопросительно нахмурил брови.

– На пять минут. Пусть подышит свежим воздухом, – пояснил Антон и бросил взгляд на часы.

За полчаса до полуночи Кешу начало колотить. Голос его дрожал, и Кеша выдавал что-то бессвязное:

– Не хочу... Почему сейчас?... Всё это бред... Я столько хотел сделать...

– И наконец, – А у нас сегодня кошка родила вчера котят...

Серж не мог больше этого слушать. Он поймал себя на том, что просто хочет, чтобы полночь поскорее наступила – что бы это ни принесло.

И она наступила.

Вперив взгляд в часы, Кеша задержал дыхание. Двадцать секунд... Десять... Пять... Полночь! Пять секунд после полуночи... Десять... Двадцать...

Когда продолжать задерживать дыхание стало невозможным, Кеша шумно выдохнул.

Прошло пять минут. Затем еще пять.

Кеша начал хохотать.

Он смеялся долго, истерически, с надрывом. Ему не хватало воздуха, и несколько секунд он просто сидел, затем начал хохотать снова. Внезапно вскочил, выбежал из дому, вернулся через минуту, застёгивая на ходу штаны. Судорожно, взхлёб рассказывал, что договорился ехать в августе в Австралию, что на нём висят два проекта, что в пятницу у Никиты день рождения, а затем, в понедельник – у Галочки... и снова смеялся, смеялся, смеялся...

Антон сидел белый, а Серж с улыбкой слушал излияния Кеши, как вдруг тот захрипел, покачнулся и ничком повалился на пол. Что-то тупое и округлое стукнуло Сержа в висок и лишило способности двигаться, а также думать и чувствовать. Антон медленно подошёл к Кеше и перевернул его. Губы Кеши были синие, а глаза – серые, и они смотрели куда-то в потолок в радостном безумии спасшегося от смерти.

Серж сильнейшим усилием воли перевёл взгляд на часы. Часы показывали половину первого.

– Я перевёл их, – спокойно сказал Антон. Серж, не глядя на него, повёл взгляд куда-то в сторону. – Перевёл на полчаса, чтобы этот псих понял, какую чепуху несёт. Если подумать, в Нью-Йорке сейчас день. В Австралии вообще зима. Чёрт! – взорвался Антон. – Ну а если бы он в эти три дня не по больницам бегал, а улетел куда-нибудь в Африку?! В двенадцать часов по какому времени он умер бы тогда?

Серж не ответил. Его взгляд только что наткнулся на что-то, на что-то страшно живое, и ему стало жутко. Приглядевшись, он понял, что смотрит на собственное отражение в зеркале.

Мысль, удобно устроившаяся под его темечком, захохотала.

Кого мы приручили

Для вымышленного персонажа она была чрезвычайно назойлива.

Не то чтобы Катрин всегда хотела стать писателем. Скорее это литературный мир нетерпеливо и с предвкушением ждал того момента, когда, сгибаясь под тяжестью обременительно огромного внутреннего мира, она несмело и нетвёрдо наконец ступит на его слегка подрагивающую почву. Литературный мир знал, что его золотой и серебряный века прошли. Литературный мир надеялся хотя бы на бронзу.

Интересно, дойдёт ли когда-нибудь дело до железа и камня?

Но пока была Катрин, и были многие другие, неуверенные, полные страха и способных в любую минуту рухнуть надежд. Они заранее были раздавлены недостижимыми вершинами маститых и признанных, обескуражены злобой не решившихся и завистливых, осуждены знающими и пожившими. Но они были, пусть пока в виде чьих-то ещё не реализованных замыслов. Литературный мир ждал.

Катрин была молода, была некрасива и втайне была горда. Всё это в совокупности не обещало ей ни славы, ни жизни скучной и обыденной, потому что всё это были только данные, которыми можно было воспользоваться по собственному усмотрению. Катрин была многообещающая, и это внушало некоторые надежды.

Во всяком случае, пока Катрин и Либертина не встретились.

Каждое утро, когда Катрин открывала глаза, взгляд её первым делом упирался в выведенные на потолке строчки.

«Либертины нет», – гласила первая.

«Либертина не придёт», – заверяла вторая.

Но обычно она приходила.

Поднимаясь ли с кровати, чистя ли зубы, завтракая ли или глядя в зеркало, всё равно рано или поздно Катрин начинала думать о Либертине.

Само собой, думать о ней Катрин не хотела.

Лёжа на кровати, Катрин размышляла, в какой позе спала Либертина.

Стоя напротив раковины, Катрин гадала, какое душистое мыло у Либертины и как долго она чистит зубы. И какие лосьоны есть у Либертины, и какие на полочке стоят шампуни.

Заваривая растворимый кофе и разогревая в микроволновке рожки, Катрин представляла, какие вкусные и лёгкие салаты ест на завтрак Либертина и какой сегодня она пьёт сок.

Пытаясь уничтожить всех петухов на голове, Катрин почти видела, как Либертина сидит перед туалетным столиком, как тщательно расчёсывает свои мягкие волосы и сколько перед ней красивой и дорогой косметики.

Влезая в джинсы, Катрин даже думать не хотела, как много у Либертины воздушных, светлых и так идущих ей нарядов. И обуви у Либертины две полочки, а на вешалке висит не мешковатый пуховик, а чёрная шубка.

Понятно, что Катрин не очень-то любила Либертину.

В первый раз они столкнулись в гардеробе, обе опаздывая, обе на ходу снимая шарфы и перчатки. Катрин вбежала чуть раньше, и когда Либертина быстрым шагом вошла в гардероб, она первым делом увидела уставившуюся на неё Катрин.

Встретившую удивлённый взгляд серых глаз Либертины.

Они некоторое время смотрели друг на друга и, если бы не недовольный окрик гардеробщицы, возможно, простояли бы так ещё долго. Но с начала пары прошло уже двенадцать минут, и обе заторопились. Они одновременно подошли к лестнице, в одном темпе двигались и, кажется, в одинаковой степени раздражали друг друга. Они поднялись на один этаж, но Катрин заскочила в ближайший кабинет, а Либертина пошла дальше по коридору.

С того дня они видели друг друга постоянно.

Катрин всегда приходила вовремя, а Либертина всегда опаздывала и, идя по коридору, неизменно встречалась взглядом с Катрин, сидящей в кабинете. Катрин ходила в столовую, а Либертина – в кафе через дорогу, и почти каждый раз они пересекались в холле. Катрин ездила домой на трамвае, а Либертина брала такси, и Катрин часто видела на крыльце её высокую и тонкую фигуру.

Это было ещё ничего, это было не так уж страшно, это ещё могло оказаться простой галлюцинацией.

До тех пор, пока Либертина и Катрин не оказались в одной группе.

Либертина не оказалась галлюцинацией, поскольку Либертину увидели все. И полюбили Либертину, кажется, тоже все. И завидовали Либертине, судя по всему, тоже все, – а особенно Катрин, одиноко сидящая на непопулярной первой парте.

Либертина была небедна. Либертина была не лишена привлекательности. Либертина была неглупа. Либертина была небесталанна.

Либертина мечтала стать писателем.

Итак, для вымышленного персонажа она была чрезвычайно назойлива. Чего нельзя было сказать о Катрин, которая с самого начала твёрдо решила избегать каких бы то ни было контактов с Либертиной.

Жаль только, что Либертина её устремлений не разделяла.

Либертина была везде.

Либертина была в студсовете и Либертина была в студклубе, Либертина пела в хоре и Либертина посещала киноклуб. Где бы ни была Катрин, Либертина была там, и всегда и везде Либертина говорила с Катрин, Либертина смотрела на Катрин, Либертина обращала внимание других на Катрин и интересовалась её мнением.

Когда Катрин последовательно отказалась от всех своих увлечений, Либертина появилась на пороге её дома.

Девушка, снявшая однокомнатную квартиру на одном этаже с Катрин, оказалась Либертиной.

Катрин почувствовала, что сходит с ума.

Катрин прекратила писать. Катрин оставила в покое, забросила, застопорилась на одном месте повести, героиней которой была Либертина.

Это была та самая Либертина, с её воздушными нарядами, грудным голосом, шёлковыми волосами и твёрдой целью в жизни. Либертина с уверенной походкой, Либертина с красивой улыбкой, Либертина с лёгким дыханием.

Либертина, которая, как водится, плакала по ночам.

Либертина, на которую Катрин возлагала такие большие надежды, что не могла не думать о ней.

Катрин представляла, какие книги и журналы читает Либертина, что пишет на своей страничке Либертина, что в карманах у Либертины и какую музыку она любит.

О, Катрин так подробно, так тщательно и правдоподобно расписала всю жизнь Либертины, для того чтобы её персонаж получился живым!

Либертина стояла за дверью, раскрасневшаяся, улыбающаяся, с шарлоткой в руках.

Катрин застонала. Катрин осела на пол. Катрин подумала о переезде в другой город.

Катрин решила покончить жизнь самоубийством.

Катрин разрыдалась и уронила на пол недоеденное яблоко.

Катрин заснула.

Утром Катрин встала и первым делом стёрла надпись на потолке.

Стоя у раковины, Катрин чистила зубы.

Заваривая растворимый кофе и разогревая в микроволновке рис с овощами, Катрин слегка пританцовывала, слушая песню по радио.

Расчёсывая волосы, Катрин улыбалась своему отражению в зеркале. Когда в дверь позвонили, Катрин не обратила на это внимания. Натягивая водолазку, Катрин придерживала воротник, чтобы причёска не сильно растрепалась.

Звонки в дверь становились всё длиннее и настойчивее.

Надев сапоги, Катрин смазала их кремом. Катрин потянулась за пальто. В дверь яростно постучали. Скорее всего, кулаком.

Катрин спокойно вернулась в комнату. Катрин подошла к письменному столу. Катрин нажала на большую чёрную кнопку.

Стук в дверь не прекращался.

Катрин действительно хотела переместить этот файл в корзину.

Стук в дверь внезапно прекратился.

Катрин заколебалась.

Катрин представила, какой рисунок на рабочем столе у...

Звонок взорвался криком.

Катрин действительно захотела удалить этот файл безвозвратно.

Звонок захлебнулся. Катрин показалось, что она слышит шаги на лестничной клетке, но, конечно же, она не могла ничего слышать из своей комнаты.

Катрин вернулась в прихожую, надела пальто и взяла маленький кожаный рюкзачок. Затем она заперла дверь на ключ, вышла на площадку и начала спускаться по лестнице.

Даже не взглянув на дверь квартиры напротив.

За которой была прихожая, за которой была большая светлая комната. Со светлой мебелью, светлыми обоями, светлым ковром на полу.

Светлой барной стойкой, на которой лежала аккуратная стопка листов бумаги. Эти листы рассказывали историю буквами двенадцатого таймс нью романа.

Это была история о девушке, жившей в двухкомнатной квартире, доставшейся ей от бабушки.

О девушке, пившей растворимый кофе и съедавшей целую тарелку второго на завтрак. О девушке, которая небрежно относилась к своей внешности, к моде и чужому мнению – или старательно делала вид. О девушке, которая имела и талант, и интеллект, и то самое главное, что должно быть в человеке. О девушке, у которой не было только уверенности – уверенности в чём бы то ни было, а прежде всего – в себе.

Внезапно поднявшийся ветер влетел в раскрытое окно и с какой-то совершенно не воздушной силой отчаянно и зло толкнул листы, сбросив всю пачку. Целая жизнь той, которой не существовало, которой не могло суще-

ствовать и которая была везде: в студсовете и в студклубе, в музыкальном кабинете, в холле, и на крыльце, и в помещении киноклуба, и в квартире напротив, – целая жизнь разлетелась по комнате.

У неё не было мечты стать писателем. Она просто не могла не писать.

Кто-то всё решил за неё.

Дверь не открывалась. Катрин навалилась на неё и толкнула изо всех сил. Тогда дверь приоткрылась, и взгляд Катрин успел зацепить старые погнутые качели, а над ними серое-серое небо.

Порыв ветра резко и непреклонно захлопнул дверь с той стороны.

Литературный мир вздохнул. Трепетно и обречённо.

Виктория ЗДОРОВИЛОВА

*Студентка Национального Исследовательского университета –
Высшая Школа Экономики*

Ожидание

Катицу умел ждать. Он мог часами сидеть неподвижно, чтобы в один миг сорваться с места. Он умел затаиваться так, что никто бы его не обнаружил, если он сам этого не пожелал. О нём не ходили легенды, как о Стиве Могучем Когте, но Стив любил всеобщее внимание так сильно, что это даже напоминало зависимость, однако Катицу подобным не страдал, ведь его целью было выжить, а известность в широких кругах этому плохо способствовала. Но такие как Стив нужны щеглам с молоком на губах.

Зачем? Катицу объяснить не мог, это была для него своего рода аксиомой.

Катицу ждать умел, однако не любил. Каждый раз, когда он ждал, то время будто в насмешку замедлялось, тянулось как жвачка, прилипшая в жаркий день к подошве ботинка. Однако дела обстояли в этот раз намного хуже. Сегодня Катицу испытывал возбуждение, какое случается от осознания приближения долгожданной встречи. Он ощущал это как жар, который начинался всегда рано утром, с первыми лучами

солнца. Он просыпался где-то в районе живота, напоминая о себе бурчанием и каким-то шевелением, с голодом не связанным, а чем ближе становился условленный час, тем более нервничал Катицу. Сегодня он волновался сильнее обычного, может, потому что в прошлый раз встреча не состоялась? И позапрошлый тоже? Но ему сказали же «На закате третьего дня». Однако он всё равно приходил, садился и ждал.

Ждал до тех пор, пока огромный серебряный диск не опускался низко к чернильной воде, едва не касаясь её. Потом он разворачивался и уходил, медленно, с достоинством, чинно шагая по мощёным булыжником улицам спящего города, его душу терзали противоречивые чувства: с одной стороны, он был спокоен, ведь его предупреждали, а вот с другой, ему досаждал страх столкнуться с неоправданной надеждой. На следующее утро он возвращался вновь.

Сегодня, в день солнечный и чудесный, он снова сидел на условленном месте. Мимо проходили сотни, если не тысячи людей, которым его, сидящая постоянно на одном и том же месте персона, приелась, а посему не бросалась в глаза. Изредка, правда, какой-нибудь турист или сердобольный прохожий проявляли к нему внимание, которое Катицу стойко игнорировал, тем самым отбивая интерес у любопытствующих.

Солнце лениво ползло по чистому небу. Припекало. Пахло морем, рыбой, людьми и кремом от загара. А ещё горячим деревом: это были доски пирса, что нагрелись за день. Катицу дремал. Его сознание дрейфовало на волнах реки сновидений, то погружаясь в её зеленоватые воды, то всплывая на поверхность.

В тени сосны пиния было хорошо – с моря то и дело налетал бриз, сдувая жару куда-то далеко, а ветвистое дерево прятало Катицу от солнца шатром из теней.

Катицу зевнул – его охватило удовлетворение: на углях пекли лепешки, значит, осталось немного. Орала цикада, шуршало море, шептал бриз, а где-то далеко позади ходили люди, рычали машины. Самое главное – это не уснуть.

Катицу был отличным охотником – он умел совмещать приятное с полезным. Он лежал, прикрыв глаза так, что со стороны они казались закрытыми. Ему было настолько приятно погрузиться в мешанину из звуков-запахов, что тревога на тему: «а вдруг не придёт» ушла куда-то в сторону. Мысли начали приобретать плавность, пластичность, они стали течь свободно, как вода в реке. Шёл пятый час. День клонился к вечеру. Было душно. Вероятно из-за здешнего воздуха, отличавшегося вязкой тяжёлой влажностью, создававшей ощущение удушья. Казалось, что он оседает толстым липким слоем на гортани, облепляет лёгкие, тем самым перекрывая доступ кислороду. Хотя Катицу жил здесь уже давно, дышать в такие вот часы порой становилось совершенно невозможно.

Неприятные ощущения напрочь выбили Катицу из нирваны. Он недовольно поморщился, смешно сморщив нос, откашлялся да уже хотел было снова занять свой наблюдательный пункт, как вдруг вода рядом с пирсом,

куда Катицу подошёл сразу же после «пробуждения» как-то странно зарябила, даже немного вспенилась. Рябь перемешалась с крупными пузырьками, как будто там собиралась всплыть маленькая подводная паровая лодка. Катицу пригнулся к разгоряченным на солнце доскам пирса, свесил голову вниз, желая разглядеть получше происходящее явление.

Внезапно на поверхность всплыла голова. Довольно хорошенькая на взгляд Катицу, надо отметить. Вскоре за головой последовала шея и плечи. Сильные мускулистые руки бледно голубого цвета лоснящиеся на солнце протянули Катицу большую рыбину, безвозвратно мёртвую, но вкусно пахнущую. Катицу облизнулся, сел и благодарно кивнул, когда упитанная рыбина с мокрым шлепком очутилась рядом с ним. Существо из холодных морских глубин улыбнулось. Блеснули острые мелкие зубы. Существо подтянулось на руках – Катицу, довольно шурясь, сделал пару шажков назад, освобождая место – удобно положив локти на доски, устроило голову с тремя длинными фиолетовыми косами на скрещенных запястьях, и с интересом уставилось на Катицу. Тот смотрел в упор, не мигая. Существо фыркнуло. Раздался всплеск – это сильный хвост вынырнул из воды, описал дугу, да шлёпнулся на воду, подняв тучу брызг, которые в свете закатного солнца на миг стали маленькой радугой, а затем хвост, блеснув в закатных лучах фиолетовой чешуёй, вновь скрылся под водой.

Катицу выдохнул с облегчением. Русалка Русса не подвела. Приплыла, как и договаривались. Пожалуй её стоит простить за отсутствие – рыба была очень вкусной...

Кошачья мудрость гласит: «Умей ждать – удача приходит к терпеливым». Катицу был терпеливым котом. Терпеливым и очень удачливым.

Зарисовка

На нежно-розовом, подёрнутом серой дымкой небе зажглась первая звезда: яркая, уверенно горящая холодным светом. Тонкий серп молодого месяца блеклой тенью проявился на небосклоне. Ветер злой и сильный, певший свою тоскливую песнь весь день, умолк, и наступившая тишина казалась какой-то прозрачной. По-зимнему свежий, морозный воздух, напоминающий хрусталь, дрожал и вибрировал от своей чистоты. Давнишний снег, не раз таявший под капризным солнцем, был зернист, хрупок, но всё так же надёжно укрывал толстым слоем землю, лес, хвою голубых елей, высокие горы, утопающие в пушистых, невесомых облаках. Вот только озеро, чьи северные берега упирались в подножье горного хребта, уходящего далеко на север, было свободным от льда и снега. Его чарующего насыщен-

ного серо-бирюзового цвета воды, скрывающие в себе неведомую силу, сулили открыть великие тайны. А в самом сердце его виднелся остров одинокой горы, которая казалась истинной малюткой по сравнению со своими соседями.

Солнце садилось неохотно, мучительно-медленно закатываясь за горизонтом Великой Равнины; нежно-розовый сменился насыщенным бордовым, пока окончательно не смешался с голубыми, прозрачно-волшебными сумерками. Рядом с первой звездой зажглась ещё одна, начал набирать свою силу месяц нарождающейся луны. По зеркальной, невозмутимой водной глади пробежала рябь, едва видная настолько, что её можно было бы списать на налетевший ветер. Однако ветер молчал. В тот самый момент, когда месяц засиял прелестным, девственно-чистым молочным светом, когда время точно остановилось, балансируя на тонкой грани между сумерками и ночью, когда третья звезда зажглась во главе треугольника, обрамляющего месяц, из глубин озера мягко поднялся широкий мост, соединяющий южный берег и центр, по бортам моста через каждые сотню шагов возвышались монументальные, величественные статуи медведей, стоящих на задних лапах, до того реалистичные, что сердце замирало сначала от страха, а затем от восхищения.

Установилось торжественная тишина. На степенно темнеющем бархане неба триумфально сверкал звёздный треугольник, сиял молодой месяц.

Внезапно фарфоровая тишина разбилась вдребезги свистом, какой возникает при быстром беге, когда бегун выкладывается до последнего, выжимая из своего тела всё отпущенные ему природой возможности. Внезапно свист смешался с невообразимой какофонией: что-то дребезжало, стучало и металлически звенело. Из-под шатра голубых елей чёрными размытыми тенями вылетели трое. Тени стремительно неслись к залитому небесным молоком мосту. Первой шмыгнула мелкая, самая быстрая тень с ярко рыжим хвостом, за ней более крупная и внушительная, а самой последней толстая и неповоротливая.

Холодный воздух резал не хуже ножа, под ногами хрустело, вода рябила, а месяц в правильном треугольнике звёзд безмятежно светился, однако сумерки утрачивали свою прозрачную лёгкость, становясь всё более вязкими, уступая нехотя место чернильной ночи, которая зажигала всё больше звёзд, неотвратимо разрушающих идеальный момент.

...Тени едва успели домчаться до конца моста и ступить на мёрзлую каменистую землю, когда поднялась целая туча брызг ледяной воды с тем, чтобы, обрушившись на мост, скрыть его под водой. Пути назад больше не было.

Слово о неведомом звере

Часть 1

научная

П.Т. Палкин, доктор парабиологических наук

Ф.А. Ёлкина, кандидат парапсихологических наук

Н.А. Шишкин, аспирант

А.О. Дубинин, аспирант

Национально-исследовательский Университет «Высшая школа экспериментальной селекции и парабиологии»

Lerius Mattaras Spoilera

Lerius Mattaras Spoilera – вымерший представитель Саридианской фауны, принадлежащий к классу Паровых, разряду Всеядных, отряду Чешуйчатых, семейству Ракуновых, роду Ракутехнов, виду Ракун-Паровик. В просторечье получивший название «Утюг» благодаря своей привычке разглаживать любые предметы до идеально ровного состояния (погрешность 0,001 мм) с целью потребления или заготовления с тем, чтобы после употребить в пищу или спрятать в тайник-кладовую.

Как и все представители класса Паровых, Lerius Matirias Spoilera обитает близ озёр, прудов, плотин или иных водоёмов искусственного или естественного происхождения, однако в отличие от остальных Паровых в постоянном нахождении в водоёме не нуждается, используя его исключительно в двух случаях:

1) водозабора для дальнейшего парообразования (в среднем каждые четвёртые сутки в тёплое время года и каждые девятые в холодное);

2) в период спаривания, который приходится на вторую половину месяца Рамз (Сарид.), соответствующий июлю (Зем.).

Зимой подобно всем Чешуйчатым покрывается новой чешуёй маскировочного белого цвета, становится медлительным, несколько заторможенным, но в периоды снегопада подавленное состояние опускается до 5 баллов по шкале Зигмунда Рейтинга (учёный-парапсихолог, основатель теории Рейтинга, см. стр 1240).

Совершенно всеядный, однако вследствие сложной психической организации предпочитает употреблять в пищу овощи, фрукты, ягоды, рыбу, различных мелких водовиков (см. стр 528) и т.д.

По характеру данная особь доверчива, любопытна, однако ранима. Обладает хорошей памятью.

Последний представитель Leriuss Mattaras Spoilera был убит браконьерами в 572 году от Высадки «ДСС». В данный момент учёные НИУ ВШЭ СПб проводят многочисленные эксперименты по возрождению Leriuss Mattaras Spoilera по оставшимся образцам ДНК.

Часть 2

бытовая

ШишкаКоля:

11 грюня, 19:20

Толян, как Утюг?

11 грюня, 19:20

Ты провёл тесты на сообразительность?

Толик_Дубина:

11 грюня, 19:21

Нормально. Пыхтит. Довольный. Обставил меня в шашках в пятый раз
=/

ШишкаКоля:

11 грюня, 19:21

Тебя обставляют в шашки все кому не лень. Смирись :D

11 грюня, 19:22

Даже Утюжок умнее тебя. Проведи нормальные тесты.

11 грюня, 19:22

А не майся ерундой.

Толик_Дубина:

11 грюня, 19:23

Нам с Утюгом скучно проходить лабиринты всякие. Показал ему сканворды. Сидим решаем. Как он их отгадывает я не знаю...

ШишкаКоля:

11 грюня, 19: 25

Это у него от Фаины. Ёлкина любит всякую такую штуку.

Толик_Дубина:

11 грюня, 19: 26

А любовь к паропусканию у него от кого? Напыхтел так, что всё запотело! И запах такой... Как от разведённого спирта.

ШишкаКоля:

11 грюня, 19:27

От природы, неуч!))

ШишкаКоля

11 грюня, 19:40

Толя? Ты чего молчишь?

11 грюня, 19:40

Анатолий!!!! Отзовитесь, приём!

Толик_Дубина:

11 грюня, 23:40

Коля, Утюг сбежал. Что делать?

ШишкаКоля:

11 грюня 23:44

КАК?!

Толик_Дубина:

11 грюня, 23:43

Открыл клетку и сбежал!!!

11 грюня, 23:43

Вылез через стенку... У нас тут дырень на пол стены... Меня сейчас не это волнует...

11 грюня, 23:43

ЧТО ДЕЛАТЬ?!

ШишкаКоля:

11 грюня, 23:44

Науч.Рук. знает уже?

11 грюня, 23:44

О-о и как он мог снести полстены, если он мелкий и тщедушный?

11 грюня, 23: 44

Стой где стоишь. Я сейчас буду.

Толик_Дубина:

11 грюня, 23:45

Не знает — я ещё живой. Но скоро узнает. Как и весь город...

11 грюня, 23:46

Маленький. Ага. Как же! С меня ростом вымахал, чешуёй оброс, кислотой начал уже плевать. И зубы отрастил.

11 грюня, 23:46

Права была Фаина: не надо было его поить разведённым этилом.

ШишкаКоля:

11 грюня, 23:48

Науч.Рук всегда прав.

Толик_Дубин:

11 грюня, 23:48

Он ещё выгладил все отчёты! Как только успел?!

ШишкаКоля:

11 грюня, 23: 48

Радуйся, что Утюжок всегда оставляет после себя стопки выглаженных вещей. И моет после себя миски... В отличие от некоторых.

Толик_Дубина:

11 грюня, 23: 49

Коля, ноги в руки и быстро сюда! Фаина уже тут. Она уже собирает материал для диссера. Охает и ахает, нахваливает нашу «умницу». Дескать дитё выросло и стало подростком. Говорит, что-то про высокоразвитое сознание. Собирает выглаженные отчёты. Они все в чешуе. Линяет он что ли?..

ШишкаКоля:

11 грюня, 23:50

Толь, ты его чем кормил сегодня? Почему он «линяет» теперь?

Толик_Дубина:

11 грюня, 23:51

Стандартный набор 8. И бабушкины пирожки с малиной. Он их сам съел. Мне не оставил

11 грюня, 23: 51

Меня больше, правда, теперь волнует – где мы его искать будем?

11 грюня, 23: 52

Судя по следам, оставленным на месте преступления – в туалете...

ШишкаКоля:

11 грюня, 23: 53

Так в чём проблема? Иди и вытащи его оттуда. Небось опять зов воды почуял, бестолочь вымирающая

Толик_Дубина:

11 грюня, 23: 53

Да, он в туалете

11 грюня, 23: 53

На пятом этаже

Толик_Дубина:

11 грюня, 23: 59

Был.

ШишкаКоля:

11 грюня, 00:00

Что значит «был»???

Толик_Дубина:

11 грюня, 00:10

Убежал, паскуда!

11 грюня, 00:10

Проел окно и свалил на свободу!

ШишкаКоля:

11 грюня, 00:11

АХАХАХАХАХАХАХАХАХ... Палкин нас придушит!!!

Часть 3

художественная

Чак-Тин обомлел. Его рот открылся, глаза расширились, соломенная шляпа повисла на оттопыренном ухе, а поводок с Бочкой, удивлённой не меньше хозяина, и вовсе выпал из ослабевшей руки. Перед ним, повернувшись к каналу, делившим парк на правую и левую половину, сидело диковинное животное: большое, массивное, ширококостное, четырёхлапое, серебристое и удивительно спокойное. Разглядеть его более подробно Чак-Тин не мог не только из-за того, что стоял довольно далеко от чуда-юда, но и потому, что животное окутывало облако плотного пара, похожего на осенний туман, густой и вязкий. Существо встало на задние лапы, длинные и крепкие, потянулось вверх, будто стремилось достать величественной головой до лазурного неба и, раскинув передние лапы в стороны, встрепенулось, испустило целое облако пара и куда то исчезло.

Бочка, в отличие от хозяина, ещё пребывающего в ступоре, уже пришла в себя и, воспользовавшись минутной слабостью Чак-Тина, ринулась к туда, где ещё пару мгновений назад стоял неведомый зверь. Маленькая, но раскормленная до состояния сардельки, такса неслась во всю силу своих коротких ножек, чтобы внезапно резко затормозить и столкнуться нос к носу с пароиспускающим существом. Правда, оно сильно уменьшилось в размерах, став едва ли больше Бочки. Такса с удивлением разглядывала незнакомца, который лишился чешуи, но зато обзавёлся костяным гребнем, смахивающим на ирокез. Он начинался чуть выше умных и больших глаз, проходил вдоль позвоночника, постепенно уменьшаясь, и заканчивался на кончике длинного сильного хвоста. То, с каким настороженным любопытством пришелец смотрел на таксу было видно, что Бочку как угрозу он не рассматривает. Бочка сначала обиделась от такой наглости, а потом, заметив два ряда мелких, сахарно белых острых зубов, узелки мышц под толстой сапфировой кожей, учуяв странную смесь запахов ящерицы, ракуна и человека, философски решила поддерживать доброжелательно-нейтральные отношения.

Внезапно зверёк дёрнулся влево, туда, откуда доносился топот бегущего мальчика повёл носом, приняхался, смешно раздув узкие ноздри, пригнулся, прижал тонкие задние лапки к впалому животу и прыгнул в воду.

Когда Чак-Тин опомнился, подбежал к Бочке и пришельцу, то не застал неведомого зверя. На покрытой росой траве лежало несколько серебристых, тяжело оттягивающих руку чешуек. Овальные, сияющие солнцем на свету, покрытые паутинкой из маленьких отверстий, они были острыми по краю, от них пахло спиртом, малиной и стандартным набором 8, который так любил приносить домой старший брат Толя.

Часть 4

публицистическая

«The Gazeta»

13 грюня

Малиновый вор!

Жители города Самград были подвержены нападению «малинового» вора.

«Маленький», «юркий», «быстрый, как бес» – так говорят про неведомого зверя самградчане. Неуловимое нечто терроризирует город уже вторые сутки и, судя по всему, останавливаться не собирается. Как установили стражи порядка, «малиновый» вор интересуется исключительно свежей выпечкой, преимущественно с малиновым наполнителем, однако это не означает, что любые другие хлебобулочные изделия не находятся в зоне риска. Будьте бдительны! Не оставляйте открытыми окна и двери, не выходите в булочные и пекарни без острой необходимости. Злоумышленник может проникнуть в ваш дом путём прогрызания стен и окон. Помимо того, что он обязательно заберёт всю хлебобулочную продукцию, он переглядит все остальные вещи.

Подобному нашествию город подвергался два года назад, когда из НИУ ВШЭ СПб сбежал Hungirius Scholaris. Тогда нарушителя спокойствия поймали в течение нескольких часов. Мы все испытываем надежду на то, что «малинового» вора скоро поймают и город снова заживёт своей обычной жизнью.

Олеся Палкина, корреспондент газеты «The Gazeta»

Олег ИЛЬИН

Ирония судьбы или «С лёгким паром»

Опыт герменевтического прочтения

Все мы знаем сюжет этого замечательного фильма – трогательной комедии и мелодрамы. Ну, да, так и есть что тут непонятного.

Евгений Лукашин 31 числа – в день чудес и фантазмагорий, в день, когда открывается проход в параллельные миры, находясь в ИСС (изменённое состояние сознания), то есть в божественном трансе (алкогольном, как вы помните, опьянении) попадает в Зазеркалье. Напомню, что ИСС – изменение состояния сознания происходит в бане – там, где много воды и там, где происходит очищение души и тела. То очищение души, о котором говорят друзья Лукашина (Бурков) в той же бане за кружкой ерша. Ёрш – рыба, и мы к этому ещё вернемся. Потом они, взвешиваясь, символически летят на самолёте над тайгой (поют песню – «под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное море тайги», тайга – лес, лес – символ бессознательного). Кстати, взвешиваясь и полетев при этом – они как бы теряют вес. Становятся невесомыми. То есть наш Женя уже тогда начал отправляться в Зазеркалье – ещё в бане. Потом он летит в прямом смысле слова на самолёте – перелёт это и есть дорога в потусторонний мир. Характерно, что из приземлённой, купеческой, деловой, очень земной и «житейской» Москвы – он попадает в город-призрак, город на Неве, как он скажет потом сам (опять вода), город овеванный мистикой, поэзией и т.д. Лучшего места для Зазеркалья не придумаешь. Почему Зазеркалье? Очень просто. Московская жизнь Жени Лукашина на улице Строителей в Москве в точности – но зеркально отразилась в такой же квартире (и ключ подошёл) в Ленинграде-Петербурге. То есть вроде бы квартира-то своя, но – не та. Всё-таки, не та на самом деле. Своя только внешне, но по сути – другая. Из Зазеркалья. А Зазеркалье так и устроено. Там отражается наша реальная жизнь в реальном мире. Но, отражаясь, всё же, живёт по своим собственным законам. И именно там, в параллельном мире он встречает Надежду. Свою Наденьку. Она первым делом поливает его из чайника – это является причиной его пробуждения (опять вода). После этого они начинают разговаривать. Далее – известно. Надя Шевелёва пытается прогнать чужеродный элемент, прилетевший из какой-то там Москвы. Известно, что петербуржцы в основной своей массе не тяготятся своим нестоличным статусом и особо в Москву не стремятся. Им и в Питере хорошо. Так что Москва и Питер здесь, воистину, параллельные миры. Кстати, о зеркалах. Нарочно или нет, но в фильме Эльдара

Рязанова «Ирония судьбы или С лёгким паром» зеркала присутствуют и играют особую роль. Многие вещи (сцены, диалоги) происходят, как бы это сказать... через Зеркало. Это и неловкая попытка Жени объясниться в любви и сделать предложение своей неотчётливо возлюблённой Галине в начале фильма, это и Ипполит, узнающий о визите «московского гостя» – он только что пришёл к Наденьке и прихорашивается перед Зеркалом, и т.д.

У Жени Лукашина, в общем, какая задача? Найти свою женщину. Он вроде бы в Москве кого-то там нашёл – Галину. Но это не то. Не случайно он так и не может толком признаться ей в любви в начале фильма. И не случайно какая-то непреодолимая сила тянет его к каким-то мифическим Катаньянам (или кому-то там в этом роде). В душе он хочет убежать от Гали, но пока не может. (Фамилия «Катанян» по своему звучанию, кстати, напоминает слово «кататония» – название психического расстройства, при котором человек постоянно застывает – на очень долгое время – в какой-нибудь часто очень неудобной позе, и может простоять в ней очень долго без движения. Что-то вроде ступора. Режиссёр фильма Эльдар Рязанов, кстати, использует эту фамилию не только в «Иронии...». В фильме «Забывтая мелодия для флейты» находящийся в любовном ступоре Филатов врёт псевдодружникам, застукавшим его с любовницей – Догилевой, называя себя первой пришедшей на ум фамилией – Катанян). Так вот, возвращаясь к Гале и Жене. Галя, а заодно и мама Жени – мировая мама (та же актриса – как у Мягкова в «Иронии судьбы», так и у Смоктуновского в «Берегись автомобиля!») – они обе хотят, чтобы он провёл Новый год с Галей и таким образом подписал некий символический (метафизический) брачный контракт с дья... (извините) с Галиной, конечно.

Конечно, Галина не дьявол. (Это просто Кину Ривс – один из моих любимых актёров). Галина просто обыкновенная до обыденности женщина («Я у Вас жениха не крала!»), пьющая с горя коньяк в пустой, брошенной квартире с наряжённой ёлкой. Вообще, когда душа человека находится в Зазеркалье – то в этой, реальной жизни становится как-то пустовато.

Мама Жени пытается выставить Павлика (Ширвиндта) за дверь (посылает его в баню), памятуя о том, как он, Павлик уже увёл один раз невесту у её сына. Но в баню идёт не только Павлик – там же оказывается ещё и её сын Женя. И это – роковое решение. Первый шаг навстречу Надежде, Судьбе, Иронии, Лёгкости, Пару, Счастью и т.д.

И «т.д.» в данном случае значит – и Ипполиту. Ипполит... неотразимый Яковлев, так мастерски сыгравший Харона, пытающегося уволочь Надежду на дно Невы-Стикса в царство мёртвых надежд, в обывательское болото

– там, где он, Ипполит, будет стареть («Наденька, я уже давно не молод...»), брюзжать, ревновать, мучить Наденьку, даря ей дежурные духи на Новый год и 8 Марта. Заметьте, Ипполит ей дарит французские духи. Он символически, на подсознательном уровне хочет помочиться на неё духами (прошу прощения, но это действительно так) и как всякое млекопитающее обозначить тем самым свою территорию – присвоить Наденьку себе. А она, Наденька дарит ему бритву – то ли орудие для удаления волос – вместилища энергии и силы, то ли – (и это ужасно, конечно) – орудие кастрации. То есть он её хочет присвоить себе как вещь. А она хочет его лишиться силы, чтоб хоть как-то дышать в его звериных объёмах. И тут... И тут!!! На авансцене появляется Евгений. Евгений – значит «благородный» в переводе с греческого.

А Ипполит, между нами, значит – «распрягающий коней», «возница». Хочет увезти Наденьку Шевелёву в Аид. Харон, перевозящий души умерших в царство мёртвых (Аид) по реке Стикс был кентавром. Ипполит – это персонаж, в котором соединился человек и конь, как в кентавре. Иппос по-гречески – конь. Тут начинается борьба. Не за женщину, а за жизнь. Борьба со смертью («определённое, предсказуемое, запрограммированное счастье» – это ставит в вину Женя Ипполиту). Определённость, предсказуемость, основательность и рассудительность – это смерть. Спонтанность, порыв, непредсказуемость (то, что ставит в вину Ипполит Жене в сцене стояния на улице на подошвах разной толщины) – это жизнь. Кстати. О птичках. «Какая гадость это Ваша заливная рыба». Эта фраза прозвучала дважды. Эра Рыб сменяется эрой Водолея. Мы живём в такие времена. На рубеже эр. Водолей заливает рыбу. Рыба становится заливной. Эра Водолея наступает. Эра Рыб отступает. Эра Водолея знаменуется открытием действительных, настоящих знаний, духовным просветлением, очищением сознания от ложного, внешнего, преходящего и материального и т.д. «Гадость» – ибо залить рыбу – это попытка смешать Водолея и Рыб. Ничего хорошего не получится.

Ипполит проигрывает схватку с Женей (даже до драки дело дошло) и проходит обряд очищения водой в ванной, в одежде. Именно в одежде – иначе он не может. Он кентавр. Одежда – пальто, шапка и т.д. – это его конная шкура. Он не может быть голым в нашем понимании. В отличие от Жени, который человек, и всегда голый – в бане (в реальности) и даже в Зазеркалье умудряется обнажиться – у Надежды в квартире.

Ипполит после своего ухода от Нади проходит обряд очищения. Я бы даже сказал духовного преображения. Тут есть всё. Во-первых, он уезжает на машине – то есть своего рода полёт (путешествие). Во-вторых, он оказывается

на льду Невы. То есть символически погружается в реку – в воду. На него падает лавина снега. То есть Ипполит окунается в воду с головой. Вода сама по себе есть средство очищения. А река – символ перехода в иной мир, в иное состояние, в иную жизнь и иную реальность. После этого мы видим Ипполита вернувшегося к Наденьке в пьяном виде и залезшего в душ. Ипполит не случайно замечает, что он именно в первый раз в таком виде. Это значит, что он впервые испытал новое рождение в новый мир. И его перерождение, фактически, состоялось. Важно то, что он пьян – так же как и Женья Лукашин в начале своей ленинградской эпопеи. Это – символическое ИСС, изменение состояния сознания – важное условия духовного перерождения. Ипполит идёт в душ, где моется в одежде и, таким образом, окончательно приходит в себя. Рождение состоялось. Ипполит говорит о том, что запрограммированное счастье немислимо. Этим он становится на точку зрения Лукашина, на его позицию. «Это он мокрый от слёз», – говорит Женья маме Наденьки на её реплику о мокром Ипполите на лестнице. Слёзы – символ внутреннего очищения и преображения души. Ипполит спасён! Он стал человеком окончательно. И больше в фильме не появляется.

Фамилия Лукашин. Тут слышится «лук» – мужское, активное начало. Лукашин благородный воин. Так же слышится Люкс – «свет» по латыни. Лукашин – светлое начало. Шевелёва – от слова «шевелиться». Шевеление – медленное, еле заметное движение. Это свойственно женщинам. Женское начало консервативно. Направлено на сохранение энергии. Ворожба, магия зачастую не предполагает резких движений. Наоборот, медленные однообразные движения (наматывание нитки на клубок, например) помогают сосредоточиться.

Ещё в фильме много интересных моментов помимо коллизий, связанных с существованием главных героев. В самом Зазеркалье – в полном соответствии с его канонами – есть окно в иной, реальный мир. В мир обыденности. На заднем плане Надиной квартиры мы время от времени видим включённый телевизор, по которому идёт пошлейший водевиль «Соломенная шляпка». Два мира связаны. В обыденном мире, в Москве наоборот – в самом начале фильма (а также в конце – возвращение Жени домой) нам показывают улицу, буквально наполненную мистикой новогодних торжеств – порхающие снежки, гирлянды, украшения, музыка Таривердиева и т.д. У Ипполита помимо Жени Лукашина есть ещё один двойник – это Олег Басилашвили. Именно его фотографию Женья выбрасывает в окно. Это связано с тем, что сначала на роль пробовался Олег Басилашвили, и только потом утвердили Александра Яковлева. Басилашвили роль не сыграл, у него не было героя в этом фильме. Поэтому с Ипполитом при-

дётся сравнить не героя, а самого актёра. Насколько я могу понять, Олег Базилашвили в жизни является антиподом Ипполиту, противоположностью. И, вообще, Олег – это имя происходит от древне-скандинавского имени Хельг, что значит «святой». Ипполит-кентавр из мира нижнего, Аида. А Хельг – из мира богов, высшего мира. У Нади Шевелёвой также помимо Гали из Москвы есть двойник за пределами сценария. Дело в том, что свои романсы Марыля Брыльска (Надя Шевелёва) поёт голосом Аллы Пугачёвой (озвучка). При этом ни Надя Шевелёва как героиня, ни Марыля Брыльска как актриса не похожи по характеру, темпераменту и мировоззренческим установкам на Аллу Пугачёву вообще. И тут тоже наблюдается некая противоположность. Система двойников главных героев выстроена как по горизонтали (Реальность – Зазеркалье), так и по вертикали (Высший мир – Низший мир). То, что некоторые двойники находятся за пределами сценария, только укрепляет, а не разрушает конструкцию. В конце концов, происходящее на киноэкране, происходит не исключительно на киноэкране. Через экран мы попадаем в особую смысловую реальность, особую плоскость культуры, где персонажи, актёры и зрители начинают взаимодействовать самостоятельно, независимо от воли режиссёра и сценариста. Да и кинокартина, особенно хорошая кинокартина, всегда существует сама по себе и живёт своей собственной жизнью.

Но вернёмся к фильму. Надя Шевелёва персонаж возвышенный, тонкий – учительница, играет на гитаре, поёт лирические песни. Ипполиту такое не подходит. А для Лукашина, несмотря на его профессиональный «хирургический цинизм» – безусловно. Они с Надей люди одной стихии. У них неформальный подход к жизни, и внутреннее её содержание гораздо важнее внешних форм. В одной песне, исполняемой Надей, звучит название станции Тихорецкая («На Тихорецкую вагон отправится...») Тихорецкая – тихая река. Чем не Стикс? Лукашин поёт о том, что если у вас чего-то нет (тёти), то вы не можете это потерять. У Эриха Фромма есть замечательная идея о том, что в этике есть два диаметрально противоположных начала – «иметь» и «быть». Некоторые хотят «иметь» – и для них это важнее того, кем они могут в принципе «быть» сами по себе – то есть важнее их личных качеств. А для других «быть» – важнее, они хотят именно «быть» и быть как можно лучше – самосовершенствоваться. А то, что они имеют – не важно. Песня Лукашина призывает не обращать внимания на «иметь». Пропагандирует нестяжательство. Мол, если нету, то и не потеряешь. Ипполит до своего перерождения вряд ли это понял бы. А вот, Надя... для Нади такая песенная философия, закончившаяся потерей Ипполита, вполне естественна.

В конце концов, в результате довольно тяжёлой борьбы со своими словесными предрассудками (интеллигентность), моральными принципами (статус – немного смешно – девушки Ипполита), своими привычками (продолжительность знакомства с Ипполитом, что немаловажно для женщин вообще) – в результате всего этого она уезжает-таки в другой город к Лукашину Жене, которого знает несколько часов. При этом между Наденькой Шевелёвой, переживающей «что скажут подруги-коллеги» и устраивающей нелепейшую и поэтому комичную сцену под названием «Я не Ипполит» с одной стороны, и Надей Шевелёвой, находящейся в объятьях любимого, и со спокойной дерзостью вопрошающей мировую маму «Вы, наверно, считаете меня легкомысленной?» – между этим двумя Наденьками пропасть жизненного опыта. Кстати, нет худа без добра. Сцена «Ипполит – не Ипполит» из разряда штирлиц-на-границы-провала вынуждает Наденьку поцеловать Женю Лукашина в губы. И в этом есть огромный метафизический смысл. Во-первых, инициатива принадлежит женщине. Лукашин к тому времени уже много раз привлёк и завоевал Надю (чего стоит одна драка с Ипполитом). Конечно, женщина решает сама – быть любви или не быть. И делает если не первый, то всегда – второй шаг навстречу. Самое потрясающее в этой сцене то, что действие, происходящее в Зазеркалье, происходит по законам Зазеркалья. Поэтому для того, чтобы окончательно сблизиться с Надей как с любимой женщиной Жене Лукашину приходится стать... Ипполитом – своими мистическим двойником во всей этой истории. Все, надеюсь, помнят, почему Надя была вынуждена поцеловать нашего героя? Потому, что в гости к Наде пришли подруги-коллеги по школе, не видевшие настоящего Ипполита в лицо, но уже знавшие его как мужчину Нади, и ей, Наде нужно было как-то оправдать вполне осязаемое присутствие другого мужчины (Жени) в её доме в Новогоднюю ночь. Женя стал Ипполитом. Для Зазеркалья – вполне нормальная ситуация. Кстати, поступок Нади – решительность, напор, бескомпромиссность – вполне в духе Галины, оставшейся в Москве. Галя – мистический двойник Нади Шевелёвой из параллельного мира. Поцелуй Жени и Нади – будущих влюблённых происходит через их символически присутствующих двойников. Герои берут на себя несвойственные им образы и ипостаси («Положительный и серьёзный»(!?) – это подруги Нади о Жене-«Ипполите»). Надя в этой сцене выглядит тоже необычно для себя, неожиданно для зрителя. Так вот. Возвращаясь к началу разговора. Надя теряет. Теряет Ипполита окончательно в результате поцелуя Жени. Вместе с Ипполитом она теряет его положение, солидность, опыт, время, посвящённое ему в прошлом, и – чего уж там – автомобиль. Да, автомобиль, что для того, советского времени – не фунтик

изюму. Надя также меняется. Меняется очень серьёзно. С ней тоже происходит духовное преображение. Возможно, это не связано с водой и рекой. Но для женщины это необязательно. Женщина изначально и всегда – существо влажное само по себе (и это хорошо!). Тем более, – думаю, многие со мной согласятся, – влажности в их поцелуе предостаточно. Из правильной учительницы, вполне вписанной в социальные и нравственные каноны общества, из существа пассивного и безответного («Я их воспитываю, они – меня», – Надя о своих учениках), из существа, оправдывающегося перед глупостями и оскорблениями Ипполита, Надя превращается в Женщину. Она становится непостоянной и непредсказуемой («Мегера»), своенравной, властной (сцена надевания сапог Женей на Надины ножки), дерзкой («Обалдуй!»). Она уходит одна в ночь, совершенно не боясь попасть в пикантную ситуацию наподобие той, подобие которой случилось с ней в такси («Куда везти?» – «А, куда хотите!»). Кстати, на такой поступок способны немногие женщины. Скорей всего, только те, кто может положить на свою судьбу, Рок. То есть роковые женщины, по сути. Потом она сама принимает решение переселиться в параллельный мир к своему возлюбленному. Там прекрасно держится перед мамой Жени (мировая мама), которая говорит фразу «Поживём – увидим» без особой агрессии, но отнюдь не приветливо. За этой фразой (из двух слов) стоит очень многое (вот, что значит мастерство эпизода в кино!): и то, что у мамы украли сына (что-то типа «Я у Вас сына не краля!» – калька знаменитой Галининой реплики); и то, что сына приходится препоручать неизвестно кому с невнятной репутацией; и то, что сын, очевидно, вырос, и что сама мама, очевидно поэтому, не так молода на сегодняшний день. Обратите внимание, как, в каком стиле общаются мама и Женя в начале фильма. Это отношения старых друзей – раскрепощённые, равноправные, в каком-то смысле панибратские (в хорошем смысле). Мама немного кокетничает по поводу своего возраста («Это ты намекаешь на мой возраст!») – возможно, что отца Жени с ними нет уже давно, поэтому... сами всё знаете. Поэтому панибратство и т.д. Мама не в восторге от Галины как невесты сына (она говорит об этом прямым текстом – «Не могу сказать, что она мне нравится, но если ты не женишься сейчас, то не женишься никогда!»). Но дело всё в том, что её это не особенно беспокоит. Мама чувствует, что между ними (Галей и Женей) нет особой любви. Значит? Значит её сын (его сердце) всё равно будет принадлежать ей. Но в случае с приехавшей Надей – и мама это видит – так уже не получится. Галя со своей стороны выходит замуж... ээээ... возможно, по той же причине, какую она подозревает у своей благородной соперницы – Нади («Вам сколько лет? Последний шанс, да?»). То есть боится опоздать с

замужеством. Да и Жене уже 36.... Не мальчик... Мезальянс, в общем. Скучно, ужасно скучно. И если бы не Зазеркалье – блистательный Петербург, был бы наш Женя таким же персонажем как некоторые его друзья.... Хотя, насчёт всех друзей не знаю, но как Павлик – точно. Павлик (Ширвиндт) – апофеоз расчётливости, прозаичности, тривиальности, обыденности и той убогой житейской мудрости, которой не хватает на подвиг, но хватает на то, чтобы его избежать. Чего стоит только одна фраза Павлика «Хорошее имя, и главное – редкое». Этот штамп, заезженную пластинку, шаблон он лепит к месту и не к месту и в адрес Нади, и в адрес её мистического двойника Гали. Символически это выглядит как неразборчивость, непонимание тонкостей, различий между людьми и особенно между женщинами. Эта фраза означает, что Павлик относится к женщинам как к лошадям – вот редкая порода, красивая и т.д. (Кстати, у Павлика есть тоже свой двойник в Питере – это подруга Нади, училка, героиня Лии Ахеджаковой. Полная противоположность Павлику – детскость, наивность, несуразность, полное отсутствие того, что называется солидностью и респектабельностью).

(Пардон, дорогой читатель. Вынужден здесь извиниться. Фразу «... и главное – редкое» Павлик говорит один раз. Второй раз её говорит мировая мама. Но сути это не меняет. Павлик мог её сказать хоть дважды, хоть трижды. Ну и что? С него станется. А мама Жени – мировая мама – так она уже давно «опавлилась», давно «павликует», пропитана «павликизмом» – она такая как Павлик – расчёт и мировой опыт: «Женись, сынок, а то не успеешь. Хотя бы и на Гале – семь бед, как говорится». Что ж. Житейская мудрость. Она такая. Не поспоришь. Мир держится на мировых мамах. Хотя, иной раз хочется, чтоб он летел в Тар-та-ра-ры. Ну, или хотя бы в Зазеркалье. На самолёте. Вместо Павлика.

Кстати, не все двойники из параллельных миров суть противоположности. Чтобы быть противоположностью, следует отойти на край. А если ты посередине, то ты можешь оказаться лишь в тождестве. Так вот, есть ещё одна пара двойников. Это остальные друзья Жени (Бурков и Беляев) с одной стороны, и (не помню фамилию актрисы) вторая подруга Нади, тоже учительница, приходившая вместе с Ахеджаковой – с другой стороны. Это не очень колоритные персонажи. Их характерность не так ярко выражена. Поэтому они находятся, как бы посередине и не разведены по полюсам. И, очевидно поэтому, соответствуют друг другу, а не противостоят. И та, и другая сторона двойниковой пары просто помогают главным героям. Их помощь незаметна, но существенна. Бурков и Беляев сажают Женю в самолёт навстречу судьбе, а Надина подруга (не Ахеджакова) положительно

оценивает Женю («Ипполита») перед уходом домой: «Хороший мужик. Положительный и серьёзный». Для Нади это важно. Это, можно сказать, первая поддержка её авантюрного решения, определившего всю её дальнейшую жизнь.

Ненадолго вернёмся к Павлику. Павлик теряет свою жену в Новогоднюю ночь. Он не попадает к ней, случайно уступая своё место в самолёте Жене Лукашину (хочу напомнить, что в то время на авиабилетах, скорее всего, не писали фамилии пассажира). И в этом есть большой метафизический смысл. В своё время, когда-то давно Женя «уступил» Павлику свою «невесту». Она, будучи возлюбленной Жени, вышла замуж за Павлика. А теперь благодаря Павлику (его косвенной помощи) Женя обретает невесту свою. Павлик возвращает долг Жене. И правильно делает.

Остальные два друга Бурков и Фокс (Белявский), как я уже говорил, – настоящие друзья и помощники Жени. Ведь именно они запикивают его («как чурку») в самолёт и отправляют навстречу Судьбе, которая с такой иронией, таким лёгким жестом обдаёт нашего героя паром... Паром чего? А чего может быть пар? Пар может быть только водяной. Опять вода! Всё – есть вода, как говорили древние! Пар – это дух воды! Её высшая, воздушная субстанция. С лёгким паром, друзья! От всей души желаю вам счастья и настоящей любви!

Елена КАЧАРОВСКАЯ

Впусти меня!

– Впусти меня, пожалуйста, впусти меня!!! Видишь, я уже полчаса бьюсь у твоей двери. Я сегодня буду хорошей девочкой и завтра тоже. Как ты можешь меня не впустить! А-ааааа! Пусть все соседи услышат меня, и тебе станет стыдно.

Опять она пришла. Стоит – орёт. Что делать-то? Полицию вызвать? Спасателей, чтобы меня от неё спасли? Жалко дурёху. Скорая тоже не поможет. Соседи и так вчера на меня косились. Если не открою, они кого-нибудь вызовут.

– Эй, ты, заходи. Хватит надрываться.

– А ты кто такой? Что здесь забыл? Уходи отсюда немедленно. Где он? Где? Не прячься. От меня не спрячешься. Я очень хорошая, пока тебя не отыщу.

Какая же она худая. Один остов, а кормы нет. Обтрёпанные джинсы сползают с бёдер. Остроносая, с подростковой стрижкой, непонятного возрас-

та, суетится, бегаёт по квартире, озирается. Глаза ускользающие, тёмные – не смотрят, а плавают по лицу. Вряд ли она меня видит. Полезла под диван.

– Эй, ты. Вставай. Кого ищем? Помочь? Хочешь горячего чаю?

Молчит. Вздрагивает. Села на пол, голову уткнула между коленок. Дурацкая ситуация. По телевизору крутят сюжет о бездомных детях. Дети вповалку спят у трубы с горячей водой. У некоторых совсем взрослые, испытанные лица. У этой девчонки тоже взрослое лицо. Но не испытанное, а больное и измученное. Господи, да она ж уснула. И тихонько то ли шепчет, то ли посвистывает во сне.

Звонок в дверь. На пороге соседка – старушка любопытствует:

– Впустил эту... что ли?

– Впустил.

– Гони её. Она ненормальная. Поговаривают, что жила она тут пару лет назад с одним уголовником, да только его то ли прирезали, то ли застрелили. А эту квартиру вечно кому ни попадя сдают. А она всё ходит, ищет его. Никто из жильцов её не выпускает. Ты один – такой смелый. Она – шизофреничка. Приступы раз в три месяца. И ходит сюда, и ходит. А после её визитов то канализацию прорвёт, то бомж в парадной помрёт, а то по ночам в трубе выть начинает.

– Я разберусь, а Вы идите. Всё будет хорошо.

Поджала губы, ушла. В коридоре остался сыроватый стариковский запах. Непонятно, почему соседская старость пахнет сыростью. Старушке тоскливо, живёт с таким же дряхлым котом, поговорить не с кем. А тут – какое-никакое событие.

Позвонила Катя:

– Гостей принимаешь? – кокетливо в трубку.

Скептически посмотрел на пол.

– Сегодня, к сожалению, нет. У меня не приёмный день. Болею.

– Болей-болеи. Знаю я. Как ты болеешь и с кем.

Трубку бросила. Вот ведь дура. Обижается и ревнует. К кому?

Попытался поднять с пола девчонку и уложить на диван. Она с закрытыми глазами больно вцепилась зубами мне в руку. И тут же распласталась по полу и засопела.

Когда я был маленьким, у меня в трёхлитровой банке жил хомячок Фома. Гости: взрослые и дети, развлекаясь, пытались засунуть в банку руку и поймать Фомку. А я, когда приходили гости, накрывал банку газетой, отчётливо представляя, что чувствует крошечный хомячок, когда огромная рука, словно ковш экскаватора, старается тебя схватить и смять. Хомячок огрызался и кусал руки гостей. А те почему-то злились.

Потом умерла моя бабушка. А я даже не понимал, что бабушка умерла и почему она не приходит целовать меня на ночь, и никто больше не называет меня «мой утёнок». От неё всегда пахло едой и болгарским розовым маслом, но никогда не пахло стариковской сыростью.

Мария КОЛПАЦИНИДИ

*Студентка Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора Александра III*

Описание:

Жизнь Джона в тюрьме. Попытка разобраться в том, что есть Кукловод.

Примечания автора:

Это фанфик – это первое, что вам нужно помнить. Я не претендую на достоверность и не утверждаю, что всё было именно так. Я даже надеюсь, что все было НЕ так. Ну да ладно.

Пролог. Фелтхем

Машина шла плавно, изредка подпрыгивая на ухабах. В очередной раз стукнувшись головой о стену, я потёр затылок. Мы ехали уже несколько часов; спина затекла, и без того худосочные ягодички изрядно отбило. Сидящие рядом парни угрюмо смотрели в пол. Я тоже опустил глаза.

И когда всё успело пойти под откос?

Сижу на чердаке. Нет, нам даже хлопали, но я уверен, что мы могли сделать всё намного лучше. Если бы я мог управлять всеми марионетками сразу... Ладно, я давно понял, что Сэму это неинтересно, ну так дали бы мне играть с Дженни. Ведь это её куклы, ей же нравилось, а так девочке пришлось просто сидеть и смотреть, как Сэм пытается справиться с двумя волчатами сразу. Хорошо, что Маугли и пантерой всегда управлял я, и они были хороши.

Машина снова подпрыгнула, но я успел отодвинуться. А вот моему соседу повезло меньше. С силой ударившись головой он выругался; я почувствовал, что уши у меня заалели.

На следующий день я узнал, что Дженни в больнице. Её сбила машина, когда все расходились после представления. Боже, ну почему я тогда убежал, если бы я остался, мы наверняка задержались бы, или, наоборот, быстрее собрали бы её куклол, но она ни в коем случае не попала бы в аварию!

Это просто чёрная полоса. Мама сказала, что ничего страшного, Дженни придёт в себя очень быстро, мы снова будем дружить. Чёрная полоса... Как бы мне хотелось, чтобы всё это действительно оказалось чёрной полосой, страшным сном, который растает с наступлением утра.

Автомобиль остановился, открылась дверь. Мы начали выходить наружу. Зазвенели цепи, сковывающие руки и ноги. Всю дорогу я молча смотрел в пол, сухо отвечая на задаваемые вопросы. Наконец, мне выдали робу, одеяло, комплект постельного белья, предметы личной гигиены и рулон туалетной бумаги – весь мой скарб на ближайшие несколько лет. Охранник провёл меня в камеру. Хорошо, что я буду сидеть в одиночке. Видеть сейчас не хотелось никого. Мужчина захлопнул за мной тяжёлую дверь; я поднял глаза и замер.

Камера была небольшой. Серые стены, небольшое окошко под потолком и большая двухэтажная кровать. На втором этаже сидел парень, вытянувшись так, чтобы ухватиться рукой за подоконник. Заметив меня, он замер в своей, явно неудобной, позе; из приоткрытого рта шёл дым, в свободной руке незнакомец держал сигарету. Насколько секунд мы с непониманием смотрели друг на друга, после чего он отвернулся, выпустил дым в окно, потушил бычок о стену и, оттолкнувшись, сел на пятки. Я продолжил смотреть на него. «Что? Тут... Тут какая-то ошибка! Я же... Я же должен быть один!» Я повернулся к двери.

– Если тебя должны были отправить в одиночку – не парься. Они сейчас переполнены. Пару недель посидишь со мной.

Я обернулся. Парень сидел в изножье кровати и, свесившись вниз, смотрел на меня своими зелёными глазами. Лицо у него было худое и несколько надменное, короткие рыжеватые волосы спереди торчали хохлом.

– Колин. Колин О’Брайен. – Он протянул руку. Я не ответил. – Ты немой? Впрочем, так даже лучше.

Парень улыбнулся широкой, неприятной улыбкой. Я мотнул головой и пожал его узкую ладонь.

– Джон. Джон Фолл.

Улыбка смягчилась, но менее неприятной от этого не стала. Я кинул вещи на кровать и сел рядом. Колин наверху зашуршал страницами книги, не выказывая желания к дальнейшему разговору. Это даже к лучшему. Домом называть это место не было никакого желания, но выбора не было. Либо здесь, либо нигде.

Комментарий к Прологу. Фелтхем

Фелтхем – тюрьма для подростков мужского пола, расположенная близ города Фелтем в лондонском округе Хоунслоу в юго-западном Лондоне.

Глава I. Колин

Жизнь в тюрьме больше напоминала закрытый пансионат с очень строгим режимом. Подъём, завтрак, школа, обед, школа, прогулка, уроки, отбой. По выходным нас водили в церковь. Все не христиане оставались в своих камерах. Никогда не был сильно религиозным человеком, но церковь успокаивала. Молитвы, запах ладана, витражи с изображениями святых. Воскресенье стало моим любимым днём. В основном ещё и потому, что я почти не встречался с Колином.

Я провёл здесь уже почти два месяца, и всё ещё сидел вместе с ним. Порой мне казалось, что так даже лучше. Постоянное присутствие рядом живого человека не давало сойти с ума, хоть наше общение и сводилось к дежурным «Доброе утро» и «Спокойной ночи». Парень пугал меня. Он был странным, задумчивым, нелюдимым. В столовой всегда садился в самом дальнем углу, в школе – за последней партой. На уроках его не спрашивали, казалось, он даже не слушал учителя, витая где-то в облаках и умудряясь при этом писать все работы на отлично. В церковь он не ходил, а в мастерских мы работали в разных залах.

Впрочем, порой мне казалось, что мы похожи. Я здесь – Маленький Джонни, Немой Джонни. Я правда почти не говорю, и я самый младший из всех. Страшный маленький мальчик, меня так боялся. Во взглядах читается одинаковая мысль «Какой кошмар, он убил всю семью!» Меня отправили бы в лечебницу, но судебный врач сказал, что я здоров. Меня можно было назвать самым одиноким заключённым здесь, ведь даже у О’Брайена была компания – книги.

Первый месяц я был подавлен. Ходил, всегда опустив голову, почти не реагировал на внешние раздражители. Будь моя воля, я бы безвылазно сидел в камере, но такой возможности, к сожалению, не было. Больше всего мне не нравились прогулки. Гуляли мы в не очень большом дворе. Лавочки, пара баскетбольных колец. Я был одним из немногих, кто просто бессмысленно шатался вдоль ограды.

Тот день запомнился мне надолго. Было пасмурно, как обычно бывает в Британии, в мае. Прогулка уже подходила к концу. Я делал очередной круг, осторожно обходя играющих в баскетбол парней, полностью погружённый в свои мысли, как внезапно во что-то врезался. Вернее, в кого-то.

– Какого?..

Я почувствовал, как сердце ухает вниз. Глубоко вздохнул, выравнивая сбившееся дыхание, и поднял голову. Большой Дэн был старше, на голову выше и почти в два раза шире меня в плечах. Столкнуться с ним даже случайно было невообразимо опасно, а я, кажется, ему ещё и ногу отдал.

– Ты чё, совсем обалдел?

Я открыл рот, но слова застряли в горле. Парень нависал надо мной, словно огромная скала. Он размажет меня по стенке, а Кэт придёт лишь кулон, что она подарила ещё очень давно.

– Я тя спрашиваю, ты совсем попутал?

Я отступил на шаг. Убегать с позором не хотелось, но и умирать смертью храбрых тоже не было никакого желания.

– Эй!

Дэн поднял голову, я обернулся. К нам быстрым шагом направлялся Колин. Глаза его метали молнии, и без того всклокочённые волосы топорщились ещё сильнее.

– Чего тебе надо, ирландишко?

Мой неожиданный спаситель отпихнул меня в сторону, оставив в руках книгу.

– Не трогай его!

Верзила неприятно ухмыльнулся.

– О, наш мистер Вы-Все-Говно-Я-Вас-Ненавижу нашёл себе подружку?

Парни, стоявшие за ним, загоготали. «Подружку? Меня?»

– Тебя это мучает?

Дэн склонился так, что их лица оказались на одном уровне: Колин был даже немного ниже меня.

– Конечно, – ласково протянул он. – Я ведь забочусь о тебе. Мне кажется, в тебе проснулся материнский инстинкт. Твои родители ведь тебя бросили, и теперь ты хочешь наверстать упущенное.

Я не успел понять, что произошло. Вот противники стоят рядом, а вот О’Брайен хватает Дэна за волосы и изо всех сил бьёт головой о стену. Парень закричал. Колин оттянул его голову назад; у верзилы были разбиты нос и бровь.

– Ещё раз ты вспомнишь, кем были мои родители, и я порежу тебя на ваш британский флаг. Ты понял меня? – Голос его больше походил на рычание. Тот не ответил. Тогда парень ещё раз впечатал его лицо в стену. – Я спрашиваю, ты понял меня?

– Да, – проскулил Дэн.

О’Брайен отпустил его. К нам спешили охранники. Парень послушно завёл руки за спину и пошёл вслед за ними. Я проводил его взглядом и

посмотрел на книгу, которую держал в руках. Чарльз Дарвин, «Происхождение видов».

Колин сидел в карцере почти два месяца, и за это время я познал всю прелесть одиночества. За всё это время я не произнёс ни единого слова, ни на кого не посмотрел и вообще всячески старался изображать мебель. Во дворе меня стали обходить стороной, учителя на уроках не спрашивали. Поэтому, проснувшись однажды утром и увидев свесившуюся со второго этажа кровати руку, я несказанно обрадовался. Я встал и посмотрел на соседа. Тот спал, приоткрыв рот и тихонько посвистывая.

– Колин, – я потряс его за плечо. – Колин.

– Чего? – Он приоткрыл один глаз, но, увидев меня, тут же закрыл и перевернулся на другой бок.

– Вставай, сейчас охранник придёт.

– Да пошёл он в жопу.

Я вздохнул и махнул рукой. Пусть сами разбираются. Колин встал, а, вернее, сполз, буквально за минуту до прихода охраны.

За день парень основательно выспался на уроках и на прогулку вышел с очередной книгой. Я сел рядом с ним. Я начал читать книгу, которую он мне дал, но мало что понял. Мне всегда казалось, что биология – немного не моё. Поначалу О’Брайен не обращал на меня внимания, но потом всё-таки нарушил тишину.

– Ты понял урок?

Урок? Какой урок? Наверяд ли Колин говорил о школе. Я опустил глаза и начал разглядывать животных, изображённых на обложке. Парень терпеливо ждал, лениво скользя взглядом по строчкам.

– Что... – несмело предположил я, – Что выживают только сильнейшие?

– Верно, – губы О’Брайена растянулись в широкой улыбке. Меня передёрнуло. – Без борьбы не было бы естественного отбора. Без естественного отбора не было бы эволюции. Без эволюции не было бы людей, и мы бы сейчас здесь не беседовали. – Он повернулся ко мне. – Кстати, а где Дэн?

– Его отвезли в больницу. Говорят, сильное сотрясение.

– Было бы чему сотрясаться, – Колин цокнул языком. – Ну?

– Что «ну»?

– Где благодарность за спасение? Если бы не я, сейчас в больнице лежал бы ты. И явно с чем-нибудь посерьёзнее, чем сотрясение мозга.

Говоря это, он продолжал улыбаться. Я подумал, что сам Сатана улыбался бы милее. Но парень был прав: он вступился за меня, два месяца отсидел в карцере, где ему, по всей видимости, не давали спать, а я его так и не поблагодарил.

– Спасибо.

Получилось слишком сухо, но О’Брайену, кажется, этого хватило. Он снова углубился в книгу, не высказывая желания к продолжению разговора.

Вечером, уже после отбоя, Колин слез с кровати и толкнул меня. Я повернул к нему заспанное лицо. Парень жестом приказал подняться и, отодвинув мой матрас, вытащил из-под него пачку сигарет и зажигалку. Потом подошёл к двери и прислушался. Я с недоумением наблюдал за ним. Убедившись, что всё тихо, Колин залез на унитаз и, прикурив, выпустил дым в вентиляцию.

– Мне влетело ещё и за сигареты, – объяснил он. – Ненавижу свой рост.

Действительно, до вентиляции парень сильно недотягивал. Я впервые обратил внимание на его фигуру. Худой, даже костлявый, с выступающими рёбрами. Непонятно, как такой тщедушный парень смог сильно покалечить того верзилу. О’Брайен заметил мой взгляд и улыбнулся. В полумраке это выглядело ещё более жутко.

– Не пялся на меня так, я могу что-нибудь неправильно понять.

Я смутился. Колин тихо рассмеялся и затаился.

– Скажи, а зачем ты вступился за меня тогда?

Он недоумённо посмотрел на меня. Выпустил струйку дыма и рукой отогнал её в сторону вентиляции.

– Этого недомерка давно нужно было поставить на место, а тут ты так удачно в него вписался.

Он сказал это скучающим тоном, но губы всё равно растянулись в самодовольной улыбке. О’Брайен облокотился о стену и скрестил руки на груди. Я откинулся на подушку. Сегодня наш математик не на шутку разбушевался. Досталось всем, а мне – особенно. Видимо, он решил, что я здорово отдохнул за эти два месяца.

Колин докурил, выкинул бычок в унитаз и уселся на мою кровать. Я хмуро посмотрел в его прищуренные глаза и отвернулся к стене.

– Давай завтра поговорим. У нас завтра тест, ты в курсе?

– Конечно, в курсе. Эта скотина опять даст что-нибудь совершенно нерешаемое. Уверен, в этом году экзамен будет хуже, чем в прошлом. Этот... – от его следующей фразы у меня уши в трубочку свернулись, – с каждым годом становится всё хуже. Я завидую тому патологоанатому, чьим пациентом он окажется.

Я подумал что, будь Колин тем самым патологоанатомом, он бы вернулся обратно в тюрьму.

– Тогда тем более, нужно выспаться. Спокойной ночи.

– Спокойной.

Тест и правда, был очень сложным. Эти два месяца я почти не слушал учителей и теперь сильно об этом жалел. Колин, напротив был совершенно спокоен и, быстрее всех написав работу, ещё минут десять сидел, пялясь в окно.

Обед показался мне ещё более отвратным, чем обычно. Яковырялся пластиковой вилкой в не менее пластиковых макаронах, хмуро глядя на с аппетитом поглощающего еду О’Брайена. Он не выглядел уставшим. Напротив, казалось, парень был полон сил. Мне же хотелось прийти в камеру, залезть под одеяло и спать как можно больше.

– Это было проще, чем я думал. И обед сегодня вкусный.

Мне захотелось его ударить. Колин поднял голову и издевательски ухмыльнулся.

– Я всю жизнь таким питаюсь, мне не привыкать.

– В смысле? – не понял я. – Как всю жизнь?

– Не порти мне аппетит, – хмуро отозвался он. – Вернёмся в камеру, и я в полной мере удовлетворю твоё любопытство.

Однако на вопросы мои он ответил лишь после отбоя, снова курая под вентиляцией. Было видно, что парень рассказывал с явной неохотой, то и дело останавливаясь и бросая на меня недовольные взгляды.

– Я рос в приюте с двух лет. Мать бросила меня просто потому, что я ей мешал. Она была на суде. Кто был отцом, она не в курсе. Наверно, такой же алкоголик. Приют был адом. Мне кажется, я в любом случае попал бы в тюрьму. Только на этот раз – за поджог. Мне нравилась только одна женщина, которая помогала мне бороться с кошмарами.

Я опустил глаза. У О’Брайена была не самая завидная судьба. Сбежать из приюта и попасть в тюрьму.

– А здесь ты за что?

– За изнасилование, – буркнул он. – Господи, каким же она была крокодилом. Ни у одного нормального человека на такую бы ни в жизнь не встал.

– Так чего ты?.. – изумился я.

– В принципе, так я на суде и сказал. А её отец – какая-то влиятельная шишка. Вот мне и накинули такой срок, что предаваться плотским утехам я теперь буду только в тюрьме. Да и то, я до сих пор надеюсь не стать чьей-нибудь подстилкой.

Я нахмурил брови. Осознание смысла его слов приходило очень медленно.

– То есть, ты здесь потому...

– Да, что трахнул не её, а её красавицу-подружку. – Он вздохнул и кинул бычок в унитаз. – А ты здесь за что?

– За то, что убил свою семью.

Парень замер и недоумённо поднял брови. А затем громко расхохотался. Я почувствовал, как на затылке волосы встали дыбом. Смеялся он громко и очень долго. Я даже немного обиделся.

– Хе-хе-хе... То есть ты хочешь сказать, что ты. – Я кивнул. – Джон Фолл.
– Кивнул ещё раз. – Кого-то убил?

– Да.

Колин расхохотался ещё громче. Я подумал, что сейчас сюда точно придут охранники. Но нет, ночного нарушителя спокойствия усмирить, кажется, никто не собирался. Отсмеявшись и всё ещё вытирая слезы, парень сел на мою кровать.

– Кхе-кхе... Ты? Ты? Ха-ха-ха! Каких же идиотов носит наша земля! Именно из-за таких нация и вырождается. Он провёл руками по лицу и ещё раз кашлянул. – Каким, интересно, образом они поняли, что это был ты?

– Я держал в руках пистолет того же калибра, каким застрелили родителей и брата и пытался стрелять в вошедшего полицейского.

– И всё? Нельзя недооценивать предсказуемость тупизны. А кем были твои родители?

– Папа работал в издательстве. Мама актриса. Кэт Фолл. Работала под псевдонимом Кэтлин Байрон.

Лицо О’Брайена стало серьёзным, глаза округлились.

– Кэтлин Байрон? Этот мир лишился потрясающего человека. – Он взял меня за руку. – Я восхищаюсь твоей матерью. Искренне соболезную утрате, – в его голосе не было лжи и притворства.

– Спасибо. Но Кэт ещё жива, а вот отец с братом...

В горле появился мокрый ком. Я сжал зубы. Колин вздохнул, напоследок сжал мои пальцы и влез вверх. Я лёг, стараясь отогнать печальные мысли. «Я ведь даже не присутствовал на их похоронах».

О’Брайен ещё немного покрутился и затих. Я поднял глаза на его часть кровати. А ведь мы и правда похожи. Оба лишились семьи; попали в тюрьму в одном возрасте, правда, с разницей в полтора года, за преступления, которых не совершали; и нас одинаково боятся. Мне лишь осталось стать сильнее.

«Я стану, Кэт. Стану ради тебя».

Николай КРЯЧКОВ

Осенний бульвар с лиственницами

Вот мы и перезимовали осень, и ноябрь взял своё. Обильный ночной дождь растворил почти все остатки бывшего снега. Сон никак не приходил. Шум дождя за окном был, как рельефный фон плоских и одноцветных мыслей не о чём. Было немного душновато, но к утру это прошло и что-то даже приснилось, когда вялый сероватый рассвет уже давал о себе знать сквозь портьеры. Пробуждение было на редкость лёгким и как обычно запоздалым – прямо к завтраку, который уже был почти готов. Что там за окном? Ни души. Петербург в выходные никуда не спешит, а местами изумрудная влажно-примятая трава газонов напоминает о весне, которая, видимо, закономерно должна последовать за внезапной и скоротечной зимой этого ноября. Но не следует...

Стемнело по-осеннему быстро. День пробежал свой скоротечный круг в какой-то незапоминающейся суете. Как сон. Может поэтому в последние дни не спится? Но что же там на дворе? Темнота, подсвеченная тёплым светом уличных фонарей. Густой влажный воздух манил на бульвар. Там должно быть посуше, ведь его центральная часть с широкой гаревой аллеей для пешеходов была выше обрамляющего его мокрого асфальта. Как красивы были лиственницы вдоль аллеи во время снегопада! Но снег смыл дождь. Удлиненные хвоинки лиственниц тускло светились цветом состаренного золота. Их было ещё много на ветках старых уже деревьев, но особенно много на газонах бульвара. Газоны были густо усыпаны этими золотыми иголочками так, что напоминали какую-то волшебную ряску на поверхности воды, будто аллея предназначалась для прогулок по фарватеру реки, которая никуда не текла, но имела определённую протяжённость. Протяжённость, определённую тем садовником, кто спроектировал этот бульвар и посадил лиственницы.

Как же пройти на аллею, ведь надо было ступить на этот золотой покров с лёгкими застывшими волнами? А вдруг под ним глубина, бездна, а золото лишь необычная приманка пешеходу, засмотревшемуся на природные таинства?

Тёплый свет уличных фонарей продолжал подсвечивать темноту. Глубина, если она и была, выдержала и никак себя не проявила. Дело, наверное, в перспективе. Золотистый бульвар с лиственницами упирался в обратную перспективу зимы. Она неминуемо надвигалась из темноты соприкосновения с ней бульварной дали всей своей седой массой, которая, посветлев,

возвышалась над теплом фонарного света и утопала в чёрной бездне мокрого асфальта. Зима побывала в своём будущем и теперь готовилась в нём обосноваться. Мы будущее перезимовали. Перезимуем и настоящее.

Призрачное собрание

...для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок... ну, лет, скажем, в тысячу...

Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита»

Пролог

Философ и ангел встали с приставных кресел Оперного зала и, не спеша, направились к выходу. На площади Искусств было свежо.

– Как Вам Елена Васильевна в образе? – спросил, не глядя на философа, ангел.

– Да, госпожа Образцова великолепна. Я, собственно, из-за неё и принял Ваше приглашение на «Пиковую даму». Думал когда её ещё увижу вот так на сцене. Если увижу ... – не поворачиваясь к ангелу ответил философ.

Зрители расходились, не обращая на них никакого внимания. Философ стал разглядывать проходящих мимо людей и вдруг, как будто сделав открытие, повернувшись, хотел было задать ангелу вопрос ... Но что-то удержало его.

– Хотите узнать почему мы с Вами как не существуем для окружающих? – продолжил свою задумчивую речь ангел.

– Да, признаться, именно это я и хотел Вас спросить.

– Мы для них невидимы...

– Как?.. – пристально посмотрел на ангела философ.

– Да так. Нас нет. Точнее, мы сейчас представляем собой наш материализованный дух – эдакое пограничное состояние между миром видимым и невидимым. Как те приставные кресла, на одном из которых, надеюсь, Вы комфортно наслаждались оперой. Я то уж точно, – улыбнулся ангел.

– Мест ведь на спектакль не было, но для нас они были, – продолжил он теперь уже внимательно смотря на философа.

– Не было, но были... – протянул философ, – а как Вам это удалось добыть то, чего нет, по крайней мере, для остальных?

– Я позвонил рыцарям плаща и кинжала. Нет, теперь уже не кинжала, а скорее гроссбуха... Да, да, не удивляйтесь, мой друг, – опять устремил свой взор в неведомую точку ангел, – они всё и устроили. И по сходной цене, надо сказать.

– Понимаете, – продолжил он, – считая, что им принадлежат слабости, следовательно, души, помыслы и судьбы людей, многие из них давно в этом перешли черту. И знаете, что их удерживает от провала?

– От провала?... – оторопел философ, не понимая о каком детективе идёт речь.

– Да, от провала в преисподнюю, – заметно посерьёзневшим голосом уточнил ангел. И продолжил:

– Вышколенность и, в ряде случаев, наличие манер. Хотя бы как маска. Поэтому когда я позвонил, представился и отрекомендовался от одной общеизвестной души это не вызвало удивления. Они наивно полагают, что и с миром духов можно вот так запросто... Но в ряде случаев, как видите, это заблуждение помогает.

Философ понимающе улыбнулся. Перед Оперным залом почти никого уже не было. Подъезжавшие машины забирали оставшихся на площади припозднившихся театралов.

– Но пьеса это не главное, – продолжил ангел.

– У Вас, судя по всему, далеко идущие планы, – подхватил его мысль философ.

– Да. В этом городе, где, как изрёк поэт, я шпилем пронзил ненастье начали, происходить любопытные события. Институализируется дискуссионная мысль в разного рода клубах и прочих приватных и публичных сборищах. Мысль, связывающая провалы времени, это весьма примечательно! Вот я и подумал, наблюдая за Вами, что Вам как философу, свято соблюдающему золотое правило здешних мест «больше трёх не собираться», было бы полезно участвовать в учреждённом нами с Павлом Петровичем очень приватном Призрачном собрании. Как Вы на это смотрите? – деловым, но располагающим голосом спросил ангел.

– Вы говорите о Павле I, призрак которого до сих пор держит в напряжении хранителей Музея русского искусства? – заметил философ, сию минуту представив себе последствия этого начинания.

– Да, о нём. И нет никакого напряжения на самом деле. Это всё осталось у уважаемого Александра Сергеевича в повести. «Добро и зло – одни мечты!». Петрович ... Павел Петрович милейший дух с живым умом, чувством юмора и полным отсутствием этого пресловутого умонастроения «я из Германии прибыть». К тому же, есть две весьма существенные причины его гостеприимства, – интригующе лилась речь ангела.

– И какие же? – поддался этому настроению философ, которому сразу полегчало.

– Одна – это то, что Ваши философские изыскания запредельны. Нет, не для Петербурга вообще. Для него как раз уместны. Один Ваш архитектур-

но-космический символизм чего стоит! Но, согласитесь, для местного культурного ландшафта, вернее для его нынешних остатков это запредельно, — уговаривал ангел.

— Что верно, то верно, — потупил взор философ, — я неоднократно и безуспешно пробовал поднять эти вопросы... лучше от этого не стало, возможно даже хуже...

— Вот видите! — воодушевлял его ангел.

— Другая причина это само место, любезно предоставленное Павлом Петровичем для Призрачного собрания — Михайловский замок — стилистически ассиметричный четырёхугольник с восьмиугольным небесным всевоскресающим куполом, воздвигнутым символизировать связь мира видимого с невидимым, Земли и Неба, который снаружи скрыт четвероликостью фасадов этого, в полном смысле слова, чудесного строения. Василий Иванович... Баженов и Викентий Францевич... Бренна среди прочих постарались, — доброжелательно продолжил ангел.

— Поэтому я и предлагаю Вам прямо сейчас отправиться туда. Благо нам надо лишь миновать Этнографический музей, пересечь Садовую и свернуть налево между классическими кордегардиями на Инженерной улице. Пойдёмте? — чуть наклонив голову к собеседнику тихо, но отчётливо пригласил философа ангел.

— Да, пожалуй Вы правы. Ваше предложение весьма... весьма завораживающее своей актуальностью. Собрание так собрание. Пусть и призрачное. Жила бы мысль! — смело и легко ответил философ.

— Вот и замечательно. А если чей-то дух нам для дискуссии понадобится, то я вызову. Вы не сомневайтесь, — добавил ангел.

— Я и не сомневаюсь, — весёлым тоном вторил ангелу философ под впечатлением обуявшей его радости.

И они пошли, о чём-то уже совсем дружески и беззаботно беседуя на ходу. Ни одна душа не встретилась на их ночном пути...

1. А был ли чёрт?

Ангел и философ подошли к арке Михайловского замка. Дух Павла Петровича отделился от памятника ему во дворе и, слегка позвякивая шпорами, направился им навстречу.

— Да он совсем не похож на ту уничижительную фигуру памятника, от которого он отделился, — высказал своё наблюдение философ.

— Я же Вам про то и говорил, — удовлетворённо заметил ангел, делая шаг навстречу Павлу Петровичу.

Церемония взаимного приветствия прошла быстро и по-деловому. Собеседники дружно поднялись по парадной лестнице замка. Спокойные тона мраморных стен, сопровождавшие это восхождение, и проходные залы, в которые они вышли, настраивали на беседу.

– Что ж, господа, рад, что наше предприятие наконец-то обрело своё начало. Мы собрались. Осталось определиться с темой нашей сегодняшней встречи, – на правах хозяина по-военному изрёк Павел Петрович.

– Мы наверное должны определиться методологически..., – робко начал было философ.

– Да, действительно, – подхватил эту мысль ангел, – пусть это и звучит научно, но языки конечно у нас могут быть разные, разные имена явлений, но коль скоро синтез должен превалировать над анализом, иначе связь времён не восстановить, позвольте мне пригласить дух учителя, с которым мы познакомились не так давно, и он рассказал мне прелюбопытную историю. Сама по себе она мне понятна, но вот как это происходило и выводы... Это, на мой взгляд, любопытно именно методологически. Может задать тон нашим следующим встречам.

Дух учителя, сухощавого, слегка сутуловатого пожилого мужчины с аскетичным лицом и ростом чуть выше среднего, появился сразу же. Они поздоровались, и он рассказал собравшимся следующую историю.

В те годы, когда признаки его мудрости никак не проявлялись в том смысле, что атрибутов величия не просматривалось никаких, он мучительно думал восстановит ли его ученик веру в свои силы, будет ли достаточно смел, дерзок даже и не даст былой травме сковать его волю. Легко сказать «не бойся». Лозунги и понукания вряд ли подмога, а вот какие слова внутри, в процессе действия? Есть ли там место диалогу? Но ведь сам в карман не влезешь и не можешь подсказывать в каждый момент действия. А действием было спортивное упражнение, последняя треть которого весьма тяжела. Поэтому учитель попросил ученика запоминать всё происходящее и потом рассказать подробно. Ученик и рассказал, что как только был пройден рубеж последней трети упражнения, появился чёртик. Ученик сам назвал это имя. Чёрт предательски подзуживал: «Сбавь темп, сбавь, сбавь, будет легче...». Но ученического ума хватило не вступать в диалог с чёртом, тем более сбавлять. Он лишь отметил в своём сознании это явление и честно рассказал учителю. Время выполнения упражнения было зафиксировано. Учитель задумался... Он даже не стал обсуждать правильно ли дано имя явлению, чёрт ли это, галлюцинация или реакция тела. Необходимо было найти решение. Инженерный ум учителя перебирал варианты. Перебрав некое их количество, он предложил ученику отдохнуть, а потом

снова выполнить упражнение в полную силу с тем лишь отличием, что чуть загодя до начала последней трети упражнения плавно ускорить темп и всё внимание обратить на это, а не на чёрта и его увещевания. Ученик в точности это исполнил и... свершилось чудо – время оказалось значительно лучше! А ведь это была вторая попытка, но усталость никак себя во времени не проявила. Улыбка растягивала лицо ученика. Учитель понял, что получилось и с высоким результатом. Травме почти нет места в сознании ученика.

– Вы хотите сказать, что чёрт занимал время и этим доказывается его бытие? – спросил философ.

– Я не знаю, – несколько грубовато отмахнулся учитель.

– То-то и оно, – многозначительно оглядел всех присутствовавших ангел.

– Но тогда, получается, мы должны возблагодарить Небо за ниспослание мудрости учителю, научившему ученика не только не вступать в диалог с чёртом и не поддаваться на его лживые посулы облегчения, но и загодя ускорить шаг, предчувствуя момент его появления!? Переиграть, обойти, так сказать, пройдоху! – воскликнул Павел Петрович.

– Именно, – сдерживая улыбку и потупя взор, скромно и тихо подтвердил ангел.

– Нашему бы царству таких людей. Это же полководец! – добавил Павел Петрович.

– Что ж, Вы теперь знакомы, – задумчиво произнёс Ангел. Его взгляд встретился со взглядом Павла Петровича и они помолчали. Возможно, в их мыслях была какая-то согласованность...

Единственно в чём сомневался ангел это в совместимости характеров Павла Петровича и учителя. Автономность личности, выражающаяся в неподчинении соблазну, о которой также думал шедший с ним к выходу философ, не так просто поддаётся управлению. Даже небесному.

Свежесть утренней зари побудила их ускорить шаг. Новый день принимал вахту в просвете между кордегардиями на Инженерной.

2. Остановка времени

Небесные трели, протяжно раздававшиеся из телефона философа, приводили его в движение. Казалось телефон вот-вот спрыгнет со стола и побежит искать хозяина, так долго не реагирующего на звонок.

– Да, слушаю, – запыхавшимся голосом проговорил в трубку философ.

– Здравствуйте, мой друг! – поприветствовал его ангел, – хотел Вас предупредить, что нам придётся перенести наше очередное собрание. В этот раз оно не состоится.

– Что-нибудь случилось?

– Даже не знаю, как Вам это объяснить, – задумчиво произнёс ангел, – у Вас, у людей в подобных случаях ссылаются на болезнь или нечто подобное.

– Тем не менее?..

– В общем, у иных перья летят... Сложные времена в нашей вечности, но это временно, как ни странно это может звучать, – всё же ответил ангел.

– Да, Ваш небесный абсолюте, спроецированный на нашу историю, конечную в определённом смысле, непосилен моему разуму... – начал было рассуждать философ, но, вспомнив что-то, перешёл на другую тему, – хотел у Вас, кстати, спросить ...

– Да, пожалуйста, – с вниманием произнёс ангел.

– Не так давно, будучи в Москве в местах литературно насыщенных, поднялся я к храму Христа Спасителя, чтобы посмотреть оттуда на Кремль, увидеть сияние его звёзд... И вдруг... Не поверите... – у философа от волнения слегка перехватило дыхание.

– Отчего же? Продолжайте, пожалуйста, – голос ангела прозвучал как поддержка.

– Это было удивительно, но почувствовал, что что-то случилось со временем и, возвращаясь мимо храма по направлению к Гоголевскому бульвару и метро Кропоткинская, взглянул на часы.

– И что же Вы обнаружили?

– Секундная стрелка стояла! Более того, ощущение остановки времени было невероятно явным настолько, что я даже испугался. Мне ведь ещё на поезд надо было не опоздать, несмотря на прямой путь в метро без пересадок. Но даже не это пугало, а то, что время остановилось, а сверхчувствительность включилась! Как сигнал, как помощь... Понимаете?

– Сколько времени стояли часы?

– Да, да, я проверил по телефонным часам. Сразу же. Минут двадцать с небольшим, не более.

– Все эти двадцать минут Вы находились у храма?

– Наверное. Да, примерно это время и находился. Может чуть больше, – вспоминал философ.

– Н-да ... – задумчиво произнёс ангел и спросил, – почему именно к Кремлю Вы устремили взор?

– Даже не знаю... Туда устремлена перспектива... В художественном смысле. В какой-то мере и в родственном со времён постройки его стен. Фамилия Альберти что-нибудь Вам говорит?

– Да, конечно.

– И такое впечатление, что эта перспектива затягивает. Причём постоянно. Или, как, наверное, следует теперь понимать, безвременно. Как в водоворот. А не развернётся ли когда-нибудь эта воронка вспять и не затопит ли всё вокруг? Я не мог удержаться, чтобы не взглянуть туда и... механический прибор точного учёта времени словно не выдержал...

– Следующий раз внимательнее следите за регулярностью завода Ваших часов, – несколько прохладно и с ноткой назидательности заметил ангел, видимо, не желая продолжать этот разговор, – до встречи!

– Да, да, именно так и случилось – закончился завод, а я то было подумал... Но ведь чувство то было! До встречи...

Философ положил на стол замолчавший телефон и некоторое время оставался в такой позе.

Владимир КУДРЯВЦЕВ

Под визг и хохот

Утро народилось неожиданно, без подготовки, болезненно брызнув светом. Деревья, не успев стряхнуть остатки сна, конфузливо зашелестели чахлыми листьями.

Травы, наспех ополоснувшись мутноватой росой, рабски согнулись в пояс, выставляя на обозрение измочаленные рубцами спины.

Солнце, скривившись, точно от зубной боли, едва сдерживаясь, чтоб не взорваться, вымазало Перестройку желтушно-чахоточной краской, сквозь которую серовато-пепельными гнойниками поступали куски изъеденного кислотами асфальта, комы истерзанной, разлагающейся земли.

Липкий ветер потащил своё рахитичное тело на запад – в надежде на лучшую жизнь.

Пробуждались – в надежде на лучшую жизнь – и жители дачного посёлка.

Мужики, надсадно кашляя, на тонких, заросших колючим волосом ногах, убегающих под застиранный ситец трусов, покидали надоевшие за ночь избы и тут же, с крыльца, шумели желтоватыми струями.

Бабы, растрёпанные, как знамёна, сменяли мужиков, но, в отличие от них, успевали добегать до щелястых дощатых туалетов, придерживая груди неухоженными руками и размётывая синевато-белыми коленками полы выцветших халатов.

Избы, тёмные, с торчащей там и сям полусопревшей паклей, подслеповато шурились немывыми, в прожилках, зрачками окон, пугали пронзительно-мертвящим шифером крыш.

Надо всем этим лился какой-то опустошающий поток безысходности, никчемности, зряшности жизни.

...Истошно завизжала электричка. И, как бы в ответ, заиграло долго молчавшее радио. Бодрый марш всполюшил жадно коловшую лошадиные орехи стайку пичуг, и они, незлобиво переругиваясь, рассыпались над привокзальной площадью.

По этой же площади, вцепившись в штаны, летел, приволакивая ногу, мужик. Тараща красные фонари глаз, впиваясь иглами недельной щетины в пространство, он прорывался к поезду, разбрасывая встречный заплот дачников.

Ему оставалось каких-нибудь три прыжка, как от чьего-то толчка в спину он рухнул в самом начале платформы, пройдя юзом несколько метров по её заплёванному, обхарканному шлаками человеческих организмов брюху; рухнул, теряя часть крови, пуговиц, штанов, вбуровливаясь теменем в выкрашенную зелёной краской фанерную урну, прикованную к железобетонному осветительному столбу стальной, в графитной смазке, скруткой.

Электричка, уже стиснувшая изношенные челюсти вагонов, хлётко свистнула. В дверной проём кабины выщелкнулся молодой машинист и, багровея физиономией, захлебнулся приступом смеха.

Из разбитых окон вагонов выдавились, точно крем из тубиков, лохматые, лысые, заросшие, молодые, старые головы, фасады которых разноцветились любопытством глаз, ужасали леденящими провалами перекошенных хохотом ртов.

Мужчины, женщины, дети в каком-то объединяющем в одно целое порыве хохотали, сотрясая рессоры вагонов, хохотали до более в животах, до колик.

В таком порыве объединяет только атака, от успеха которой решается – быть или не быть тебе живым, жить или не жить до следующего броска; так хохотать могут только обречённые на жестокость, насилие, только познавшие, что жизнь, – как и смерть – ничтожна, жалка, бессмысленна.

Мужчины, женщины, дети хохотали – как только могут хохотать в России.

...Машинист, отсмеявшись, постоял, растворяя багрянец физиономии, глянул в зеркало и, убедившись, что лицо его приняло надлежащий вид, вышагнул на платформу. Но вдруг вернулся в кабину, дал два коротких гудка, затем ещё один – длинный.

Электричка нехотя тронулась. Через минуту зелёная морда кабины с красными полосами на щеках скрылась за обшарпанным пакгаузом, оставляя на опустевшей платформе сучившего ногами мужика.

Он лежал, утопив голову в урне. Его штаны, сползшие при падении, обнажили, узкий, точно куриный, зад, на левой ягодице которого под желтоватой кожей билась синеватая жилка.

Правая ягодица, изорванная осколком, жутко уродливо смотрела в небо, спешащее занавестись грязными лохмотьями облаков.

Появились школьники. Хихикая, тыча пальцами, сгрудились неподалёку от лежащего. Их поведение (шарнирно скользящие по туловищу руки, ходульно дёргающиеся ноги) да и сами туловища, нескладно скроенные, заявляли о том, что делали их наспех, без чувств и любви.

Громокая сношенными сапогами, по платформе под водительством старшего прапорщика прошагал взвод. Увидев мужика, солдаты нарушили линию строя, закурили, брезгливо заплёвывали сквозь зубы в сторону упавшего.

Старший же прапорщик, породисто поведив мясистым носом, раскорячился, спрыгнул с платформы, побежал, высоко закидывая ноги, к зазывно подмигивающему из-под плеча старенького вокзала пивному ларьку.

Проскочив через густую, точно сапожный крем, очередь, старший прапорщик пхнул продавцу надорванный, с подтёками, рубль, просипев «две» и для убедительности показав два пальца с обкусанными ногтями.

Ущувив надвигающую опасность, он резко, будто от удара, обернулся, придурковато осклабился: «Товарищи, я на службе, мне некагда».

Ошеломлённая очередь не успела выругаться, как военспец, подхватив выданные продавцом осклизлые кружки, отскочил в сторону, сдувая на сапоги отдающую стиральным порошком пену.

Вмиг вылакав первую кружку, он с наслаждением, по-кошачьи зажмурившись, делая маленькие глотки, приступил ко второй, и тут из очереди решительно высверлился плюгавенький – с китайский термосок – мужичонка в коричневой лыжной шапочке с желтеющей надписью «перестройка», в зеленоватой, сопревшей под мышками футболке с кровенеющим на уровне пупка требованием «Долой КГБ» и в синих, вспученных на коленях шароварах.

Подпрыгнув, мужичонка шаркнул растопыренной пролетарской пятернёй по кружке, которую было уже поднёс старший прапорщик к своим, словно вымазанным тушёнкой, губам.

Прессованное стекло, охнув, рубчатым ребром врезалось в надолбы зубов, выдавливая из дёсен сукровицу. Пиво, всплеснув весёлой волной, залило, распространяя запах кислятины, внешний вид старшего прапорщика.

Очередь, угрюмо перетаптывающаяся с ноги на ногу, поругивающая Горбачёва и Перестройку, оживилась, задвигалась, засуетилась глазами, забулькала смешком. Мужичонка, совершивший теракт в отношении пред-

ставителя славной Красной Армии, идиотской улыбкой разрушил своё лицо, оголив сгнившую арматуру зубов.

Старший прапорщик, смешивая со слюной сочившуюся изо рта кровь, отхаркивался, по-бабьи расставив ноги, бестолково таращась на руку, сжимающую пустую кружку.

Фуражка, при ударе покинувшая взмокшую лысину хозяина, тульёй вцепилась ему в правую ногу, вбитую в хромовый сапог со сточенным вовнутрь каблуком.

– Народ и армия едины! – шутканул кто-то в гуще очереди, и она, забыв о Перестройке и Горбачёве, перебросилась на военных.

Старший прапорщик, вынашивающий было план реванша, убедившись воочию в мощи противника, понял, что дальнейшее кровопролитие не в его пользу, ретировался, прихватив, однако, в качестве трофея, кружку.

Народная очередь провожала его, трясая кулаками, закидывая булыжниками злости, визжа и хихикая.

...Заголосила, будто её мордовали, электричка.

Мазанув рукавом мундира по ноющим губам, глубоко загребая безвкусный воздух трофейной кружкой, старший прапорщик метнулся к платформе, оставляя на поле боя тяжело контуженую фуражку. Когда он вынырнул из-за угла покосившегося вокзала, солдаты радостно заулюлюкали, подбадривая своего командира. Вдруг представитель славных Вооружённых Сил, словно осознав, что искалеченная в битве амуниция достанется на растерзание врагам, грозно, точно танк, развернулся, щерясь выбитым зубом, двинулся на неприятеля, но фуражка, лихо пнутая чьей-то, не желавшей усугублять положение, ногой, уже зигзагами шустрила ему навстречу, и он, вцепившись, как в награду, в её изломанный зев, петляя, будто уходя из-под обстрела, ринулся обратно, к платформе.

Электричка, гоготнув, дёрнулась, сорвалась с места.

Старший прапорщик в отчаянии запустил кружкой. Сверкая отполированными фасцами, она неуклюже закувыркалась вдогонку электропоезду, но, налетев на дерево, рассыпалась, отбросив под колёса последнего вагона изогнутую извечной сыростью ручку.

– Ихихихии! – не то в хохоте, не то в визге зашлась электричка и юркнула за пакгауз.

– Ы-ы-гы-гы-гы-гы! – заржали солдаты.

– Вый-вый-вый-вый! – заревела очередь у пивного ларька.

Старший прапорщик, пристыженный, поднимался по ступеням платформы. Пульсирующей болью хныкали израненные дёсны, им нестройно втопили опухающие губы.

Казалось, сама жизнь – путаная, хаотичная, без призора и помощи – издевается над ним, насилует его. Ведь она, жизнь, несколько мгновений назад сама одарила его счастьем – двумя кружками пива – и сама же так ничтожно унизила, обокрала. За что? Зачем? Ради чего?

– Ишь ани, падлы, разлились! – выругался старший прапорщик, наткнувшись на лежащего мужика, – а тута службу тянуть нада! – и он слегка, для острастки, саданул лежащего носком сапога в бок. Отметив, что мужик не реагирует, старший прапорщик осмелел, поправил сбившийся набок галстук и по-хозяйски, с кхеканьем, рачительно распределяя по ноге силы, трижды долбанул его в межрёберье:

– Распустились, сволачи! Жытья не стала! Дела делать нада, а ани...

Старший прапорщик не договорил. Визжа тормозами, прихрамывая, к платформе подходила электричка.

– Наша, таварищ старший прапарщик! – засуетились руками солдаты.

...А день всё смелее и смелее диктовал себя, добавляя безысходности, никчемности, зряшности.

Бодрый марш давно сменился СОБЫТИЯМИ ЗА РУБЕЖОМ, принявшими вахту от О ЧЁМ ПИШУТ СЕГОДНЯ ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ГАЗЕТЫ.

Уже пять раз заполнялась и пять раз пустела платформа.

Уже четырежды расшатывали её поезда, гнавшие туда и оттуда лес.

Уже чувствовалась усталость от затянувшегося строительства Перестройки.

А мужик всё лежал и лежал, схоронив голову в урне.

Лишь кто-то из очень сердобольных, пожертвовав «Московскими новостями», прикрыл его искалеченный зад, придавив газетный лист небольшим камнем.

Александр МАСЛЕННИКОВ

*

Утро начинается со взгляда в окно, на питерские крыши, на небо, распахнутое над ними, на чаек, распластанных в нём. Утро приходит отражёнными звуками пролегающих вокруг и внизу улиц, запахом близкой и большой воды. И утро – оно всегда само по себе, как, впрочем, и любой другой шанс, выпавший тебе.

И утро – оно вне контекста. Как вне контекста и утренние мысли. Поэтому они и не суетливы, и даже неподвижны, – да, да, – именно так, – все утренние мысли неподвижны, как гранитные плиты мокрых набережных.

Любые утренние мысли равны в своей неподвижности – мысли о блаженной прохладе чистых простыней, – мысли, в которых тактильного много настолько, что почти не остаётся места для формулировок; уже абсолютно лишённые предметности мысли о вчерашней вечерней усталости; и утренние мысли о сексе ничего не предполагают настолько же, насколько ничего не определяют и утренние мысли о хлебе насущном. Всё ещё вне контекста. Просто крыши. Просто небо. Просто чайки. Просто мысли.

*

Я скучаю по безделью, по затяжному, как обложной дождь, пробуждению, по благостному ощущению права на именно такое пробуждение. Скучаю по неторопливым глоткам первого утреннего кофе, настолько неторопливым, что кофе успевает остыть, пока я доберусь до половины бокала. Скучаю по неосмысленному перелистыванию страниц случайно оказавшейся под рукой книги. По долгим взглядам в окно, куда я перевожу взгляд, оторвавшись от ничего не говорящих мне строк и абзацев – и, – бог весть о чём я думаю тогда, глядя в окно, мне потом никогда не удавалось вспомнить этих неторопливых утренних мыслей, и поэтому, видимо, эти мысли всегда о чём-то приятном. И, наверное, я скучаю именно об этом.

*

По утрам память выкидывает коленца наиболее изошрённо. Как вывезет чего-нибудь этакое, – так впору бывает только руками развести: «И откуда что берётся?». Впрочем, и возрасту, если он выражен, хоть мало-мальски значимым числом, тоже надо отдать должное, – худо-бедно, но он наделяет нас опытом отстранения. В том числе и отстранения от себя. С годами мы научаемся при необходимости смотреть на себя со стороны, – пусть даже как на неприятного, но абсолютно не значимого для нас героя не нашего романа. Смещаем фокус. Тем и спасаемся. А крепкий кофе закрасит оптимизмом последние вопиющие детали (не потому ли я люблю его пить не из чашек-напёрстков, а большими бокалами?). Утренняя гимнастика души. И начинаем осмыслять новые ракурсы, находить в них место для себя, втискивать себя в сегодня.

*

А сегодня – дождь. После недели жары, жары, ставшей за последние годы уже нормой для середины мая, наконец-то самый настоящий питерский дождь.

Я люблю просыпаться под его шум. Состояние какой-то ничем не мотивированной, растворённой в теле радости, остаётся на целый день. (И даже выстрелы памяти в такие дни уходят в «молоко»).

Дождь.

Зонты, разнообразие их цветов и размеров, шуршание струй по листве, смягчённые дождевой ретушью перспективы улиц.

И плацы проблем задрнуты влажным тюлем.

И мокрые наряды, – о! – (но это стоит отдельного вечернего разговора в начале февраля).

Звуки шагов по мокрым тротуарам. Мне всегда казалось, что шаги под дождём, шаги по упавшему дождю, таят в своём звучании что-то от «шагов в вечность». Правда, что бы это слышать, ни в коем случае нельзя торопиться. И насчёт «шпилек» я не уверен. Впрочем, последнее наблюдение, возможно, и весьма субъективно.

*

А дни, бывает, тянутся. Иные вообще кажутся бесконечными, как зимняя бессонная ночь в плацкартном вагоне, – чужие мысли, шаги, чужие слова и чужое молчание.

*

Вечер тихо роняет свои лепестки сиреневые спицы иллюзий вяжут из тонкой пряжи полуденные слова приходят посмотрятся в зеркала и тают паром над чашкой с крепким кофе ничто не вечно в такие вечера ничто в такие вечера не хочет быть вечным.

*

Вечер, пожалуй, – это само Время, которому надоело валять дурака, подстраиваясь под нас, под наши заботы и планы, и вечерами оно само не прочь подурочится над нами. К ночи эти забавы ему, как правило, надоедают, и тогда, порой, под занавес, оно материализует наши собственные тени...

У черты прибора

Мы сидим на берегу вечности. Наши письма – на песке. И вся наша история – от черты прибора.

Но так ли она коротка на самом деле? И что такое вообще «наша» история?

Рассуждая о ней, мы, в той или иной степени подразумеваем преемственность событий, их обязательную взаимосвязь. Или, по крайней мере, сводимость множества отдельных нитей к единому узлу под названием «сегодня». Или «завтра», – впрочем, это больше относится к футурологам.

Мы, казалось бы, искренне хотим знать своё прошлое. Но...

«Запрещённая археология». Сам термин говорит о многом. И о косности академической исторической науки – в первую очередь. Можно учреждать сколь угодно много комиссий по борьбе с лженаукой, – как это стараются

сейчас сделать в Российской Академии Наук, — но карта адмирала Пири Рейса, известная с 1513 года, и являющаяся копией с ещё более раннего оригинала, от этого не станет современной подделкой, и с неё не исчезнет антарктический материк. И сердиться на факт её существования — есть признак слабости, а просто его игнорировать — есть признак глупости.

И артефактов подобного рода — не счесть. И для многих из них термин «древность», мягко говоря, не точен.

Мы сидим на берегу вечности. Наши города — из песка.

Говорить об истории Человечества — это говорить о Разуме на нашей планете. И мы — не первые его носители. Именно об этом говорят артефакты.

И глядя в звёздное небо, на эти колкие крохотные точки, мы знаем, что «где-то там», возле одной, или некоторых из них, Природа, в своём непрекращающемся развитии, создала «братьев по разуму». Мы это именно знаем. Иначе к чему мы нацеливаем в космические бездны антенны? Мы знаем, что мы не одиноки, и поэтому внимательно прислушиваемся к космическим шумам.

Но, и вглядываясь в прошлое собственной планеты, мы скоро поймём, что и в бездне времён на ней неоднократно вспыхивал Разум.

Мы не связаны с прошлым кровно. Наша связь глубже. Наша история — это история островов, разбросанных в океане Вечности. И мы — на берегу одного из них.

*

Времена не выбирают. Да. Каждый живёт в своём.

Время индивидуально, как цвет наших глаз, оно наполнено разными смыслами и свойствами. У одного оно густое от событий и имён, насыщено памятью, как детский калейдоскоп разноцветными стёклашками, оно пронизано запахами яростного, беззаботного и очень плотского мира, оно материально и весомо, его можно дегустировать, им можно наслаждаться, и с ним можно даже не совладать, и, не вместив его в себя, задохнуться, как от штормового ветра. У другого же оно как снулая рыба.

*

Зимой меня часто посещает мысль, что «порою Брейгель прилетает в Петербург. Инкогнито. На лайнере «Люфтваганзы». И останавливается наверняка где-то на Васильевском острове. Но никак не могу вычислить где именно.

Не могу определить, из какого конкретно окна он смотрел на эти, как будто выточенные из хрупкой печали, ветви. Они узнаваемы до боли своими изломами и застуженной наготой. Или пытаюсь догадаться, гуляя по каким именно заснеженным дорожкам Смоленского кладбища, он их увидел. И никак не могу этого разгадать. Но они где-то здесь, они знакомы мне не только по его холстам.

И фигурки людей... Вот они совсем отсюда. Гнёт серых небес на их спинах. Это вечное, сутулое ожидание непогоды, изматывающего ли осеннего затяжного дождя, или зимнего тяжёлого снегопада.

Нет, он определённо бывает в Петербурге. И непременно зимой.

Внутренняя Монголия

Грядущее беззвучно, даже немо, оно само – обращённый в сегодня слух. Оно так зависимо от наших слов, и потому внимательно их запоминает, фиксирует. Но когда восходят февральские волчьи звёзды, и колючие метели вытесняют с улиц вечернюю суету, тогда и мой слух становится чуток.

Я слышу голоса пустынь, в барханах которых заблудились тысячелетия. Я слышу никогда никем не произнесённые слова, слова, не знавшие тепла гортани, её трепета.... И только растёртый в пыль кварц шепчет и шепчет их в своих вечных играх с седыми от солнца и созвездий ветрами.

Владимир МОРОЗ

Выпускник Минского суворовского военного училища и Военной академии Республики Беларусь

Старуха

– Смотри, опять эта сумасшедшая старушенция пришкандыбала, – Сергей кивнул в сторону небольшой полянки, на которой они обычно с Колькой складывали свои вещи и оставляли машину.

– Задолбала каждый день сюда шастать, – негромко прошипел напарник, ковыряясь в земле. Он приподнял голову и посмотрел туда, куда указывал Сергей.

Там, на дальней стороне лесной поляны, около огромной вековой сосны с кривым, покорёженным когда-то давно стволом, стояла старуха, невысокого роста, худенькая, с высушенным от времени лицом. Своими морщинистыми руками она сжимала такую же старую, как сама, палку, опираясь на неё. Давным-давно выцветший некогда пёстрый платок укрывал голову, пряча под собой седые волосы, кое-где выбивающиеся из-под него. Одета она была в старое поношенное чёрное суконное пальто, застёгнутое на все пуговицы да такого же цвета длинную юбку, почти скрывавшую истоптанные кирзовые сапоги.

– Сдаст она нас, старая ведьма, – негромко сказал Сергей, не спуская глаз со старухи.

– Да не парься ты, Серый, – ухмыльнулся Колька, – захотела, давно бы к ментам сходила. Третий год мы здесь ковыряемся, она постоянно сюда ползает, а всё никак не стуканула про нас. И сейчас не расскажет.

– Да у неё может старческий склероз, – рассмеялся Сергей, надевая на ушишки, – сдать то может и хочет, да пока до ментовки дойдёт, всё забывает.

Он снова принялся водить металлоискателем, определяя точное место, откуда исходил несильный сигнал, говорящий о том, что где-то в земле спрятано что-то металлическое. В этот момент лицо его сделалось напряжённо-сосредоточенным, не выражающим никаких эмоций, словно на него надели пластмассовую маску. Немного поведив прибором, Сергей недовольно отвёл его в сторону.

– Лопату убери, сигнал экранирует, – недовольно проворчал он, обращаясь к Кольке.

Тот молча поднял лежащую рядом недавно купленную финскую лопату с пластиковой ручкой и отошёл с ней в сторону, затем поднёс грязные пальцы к носу и высморкался.

– Да, блин, не месяц май, так и заболеть недолго.

– Что ты там бурчишь? – недовольно сказал Сергей, совершая небольшие крестообразные движения металлоискателем, – сам же не захотел в машине спать. В палатке удобнее, воздух свежее, – передразнил он Кольку, – вот и ходи теперь в соплях.

– Ну не могу я в машине спать, неудобно там, спина затекает, – словно оправдываясь, торопливо заговорил Колька, молодой невысокий худощавый брюнет, с серыми глазами, – да и ты храпишь так, что машина подпрыгивает, и все волки в округе обделались от страха.

– Ну, есть такое, – рассмеялся Сергей, небритый полноватый мужчина в камуфляжной форме, – я когда выпью, всегда храплю. Меня тогда Ксюха обычно на кухню спать гонит, если растолкать получается. А если нет, то сама к ребёнку идёт в комнату. Ну что ж тут поделать, – он пожал плечами, – конституция, дружище, такая у меня. С этим не поспоришь.

– А не пить не пробовал? – язвительно сказал Колька, отступая ещё на шаг назад.

– Колян, ты так говоришь, будто я синюга какой. Сам же знаешь, что только на праздниках да здесь, на выездах, чуть-чуть. И всё. Некогда. Да и желания особого нет.

– Да ладно, не парься, я же прикалываюсь, – улынулся Колька.

– Здесь копай, приколист, – Сергей ткнул кругом металлоискателя в землю.

– Яволь, майн херц! – резво ответил напарник, всаживая острыйё лопаты рядом.

Сделав неглубокую ямку, он снова отвёл её в сторону. Сергей тут же принялся водить прибором, устанавливая, где же находится этот кусочек металла, всё ещё в яме или уже в небольшом свежеврытом холмике серого лесного песка. Сделав пару пассивов металлодетектором, он ткнул им в холмик.

– Здесь.

Колька опустил на колени и стал медленно разгребать песок, пропуская его сквозь пальцы.

– Есть, – через минуту сказал он, поднимаясь на ноги и очищая от грязи обнаруженную винтовочную гильзу, – опять немецкая.

– Тьфу ты, – сплюнул Сергей, – на каждую сотню немецких всего пару советских находим. Такое чувство, что у наших и патронов не было. Или сэкономили сильно. Ладно, – он махнул рукой, – давай её в общую кучу, и щуп принеси, надо вон ту ямку пробить, – кивнул он на небольшое круглое углубление в земле, расположенное в пяти метрах от них.

– Окей, – Колька направился к стоявшей в теничке «Ниве», бросил гильзу на расстеленный рядом с машиной кусок полиэтиленовой плёнки, на котором уже лежало десятка полтора разных ржавых гильз, осколков, полусгнивший солдатский котелок и такая же пробитая, ржавая, с рваными краями красноармейская каска.

– Мать, шла бы ты домой, – сказал он, обращаясь к старухе, которая продолжала стоять около дерева, – нечего тебе здесь делать. Лучше с такими же бабками на скамейке сиди, да косточки соседям перебивай. Что ты в таком возрасте по лесам шляешься? Мало ли что произойти может. Даже «скорую» не вызвать будет в эту глухомань.

Старуха ничего не ответила, лишь сделала небольшой шагок назад, словно пыталась укрыться за тенью ствола.

– Да и хрен с тобой, золотая рыбка, – негромко буркнул Колька, поднимая лежавший рядом с машиной длинный, метра два, металлический штырь и направляясь обратно к Сергею.

– Серый, держи, ты же у нас специалист по работе с такой тонкой вещью, – сказал, протягивая тому железку.

– А то! – Сергей довольно улыбнулся. Затем, не спеша, выключил металлоискатель, положил его на край намеченного для обследования места и взял в руки щуп. Место, которое они собирались исследовать, мало чем выделялось на фоне окружающего ландшафта и, если бы начинающая зеленеть трава была чуть повыше, то и вовсе не было заметно. Если пофан-

тазировать, то эта небольшая вмятина правильной круглой формы диаметром чуть больше метра напоминала след огромного слона, когда-то прошедшего по этому лесу. В середине этого следа уже начинал расти маленький кустик, который сейчас, в середине апреля, ещё не успел покрыться листочками и представлял собой тонкую голую ветку, которую будто бы воткнули в землю.

Взяв щуп, Сергей подошёл к краю вмятины, немного постоял, настраиваясь, и затем резко всадил остриё прута в землю на большую глубину. После этого вытащил и снова сильным ударом вогнал совсем рядом от прежнего места. Так он «бил» землю, как они называли этот процесс между собой. Лицо его при этом было очень напряжёно, словно Сергей старался не упустить какой-то знак или сигнал от щупа, известный только ему. Он двигался, постепенно переходя от края к центру выбранного для исследования места.

– Воронка засыпанная, стопудово, – не прекращая работу негромко сказал он Кольке, который стоял рядом и с явным интересом наблюдал за процессом.

– Да это понятно. Не сама же она засыпалась, – ответил тот.

Внезапно Сергей что-то почувствовал по колебаниям щупа. Сделав ещё несколько проколов один возле другого, он с удовольствием улыбнулся.

– Кажется, что-то есть. Где-то около метра копать.

– Отлично! – Колька подхватил лопату и шагнул к нему.

Затем он принялся копать, попутно вырвав мешающий кустик и отбросив тонкий ствол подальше от себя. Верхний слой земли срезал быстро, потом стал работать более аккуратно, стараясь не пропустить то, что было скрыто временем здесь, на небольшой глубине.

Сергей не мешал напарнику, он опустил прямо на прошлогоднюю траву и закурил, медленно пропуская табачный дым через лёгкие. Свою работу он сделал, теперь дело за Колькой.

Минут через двадцать активного махания, Колька отбросил лопату и встал на колени в яме, продолжая аккуратно разгребать землю небольшим совочком, купленным по случаю в магазине хозяйственных товаров. Теперь его было не узнать: глаза горели, руки нервно потрясывались, азарт неизведанной находки переполнял его, толкая адреналин по венам.

Сергей подошёл поближе, закулив очередную сигарету, чтобы притупить нахлынувшее волнение.

– Ну что там? – спросил он дрожащим от нетерпения голосом.

– Кажется, нашли, – возбуждённо прошептал Колька, что-то выковыривая руками из земли и протирая рукавом.

– Есть! – довольно повторил он через несколько секунд, разглядывая свою находку. Это была почерневшая от времени человеческая кость. Покрутив со всех сторон, Колька протянул её Сергею. Тот взял, поднёс к глазам, внимательно изучая.

– Похоже и правда нового жмурика нашли, – подвёл Сергей итог, брезгливо отбрасывая кость на край выкопанной ямы, – давай теперь аккуратнее, наверное, что-то интересное нам оставили.

Он залез к Кольке в яму и опустился на корточки у другого края. Вытащив из кармана такой же маленький совочек, принялся помогать товарищу обследовать место вокруг найденного захоронения.

Разгребая землю в поисках предметов, которые могли быть зарыты вместе с трупом, они не заметили, что старуха покинула своё убежище за стволом дерева, где простояла всё это время и подошла поближе. Внимательно, словно боясь упустить любую, даже самую маленькую деталь, она наблюдала за тем, что ребята извлекали из земли.

А те, полностью поглощённые своим делом, не замечали ничего вокруг, продолжая раскопки и складывая всё, что удалось найти, прямо на краешек ямы. Тёмные человеческие кости, череп с пустыми глазницами, несколько кусочков полуистлевшей материи, пластмассовый козырёк фуражки и несколько пуговиц от нижнего белья — вот и всё, что удалось отыскать «охотникам за сокровищами». Тем не менее, они продолжали тщательно перерывать землю в могиле.

– Опаньки, Серый, – вдруг возбуждённым голосом сказал Колька, – кажись орден!

Сергей тут же подскочил к нему.

– Где? Показывай!

Трясущимися руками Колька протянул ему небольшой кусочек металла, весь покрытый жёлто-серым песком, сквозь который проступала красная эмаль.

Сергей бережно взял протянутую вещь, вытащил из бокового кармана старую зубную щётку и принялся очищать находку от грязи.

– Нет, Колян, это не орден, – сказал он через минуту, – это какая-то эмблема, но не красноармейская.

– А чья тогда? – удивлённо спросил Колька.

– Не знаю, никогда такой не видел, – Сергей внимательно крутил перед глазами найденный предмет, – смотри, большая звезда а в середине что-то похожее на советский герб. Что-то я раньше таких не встречал.

– Может значок какой-то? – Колька взял находку у Сергея и поднёс к глазам.

– Да вряд ли, – Сергей покачал головой, – видишь, на обратной стороне кусочек устика сохранился. Так значки не крепились. Скорее всего, эта штука была на фуражке. Козырёк то в этом самом месте нашли.

– Хм, вполне логично, – согласился Колька, – надо будет по приезду поискать в сети, может что-то там и откопаем. Раз штука редкая – значит и стоить будет прилично, не по-детски, – улыбнулся он.

– Ну вот, Колян, а денёк то прошёл не зря, – улыбнулся Сергей, – а ты всё гундосил, что другое место искать надо. Оказывается и здесь ещё можно порыться. Кстати, обратил внимание, что в этой могиле не нашли подшов? Наверное, сапоги были хорошие, вот и сняли. Значит, не простой солдатик был, а кто-то из начальства. Давай-ка поковыряемся, может ещё что-то найдётся.

Колька вытащил из бокового кармана небольшой пакетик, положил туда находку и они снова занялись поисками.

Старуха, понаблюдав за ними ещё пару минут, вернулась на своё место. Её маленькая фигура снова замерла около сосны. Ноги сильно болели от усталости, но она продолжала стоять, наблюдая за копателями, стараясь не упустить ничего, что происходило сейчас в яме и около неё.

Между тем, провозившись ещё полчаса и не найдя больше ничего ценного, ребята выбрались из могилы, сели на краешек и, свесив ноги вниз, закурили.

– Кажется всё, пусто, бесполезно дальше рыть. Как думаешь? – Сергей взглянул на Кольку.

– Наверное ты прав, вроде всё просеяли, – задумчиво ответил тот, выпуская носом облако сизого табачного дыма. Затем немного помолчал, что-то обдумывая, снова затянулся и, не спеша, продолжил.

– Место вроде не наезженное, судя по всему кроме нас тут никого и не было, но какое-то оно пустоватое, сплошной голяк. Считай раз в год по находке, разве это дело? Вон, Егор из Минска хвастался, что они немецкое кладбище разрыли, столько всякого «хабара» накопили, что когда всё слили знакомому барыге, даже на машину хватило. Говорит, перчатку нашёл, а в ней кости остались и на одном пальце кольцо со свастикой. Очень редкое. За него почти десять тысяч баксов предлагали, но Егорка – жук ещё тот, пока не продаёт. Сказал, что за десятку всегда успеет. Надеется подороже продать. Я место могу уточнить, может, туда скатаемся? Наверняка и нам что-то осталось. Не всё же другим везти будет.

– Да ладно, Колян, ты его слушай побольше, это ж Егор. Соврёт и не поморщится. Стрёмно по таким местам кататься, где все всё знают. Там, наверное, и менты пасутся. За задницу возьмут, потом проблем не оберёшь-

ся. Здесь то чем не нравится? Тишина, спокойствие, копай – не хочу. Если бы только эта старушенция мозг не канифолила своим присутствием, то вообще сказка была бы. Вспомни, в первую нашу поездку дохлого «ганса» выкопали. Бляха от ремня почти как новая была. Поэтому и ушла по хорошей цене. Жалко, что смертного жетона не было, а так бы могли и кости родственникам в Германию за недорого продать.

– Блин, Серый, так это только первый раз так было. Потом всё наши попадались. А с них и прибытку никакого. Голяк сплошной. То ли дело «фашика» найти. С него можно не кисло заработать.

– Да не парься ты, Колян, – Сергей легонько хлопнул товарища по плечу. Раз одного нашли, значит и другие тут есть. Это точно. Тут и к бабке не ходи. Найдём, где наша не пропадала, – улыбнулся он, – я зимой карты старые поднимал, по архивам ползал. Всё нормально, хлебное это место, отвечаю. Сто раз тебе про это говорил, Фома неверующий. Здесь до войны жизнь кипела. Дорога, по которой мы ездим, раньше не была такой заброшенной. На карте деревуха, от которой сейчас три хаты осталось, здоровенная была. И вокруг хуторов с десятков. Место здесь возвышенное и лес старый, а вокруг одни непроходимые болота были. Это сейчас, после мелиорации, которую в шестидесятых делали, незаметно. Раньше в этом самом месте две дороги сходились, можно было до райцентра попасть и при этом срезать прилично. Поэтому для наступающих и отступающих это было хорошее место, отличный рубеж. Сам видишь, сколько воронок кругом. Значит и бои были нешуточные.

– Ну, тут то я с тобой согласен, – Колька вытащил новую сигарету и снова закурил.

– Это же, как лотерея, – не унимался Сергей, – можно всю жизнь покупать билеты и ничего не выиграть, а можно раз – и джек-пот снять. Вот и у нас сейчас ничего, а завтра бац – и полные закрома. Главное, что про это место пока никто не знает, а значит, мы первые у кормушки и всё что найдём, наше будет.

– Да уж, – затянулся Колька, – скорее бы что-то стоящее найти.

– А вот для этого и надо пахать, а не расслаживаться, – подвёл итог Сергей, – всё, передохнули, пора дальше делом заниматься.

– А с этим чего? – Колька кивнул в сторону лежавших рядом костей.

– Да как обычно, не хоронить же, – сказал, вставая Сергей.

Они бросили кости назад в яму и слегка присыпали землей, сдвигая её ногами.

– Чёрт, как-то не по-христиански поступаем, – Сергей отряхнул сапог от комьев земли, – да, думаю, простит нас этот вояка. Тут только скажи, что

кости нашли, проблем не оберёшься. Как с ментами, так и с военкоматовскими. А хуже всего, что братия наша, во главе с тем же самым Егоркой припрётся, всю землю здесь перепашут. Поэтому ты уж прости нас, солдатик, — сказал он, глядя в яму, — в следующий раз по-человечески схороним. Пока так полежи. Семьдесят лет лежал и ещё пару годиков потерпишь.

И, захватив свои инструменты, они снова, шаг за шагом, принялись исследовать местность, продвигаясь в заранее выбранном направлении. Сергей с Николаем стремились как можно полнее исследовать всё в этом старом лесу, который за свою долгую жизнь был молчаливым свидетелем множества событий и, как положено, продолжал хранить тайны, приоткрыть которые можно было только кропотливым трудом и везением.

Вскоре день стал клониться к закату, тени удлиннились, принесся с собой лёгкий, пока еле заметный полумрак. В воздухе начала ощущаться ничем не передаваемая тишина грядущего вечера. Выходные заканчивались и пора было собираться в обратный путь.

Старуха, до этого времени стоявшая всё на том же самом месте, отошла поглубже в лес и уселась на поваленное дерево, давая отдых усталым ногам. Вытащив из кармана большой ломоть хлеба, завернутый в полиэтиленовый пакет, она принялась его есть, не спеша отламывая небольшие кусочки и, немного помусолив пальцами, отправляя их в рот. Казалось, она не замечала ничего вокруг, погружённая в свои мысли.

Сергей с Колькой потихоньку собирались в обратный путь. Взяв наиболее ценные находки, они сложили их в большой пакет, который Сергей спрятал в багажнике «Нивы», рядом с завернутым в старое покрывало металлодетектором. Щуп тоже был спрятан поглубже. Сверху всё завалили другими вещами, которые выдавали в них опытных туристов: палатка, котелок, металлическая посуда в лёгкой сумке и пару спальных мешков.

— Ну, кажется ничего не забыли, — Колька медленно обошёл поляну.

— Бабульки что-то не вижу, — перебил его Сергей, — вращая головой в поисках старухи, — даже не заметил, как она исчезла.

— Да на кой она тебе? — Колька недовольно поморщился, — и так место мало. Вот разбогатеешь, купишь себе «крузак» или «паджерик» и будешь катать старушку.

— Подвезли бы. Что мы, нелюди, что ли? Ей то пèхать далеко, а уже темнеет, — Сергей ещё немного покрутил головой, силясь рассмотреть между деревьями ставший уже привычным силуэт.

— Да не согласится она, сколько раз уже звали. Может уже потихоньку чапает в сторону дома. Я вот тоже не заметил, когда она со своего поста свалила.

– Ладно, – Сергей махнул рукой, – ехать пора, надо поскорее до города доехать. Сегодня же воскресенье, дачники возвращаются. Еле тащиться будем, а завтра на работу к девяти, надо к рейсу готовиться. Да ещё своей обещал в магазин вечером съездить, продуктов на неделю закупить.

– Не понимаю я их, этих огородников-садоводов, – сказал Колька, усаживаясь на пассажирское сиденье, – только снег сошёл, а они уже целыми караванами рассаду на грядки везут, бабулек с котами по деревням на лето сплавляют.

– Колян, у каждого свои тараканы в голове, – дипломатично ответил Сергей, заводя автомобиль, – ты их не понимаешь, а они тебя. Ладно, тронулись, – он нажал педаль газа.

Тихонько урча бензиновым двигателем, оставляя за собой тонкий шлейф сизого дыма выдавшая вида «Нива» темно-зелёного цвета двинулась в обратный путь, медленно продвигаясь по заросшей лесной дорожке. Передним бампером она раздвигала небольшие кусты и маленькие деревья, которые уже через несколько лет полностью скроют её, дорожку, от людского взгляда, навсегда спрятав от будущих поколений историю этого места.

Когда звуки машины полностью заглохли вдали, старуха встала со своего места и, опираясь на палку, направилась к поляне. Пройдя её, не задерживаясь, она напрямик двинулась к яме, где совсем недавно Сергей с Колькой откопали человеческий скелет. Подойдя вплотную к краю, старуха внимательно посмотрела вниз. Яма была довольно глубокая и без посторонней помощи выбраться оттуда у неё вряд ли бы получилось. Поэтому старуха не стала рисковать. Она вернулась на поляну и принесла оттуда несколько толстых жердей срубленных ребятами накануне, по приезду сюда.

Опустив их так, чтобы они упёрлись в дно ямы на её противоположном конце, старуха аккуратненько спустилась вниз. Согнувшись, она аккуратненько руками принялась разгребать землю в том месте, где лежали кости и складывать их в большую холщовую сумку, вытащенную из кармана.

Через полчаса сумка заметно потяжелела от своей страшной ноши. Ещё раз внимательно исследовав землю и не найдя больше ничего, старуха, кряхтя, выпрямилась, перебросила сумку через край и, держась руками за верхний срез ямы, тихонько по жердям взобралась наверх. Передохнув, она вытащила жерди и отнесла на прежнее место, убирая лишние следы. Затем вернулась обратно. Сняв с головы платок, она расстелила его на земле и положила сумку прямо на середину. После этого встала и ловким движением забросила своеобразный мешок за спину, закрепив спереди большим узлом.

Солнце уже село, напоследок последним лучиком пробежавшись по вершинам деревьев, когда она, опираясь на палку, направилась в обратный

путь. Идти предстояло далеко, в темноте. Неторопливо ступая по еле выделяющейся на фоне тёмных деревьев дорожке, поглядывая на появляющиеся на небе звёзды, старуха несла свой страшный груз домой. По дороге она часто останавливалась, отдыхая, так как идти было очень тяжело, да и зрение подводило, всё-таки слишком много времени она прожила на этой земле.

Наконец, когда заря нового дня заставила сереть небо на востоке, старуха пришла в деревню. Она не стала сразу заходить в дом, а отнесла сумку с человеческими останками в стоявшую в самом конце участка старую покосившуюся баню. Положив свою ношу на полок, она вышла, тихонько прикрыв за собой дверь, словно боясь лишний раз потревожить покой того, чьи тёмные кости сейчас лежали на строганных, потемневших от времени сосновых досках.

Зайдя в дом, старуха первым делом направилась в чулан, где из небольшого крепкого деревянного сундука набрала полную поллитровую банку пшеничного зерна, которое отнесла в курятник, где уже начало просыпаться всё её хозяйство: пяток куриц да большой забияка петух, с порванным гребешком. Высыпав корм на пол, старуха пошла в дом под хлопанье крыльев и первое утреннее «кукареку».

Сняв пальто, она подошла к умывальнику, тщательно вымыла руки и лицо. После этого набрала полную кружку воды из ведра, стоящего рядом на деревянной скамейке и залпом выпила, утоляя мучившую её жажду. Накормив трущегося у ног кота размоченным в молоке хлебом, старуха медленно добрела до высокой железной кровати и забралась на неё, вытягиваясь в полный рост. Через минуту она уже спала, до крайности обессиленная своим тяжёлым путешествием. И даже не проснулась, когда рядом около головы пришёл и улёгся кот, тихо мурлыча в такт сопения своей хозяйки.

Старуха проснулась, когда солнце уже встало и ласковым весенним теплом накрыло землю, пробуждая её от зимней спячки. Где-то в огороде негромко кудахтали куры, разгребая землю в поисках червей и вкусных личинок. Кот, открыв глаза, лениво наблюдал за хозяйкой.

Немного повозившись по хозяйству, старуха вышла со двора и пошла по деревенской улице. Дойдя до обшитого новым сайдингом дома, который от этого только выиграл и смотрелся очень нарядно по сравнению с другими, она присела на скамейку около забора и стала ждать.

Минут через пять раздался скрип калитки и к ней подошёл седой старик, хромающий на левую ногу.

— Добрый день, Петровна, — сказал он, отряхивая руки от земли и присаживаясь рядом, — а я вот грядками решил заняться, пока погодка хорошая

стоит. Моя-то Авдотья вон, еле ползает, и то помогать вышла. Говорит, не могу без дела сидеть, – улыбнулся старик.

– И тебе здравствуй, Тихон Яковлевич, – поздоровалась с хозяином дома старуха.

Тот присел рядом и, прокашлявшись тяжёлым грудным кашлем, продолжил.

– Тут это, сын с внуками приезжали, вчера днём уехали. Хоть помогли навоз выкинуть да огород перепахать. Сам бы уж точно не справился. Я уж и не стал бы в этом году много всего засаживать, нам бы и пару грядок хватило да ведро картошки. Говорю же Авдотье, что здоровья нет. Так нет же, заладила и не остановить, дескать, детям с внуками помогать надо. Что они там едят в своём городе, одну химию. А тут всё своё, домашнее, полезное. Ну, ничего, – он вытер руки о штаны, – хоть кровь разогнали. Всяко полезнее, чем сиднем сидеть. А теперь рассказывай, – он повернулся к старухе, при этом его голос стал очень серьёзным, – опять, это, ходила?

– Ходила, – старуха кивнула головой, и немного откинулась назад, подставляя лицо солнечному теплу.

– Да ты это, не томи! – взволнованно спросил старик, – нашли что-нибудь эти землеройки?

Старуха снова кивнула.

– Нашли.

– Кто? – голос старика сделался хриплым. Снова откашлявшись, он вопросительно посмотрел на старуху.

– Кажется участковый, Николай Трофимович, помнишь его? – она продолжала смотреть прямо перед собой.

– Я, это, всех помню, – грустным голосом ответил старик, – высокий такой, худой очень. Мамка про него говорила: кожа да кости. У него ещё шрам был на правой щеке. Очень большой и всегда красный. Мужики, это, рассказывали, что с Первой мировой. Где-то в Августовских лесах, в Польше получил штыком от немцев. А как догадалась?

– В отряде только он фуражку с милицейской кокардой носил. По ней и поняла. Да ещё эти, копаки, между собой говорили, что подмётот от сапог не нашли, стало быть без них закопали.

– Точно, без сапог он должен быть, – старик взволнованно поднялся со скамейки, сделал несколько шагов взад-вперёд, о чем-то напряжённо думая. Затем замер, глядя на старуху.

– Сапоги-то хорошие были. Яловые. Почти новые. Это, в них ещё эта тварь, Фёдор-полицай, в деревню пришёл после боя. Люди сразу заметили.

А он, гад, даже не стеснялся, хвастался, когда нас гнали, как он участкового застрелил раненого.

Немного успокоившись, старик снова сел на прежнее место.

– И всё? Больше никого?

Старуха отрицательно мотнула головой. Они немного помолчали, перебирая в душе старые струны ведомой только им боли.

– Ты, это, думаешь он там? – тихим хрипловатым голосом спросил старик, нарушая молчание.

– Не знаю, где-то же он должен быть, – старуха краешком платка вытерла набежавшую слезу.

– Глупая ты баба, Петровна, – старик без злобы посмотрел на неё, – сколько лет прошло. Давным-давно надо было успокоиться. Замуж бы вышла. Детей нарожала. А ты всё ждёшь да ждёшь. На себя посмотри, одной ногой в могиле стоишь, а никак не забудешь. Сама же знаешь, что погиб он тогда, не мог он выжить. Не мог! – старик повысил голос, – на что ты надеялась всё это время? На чудо? Так нет его, этого самого чуда! Тебе ли не знать? Ты, это, помрёшь одна в своём доме, никого после себя не оставила, – старик снова вскочил и принялся ходить взад-вперёд.

– Замолчи, Тихон! – резко сказала старуха, вставая, – сколько надо, столько и буду искать, тебя не спросила, как мне надо было жить.

Она повернулась, собираясь уходить, но старик схватил её за руку.

– Прости, Петровна, – голос его задрожал, – что-то нашло. Тут, это, опять сны страшные сниться стали. Авдотья говорит, кричу во сне. Да и вечером долго уснуть не могу от кашля, только прилягу на спину, сразу начинается, кажется, лёгкие вырвать готов, лишь бы прекратился. А последнюю неделю ногу тянет, да так, что хоть волком вой.

– Эх, Яковлевич, – старуха легонько освободила кисть из крепкой хватки старика, взглянула на него своими грустными глазами, – старая ты колода. Любишь ты о своих болячках поговорить, будто я про них не знаю.

Она улыбнулась и снова уселась на скамейку.

– Вот вышла бы я тогда за тебя замуж, так всю жизнь бы мучилась с твоей хворобой.

– Да, это, не сильно бы и мучилась, – старик, успокоившись, присел рядом, – ты же знаешь, Петровна, как я к тебе всегда относился. Вот, это, и переживаю за тебя, дурёху. Ты ж мне роднее сестёр, царствие им Небесное, – он посмотрел на небо и перекрестился.

– Может, что и получится с этими землеройками, помогут нам, – старик тяжело вздохнул, – лишь бы их какие-нибудь лесники или милиционеры не прихватили. А то будет полный алесс капут.

– Яковлевич, ты последний раз когда здесь того милиционера видел? – старуха улыбнулась, – год назад, как у Бабанихи куры пропали. И то, припёрлись, сказали что писать ничего не надо, всё равно никого не найдут и уехали. А куры потом около леса нашлись, чёрт их туда, наверное, завёл. Лесники тоже особо тут не ползают, только зимой, когда лес в урочище валить начинают да вывозить. Остальной год их с огнём не сыщешь. Так что, думаю, хлопцы сюда и ездят, потому что у нас спокойно. Я тут послушала, о чём говорили меж собой.

– Ну и? – старик вопросительно взглянул на неё.

– Который помоложе всё уговаривал того, который постарше в другое место ехать. Говорит, здесь ничего путного не найти. А другой отвечает, что мол, одного немца нашли, и других откапаем.

– Вот дураки, – старик рассмеялся беззлобным хрипловатым смехом, – Это Лёньку они нашли, а не немца. Только он в отряде немецкий френч с ремнём таскал. Дай Бог памяти, это осенью сорок первого было, когда они обоз захватили и троих фрицев в расход пустили. Одно из первых заданий отряда. Ты, это, помнишь, каким петухом Лёнька ходил? Гордился, что это его первый убитый немец был.

– Ну а как ты поймёшь, Лёнька там или немец? – ответила старуха, – кости они что русские, что нерусские, все одинаковы. Это мы с тобой знаем, чьи они, а хлопцев то другое интересует. Всякие ордена, медальки да то, что продать можно.

– Диву даюсь, – старик снял кепку и почесал затылок, – и не страшно людям такие гостинцы покупать. И зачем?

– Да кто их знает? Раз копают, значит, есть и покупатели. Лишь бы эти копаки не догадались, что нет в том месте фашистов.

– Ну да, – старик кивнул головой, – с их помощью уже четверых нашли: Лёньку, старого Гаврилу, Фёдора-тракториста и того офицера, капитана Свиридова. Жалко, что никто так и не вспомнил, как его звали. Всё время по фамилии да званию кликали. Участковый пятый будет. Это, значит, осталось одиннадцать, если все там лежат.

Старуха пожала плечами.

– Может и меньше, – задумчиво сказала она.

– Ты это всё надеешься, что уцелел?

– Надеюсь. Мёртвым его никто не видел.

– Да и живым не встречали, – старик снова вскочил.

– Да сядь ты, Яковлевич, – старуха резко взглянула на него, – что ты качаешь, как козлик молодой, туда-сюда. А потом жалуешься, что нога ноет. Кто мог его живым видеть, если в этот день деревню сожгли, а нас, кто живой остался, угнали?

– Кузьмич мог, – сказал старик, присаживаясь.

– Спрашивала я у него, на коленях стояла, умоляла, просила, чтобы правду сказал. Так ничего и не добились, – старуха снова вытерла набежавшую слезу, – говорил, что не знает, а я нутром чувствовала, что врёт.

– Охо-хонюшки, – тяжело вздохнул старик, переводя нахлынувшие воспоминания в более насущное, – я, это, к вечеру ящик сделаю, а могилку сегодня схожу вырою. Завтра участкового и похороним. Правда с досками беда, где ж их новых то найти? – он развёл руками, – Но я думаю, что загончик в сарае разберу, телят то всё равно уже не держим. А доски у меня там самое то: сухие, крепкие. Рубанком почищу, будут как новые. И табличку сделаю, кусок оцинкованного ведра остался с прошлого раза, оттуда и вырежу.

– Хорошо, Яковлевич, – старуха поднялась, собираясь уходить, – а я пройдуся, нашим всем скажу. Стол организуем, без поминок-то никак нельзя. Не чужой человек был. Как раз скоро автолавка подъедет, значит, все около конторы соберутся. Там и скажу.

– Ну, ладненько, – старик хлопнул себя ладонями по коленям и тоже встал, – только ты, это, горелку если будешь брать, не бери с синей этикеткой, от неё потом голова трещит, как от сивухи Бабанихи.

– Ладно, другую возьму, – она повернулась к старику, – Ты бы «весёлой» ногу натирал. Есть дома?

– Да какое там, Авдоться ещё зимой последнюю банку израсходовала. Её, это, крутит, бедную, почище меня.

– Ну ладно, занесу тебе. Я много наделаала летом.

– Хорошо, Петровна.

– Ну, до завтра, пойду к конторе.

– Только, это, давай часов на одиннадцать народ собирай, – крикнул ей вслед старик, – по хозяйству чтобы успели управиться.

Старуха, не оборачиваясь, кивнула головой и медленно пошла дальше.

На следующий день, собравшись около здания старого колхозного правления, которое уже почти десяток лет стояло заколоченным, небольшая траурная процессия двинулась на кладбище. Впереди, хромая, шёл старик, держа в руках деревянный крест, обёрнутый белой лентой вышитого рушника. За ним шла Петровна на пару с ещё одной старухой, вдвоём они несли небольшой ящик из свежеструганных досок, держа за приделанные ручки. Следом, прикрыв головы тёмными платками, медленно брели ещё около десятка старух – все жители умирающей деревни.

Деревенское кладбище находилось не очень далеко, в сосновом лесу. К нему вела полузаброшенная узкая дорожка, которая оживлялась лишь один

раз в году, на Радоницу, когда, вспомнить свои корни и повидать могилы родственников, сюда съезжалась куча народа. В этот день весь лес покрывался шумом голосов, звуком проезжающих туда-сюда машин. Здесь встречались, делились новостями, узнавали о событиях, произошедших за год и, поправив и очистив могилки, снова разъезжались на год. Сколько бы времени не прошло, люди старались не терять свою родовую память, не забывать своих усопших близких, продолжая отдавать им положенные почести и внимание, приезжая на это небольшое кладбище с разных концов страны.

Иногда сюда привозили хоронить бывших жителей деревни, уехавших в своё время в поисках счастья. Многие из них не хотели лежать на чужбине и, выполняя их последний наказ, были похоронены родственниками здесь, на родине. Поэтому, не смотря на умирающую деревню, кладбище не выглядело заброшенным, создавая определённый контраст с окружающей местностью.

Медленно ковыляя, траурная процессия подошла к небольшой вырытой яме, которая была вырыта на самом краю небольшой ровной полянки, прямо около забора. Здесь, на удалённом от других могил клочке земли уже находилось пять небольших холмиков, расположенных в один ряд. Один из них был старый, с крашенной-перекрашенной красной звездой на небольшой сколоченной пирамидке, а вот четыре других имели довольно свежие деревянные кресты и одинаковые металлические пластины с именами усопших. Свободного места было оставлено столько, что на этом месте могло расположиться ещё десятка полтора подобных могил, вокруг же всё уже было занято разномастными крестами да гранитными и мраморными памятниками.

Тяжело дыша, старухи поставили ящик прямо на холмик свежевырытой земли около новой, ещё не заполненной ямы. Рядом, прислонив крест к ближайшей сосне, стоял старик. Дождавшись, когда подойдут последние участники церемонии, он обратился с небольшой речью к собравшимся.

– Бабоньки, милые вы мои, – сказал он, откашлявшись, – это, наконец-то ещё один наш односельчанин обретёт покой. Все мы знали нашего участкового Осадчего Николая Трофимовича. Хороший был человек, и пусть земля ему будет пухом. Вместе они были, вместе сражались за нас с вами, пусть вместе и лежат, рядом с командиром, – он кивнул в сторону могилы со звездой, – так, это, будет правильно.

Старухи согласно закивали головами, вытирая накотившиеся слёзы. Закончив речь, приступили к похоронам. Старик, удерживая ящик рушником, опустил его на дно могилы. Затем все стали подходить и по очереди

бросать горсть земли в яму, отдавая дань знакомому некогда человеку. Свежая земля звонко стучала по деревянной крышке, постепенно её звук сделался тише. После этого старик взял лопату и быстро закончил начатое дело, соорудив небольшой холмик.

– Хорошая здесь земелька, – довольно сказал он, – устанавливая крест, – песочек жёлтый, мяконецкий. Не переживайте, бабоньки, – подмигнул он старухам, – скоро все здесь нежиться будем. Это помягче ваших продавленных перин будет.

– Тыфу ты, балоболка, креста на тебе нет! Накаркаешь ещё, – незлобно возмутился кто-то, – мы ещё тебя переживём.

– А ты-то, Прасковья, никак до ста лет жить собралась? – улыбнулся старик.

– До ста ни до ста, а вот на твоих поминках ещё горелки выпью.

– О! Точно! Бабоньки, чего стоите, накрывайте, помянем Николая Трофимовича, – старик отряхнул руки от песка.

Быстро расстелив принесённые с собой покрывала, старухи вытащили несколько бутылок водки и нехитрую снедь. Выпили не чокаясь, быстро захмелели и завели только им понятные разговоры, начав с прошлых воспоминаний, выбивших слёзы на старческих лицах, и закончив уже более весёлыми рассказами о своих болячках, детях с внуками и событиями и последними мировыми новостями, услышанными по телевизору. И уже через пару часов разошлись по знакомым могилкам близких людей, чтобы навести кой-какой порядок, раз уж появилась возможность побывать здесь.

Старик уходил последним, дождавшись, когда все односельчане уйдут. Закрывая перекосившуюся кладбищенскую калитку, он взглядом нашёл установленный недавно крест и легонько перекрестился, поклонившись. Затем повернулся и, не оглядываясь, пошёл в сторону деревни, думая о своём.

На следующие выходные зарядили дожди, насытив и без того влажную после недавно сошедшего снега землю. Старуха копошилась по дому, стараясь без необходимости не выходить из него. Она понимала, что в такую погоду копатели не приедут, но услышав посторонний шум бросалась к окну, а вдруг? Дождь её не пугал, скорее страшило то, что ребята не появятся здесь больше, не найдя то, что они так усиленно ищут.

Ещё через неделю, когда в телевизоре Президент произнёс свою очередную речь перед началом военного парада, посвящённого дню Победы, старуха, ковыряясь в грядках, услышала знакомый звук. Она бросила работу и зашагала к калитке, когда мимо избы шумно проехала «Нива», разогнав курей, выбравшихся на улицу. Старуха вытерла руки о грязное полотенце,

висевшее на натянутой вдоль стены сарая верёвке и, на ходу застёгивая верхнюю пуговицу пальто, двинулась вслед за машиной.

По прибытии ребята, припарковав машину в старом месте, тут же начали готовиться к раскопкам.

– Колян, потом лагерь разобьём, пока светло надо поработать, и так предыдущие выходные насмарку пошли, – Сергей уверенными движениями готовил металлодетектор к работе.

– Серый, – Колька дожёвывал бутерброд, – я ж не возражаю, у самого руки чешутся. Сейчас бутерами подкрепимся и в путь, зря что ли твоя Ксюха такую вкусняшку делала.

В этот день ничего интересного не нашли, хотя устали сильно, слишком много металла оказалось около небольших холмиков, тянущихся вдоль дороги. Детектор звенел почти не переставая, и даже Сергею пришлось взяться за лопату. Пожалуй, самой ценной находкой был согнутый ржавый штык от советской винтовки.

– Это ж чем его так согнуло? – Коля долго вертел находку в руках, стараясь прикинуть, сколько можно выручить за этот артефакт, если выровнять его молотком и немного снять ржавчину.

– Скорее всего, взрывом, – Сергей рассматривал очередную гильзу, думая о своём, – странно, всё вперемешку, и наши, и немецкие. Похоже, что очень сильный бой был. Может даже и рукопашный.

Незадолго до этого он с некоторым удовольствием заметил знакомый силуэт старухи, стоявшей около всё той же сосны.

«Надо же, опять пришла, – подумал он, – стойкая бабулька».

– Колян, смотри, – кивнул он в сторону старухи, – опять пришла. Вот, блин, даёт!

– Ага, на пост заступила, – пошутил Николай, – я уже начинаю к ней привыкать. Может, к себе в команду возьмём? Наблюдателем. Будет на стрёме стоять. Пенсия-то у неё, наверное, копеечная, а тут хоть подзаработает за сезон.

– Да уж, а кому сейчас легко? – Сергей снова взялся за прибор и продолжил работу.

На следующее утро, когда Сергей проснулся и вылез из палатки, потирая сонные глаза, он с удивлением увидел старуху, стоящую на своём месте.

– Мать, а ты домой-то хоть ходила? – спросил он.

Она ничего не ответила, сделав шаг назад.

– Тьфу ты, вот неймётся то, – пробурчал Сергей, шагая на другой край поляны.

– С кем ты там треплешься? – следом из палатки показалась взлохмаченная голова Кольки, – а, бабанька, тут как тут, снова на посту – кивнул он старухе, здороваясь.

В этот день ребята решили отойти немного от дороги и проверить место на краю бывшего болота, в низинке. Пустые гильзы здесь попадались реже, в основном немецкие.

Сергей снова вытащил металлический щуп и принялся работать им, продвигаясь вдоль самой болотной кромки, которую можно было угадать по старым высохшим кочкам. Не найдя ничего парни прошли вглубь и стали работать рядом с той сосной, около которой стояла старуха, делая вид, что не замечают её. Она же, в свою очередь, не желая путаться у копателей под ногами, покинула это место и отошла подальше в сторону.

– Надо же, какая деликатная, – буркнул вслед Сергей, продолжая работать щупом.

Наконец, во второй половине дня их усилия были вознаграждены.

– Колян, кажется, есть! – довольно произнёс Сергей, – точно по кости ударил. Давай копать.

– Вот и славненько, вот и труляля, – заулыбался Колька, всаживая в землю лопату.

Первую кость нашли на глубине чуть меньше метра. Затем останки стали попадаться чаще, и ребята, отложив лопаты вытащив совочки, принялись аккуратно исследовать захоронение. Попадались остатки одежды, несколько пуговиц, пара практически полностью сгнивших подошв, треснутый череп.

– О, Колян, смотри, – Сергей, отбросив несколько тёмных рёберных костей, грязными пальцами вытащил из-под них небольшой сверток полуистлевшей бумаги, – и что это у нас здесь?

Николай подсел поближе и, аккуратно взяв находку из рук Сергея, принялся тут же, прямо на земле, примостившись с краю ямы около сложенных находок, разворачивать свёрток, осторожно снимая с него кусочки трухлявой бумаги. Сергей сел рядом, внимательно наблюдая за действиями товарища.

– Хм, тряпка какая-то, вроде платок, – сказал Колька, медленно разворачивая очищенную находку. Найденная ими вещь действительно напоминала вышитый платок. Развернув его, ребята стали пристально рассматривать замысловатые узоры, которые своими плавными очертаниями напоминали то ли неведомые цветы, то ли переливающиеся стёклышки калейдоскопа.

– Классная штука, красивая, – Сергей взял находку в руки, повертел, поднял над головой, зачем-то посмотрел на просвет. Затем вернул Кольке, показывая пальцем в центр платка.

– Колян, смотри, вроде как две буквы переплетенные, «е» и «в», – или мне кажется?

– Да нет, кажись и вправду буквы, – Колька поднёс тряпочку поближе к глазам, – это, наверное, инициалы владельца.

Они не заметили, как старуха оказалась рядом. Невесть откуда взявшись силами она вырвала из рук оторопевшего от неожиданности Кольки этот лоскут ткани. Трясущимися руками поднесла его к подслеповатым глазам, внимательно рассматривая, затем, словно узнав в нём что-то знакомое, вдруг разом обмякла, как будто вся сила исчезла, растворилась в один момент, рухнула на колени прямо возле сложенных в кучу костей. Отложив тряпицу, старуха взяла потемневший от времени череп, бережно, совершенно не обращая внимания на ребят, пальцами очистила его от песка, и поцеловала прямо в лобную кость, в середине которой находилось рваное отверстие. Наверное, именно в это место попала пуля, пройдя насквозь и навсегда пригвоздив бывшего ещё живым человека к земле. Слезы тоненькими струйками текли по морщинистым щекам старухи, капая на землю, на жёлтый песок, прошлогодние иголки, зелёный мох и на кости найденного скелета.

– Васенька, любимый мой, наконец-то я тебя нашла, – приговаривала старуха тихонько, поглаживая череп ладошкой – я знала, что найду тебя, сердцем чувствовала.

– Э, мать, – нерешительно начал Колька, ошарашенный поведением старухи, – но тут же замолк под злым взглядом Сергея.

Тот схватил напарника за рукав и сильно дёрнул в сторону, заставляя отойти.

– Не мешай! – прошипел он, глядя на Кольку, – видишь, горе у неё, – кивнул он на старуху, словно заряжённый её болью, – пошли к машине, не будем мешать человеку.

Ребята отошли на край поляны, молча закурили. Разговаривать не хотелось. Увиденное потрясло их. Теперь им обоим стало ясно постоянное присутствие старухи в этом лесу. Она искала кого-то из своих близких, очень дорогих ей людей. И все эти годы, когда они, искатели наживы, приезжали в эти места в поисках «хабара», она шагала своими слабыми ногами почти десяток километров и целый день стояла, словно памятник, голодная и замёрзшая, чтобы только не пропустить этот момент, когда эти приезжие чуваки помогут ей совершить то, ради чего она жила многие годы.

Прошло несколько часов, солнце неуклонно клонилась к закату, меняя яркие цвета заходящего дня спокойными пастельными тонами. Ребята, потихоньку, изредка переговариваясь шёпотом, свернулись, но уехать пока не

решились, словно некая невидимая ниточка не отпускала их, не разрешая сесть в машину, завести мотор и убраться из этого леса. Всё это время они молча наблюдали за старухой, растворённой в своём горе. Та продолжала сидеть на коленях, крепко обняв и прижав к себе череп. Поначалу что-то шептала, плакала, потом замолчала.

– Темнеет уже, – тихонько сказал Сергей, – повернув голову к Кольке, – пойдём, отвезём её в деревню, куда ей по темноте тащиться. И пакет не забудь, кости надо собрать, нечего им тут валяться. Видно, не чужой человек для бабушки.

Он даже сам себе удивился, в первый раз назвав старуху по-доброму, бабушкой. Все эти годы, его ужасно раздражала эта старушенция, хотя причину этой раздражительности он не понимал. Может быть, просто не хотелось видеть здесь постороннего человека, наблюдавшего за их незаконными и не совсем морально-оправданными делами. Жажда лёгкой наживы кружила голову, заставляла забыть о простых понятиях, таких как память, понимание и обычное человеческое сострадание. Оставляя после себя найденные кости, его совершенно не волновало, что эти погибшие люди были чьими-то детьми, мужьями, отцами. Главное, что хотелось в тот момент – это найти что-то такое, что можно продать подороже. И вот сейчас, когда на его глазах разворачивалась картина драматического воссоединения прошлого с настоящим, Сергей чувствовал невероятное чувство стыда за всё, что он натворил здесь, в этих лесах. Душу словно переворачивало, рвало на части, заставляя переосмысливать все прежние ценности. Снова повернув голову, он посмотрел на Кольку. Было видно, что в душе напарника тоже происходят какие-то перемены, понятные лишь ему одному.

– Ну что, пошли, что ли, – несильно подтолкнул он Кольку локтем, не решаясь сделать первый шаг.

Тот кивнул головой.

– Пошли!

Подойдя к старухе, Сергей легонько дотронулся до её плеча

– Бабушка, темнеет уже. Пора домой собираться. Давай мы тебя подвезём до деревни. А кости сейчас Колька соберёт, с собой возьмём. Потом похоронишь, по-человечески, нечего им здесь валяться.

Старуха, казалась, не слышала его, продолжая сидеть, прижимая к груди череп.

– Бабушка, ты меня слышишь? – повторил Сергей, снова похлопав старуху по плечу. На это она ничего не ответила, заваливаясь на бок, прямо в раскопанную яму. Сергей едва успел ухватить её за рукав пальто, не давая упасть.

– Колян, помогай! – крикнул он, схватив старуху под мышки и оттаскивая от ямы. Затем он положил её на спину и опустился рядом на колени. Пытаясь нащупать пульс, схватил её за холодеющее запястье.

Коля нерешительно топтался рядом, не зная, чем помочь. Затем рванул к машине, чтобы принести воду и побрызгать на старуху. По фильмам он знал, что так приводят в чувство человека, потерявшего сознание. Когда он, лихорадочно разбросав уже собранные вещи, найдя пластиковую полупустую бутылку, подбежал к Сергею, тот сидел без кепки, сжимая её в руках.

– Сейчас мы её водичкой в чувство приведём, – торопливо проговорил Колька, трясущимися руками отвинчивая крышку.

– Не надо, – глухим голосом сказал Сергей, не спуская взгляд со старухи, – она умерла.

– Как умерла? – не поверил Колька. Много раз, сталкиваясь с прошлыми последствиями смерти, он впервые увидел её настоящую, только что свершившуюся.

– Да нет, не может быть. Наверное, сознание просто потеряла от пережитого, – нерешительно сказал он, теребя в руках крышку от бутылки.

– Пульса нет. И тепло ушло, – Сергей продолжал стоять на коленях возле тела старухи.

– Валить надо, Серый, – паническим голосом прошептал Колька, – ещё на нас спишут! Доказывай потом ментам, что мы не при делах. Да и оборудование найдут с «хабаром», потом проблем будет выше крыши, не отмажемся. Поехали!

Сергей понимал, что в общем Колька прав, но что-то мешало ему бросить здесь старуху и прыгнуть в машину. Он чувствовал, что, поступив так, навсегда перешагнёт через какую-то невидимую черту, разделяющую его внутренние понятия добра и зла. И назад пути уже не будет. Посидев немного, он резко встал, повернулся к Кольке.

– Колян, мы что, крысы с тобой, чтобы бегать? Человек при нас умер. Мы свидетели. Если ты сможешь забыть то, что видел, то я нет. Не по-человечески это как-то, не по-христиански. Давай, шмотки все с заднего сиденья в багажник переброшь, туда сейчас бабулю примостим.

Освободив место, ребята отбросили передние кресла и кое-как разместили ставшее вдруг очень тяжёлым тело в тесной машине. Затем сложили всё найденное в могиле в один пакет и положили его рядом с телом.

– Всё, Серый, едем. Надо успеть, пока она не окоченела, а то потом не вытащить будет, – Николай занял пассажирское место, испуганно оглянувшись назад. Сознание всё ещё отказывалось принять смерть недавно живо-

го человека. Казалось, старуха, вот-вот проснётся, встанет, закачает головой и спросит, как она здесь оказалась.

Сергей завёл машину и, стараясь, сильно не раскачивать её на кочках, аккуратненько двинулся в обратную дорогу.

В деревню въехали, когда начало смеркаться. Свет нигде не горел, местные жители, привыкшие к тяжёлому труду на земле, рано ложились отдыхать, потому что приходилось вставать уже с самым рассветом, чтобы заниматься хозяйством.

Остановившись прямо посередине улицы, Сергей заглушил машину и вышел из неё, прислушиваясь к звукам. Что делать дальше, он не знал. Как и не знал, в каком доме жила старуха и есть ли там ещё кто-то живой, кому можно отдать тело. Или нужно ехать в городской морг? В нерешительности он закурил. Колька тоже вышел из автомобиля и встал рядом. Ребята молчали, нервно посасывая сигареты.

Через несколько минут, из ближайшего дома раздался скрип открываемой двери и в сгущающейся тьме Сергей рассмотрел невысокую фигуру хромающего старика, ковыляющего в их сторону. Он отбросил крючок уличной калитки и остановился в проёме.

– Что случилось? – хриплым голосом спросил старик, в его голосе угадывалась тревожность.

– Отец, – нерешительно начал Сергей, – тут такое дело, – он на секунду замялся, – даже не знаю с чего начать.

– С чего-нибудь да начни, – старик откашлялся и подошёл поближе.

– Мы тут, это, старушку одну мёртвую в лесу нашли, – вмешался в разговор Колька. Едем, а она посреди дороги лежит. Остановились, подошли, а она того, мёртвая. Вроде из вашей деревни. Может, подскажешь, куда нам её доставить?

Чувствуя нерешительность Сергея, он решил взять инициативу в свои руки, а то вдруг напарник ещё проболтается, при каких обстоятельствах это произошло. И тогда уж точно придётся иметь дело с правоохранительными органами. А эти уж при желании могут много чего накопать. Ещё, глядишь, и дело какое-нибудь заведут. Проблем потом не оберешься.

Старик охнул, быстро подошёл к машине.

– Открывай! – крикнул он нетерпеливым голосом, – спички есть посветить?

– Фонарик сейчас включу, – Сергей подскочил к дверце, открыл её и принялся лихорадочно шарить в карманах куртки. Оттолкнув его и не дождавшись света, старик заглянул в автомобиль. Просунув руку на заднее сиденье, он нащупал ткань старушечьего пальто.

– Катя, – тихонько выдохнул он, – Катенька, да как же ты так? – с болью повторил он, пытаясь в темноте рассмотреть лицо покойницы.

Сергей зажёл фонарик и, обойдя машину с другой стороны, осветил им. В отблеске света блеснули слёзы, старик вытер их рукавом и продолжал молча смотреть на посеревшее лицо Катерины.

– Дед, – через минуту тронул его за плечо Николай, – может, мы её вытащим и в дом отнесём.

– Да-да, хлопцы, – очнулся старик, – давайте я тоже помогу. Только вы, это, развернитесь и за мной двигайте, тут рядом.

Он хлопнул дверцей и, прихрамывая, пошёл к дому Екатерины, еле различимому в темноте на фоне чёрно-серого неба, на котором уже стали появляться первые звёзды.

Общими усилиями старуху перетащили в дом и положили на кровать. Сергей вернулся к машине и принёс пакет с костями, сунул его старику в руки.

– Мы, отец, здесь недалеко раскопки делали, вот кости человеческие нашли, – не стал лукавить он, – бабушка рядом была, не на дороге мы её подобрали. Она, похоже, кого-то знакомого узнала, вот сердце и не выдержало. На наших глазах и умерла.

– Ах ты, Боже мой, Катька, – старик взял пакет и присел на краешек кровати, – нашла таки. Ох, нашла на свою беду, а может и не беду, – он положил свою руку на холодную кисть покойной, – теперь спокойно спать будешь.

Он поднял голову, посмотрел на висевшую в углу тёмную икону.

– Есть, значит, Боженька на свете, соединил он вас. Значит, на том свете счастье будет, раз на этом не получилось.

Положив пакет с костями на кровати, старик встал.

– Пойдёмте, хлопцы. Только вы, это, ради Христа, не уезжайте пока. Подождите меня на лавочке, я сейчас, быстро, – заторопился он, пропустив ребят вперёд и прикрывая дверь в сених, – только бабке своей скажу. Пусть старух собирает. Покойницу обмыть и одеть надо. Да и всю ночь посидеть, нельзя ей одной лежать. Завтра хоронить будем, жара начинается, три дня не вылежит.

– А как же морг, милиция? – спросил Сергей, не понимая, к чему такая спешка.

– Да какой там морг?! – махнул в ответ старик, – кто сюда поедет? Попрошу, чтобы Бабаниха председателю позвонила, тот завтра гроб привезёт, а бумажки потом оформит. Родственников у Кати не было, добра не нажила, так что и делить нечего. Посидите, хлопцы, я быстро, – он, прихрамывая, засеменил к своей избе.

– Может, поедем, пока дед свалил? – Колька легко толкнул Сергея в плечо, – в темноте он нас не запомнил, свалим по-тихому и больше сюда не сунемся.

– Колян, как-то не правильно это будет, мы ж не крысы, – снова повторил свою фразу Сергей, – да и старика расспросить надо. Мне кажется, он что-то знает про старушку и про этот скелет. Тебе разве не интересно?

– Серый, да гори оно всё огнём, давай свалим, а то эта канитель затянется до утра, а мне завтра на работу. Самому тоже, наверное, в рейс. Да и Ксюха тебе плешь проест, если задержишься.

– Колян, не гундось, – Сергей посмотрел в сторону напарника, – такое не каждый день случается. Ксюхе позвоню, скажу, что сломался. А на работу, может, и успеем к утру. Вот чувствую, что старик нам что-то интересное про то место расскажет. Да и про неё, – он кивнул головой в сторону дома старухи.

– Ну, как знаешь, – Коля обиженно отошёл и сел на скамейку.

Через некоторое время к дому старухи по одному стали подходить немногочисленные деревенские жители. Некоторые, всхлипывая и тихонько охая, другие, молча, они шли прямо в дом. И вскоре оттуда раздался скорбный, тягучий, раздражающий душу плач, какой обычно бывает при оплакивании мёртвого. Затем в воздухе запахло зажжёнными свечками. Деревенские бабки, согласно православной традиции, начали готовить старуху к похоронам.

Вскоре появился и старик и присел рядом на скамейку.

– Ну, это, кажись, всё сделал. Председатель с утра бригаду пришлёт могилу выкопать, а сам к обеду приедет, как гроб в райцентре заберёт. Тогда и будем хоронить. Вместе их и положим. Ох, горе то горькое, – закачал он головой, – Позже зайду к Кате, посижу рядом, попрощаюсь. Вы, это, хлопцы, расскажите, как всё произошло. Не бойтесь, я ж знаю, что вы в лес не за грибами ездите.

Сергей, ожидавший такого вопроса, стал рассказывать, не остановившись даже тогда, когда Колька пару раз двинул его локтем в бок, считая, что нельзя говорить незнакомому деду некоторые вещи. Но Сергей старался не упустить ничего, ни малейшей детали. Он интуитивно чувствовал, что старик знает намного больше, чем кажется.

Старик молча слушал, не перебивая.

– Платок там? – он махнул головой в сторону дома, когда Сергей закончил рассказ.

– Да, – кивнул тот, – в пакете. Там всё, что в могиле было.

– Слышь, дед, – Колька повернул голову к старику, – а кого она там узнала? Кто такой этот Васька? Что тут вообще произошло?

Тот немного помолчал, взглянул на небо, словно хотел попросить у кого-то там разрешения, и неторопливо начал свой рассказ.

– Тут, это, хлопцы, до войны наша деревня намного больше была, дворов почти сотни четыре, не то, что сейчас, раз-два и обчёлся. Много людей жило разных.

– Дед, давай, как говорится, ближе к телу, – перебил старика Колька.

– Колян, заткнись, – вмешался Сергей, – не хочешь слушать, чеши в машину, ложись спать.

Затем он повернулся к старику:

– Отец, ты его прости, он у нас молодой, горячий. Продолжай, я слушаю.

Колька обиженно отвернулся, но никуда не пошёл, решив дослушать до конца. Как-никак такое событие произошло на глазах. Сталкиваясь со смертью, произошедшей много лет назад, он по-настоящему увидел её только сейчас, внезапную, жестокую и беспощадную.

Старик с лёгким укором взглянул на него и продолжил.

– Мы, это, почти все, кто сейчас здесь живёт, одного поколения. Мне перед войной шестнадцать было, Катерине, – старик тяжело вздохнул, посмотрел на небо и перекрестился, – царствие ей небесное, девятнадцатый шёл. Васька Кривенко, старше нас был, весной двадцать один год стукнул. Они с Катькой ещё с малого детства дружили, родительские дома по соседству стояли. Васька первый раз Катьку увидел, когда та ещё и ходить не умела, в люльке лежала. С той поры и прилип к ней.

Старик грустно улыбнулся, заново переживая приятные моменты прошлой жизни.

– Родные братья Катьку так не опекали, как Васька. Всё время подлее её крутился. То яблочко ей самое зрелое достанет с самой верхушки, то кусок свежего хлеба принесёт, настоящего, душистого, только из печки. И самому хочется такую вкуснятину съесть, но нет, всё для Катьки. В лес пойдём за ягодами, так он пока Катерину не накормит, ни одной ягодки в корзинку себе не положит. Мы, это, их уже с первого класса дразнили женихом и невестой. Васька сначала обижался, гонял нас, мелюзгу, а потом успокоился, а может просто немного повзрослел и перестал обращать внимание. Когда Катька подросла, как-то незаметно их дружба в большую любовь вылилась. И вроде ничего не изменилось, да только краснеть чаще стали, да глаза блестели, когда друг дружку видели. А у нас тут колхоз к этому времени организовали. Работы, это, просто неуправляемо было. Жизнь-то крестьянская никогда лёгкой не была. За трудодни вкалывали с утра и до позднего вечера. У Васьки отца в район вызвали зачем-то, больше он

домой и не вернулся. Тёмное тогда было время. Вся семья на Ваську осталась, как на старшего, а их семеро было, мал мала меньше. Он с матерью и в колхозе пахал, и по хозяйству успевал помогать. Хорошо, что семья дружная и работающая была.

Теперь очередь Катьки пришла своему дружку помогать. А она и рада стараться. Васька уставший придёт с работы, а Катерина тут как тут. Воду принесёт, полотенце подержит, всё стремиться угостить своего Васеньку чем-нибудь вкусным. Потом, если погода позволяла, гуляли же ещё чуть ли не до утра. А раненько снова на работу, и так день за днём, без выходных. Да и откуда в деревне те выходные. Если не посевная, то уборка. А в межсезонье подготовки полно. Коровы, это, тоже ждать не будут, пока нагуляешься, быстро молоко потеряют, попробуй только разок не подои.

Катерина красивая выросла, расцвела, одно загляденье. Сколько парней и наших, и из соседних сёл вздыхали по ней. Даже из района какой-то начальник свататься приезжал, обещал ей жизнь хорошую, обеспеченную. А она кроме своего Васьки никого не замечала. Да и тот на других девушек совсем внимания не обращал. Так и жили они в своём мире, один для другого.

Старик снова замолчал, уставившись в темноту.

— Дед, а дальше то что? — легонько толкнул его в плечо Колька, — чего замолчал?

Старик вздрогнул от неожиданности, но какое-то время ещё сидел молча. Потом продолжил.

— Дело, это, к свадьбе шло. Да только осенью тридцать девятого пришла повестка из военкомата, выпало Ваське в армию идти. Ох, как Катька рыдала на проводах, и не передать. Словно хоронила жениха своего, мать с отцом еле домой увели. Пришла для них с Васькой пора писем. Почтальон почти каждый день во двор Катькин захаживал с новой весточкой. А потом, в конце года, вдруг связь оборвалась. Ни слуху, ни духу от Васьки. Словно в воду канул. Страшные времена наступили, война с финнами началась. В газетах писали о победах нашей армии, но слухи к нам в деревню приходили совсем другие. Да и первые похороны пришли на ребят, которые вместе с Васькой призывались. Катерина переживала очень. Писать, каждый день писала, а ответа не было. Исхудала вся, злая стала, что собака. Слова ей не скажи. Уж слухи по деревне пошли, что Васька или погиб, или другую встретил да и позабыл Катьку. Деревня, она же такая, только пусти слухок. Вроде у колодца воды попил, а на другом конце скажут, что обмочился в штаны. Катька замкнулась, нелюдимая стала. Но во двор к Ваське часто захаживала, матери его помогала, чем могла. Друг дружку

поддерживали. А в начале сорокового года вдруг письмо от Васьки приходит. Оказалось, что его ранило сильно в середине декабря, когда под Ленинградом ту самую линию Маннергейма, будь она неладна, штурмовали. Да и сильно, это, ранило, он потом рассказывал, что рядом снаряд разорвался. Ваську только покалечило, а вот тех, кто рядом был, в клочья разорвало. Даже хоронить нечего было, да и останки не получилось вынести с поля боя, снайпера финские не давали. Убитых потом ночью собаки дикие пожрали. Васька много страшного рассказывал про ту войну. В госпиталях его собирали по кускам, только вот рука плохо сгибаться стала, какие-то жилы там перебило. Катька обрадовалась, когда весточку получила, что жених живой, ехать собралась к Ваське в госпиталь, да председатель колхоза не отпустил, некому было её в коровнике заменить. Ох, и ругалась она с ним, да тот упёрся: «поедешь – под следствие отдам». Пришлось Катьке уступить, председатель у нас крутого нрава был, мог и на грех пойти.

А в конце весны Васька сам объявился, комиссовали его из-за руки. Ох, и расцвела тогда Катерина, словно её опять подменили. Улыбаться стала, подобрела, как и раньше. За Васькой ухаживала, словно за дитём малым. Да тот и сам быстро приспособился с калеченной рукой жить, не особо она ему и мешала.

Весной сорок первого свадьбу сыграли. Аккурат на Красную Горку. Два дня отмечали всей деревней. И вроде жили все бедно, а дружно как-то было. Каждый что-то к столу принёс. Кто кусок сала, кто рыбу сушёную, кто чугунок картошки, а кто и бутыль самогоночки. Столы прямо в саду поставили, а танцевали на улице. Пыль столбом, а всем весело. До утра гармошка не смолкала. С Катьки можно было картины писать, такой счастливой её никто не видел. Аж светилась вся от радости. Хорошая была свадьба, душевная.

Старик снова замолчал. Затем повернулся к Кольке.

– Ты, это, хлопец, помоложе будешь. Сходи, водички принеси, горло сушит. Давно так много не говорил. Там, – он махнул рукой в сторону своей избы, – в сенцах ведро стоит, а рядом кружка.

Выпив залпом принесённую воду, старик вытер рукавом рот и продолжил свой рассказ. Правда его голос сделался грустным.

– Когда, это, война с немцами началась, наших деревенских сразу забрали, уже через пару дней в райцентр проводили. Ваську не взяли, как-никак «белый билет». Сказали, что нечего калеченному на фронте делать, без него управятся. Васька расстроился, а вот Катька обрадовалась, что муж рядом останется, мало ли что на той войне произойти может. А недели через три здесь уже немцы хозяйничали. Наши войска ночью через нас прошли на

восток, а уже с утра первые фашисты на мотоциклах приехали, у колодца воды набрали и дальше укатили. После них колонна большая прошла, говорили, что целая дивизия. И всё. Наши мужики, кто коммунистом или комсомольцем был, сразу в лес ушли, от греха подальше. Слухи от беженцев ходили, что немцы таких в первую очередь расстреливают. Потом, это, дня через два, из района офицер с солдатами приехал, а с ними переводчиком бывший учитель из районной школы. Вот так у нас власть и поменялась. Колхоз не разогнали, сказали, что тогда вы на коммунистов и жидов работали, теперь будете на великую Германию. Старосту назначили из наших, Кузьмича, он у нас бухгалтером в колхозе работал. Ох, и вредный был мужик. Терпеть его не могли, вечно ворчал, ругался, а тут раз – и совсем большим начальником стал. Сразу выслуживаться начал перед новыми хозяевами, уборочная же началась. Пахали с утра до вечера, надо было успеть собрать всё, что войной не попало. Кузьмич спуску не давал, мог и ремнём по спине перетянуть, если видел, что человек медленно работает. Хлопцы наши, деревенские, кого забрать не успели или кто из окружения домой вернулся в полицаи позаписывались. Ходили петухами с белыми повязками на руках, да с винтовками за спиной. Но зла не делали, больше пили самогонку, да беженцев, которые тут проходили, грабили. Мужики наши, кто в лес ушёл, за болотом жили в шалашах, в деревню по ночам, правда, приходили, как-никак семьи здесь остались. Ближе к осени партизанский отряд создали, председатель колхоза командиром стал. Помощником участкового назначили, комиссаром – прибывший из района бывший агитатор. Начальником разведки у них настоящий кадровый офицер был, который из окружения выходил. Он с двумя своими солдатами как-то вечером в деревню зашёл, хлеба попросить. Ну, ему и подсказали, что у нас отряд есть. Кто-то из сельчан их туда и проводил. Там он с командиром поговорил, да и решил остаться, фронт-то уже далеко укатил, и канонады не было слышно.

Старик взял в руки пустую кружку, покрутил немного и протянул Кольке.

– Сходи-ка, это, хлопец, водички снова принеси, пересохло всё в горле.

Пока Колька ходил за водой, Сергей вытащил сигарету, протянул пачку старику.

– Угощайся, отец.

Тот мотнул головой

– Да нет, не хочу. Не курящий я.

– Ну, как знаешь.

Сергей сунул пачку обратно в карман, закурил. Сильно затянувшись, он, не спеша, выпустил струю сизого дыма.

– А я не понял, наши-то что, спокойно отступили и дело с концом?

– Да нет, аккурат там, где вы копаете, бой был. Небольшой правда. Там, это, дороги раньше сходились и наши красноармейцы окопались на углу. Немного немцев задержали, это, своих прикрывали, а потом отступили, когда фашисты танки подтянули.

Колька принёс воду, старик снова залпом выпил её, немного помолчал и продолжил.

– В начале сентября вдруг опять приехал немецкий офицер с солдатами. Зашли к старосте в правление, о чём-то говорили. Потом солдаты по деревне пошли. У нас тут несколько еврейских семей жило: один учитель в школе, библиотекарь, старый Безик с семьёй, ну и Зимановичи в колхозе на ферме работали. Немцы дали им полчаса на сборы, сказали, что в район повезут, в гетто, куда всех евреев собирали. наших полицаяв немцы с собой взяли арестованных сопровождать. А на опушке леса остановили всех и заставили евреев расстрелять, вместе с детьми. Один хлопец, Мишка Савельев, отказался, так его офицер своими руками и застрелил из пистолета на глазах у остальных. Ну, это, другие и не стали больше противиться. Взрослых из винтовок поубивали, а детей штыками перекололи, немец сказал, что патронов мало. Вещи евреев немцы с собой увезли, а наших полицаяв по домам отпустили. Через неделю староста в район ездил, как вернулся, рассказал, что немцы всех евреев по всему району поубивали в тот день. Никого в живых не оставили.

Старик вздохнул. Тяжело давались ему воспоминания, словно страшным огнём жгли они сердце, заставляя вновь и вновь переживать негаснущую боль. Через минуту он, надсадно откашлявшись, продолжил.

– Васька то после того случая в партизаны решил податься. Как Катька его не уговаривала, ушёл. Сказал, что немцев прогнать надо скорее, пока они ещё больше беды не принесли. И дело не в том, что он был каким-то сильным патриотом, а в том, что хотел Катьку, семью свою сберечь от надвигавшегося большого зла. Ясно было, что немцы не успокоятся просто так, да и слухи про их зверства ходили такие страшные, что люди по ночам спать боялись, детей на улицу перестали выпускать, не говоря уж про то, чтобы на рынок в район поехать. Да что там люди, собаки в деревне лаять перестали? видимо чувствовали что-то нехорошее. Короче, это, стал Васька партизаном. Оружия в отряде поначалу не было, кроме нескольких охотничьих ружей, так вояки наши на несколько дней уходили в поля около райцентра, туда, где сильные бои прошли, вооружение себе искали, патроны. Насобирали почти десяток винтовок и разбитый пулемёт. Пушку ещё нашли, только её вывезти не получилось, да и снарядов не было, пришлось

бросить. Потом ещё немного винтовок, правда без патронов, у окруженцев поменяли на хлеб. Их тут лесами много в сторону фронта шло, от самой границы. И пехотинцы, и танкисты, и лётчики. Злые, оборванные, грязные. Люди помогали, чем получалось, кто не боялся. Немцы-то сразу сказали, что за помощь красноармейцам будут расстреливать. Да только как не помочь, живые же люди. И не их вина, что в таких условиях оказались. В райцентре лагерь сделали и тех красноармейцев, которых ловили, прямо туда и вели. наших полицаев тоже к облавам привлекали. Им за это что-то перепадало от начальства, вот они и старались. А они ж местные, любую тропку знают. После того, как они человеческую кровь попробовали, совсем дурные стали. Чуть что, сразу за винтовку и орут что пристрелят. Да ещё и постоянно пьяные, совесть свою в водке топили.

— А партизаны то, что молчали? — вмешался в монолог старика Колька.

— Да они, это, вначале особо воевать и не хотели. Непонятно же, что там происходило на фронте. Никто ничего не знал. Слухи ходили, что немцы уже почти Москву взяли и войне скоро конец. Думали, наверное, отсидеться, переждать и потом уж что-то решать, да и своим семьям не хотели беду накликасть. А вот когда немцы зверствовать начали, тут уж не стерпели. Вначале обоз у фрицев отбили. И себя мукой обеспечили, и людям много раздали. Потом засаду на дороге устроили, одного офицера фашистского с солдатом кокнули. То есть стали себя проявлять потихоньку. К тому же вокруг, в соседних лесах стали другие партизанские отряды появляться, из-за линии фронта начали их действия потихоньку координировать. Там, за райцентром, место одно есть, глухое, посреди болот. База на этом месте была соседнего партизанского отряда, у них даже аэродром свой потом появился. Самолёты с Большой земли получали с оружием, взрывчаткой, свежими газетами. Но это уже в сорок втором было, ближе к весне. А пока, воевали тем, что получилось добыть и отремонтировать.

А в конце осени наши партизаны решили деревенских полицаев уничтожить и оружие у них забрать. Уж больно они, ну эти, полицаи наши, озверели. Стали по хатам ходить, у кого мужья в отряде были, запугивали, отбирали всё ценное, безобразничали. И с каждым днём всё наглее и жаднее становились. Оно же, это, понятно, аппетит приходит во время еды, а тут ещё и полная безнаказанность. Ну вот, партизаны и решили их наказать. Выбрали ночь потемнее и ближе к утру, когда сон самый сладкий, нагрянули. Полицаи наши в тот день сообща не пили, по домам сидели, холодно было, морозно. Ну, партизаны и начали их по хатам отлавливать, шли с краёв деревни к центру. Вначале всё тихо шло, потом Андрейка плюгавый, когда к нему в дом ломиться стали, успел из винтовки выстрелить, шум

поднял. Федька-полицай с двумя дружками успели из хат выскочить и в сарае забаррикадировались. Окон там нет, они телегой ворота подпёрли и через щели отстреливаться стали. Партизанам бы отойти в лес, и так вроде задачу почти выполнили, полицаев кого застрелили, кого связали с собой забрать. Да только они решили Федьку достать, уж больно тот свирепый был, много зла наделал, поэтому сдаваться не собирался. Знал, что его уж точно не помилуют, а если живым оставить, то семьям партизанским конец придёт. Окружили сарай, и завязалась у них там перестрелка. А тут уже светать стало.

Старик встал со скамейки.

– Вы, это, хлопцы, малость перекурите, а я зайду к Катьке, гляну как там, может чем помочь надо.

– Хорошо, отец, сходи, мы подождём, – Сергей вытащил пачку, помял её в руках и засунул обратно. Затем поднялся, вытаскивая телефон из кармана.

– Пойду Ксюху наберу, скажу, что сломался. Если что, Колян, подтверди потом, что жиклёр в карбюраторе засорился.

– Вот-вот, – усмехнулся Коляка, – и надо было жениться, чтобы потом жене врать?

– Отстать, – Сергей отмахнулся и пошёл к машине. Выслушав от супруги пару гневных тирад, он, не повышая голоса, объяснил, что будет к утру. Затем выключил телефон, вернулся на скамейку и закурил, успокаиваясь.

– Сильно прилетело? – сочувственно спросил Коляка.

– Да так, нормально. Она обычно вначале вспыхивает, а потом успокаивается быстро. Я уже привык. Завтра всё нормально будет, и слова плохого не скажет.

Скрипнула калитка, и в темноте появился старик. Присев на скамейку, он тяжело вздохнул.

– Дед, дальше что было? – Коляке не терпелось услышать историю до конца, – ты сказал, что партизаны полицаев в сарае зажали.

Старик какое-то время посидел, отгоняя мысли, связанные с мёртвой соседкой.

– Да, так и было, наши окружили сарай и стали с Федькой и его дружками перестреливаться. Думали, что у них скоро патроны закончатся, тогда голыми руками и возьмут. Вот только главного они не знали, что про их налёт немцам заранее всё было известно.

– Как это известно? – присвистнул Сергей.

– Да вот так! – старик хлопнул себя по коленкам, – предатель в отряде, оказывается, был.

– Ого, вот это поворот, – Колька аж встрепенулся, – а кто? Вроде почти все местные были.

– Агитатор районный оказался. Тот, что комиссаром в отряде был. Его уже потом, после войны, в середине пятидесятых, сюда привозили на опознание. Даже не знаю, что потом с ним было. Судили в областном центре, из наших никто не ездил. А потом то ли расстреляли, то ли в лагерь сослали. Да только в этих краях больше не появлялся.

– Вот тварь, – выругался Колька, – это ж надо, такой падлюкой оказался!

– Да тут, как бы, это, сказать, не всё так просто, – старик вздохнул, – все мы герои до поры до времени. Это уже потом выяснилось, что не по доброй воле доносил.

– Ага, – кивнул Сергей, – наверное, ещё с чекистских времён привычка стучать осталась. И неважно кому.

– А вот ты, – старик ткнул в него пальцем, – что стал бы делать, если тебе записку передали, так, мол, и так, твоя семья в тюрьме. Не будешь с нами сотрудничать, детей живьём на кусочки порежем на глазах у жены, а её саму потом охранникам отдадим на недельку. Вот как бы ты поступил, хлопец!?

– Ну, я, это, не знаю, – замялся Сергей.

– Поэтому сиди и помалкивай, герой. Война, она такая, любого сломать может, если метод найти.

– Алё, дед, – вмешался Колька, – всё, успокойся, про предателя мы уже поняли. Можно продолжать.

– За водой сходи! – старик раскашлялся от волнения и долго не мог остановиться. Перед глазами всплыло заросшее худое лицо с испуганными очень усталыми глазами. Когда бывшего комиссара привезли, собралась вся деревня. Каждый хотел плюнуть в глаза человеку, из-за которого они пережили столько горя и сами чудом остались живы. Но когда услышали его историю, простить не простили, но и ругать не смогли. На второй день, после этого события, немцы повесили его жену и детей прямо на главной площади райцентра. Самого агитатора отправили в лагерь к военнопленным, таким образом оставив ему в жизнь в награду за совершённый поступок, а не расстреляли, как того требовал приказ по отношению к пойманным партизанам. Наверное, немцы были уверены, что там он и умрёт. Но, пройдя этот ад, комиссар выжил, сломленный, с разбитой психикой он всю оставшуюся жизнь корил себя за то, что не пустил пулю в лоб сразу после получения той записки из рук пришедшей в отряд женщины, с которой раньше работал в райкоме.

– Колька, не тупи, давай быстрее, – поторопил напарника Сергей.

После того, как старик напился и пришёл в себя, он продолжил свой невесёлый рассказ.

– Ну а дальше, это, немцы стали окружать деревню. Партизаны, махнув на Федьку, стали прорваться, аккуратно вдоль этой улицы отступали. Немцы их обложили со всех сторон, не давали уйти в лес, гнали к тому перекрёстку, где вы копаетесь. Да и куда с той дороги денешься, болота кругом незамерзающие были.

Старик перевёл дыхание, вытер набежавшую слезу.

– Там, на перекрёстке, фашисты засаду устроили. Но сильно окопаться не успели. Партизаны её сходу сбили, а дальше уже пройти не смогли. С той стороны немцы два броневика подтянули с пулемётами, прижали хлопцев, пришлось им на этом месте оборону занимать. Ну, их там полностью и заблокировали. Там, как на зло, через болота проходу не было, ни одной тропиночки, а так бы до ночи продержались и ушли.

– Охо-хо, – старик тяжело вздохнул и продолжил, – было слышно, что бой шёл весь день и всю ночь. Немцы нам под страхом расстрела запретили из домов выходить, в деревне патрулей наставили, все дороги перекрыли. А утром туда подтянули миномёты, танк, такая канонада началась, похлеще, чем в начале войны. Через час ещё немного постреляли из винтовок и всё стихло. А к обеду немцы стали по хатам ходить, всех на улицу выгонять, и старых, и малых, и больных, и здоровых. Согнали в кучу возле правления, окружили со всех сторон. Страшно было, до жути. Дети плачут, бабы плачут, старики плачут, немцы орут, овчарки из поводков рвутся, лают, аж заходятся. Такую отпусти, на куски порвёт. Думали, что перестреляют всех нас.

Старик ненадолго замолчал, взволнованный воспоминаниями. Сергей снова вытащил пачку, но сам курить не стал, протянул Кольке.

– Будешь?

Тот вытащил сигарету, повертел в пальцах и сунул обратно в пачку.

– Да нет, что-то не хочется пока.

– А через час, это, немцы с нашими недобитыми полициями вернулись с места боя, – продолжил старик, – на двух телегах своих мёртвых привезли, их потом в райцентре похоронили, напротив кладбища, на другой стороне дороги. Последним танк ехал, к нему на верёвке наш раненый председатель был привязан, весь в крови, идти сам не мог, так волоком его тащили. Немецкий офицер бумагу какую-то достал, читать стал. Шумно было, я почти ничего не понял. Там что-то про бандитов было, про помощь им, про полицейев. Потом председателя на глазах у всех на ветке дуба повесили, он ещё живой был, дёргался. А дальше ужас начался. Немцы после боя с парти-

занами очень злые вернулись. Стали дома жечь, людей бить, девок наших насиловать. Катьке, бедной, тоже тогда досталось. Кто поперёк слово сказал или заступиться пытался, сразу пулю в лоб. Отца и старшего Катькиного брата штыками закололи, когда те на немцев бросились, чтобы её спасти. Ох и страшно же было, не передать. Староста наш к немцу-офицеру подскочил, на колени встал, стал того упрашивать прекратить безобразия. Говорил, что всё, что есть в домах, пусть забирают, только людей не трогают, не виноватые они. Немец его ногой ударил, а потом из пистолета в голову выстрелил. Долго нас мордовали, издевались, били, деревню всю дотла сожгли, только правление почему-то не тронули. Мне в спину прикладом так досталось, думал, встать не смогу. Когда натешились, злость сбили, нас по разным группам стали делить. В одну группу взрослых и молодых, в другую старых и больных. Мы с Катей вместе с братьями нашими и сёстрами в одной куче оказались, а наши родители в другой. Их всех при нас построили и расстреляли из пулемётов. Так мы с Катькой враз и осиротели. А нас снова бить стали и потом повели в райцентр. Кто идти не мог или падал, того штыками добивали.

Старик встал, прошёлся по улице, приводя чувства в порядок. Затем подошёл к скамейке, но садиться не стал. От воспоминаний затряслись руки.

– В райцентре в подвале бывшего военкомата держали, есть совсем не давали. Ведро с грязной водой на всех поставят на день и всё. Там окошко маленькое было, через него снег пытались достать, часовой ногами по рукам бил, развлекался. Дождётся, пока кто-то руку подальше просунет, снег с грязью зачерпнёт, потом на кисть прыгал, аж кости хрустели, ломались. А он хохочет, что-то кричит на своём языке. Через неделю, или больше, нас всех на станцию повели и в товарные вагоны запихнули. Правда, по буханке хлеба на пятерых выдали, наша первая еда в неволе. Сказали, что отправляют в Германию на работы. Везли как скот, из вагонов не выпускали. Откроют дверь, хлеба бросят, пару вёдер с водой подадут и снова закрывают. Даже тех, кто от побоев и голода в дороге умер, не давали сгрузить. В нашем вагоне таких пять человек было. Так и ехали все вместе, мёртвые и живые. Сложили их с самого краю, чтобы не наступать. По нужде в угол ходили, доску одну сломали немного, чтобы сильно не воняло. Стесняться сил не было, так и ползали по очереди, и мужики, и бабы.

Катька, бедная, переживала сильно. И за родителей, и за Ваську, и за случившееся. Плакала всё время, есть ничего не хотела, всё говорила, как она Ваське такой «порченной» на глаза покажется. Ещё в тюрьме вены себе зубами перегрызть пыталась, да бабы наши вовремя заметили. Сутками за

руки её держали, успокаивали, как могли. Ох, тяжело вспоминать, хлопцы, не дай Бог такое пережить, – старик замолчал, вытирая нахлынувшие слёзы.

– Отец, ты присядь, мы сейчас водички принесём, – Сергей встал, взял старика под локоть. Колька, не дожидаясь просьбы, рванул за водой.

Нахлынувшие страшные воспоминания долго не давали старику успокоиться. Он словно окунулся в то время, где смерть и зло плясали свои кровавые танцы, соревнуясь между собой. Он чувствовал, что обязан рассказать этим незнакомым людям историю своей деревни, историю Кати. Жизнь медленно уходила из деревни, день за днём, неделей за неделей, год за годом, и скоро никого из сельчан, помнивших эти тяжёлые времена, в живых и не останется. А через десяток лет пропадёт и кладбище, пережив умершую деревню. Рассказывая про случившуюся трагедию сейчас, старик был уверен, что даёт ей шанс сохраниться в людской памяти не только своих детей, но и чужих, не причастных людей. Что-то же заставило этих двух ребят не бросить в лесу мёртвого человека, не сбежать, а значит, есть в их сердцах нечто людское, способность к состраданию. Вон как сидят, внимательно слушают, даже папиросы свои спрятали.

– Привезли, это, нас в Германию, в лагерь около Кёльна, – продолжил он, придя в себя, – там всех разделили по баракам и начали гонять на работы. Я на пороховой завод попал. Остальные кто куда. Кого на кожевенную фабрику, кто на оружейный завод, а кого батраками к немецким помещикам. Работали по двенадцать часов, без выходных, кормили так, что у нас скотина в голодное время лучше питалась. Ох и вредное то, пороховое, производство было. Там себе кашель на всю жизнь и заработал. Да хоть живой остался, и то ладно. Много людей помирало, никто их и не считал. Мёртвых в лагерном крематории сжигали, а пепел немцы продавали на удобрения. Там все наши родные и остались, на тех полях. Сёстры мои, Катькины два брата с сестрой, да и Васькины братья. Один только, Петька, выжил, в конце восьмидесятых помер своей смертью. А тогда его Катька спасла. Я к концу сорок третьего тоже уже подыхал, сильно газами отравился, работать не мог, кровью плевался и стуктами какими-то. В лазарет положили, а оттуда одна дорога – в печку. Не знаю, как Катька своего бауэра, на которого батрачила, уговорила, да тот с нашим лагерным начальством договорился и меня с Петькой, полудохлых, к себе забрал. Там чутка откормили, с того света вытянули и стали мы по хозяйству помогать. За садом смотрели и за теплицей. Потом нас союзники, американцы, освободили. Опять в лагере пришлось несколько месяцев пожить, там для нас санаторий устроили. Крематорий разобрали, мёртвых похоронили, колю-

чую проволоку и вышки сняли, в бараки дали матрацы и одеяла. Чем же не санаторий? Собрались наши, деревенские, кто выжил и решили вместе держаться. Кормили от пуза, на работы не гоняли, сил набирались и ждали, пока война закончится. Американские «сваты» каждый день по баракам ходили, предлагали в Австралию переехать или в Канаду, да мы сильно домой хотели. Хоть и знали, что там уже пустошь вперемешку с костями родичей, ни жилья, ни работы, да это ж дом родной, как от него отказаться было. А уже после победы стали нас домой на восток перевозить, уже к своим в руки, но тоже для начала в бывших лагерях подержали. Называлось это карантин. С едой было хуже, чем у американцев, да мы и не просили ничего, только бы домой скорее отпустили. Потом дали нам документы, и мы пешком, где на поездах, домой двинулись. Больше месяца добирались, голодали, попрошайничали, крошки между всех делили. Пришли, а здесь уже всё бурьяном поросло, только обгоревшие печные трубы стояли. Оказалось, что Кузьмич, староста наш, тогда выжил, тяжело ранил его немец. Сутки в беспамятстве провалялся, потом кое-как в себя пришёл. Он тут один жил, убитых в одиночку хоронил, каждому небольшую могилку на кладбище выкопал. Говорил потом, что не мог всех в одну кучу сваливать, стыдно было, что не отстоял тогда. От пережитого умом и тронулся. После освобождения его арестовали за сотрудничество с немцами, хотели в штрафбат мобилизовать, да потом отпустили и даже пенсию назначили по инвалидности. Понятное дело, погоревали мы, поплакали, не знали с чего и начинать, а потом стали обустраиваться, жить то как-то надо. С фронта всего один сельчанин вернулся, которого ещё в сороковом призвали. Да и тот контуженный. Землянки рыли, чтобы первую зиму прожить. А потом уже стали хаты строить все скопом, так легче было. Потихоньку колхоз возродили, из райцентра дали пару лошадей, пяток коров да кое-какие инструменты. А так всё руками сделали. Потом хозяйствами стали обрастать, семьи завели. Так и жили на своей земле, хоть и в бедности, да дома. Голодать, конечно, уже так сильно не голодали, но и работать приходилось с утра и до ночи. Дружно жили, один другого старались поддерживать, как там, в лагере.

Старик снова тяжело вздохнул, помолчал минутку и продолжил.

– Катька, это, с первых дней стала Ваську своего разыскивать. Не хотела верить, что погиб, всё ждала. Замкнулась, нелюдимая стала. А всё его ждала. Наверное, чутьём чувствовала, что нет его на этом свете, да виду не подавала. Всё повторяла: «А вот Васенька мой придёт, полегче будет». Годы шли, а она всё: «Вот Васенька мой»... Ни на кого не смотрела, всё ждала. Другие, у кого мужья в отряде погибли, замуж давно повыходили, новые

семьи построили, детей завели. Ну а куда им, бедным, деваться. На земле то одной, ой, как тяжело прожить без мужских рук. К Кате тоже приходили свататься, да что там греха таить, и я подкатывал. А она ни в какую: «Васенька придёт, что я ему скажу?»

– И что, ни одного свидетеля того боя не осталось? Кто-то ж туда ходил потом, присыпал погибших. Мы всех, кого нашли, из глубины подняли, – нарушил рассказ старика Сергей.

– Из отряда больше никого в живых не видели. Агитатор, тот сразу, как немцы на деревню напали, побежал в райцентр, своих выручать. Оказывался, у него какая-то бумажка от фрицев была, чтобы патрули не задерживали. Из полицаев только Фёдор войну пережил. Потом ещё почти пять лет по лесам прятался, у него в соседней деревне любовница была, она его и подкармливала. Уже в конце сороковых она же его сама и сдала энкэвдэшникам, когда Федька ей по-пьяни голову бутылкой проломил. Дали ей десять лет за укрывательство, Федьке пятнадцать. После отсидки сюда приехал, поселился на окраине, как волк жил, пил каждый день. Катя ходила к нему, спрашивала про Ваську. Да Федька только рассмеялся ей в лицо, а через месяц замёрз пьяным на улице. Слухи ходили, что Кузьмич туда ходил. Вроде он всех и присыпал землёй в воронках. Тащить сюда, на кладбище, далеко было, тут один никак не справишься. Да только Кузьмич тоже Катьке ничего не сказал, что и кого он там, в лесу, видел. Вот она, бедная, веру-то свою и не теряла, ждала. Раз, говорит, Кузьмич молчит, значит, не видел он мужа моего мёртвым. Вот по телевизору сказали как-то, что лебеди – самые верные птицы. Врут всё. Вернее и преданнее любящего человека никого нет. Когда вы, это, ездить сюда стали, Катя обрадовалась. Хоть маленькая надежда появилась, что Ваську найти получится. Так оно и вышло. Охо-хо, вот и не знаешь, что тут сказать, вроде умер человек – это плохо. Но с другой стороны, она его нашла, значит, цель свою единственную на земле выполнила. Теперь их души навеки вместе в раю, если такой есть, потому что по-другому просто не может быть.

Небо на востоке стало сереть, медленно приближая новый день. В немногочисленных курятниках запели петухи. Ребята всё ещё сидели на скамейке, слушая рассказ старика, иногда задавая вопросы. Тот рассказал им о тех, кого с их помощью удалось извлечь из-под земли и о каждом из тех, кто там ещё оставался. Рассказал о том, как окончательно захирела деревня и заросла дорожка, ведущая к райцентру после того, как построили шоссе в десятке километров отсюда. О том, как поразъезжалась молодёжь по городам в поисках лучшей жизни и теперь из немногочисленных жильцов остались одни старики, доживающие свой век на родной земле.

– Может, это, хлопцы, останетесь на похороны? – спросил он, когда совсем рассвело и ребята стали собираться в дорогу.

Сергей почесал нос.

– Отец, ты извини нас, но, по-моему, это будет не совсем правильно. Вроде, как бы мы стали косвенными виновниками её смерти. И все про это уже знают. Совестьливо, как-то, неловко. Мы лучше потом, на кладбище могилку посетим. Хорошо?

– Ну ладно, хлопцы, как хотите, – старик кивнул головой.

Пожав ему на прощанье руку, ребята сели в машину и Сергей, не прогревая мотор, тронулся, стараясь не поднимать пыль на песочной дороге. В зеркало он видел, что старик ещё какое-то время стоял около забора, потом пошёл в дом Катерины.

Долгое время, даже когда выехали на трассу, ребята молчали. Утреннее шоссе было пустынным, лишь редкие встречные машины слабо слепили ближними фарами. Сергей прокручивал в голове произошедшее событие. Что-то не давало отнестись к нему как к обычной человеческой трагедии. Ему казалось, что благодаря старухе и услышанному рассказу, он почувствовал внутри себя какую-то тоненькую ниточку своего прошлого, своих погасших эмоций и чувств, давно забытых, потерянных, спрятанных за маской равнодушия, которое сейчас принято называть житейской мудростью или жизненным опытом. А ведь он, Сергей, ведь тоже когда-то был совсем другим: светлее, чище, эмоциональнее. И вот где-то в душе, глубоко спрятанный, затлелся, заискрился маленький огонёк того самого состояния, которое, казалось, было утеряно навсегда. Ну и что, что герои, хранившие этот огонь, умерли, но сам его свет ещё мог согреть других, потерявшихся в темноте бытия.

– Вот не понимаю я, Серый, – нарушил тишину то и дело зевающий Колька, – старуха же явно чувствовала, что Ваську тогда убили. Ну не пришёл сразу после войны, через год, через два. Ясно же, что уже никогда не придёт. И зачем тогда свою жизнь губить? Молодая же баба ещё была. Неужели семьи не хотелось, детей? Ради чего все эти ожидания? Вон, даже хоронить чужие люди будут.

– Да чёрт её знает, Колян, – Сергей переключил передачу, поднимаясь в горку, – тут просто так и не объяснишь. Любила она его, наверное, сильно. Тем более, что Василий это – её первая любовь. А она, пожалуй, самая кристально чистая. В ней ещё нет обмана, лжи, измены, привычки, жизненного опыта. И при этом у неё есть вкус счастья, тепла, света. Разве это плохо? Мне кажется, она и с Васькой своим сохранила бы её до старости.

– Ну, ты, Серёга, прям философ, – улыбнулся Колька, – любовь-морковь, так не бывает.

– Почему? – взглянул на напарника Сергей, – а как бывает?

– Да проще всё на самом деле, – Колька откинулся на спинку сидения, – вот смотри. Я человек не сильно влюбчивый. Допустим, иду в клуб, мне там нравится девушка, я просто подхожу и знакомлюсь. Дальше дело техники, – Колька довольно улыбнулся, – утром домой проводил и всё. Всем спасибо, все свободны. Никаких продолжений и обязательств. Хочется ещё раз встретиться, пожалуйста, созвонились и потусовались и разбежались. То одна, то другая, это ж прикольно, каждый раз новые впечатления, новые лица. Зачем это вся любовь, чтобы мучиться, переживать, ждать? А жизнь-то одна, и она с каждым днём проходит. Моложе уже не станешь, как ни старайся. Старухе-то на пенсии даже нечего вспомнить было. Сколько она там со своим Васькой пожить успела? Месяц? И потом всю жизнь угробила на ожидания с моря погоды.

– Ты, наверное, Колян, просто не любил никогда.

– Ну почему же, – Колька довольно улыбнулся, – бывало и влюблялся. Да только этих соплей надолго не хватало. Месяц-два, а потом бытовуха начинается, хочется чего-то или кого-то другого. Нет, – он махнул головой, – ну не понимаю я бабеньку.

– Не понимаешь, значит, и не поймёшь, – Сергей вытащил из бардачка тёмные очки, чтобы защитить глаза от ярких встречных лучей поднимающегося солнца. Ему вдруг показалось, что маленькая частичка старухиной любви не умерла со своей хозяйкой, а едет сейчас с ним, спряталась в его душе, поддерживая тот самый лёгкий огонёк, возродившийся внезапно. Так бывает, когда, например, разговариваешь с каким-то хорошим человеком. Совершенно не важно о чём. И вроде беседа уже закончилась, и вы разошлись в разные стороны, а внутри тебя ещё какое-то время живёт тепло души этого собеседника.

– Ну, а ты-то, сам, – напарник повернулся к нему, – смог бы так любить, чтобы жизнь свою угробить ради этого?

– Я? – Сергей задумался, – даже не знаю, – добавил он, немного помолчав, – сейчас, наверное, нет, тут особым человеком нужно быть, чтобы такое смочь.

– Каким особым? – не унимался Колька.

– Ну, вот, смотри, – Сергей опустил солнцезащитный козырёк, – любовь – она же разная бывает. Сразу и не поймёшь, настоящая она или обычная скоротечная страсть накрыла. Сам знаешь, я же старый дальнобойщик. Считаю, в машине родился. На фуре своей полмира объездил, даже уже не припомнить где был, а где не был. Так вот, когда только начинал, все дороги были разные: кривые и прямые, ровные и ухабистые, в одну полосу или

в несколько, равнинные или гористые, лесные или степные. Каждый новый рейс – это новое приключение. Города, деревни, придорожные кафешки, базы, заводы. Интересно, до жути. Всё новое, неизведанное. И вроде и работа тяжёлая, а на душе всё равно радостно было. А сейчас, когда позади несколько миллионов километров, этого ощущения уже нет, оно исчезло. Всё сплелось в одно: полоска серого асфальта, тянущегося по земле и старое кафе с безвкусной едой. И всё... Остались только рутина, тоска, равнодушие и потерявшиеся воспоминания. Так и с женщинами, братан, по молодости сколько их было, и не сосчитать. Дальной-то всегда в почёте был, купюры в карманах шуршали, а что девам ещё надо? Слетались, словно мёдом намазано. Считай, в каждом городе у меня любовь была. Рыжие, белые, тёмные, Аленки, Оксанки, Натахи, всяко-разно.

– Да ты, Серый, ходок ещё тот! – рассмеялся Колька.

– Ну, разное было, – скромно улыбнулся Сергей, – но суть в том, что со временем так же, как и с дорогами, все эти Ленки и Анжелки превратились в одну бабу: некрасивую, жадную и очень нелюбимую. Такую, от которой воротит. Я тебе много смог бы рассказать, да твоя молодая психика точно не выдержит, – рассмеялся Сергей, – а самое плохое во всём этом то, что само понятие любовь было испорчено напрочь. Вся сила, красота этого чувства погасли. Сменилось оно на какое-то сплошное равнодушие ко всем. Помнишь сказку про Снежную королеву, когда она Кая заколдовала? Так и со мной. А это, пожалуй, самое страшное божье наказание. Знаешь, я бы очень многое отдал, чтобы этого прошлого не было в моей жизни.

– Так ты что, не любил никого? – Колька открыл форточку и закурил.

– Ну почему же, – Сергей ненадолго задумался, – была однажды в моей жизни сильная любовь. По крайней мере, мне так казалось.

– Ксюха?

– Да нет, ещё до неё, когда совсем молодой был. Встретилась мне Светка-Светочка, огонь-девка. Она диспетчером в конторе работала, куда я частенько грузы привозил. Слово за слово, познакомились. Потом чай-кофе в ресторанчике неподалёку, ну, нас обоих и накрыло. Такая любовь сильная была, жить друг без друга не могли. У меня просто голову сорвало с петель, все мысли только о ней. Из рейса еду, обязательно к ней заезжаю, и не важно, что крюк давать приходилось. Со временем совсем в тот городок перебрался, благо работа позволяла, жить вместе стали. Казалось, что ещё надо? Счастье через край било. Несколько лет прожил в таком состоянии, как в другом измерении. Она и умница, и красавица и готовит хорошо, а уж как меня любила, и не передать. Сказка, а не женщина.

Сергей замолчал. Колька докурив сигарету и выбросил окурочек прямо в окно.

– А дальше то что?

– Дальше? – Сергей грустно улыбнулся, – дальше? А дальше сбежал я от неё.

– Это как? – Колька удивлённо посмотрел на напарника

– А вот так, – засмеялся тот, – в какой-то момент мне стало страшно. Сломала бы она меня. Не знаю, как это объяснить. Любили друг друга, ох, как сильно, ярко, остро, страстно. Но мало того, друг от друга таких же ответных чувств требовали. Словно соревнование такое, кто кого больше любит. При этом так же ярко ревновали друг друга к каждому столбу. Я ведь часто в разъездах, она дома. И вроде поводов не было, а что-то внутри нас всё время требовало этой самой ревности, проявления эмоций, чтобы чувства всегда в тонусе держать, вот эту самую остроту любовную не погасить. Всё по полной. Если ссора, то вся посуда в доме перебита, если мир – то фейерверки в душе взрываются. А со временем я понял, что перестаяю себя контролировать в некоторые моменты. Стал бояться, что в эмоциональном порыве реально могу ненароком её задеть или ударить. Дальше ещё хуже, чувствовать стал, что начинаю пропадать, в подкаблучника превращаюсь. А она усвоила, что я вроде поворчу-поворчу, а то, что она хочет, всё равно сделаю. Стала потихоньку этим пользоваться. И вроде с одной стороны всегда вместе хочется быть, а нутром чую – свободы уже не хватает, так засосало, что задыхаться в этом раю стал. При этом понимаю, что как окончательно меня ломает, я ей не очень-то и нужен буду. Сама мне сколько раз говорила, что любит меня за то, что настоящий мужик, не такой, как все. А если бы в размазню превратился, то, наверное, бросить бы не бросила, да только началась бы у меня с ней серая обыденность: диван, дети, треники с пузырями на коленях и пиво в гараже с такими же мужиками, то есть стандартная бытовуха. Какая уж тут любовь? И пошла бы дальше у меня своя жизнь, а у неё своя. Разве это нормально? Так что я, в один день, когда она на работе была, вещи собрал, записку на столе оставил и уехал. С тех пор городок этот за тридевять земель объезжаю. Вначале очень больно было, почти год сердце болело, так резало, и не передать. На таблетках сидел, еле сдерживался, чтобы назад не рвануть. Потом потихоньку отпустило. Нет таких переживаний, которых нельзя бы было временем вылечить. Но вроде уже много лет прошло, а туда всё равно заезжать боюсь. Вдруг её снова увижу.

– А с Ксюхой не так? – Колька посмотрел на напарника.

– С Ксюхой? – Сергей снова ненадолго задумался, – нет, с ней всё по-другому. Мы сошлись, когда уже постарше стали, да и я пообтесался что ли. Она сама по себе очень спокойная, мудрая. Да, там такой яркой страсти нет, всё тихо-спокойно. Но зато и нервов столько не тратится, как со Свет-

кой. Я хотя бы сейчас сплю спокойно. На работе как баранку ни крути, всё равно не отдыхаешь, только нервы тратишь на дорогах да загрузках-выгрузках. Ксюха, она, конечно, большой молодец. Сразу поняла, что мне иногда побыть одному нужно, отдохнуть от работы, от семьи, спокойно отпускает, без скандалов. Для меня очень важно. Если позволяет время, то спокойно еду и на раскопки, и на рыбалку, да и с друзьями пива попить. С одной стороны я себя после этих поездок мужиком ощущаю, а с другой – весь негатив, накопившийся за порогом оставляю, в дом не вношу. Только вот для себя понять не могу, любовь это или нет, потерял я такое чувство в прошлом. Хотя как-то живём, всё спокойно, заботливо, размеренно, надёжно. Но этот вариант мне больше нравится, чем тот, острый. Да не хочется мне больше таких эмоциональных переживаний. Я вот думаю, может то, что у меня с Ксюхой это и есть настоящая любовь? Не понимаю я, разучился понимать. И ребёнок у нас растёт, на обоих одновременно похож. Знаешь, Колян, мне почему-то кажется, что у Катерины с Васькой всё так же было бы: тихо, спокойно, по-любовному. Наверное, самая настоящая любовь она такая и есть, когда двоим хорошо не только сейчас, сию минуту, а постоянно, без лишних нервов, без дурацких доказательств, без глупой ревности.

– Ну, не знаю, – Колька пожал плечами, – ты, Серый, конечно, калач тёртый, да только, чтобы понять, сложится или нет, время нужно. А Катерина с Васькой почти вместе и не прожили. Может, она бы его достала через год своей заботой, и он так же ломанул от неё в соседнее село, как ты от Светки своей.

– Не думаю, Колян, – Сергей перестроился в правый ряд, пропуская догнавшую их попутную машину, – что-то мне подсказывает, что Катя не такая. И любовь, стало быть, у неё не такая, как мы привыкли считать. Её любовь – это ожидание, вера, самопожертвование и надежда. И ведь за все долгие годы она сохранила в себе это чувство, не дала ему угаснуть. А это, брат ты мой, уже показатель.

«Кстати, – подумал Сергей, но вслух этого не сказал. – что-то давно я не дарил Ксюхе цветов. Белые розы на длинной ножке, как она любит. Надо бы заехать».

И от этой, казалось бы, простой мысли, пробудившийся в душе маленький огонёк, зажёгся ещё чуточку ярче, согревая уставшую от темноты душу. Сергей улыбнулся спокойной доброй улыбкой, представив на секунду, как обрадуется неожиданному подарку жена.

Так, переговариваясь, доехали до города. А дальше каждого из них закрыли-завертели в бесконечном танце трудовые будни, не давая времени

на отдых. Постепенно произошедшие события стали забываться, уходить в прошлое, лишь по вечерам бередя душу рассказом старика.

Наступило лето, наполнив природу яркими красками, ароматными запахами травы, цветов, деревьев. В один из таких знойных дней старик, сидя на лавочке возле дома, увидел знакомую «Ниву», оставляющую за собой облако пыли на пустой деревенской улице. Машина притормозила, из неё вышел Сергей. Поздоровавшись со стариком, он пообещал тому заехать завтра днём, поговорить и обсудить кое-что важное. Затем, прыгнув на сиденье, плавно, стараясь не пылить, тронулся дальше.

В этот раз он был один. Колька отказался ехать, сославшись на бесперспективность поисков в этом месте. Договорившись с Егоркой, начать разработку немецкого кладбища, о котором помянул в своём рассказе старик, он был уверен, что уж в этот раз ему точно «подфартит».

Заглянув для начала на деревенское кладбище, Сергей положил привезённый с собой букет искусственных цветов на ещё свежую могилу старухи и её мужа, постоял несколько минут, склонив голову, и двинулся дальше, к своей цели. А ею оказался всё тот же забытый Богом кусок леса у заброшенной дороги. Для себя Сергей решил, что сделает всё, чтобы помочь обрести настоящие могилы с гранитными плитами бойцам погибшего отряда. И пусть эта затея не принесёт значимых находок и денег, но совесть уже не позволяла бросить здесь всё, особенно после рассказа старика. А ещё, он ощущал ответственность за это перед Катериной, благодаря которой он стал возвращаться в живой, яркий и тёплый мир настоящих людей и подлинных чувств.

И всякий раз, приезжая сюда, Сергей был уверен, что незримый образ старухи, продолжает витать рядом, напоминая, что всё не вечно, кроме любви...

Из романа «Рваные души»

[Действие исторического романа Вл. Мороза охватывает период от Первой мировой войны до 70-х годов XX в. В центре повествования – трагическая судьба русских офицеров, история о великой любви, долге и чести]

Попытались прорваться ночью. Когда совсем стемнело, вскочили на коней и рванули, прижимаясь к реке. Не успели пройти метров двести, как попали под сильный пулемётный огонь. Хорошо, что не успели полностью выскочить на пригорок, иначе положили бы всех. Пришлось возвращаться. Под утро, когда, казалось, все часовые только и делают, что борются со сном, попытались проскочить в другом месте. И снова неудача. Потеряв

убитыми двух человек и одну лошадь, вернулись. Стало ясно, что красные крепко стерегут свою добычу, не спуская с неё глаз. Пока окончательно не рассвело, эскадрон укреплял боевые позиции, ожидая сильных атак. И они не заставили себя ждать. Только взошло солнце, бросив золотые лучи на остывшую за ночь землю, как красные, выстроившись в цепь, стали наступать. До полудня отбили три атаки. Потом всё прекратилось. Красные чего-то выжидали или просто решили взять измором. В бинокль было видно, что они продолжают копать окопы, расставляют дополнительные пулемёты.

– Вот обкладывают, прямо как дикого зверя, – переговаривались между собой казаки.

Владимир был мрачнее тучи. Мозг лихорадочно искал выход из сложившейся ситуации и не находил его. Конечно, можно было бросить лошадей и по одному пробраться по реке. Но что это даст?

С утра их, безлошадных, нагонят и растерзают. Оставалось только сидеть и ждать чуда. Может быть, свои придут на помощь, вернутся и помогут отогнать противника? Хотя в чудо верилось всё меньше, видя, как на том берегу спокойно ведёт себя часть большевистской конницы, оставленная сторожить казаков на случай их переправы.

Казаки молча наблюдали за Владимиром, стараясь не «давить на больную мозоль». Они верили, что их «чёрный капитан» обязательно что-нибудь придумает, как это бывало не один раз. И снова вырвет всех из костлявых лап смерти.

– Что будем делать, Владимир Фёдорович? Может, прорыв? – под вечер спросил его Гришук, после того как Владимир в очередной раз в бинокль оценил позиции красноармейцев, делая новые пометки на карте.

– Думаю, что время уже упущено. Шанс на прорыв был только вчера, сразу после нашего возвращения в окопы. И всё-таки они чего-то выжидают, только пока не пойму чего, – задумчиво ответил Владимир.

– Не хотят лишних потерь?

– Не смешите меня, Степан Тимофеевич! Когда это красные считались с этим? Здесь что-то другое.

Когда стало темнеть, Владимир вызвал к себе Ерофея Павловича.

– Вот что, дорогой ты мой старичок-лесовичок, с фронта нас пуще глаза стерегут, около реки тоже. Но не верю я, что у красных против нас нет слабого места. И ты, Ерофей Палыч, должен его найти. Одна надежда сейчас на твой опыт. Бери с собой кого хочешь, но за ночь нужно всё облазить. Кого возьмёшь?

Тот постоял, подумал:

– Ваше благородие, я так кумекаю: раз коммунисты нас пока оставили в покое, значит, что-то замышляют. Думаю, что ночью точно не сунутся, будут стеречь, чтобы мы не вырвались. Один пойду. Двоих человек им заметить легче будет.

– Ну, с Богом тогда, – Владимир подошёл к нему и обнял старика за плечи, – только очень тебя прошу, поаккуратнее там.

– Не переживайте, ваше благородие, не впервой. Справляюсь.

– Тогда иди, отдыхай, сам знаешь, когда нужно выдвигаться. Я тебя буду ждать здесь.

Наступила ночь, принесла с собой осенний промозглый холод. Чувствовалось, что скоро землю укроет первым снегом, который, порадовав детишек, тут же растает. Не спалось. Владимир несколько раз обошёл караулы, но казаки, кутаясь в шинели и башлыки, не спали. Все понимали опасность происходящего, красные в любой момент могли предпринять ночную атаку. Под утро, не сдержавшись, Владимир укутался в шинель и попытался немного вздремнуть, силы с утра точно понадобятся. Проснулся от лёгкого толчка.

На востоке начинало сереть, словно кто-то большой и сильный стаскивал тёмное ночное одеяло с земли. Рядом сидел Ерофей Палыч, затягиваясь самокруткой.

– Ну что? – с нетерпением спросил Владимир, протирая глаза.

– Всё облазил, – голос Палыча был грустным, – там, где можно пройти, пулемёты через каждые пятьдесят шагов поставлены. В одном месте их поменьше, но там низинка с грязью, и лошади не пройдут, увязнут.

– М-да... Невесело. Остаётся только ждать, не голодом же они нас морить собрались, – задумчиво сказал Владимир. – Ладно, старичок-лесовичок, плохая новость – это тоже новость. Не расстраивайся, иди отдыхай. Утром будет утро. Провизия у нас есть, вода под боком, лошадям еда найдётся. С боеприпасами, правда, беда, но на несколько атак ещё хватит. Так что ещё поживём, – улыбнулся он.

– Конечно, поживём, ваше благородие, я ещё, как вернусь, внуку старшему уши обещал надрать за хулиганство, – Палыч встал и тяжёлой походкой пошёл искать место для отдыха. Было видно, насколько трудно далась ему эта разведка.

Спать больше не хотелось. Кажется, прав был Гришук, они действительно в западне, из которой нет выхода. Владимир встал, попрыгал на месте, разминая застывшие конечности. Затем достал бинокль и стал всматриваться в темнеющую серость вражеских окопов. На том конце никого не было видно, но он прекрасно знал, что сейчас десятки таких же человечес-

ких глаз напряжённо смотрят за движениями на их стороне, в готовности немедленно подать сигнал тревоги, который заставит отдыхающих распрощаться со своими снами и занять боевые места, чтобы своим огнём подарить смерти новые жертвы.

– Вариант пробиться у нас есть, – сказал Владимир Грищуку, когда тот с молчаливым вопросом в глазах приблизился к нему. – Дождаться атаки, и когда в очередной раз красные покатаются назад, на их плечах пробиться через окопы. Надеюсь, они не будут слишком активно расстреливать своих.

Они уцепились за этот план, как утопающий хватается за последнюю соломинку, и стали обговаривать все нюансы. Было решено после начала атаки оставить в окопах только пулемётчиков, а самим сосредоточиться на лошадях сзади. И как только красные начнут отступать, выскочить и галопом ринуться на прорыв, подхватив пулемётчиков и выставив их вперёд для прокладывания коридора и обеспечения флангов. Затем уходить в сторону Курска, сбивая красных со следа, и, только отойдя на приличное расстояние от реки, плавно менять направление на Дон и дальше пробиваться к своим.

На том и остановились. Владимир собрал эскадрон и рассказал про прорыв. На понурых лицах казаков стали появляться улыбки: не подвёл «чёрный капитан», нашёл-таки выход. Оставалось только дожждаться атаки красных. Но её почему-то не было. После полудня прибежал наблюдатель:

– Ваше благородие, там красные кого-то к нам шлют, белым флагом машут.

Владимир вскочил и побежал вслед за казакком. Действительно, размахивая большим белым полотнищем, привязанным к винтовке, в их сторону двигалось трое: один красный командир и двое сопровождающих его солдат.

– Это что за явление Христа народу? – Грищук уже был здесь.

– Наверное, будут предлагать мир и вечную любовь, – усмехнулся Владимир. – Вас, Степан Тимофеевич, точно изберут красным губернатором Орла, ну или если по-скромному, то Курска.

– По-скромному я не согласен, если должность будут предлагать, то соглашусь только на Орёл! Хотя, Владимир Фёдорович, губернаторов-то у них уже нет, всех доби́ли. Кто там у них сейчас? Комиссар или комендант? Господин капитан, чтобы стать комендантом, вам нужно будет поклясться в вечной любви их Ленину и стать коммунистом, – поддержал шутливый тон Грищук.

– Ну ладно, шутки шутками, а выйти нужно. Думаю, ради этого они нас и держат живыми. – Владимир взял с собой двух казаков и вылез из окопа, на всякий случай расстегнув кобуру.

– Да, Степан Тимофеевич, – остановился он на мгновение, – если что, вы за меня остаётесь. От этих коммунистов можно ожидать любой пакости. Один раз таким способом чуть Кутепова не застрелили, Скоблин как-то рассказывал. Вывесили белый флаг, а когда наши подошли, стрелять по ним стали. Ежели что случится, придерживайтесь плана.

Парламентёры красных дошли до середины и остановились. Владимир, не спеша, шёл навстречу. Ну, вот сейчас и решится, зачем так долго держат его здесь. Вроде, невеста какая силища, чтобы столько почёту было. Приближаясь, Владимир стал узнавать в стоящем офицере какие-то знакомые черты. Интересно, кажется, я его знаю. И кто это? Он мысленно стал перебирать знакомых, которые первыми приходили на ум. Потом словно в холодный пот бросило от догадки: брат! Подойдя поближе, он отчётливо узнал Николая. Тот стоял, не спеша, покуривая трубку и дожидаясь, пока Владимир подойдёт ближе. Сопровождавшие его солдаты отошли метров на десять назад. Владимир оставил казаков сзади настороже, а сам подошёл к брату.

– Здравствуй, Коля! Больше всего боялся встретиться на этой войне с тобой, и вот Бог, похоже, решил меня наказать. Ты здесь случайно оказался или как?

– Или как, – Николай с сожалением и грустью смотрел на Володю, – инспектировал Южный фронт, сейчас он считается самым опасным. Вчера вызвали в штаб 13-й армии – и срочно сюда. Эх, Володька, Володька, как же я сам не рад этой встрече!

– Знаешь, Коля, иногда я в кошмарных снах видел эту нашу встречу.

– Да я тоже боялся, что когда-нибудь встречусь с тобой, – Николай затупил трубку и стоял, перебирая её в руках. – Когда ты внезапно исчез, я решил, что ты уехал с Натальей. Потом получил списки выехавших и тебя там не нашёл. Почему-то сразу решил, куда ты пойдёшь. Мои люди искали тебя здесь и вот нашли.

– Софья, Наталья, дети выехали? Они есть в списках? – с тревогой в голосе спросил Владимир.

– Да. Всё хорошо. Представляешь, обе поселились в Париже, – Николай улыбнулся краешком губ, – и, самое смешное, если так можно выразиться, в одном квартале. Так что ещё могут подругами стать. Там сейчас много наших, все стараются друг к другу поближе держаться.

Владимир рассмеялся:

– Представляешь, они же друг друга никогда не видели. Так что вполне могут познакомиться. И начнут рассказывать каждая о своей несчастной любви, а потом окажется, что предмет-то у них один. Вот смеху будет.

– Ну-ну, жди! Софья-то ей волосы повывёргивает, – Николай тоже рассмеялся.

– Коля, ты у родителей был? Как там? – Владимир погрустнел.

– Порядок навёл, могилки почистил, оградки покрасил, если ты это хочешь знать. Дом передан местной коммуне. Мне оставили комнатку, так что своих туда на лето отправлял, свежим воздухом дышали.

– Коммуна? – Владимир искренне удивился. – Ну, всё, пропал дом. Эти быстро его разрушат, – констатировал он.

– Не переживай, не разрушат. Да и я сам буду за ним следить, не допущу этого. Родители очень хотели дом сохранить, чтобы мы все могли приезжать туда на отдых.

– Как семья, как дети?

– Слава Богу, всё хорошо. Не болеют. Знали бы, что я здесь с тобой встречаюсь, точно бы привет передали. Перевёз их в Москву. Пусть рядом будут. В Петербурге сейчас совсем плохо с продуктами стало, а в Москве у меня паёк хороший.

– О! Ты вспоминаешь Бога? – Владимир улыбнулся. — Вы же там вроде все атеисты-безбожники.

– А почему не вспоминать? Бог ведь не виновен, что в него не верят.

Они ещё долго разговаривали о своём, стараясь как можно дольше оставаться братьями, не решаясь перейти к главной теме. Наконец Владимир спросил:

– Коля, тебя же не для того послали, чтобы мы с тобой просто встретились.

Николай на секунду замялся, затем стал раскуривать трубку. Делал он это неторопливо, хотя руки выдавали сильное внутреннее волнение. Раскурил и, понаблюдав за небольшими серыми облачками дыма, улетающими вверх, начал:

– Нашими органами на тебя собрано большое досье. Я его читал. Тебя по праву можно считать одним из самых талантливых и преданных офицеров. Я уполномочен предложить тебе сложить оружие и перейти на сторону Красной армии. Если ты не хочешь сражаться со своими бывшими товарищами или тебя будет мучить чувство вины, будто ты их предал, то тебя отправят на другой фронт.

Молодой стране нужны такие кадры. Желających послужить много, опытных мало. После сдачи сразу уедешь со мной.

– А мои люди?

– Твои казаки останутся на усмотрение командира дивизии.

Владимир тяжело вздохнул:

– Коля, ты же меня знаешь. Я потом сам себя сожру переживаниями. Да и перед казаками моими будет до самой смерти стыдно. Я же знаю, какая участь их ждёт в плену. Не смогу себе простить никогда, что бросил их в такой момент.

– Знаю, брат, но всё меняется в этой жизни. Иногда приходится делать такие шаги, за которые самому потом долго бывает стыдно. Но стыд – вещь не материальная. Его можно заглушить новыми впечатлениями, эмоциями, активной работой, на крайний случай можно снизить степень этого стыда водкой. Да ты и сам не хуже меня это знаешь. Поверь, сейчас для тебя это последний шанс. Прорваться не получится, вас просто перестреляют из пулемётов. Сейчас сюда двигаются два танка, которые мы захватили около Курска. Завтра днём они будут здесь. Против этих бронированных машин у тебя ничего нет. Они просто раздавят вас своими гусеницами, как пустую скорлупу.

– Ещё не вечер, – Владимир улыбнулся и заодно подмигнул Николаю.

– Братишка, я тебя прошу, не дури! – Николай раздражённо бросил трубку на землю и наступил на неё, втапывая сапогом в грязь. – У меня кроме тебя нет никого ближе. Родители просили присматривать за тобой. Что я им скажу, когда на том свете встречусь?

– Коля, ты же умнее меня, сам знаешь, что сейчас мною хотят только воспользоваться. Как только я перестану быть нужен, мне сразу вспомнят мою службу в белой армии. Прости, что подвожу тебя, но тебе тоже могут вспомнить твоего брата.

– Я... – Николай хотел что-то сказать, но Владимир перебил его:

– Коля, прошу, выслушай меня немного.

[...] Я столько видел страшного с обеих сторон, что здравому человеку можно сойти с ума. И некоторые не выдерживают. Вначале хвастаются своими «подвигами», как и сколько людей они убили, а потом пускают себе пулю в лоб. Эта война страшнее любой из всех, когда-либо происходивших на земле. И так получилось, что нам суждено в ней участвовать. Только недавно я понял, что победившая сторона приложит все усилия, чтобы вычеркнуть из памяти народа свои собственные злодеяния. В этом им живые свидетели не нужны. Так что, Коля, мы все обречены на уничтожение. Меня можно убить, но моя честь всегда останется со мной. А кроме неё, у меня в душе ничего не осталось, там пустота.

Николай молчал, и тогда Владимир продолжил:

– Братишка, у меня к тебе большая просьба. Если мне суждено умереть, сообщи, пожалуйста, моим любимым женщинам, что я их больше не держу. Пусть выбросят меня из головы и строят новые семьи.

В уголке глаза у Николая появилась и тут же исчезла маленькая слезинка:

– Володька, ты первый раз в жизни назвал меня братишкой... Не торопись с решением. Ты сейчас на взводе и не можешь адекватно оценить свои перспективы. У тебя есть время подумать. До завтрашнего утра атак не будет. Пойми, ты очень нужен своей семье живым. Им сейчас очень трудно. Димка просто влюблён в тебя, ради сына останься живым. Дашке скоро замуж, кто обеспечит её приданым?

Братишка, я никогда тебя сильно не просил, а сейчас я готов встать перед тобой на колени. Пожалуйста, прими правильное решение, не глупи. Воспользуйся этим шансом. А дальше будет видно.

– Хорошо, Коля, я подумаю, – Владимир не хотел, чтобы родной брат, «железный» Николай продолжал упрашивать его, как маленького глупенького мальчика.

Со стороны красных вылез из окопа и направился к ним человек, одетый в кожаное галифе, кожаную куртку, на голове была кожаная кепка с сияющей на солнце красной звездой.

– Смотри, Коля, к тебе подмога, – Владимир кивнул на приближающегося человека.

Николай обернулся, внимательно посмотрел на шагающего, затем зло сплюнул себе под ноги:

– Это комиссар дивизии Михельсон, вот чёрт, в каждой бочке затычка, не терпится показать свою значимость. Сказал же, придурку, сидеть ровно и не вмешиваться.

– Кто?! – Владимиру показалось, что он ослышался.

– Яков Абрамович Михельсон, а ты его знаешь? – Николай посмотрел на Владимира.

– Такого разве забудешь.

В груди Владимира поднималась дикая злость к идущему в их сторону человеку. Тотчас же перед глазами пробежали воронежская тюрьма, избитый Серёжка Смирнов, речка, качающиеся под водой трупы со связанными руками. В это мгновение он, наверное, сильно изменился в лице. Николай это заметил:

– Володя, что случилось? Ты знаком с этим человеком? – в голосе прозвучала явная тревога.

Владимир молчал и сосредоточенно наблюдал за приближающимся Михельсоном. Тот подошёл, встал около Николая и, наклонившись, стал что-то шептать ему на ухо, показывая рукой на часы.

Николай зло взглянул на него и стал отчитывать:

– Товарищ Михельсон! Кто вам давал право приближаться сюда? Не ваше дело, сколько я здесь нахожусь. Вас это не касается. Быстро марш отсюда!

Михельсон тут же повернулся, желая поскорее убраться, но Владимир опередил это стремление.

– Комиссар Михельсон? – громко спросил он. Владимир узнал бы этого человека из тысяч других. Сколько раз он видел это лицо в кошмарных снах, когда вновь и вновь пытался выбраться из толщи холодной мутной воды, просыпаясь в холодном поту. Тысячи раз он убивал этого человека в своих мыслях, мстя за погибших друзей. И надо же, вот он, Михельсон, стоит сейчас перед ним, немного испуганный криками Николая, но живой, здоровый и даже более упитанный, чем тогда. Бог наказал Владимира, устроив ему встречу с братом, но тотчас же решил исправиться, прислав сюда этого комиссара.

Михельсон, услышав обращение, остановился, поправил пенсне и стал внимательно смотреть на Владимира:

– Мы с вами знакомы? Что-то не припомню. – В душе он испугался, что его знает белый офицер, и происходит всё в присутствии высокопоставленного товарища из столицы. В любой момент теперь его могут вызвать в ЧК и спросить об этом случае, а дальше дело техники. И его светлая революционная биография будет очернена. И делает это сейчас вот этот самый недобитыш, которого давным-давно следовало бы разрубить на кусочки и скормить бродячим собакам, многочисленные своры которых шастали везде, разжирев от человеческого мяса. И уже давно бы так сделали, если бы не свалившийся на их головы этот столичный представитель, приказавший прекратить атаки и вызвавший идти сюда сам. А может, нужно будет рассказать в Москву об этом случае? Пусть проверят товарища. И не исключено, что за проявленную бдительность ещё и медаль дадут, ведь явно здесь что-то не так. Он это чувствует. Не зря они так долго разговаривают, явно что-то замышляют против советской власти.

– А ты не припомнишь меня, гнида? – Владимир в упор смотрел комиссара в глаза.

– Не имею честь быть знакомым, – от такого взгляда Михельсон попятился назад. Казалось, ещё немного, и этот беляк вцепится ему в горло. Николай стоял рядом, ничего не понимая, и удивлённо поглядывал на обоих.

– Напомнить? – Владимира уже было не остановить. – Вспоминай, тварь, как ты топил меня в реке под Воронежем рядом с десятками других безоружных людей.

Михельсон побелел и отшатнулся, как от привидения:

– Нет! Этого не может быть! Вы не могли выжить! – нервным срывающимся голосом начал он, опасаясь, что сейчас это привидение начнёт стрелять. – Вы, наверное, обознались!

Затем с белым, перекошенным от ужаса лицом, повернулся к Николаю:

– Я выполнял свой долг! Скажите ему, товарищ, что я парламентёр и в меня нельзя стрелять! – визгливым голосом закончил он, пытаясь найти в Николае защиту.

– Володька, – ошарашенный Николай повернулся к Владимиру, – ты же не будешь в него стрелять?

– Почему не буду? – Владимир пожал плечами. – Буду.

Шанса, что Михельсон встретится ему в честном бою, не было. А допустить, чтобы этот убийца остался в живых, он не мог. И, выхватив пистолет, он два раза выстрелил в пах Михельсону.

– Это тебе, тварь, привет от всех убитых!

Михельсон жалобно заскулил и, согнувшись, свалился на землю. Солдаты, стоявшие сзади Николая, сразу вскинули винтовки.

В свою очередь казаки, не заставив себя долго ждать, стали целиться в солдат и Николая, который стоял, схватившись руками за голову.

– Тихо! Никто не стреляет! – Владимир поднял руку с пистолетом вверх, затем аккуратно взял оружие левой рукой за ствол и медленно запихнул в кобуру. – Все успокоились, опустить стволы! Больше стрельбы не будет!

Николай полными ужаса глазами смотрел на него. Всё. Переговоры сорваны. Уже ничего не сделать.

– Ой, дурак! – сказал он, проговаривая каждое слово. – Володя, что ты натворил? Как я теперь могу спасти тебя?!

– Поздно, Коля, меня уже поздно спасать, – с горечью сказал Владимир, – я умер в феврале 17-го, вместе со страной. Меня уже нет. Осталась только человеческая оболочка.

– Володя, брат, не торопись! Я что-нибудь придумаю по этому, – он кивнул на дёргающегося в агонии Михельсона, – ты только послушай меня.

– Коля, у меня к тебе очень большая просьба, самая-самая большая, больше некуда. Уезжай сегодня. Я не хочу, чтобы ты оставался до завтра. Я хочу, чтобы ты запомнил меня живым. Всё. Прости. Мне пора. Да и тебе тоже. Время, к сожалению, не остановить.

Николай приказал солдатам унести тело Михельсона, а сам подошёл поближе к Владимиру:

– Прощай, братишка, я буду молиться за тебя, за чудо. Давай обнимемся на прощание. Никому из нас не суждено знать, что будет завтра.

Владимир немного отстранился, протягивая руку для пожатия:

– Не надо, Коля, обниматься. На меня смотрят мои товарищи, на тебя твои. Они не поймут. Не хочу, чтобы тебе потом припомнили меня. Если получится, уезжай из страны. Тебе с твоими мозгами легко будет найти работу. Сам знаешь, чем всё это закончится. Историю человечества ведь не изменить, она всё равно будет повторяться. Прощай, брат!

Они пожали друг другу руки, задержав их дольше, чем это принято, попытавшись в последний раз хоть на мгновение почувствовать тепло близкого человека, затем развернулись, и, не оглядываясь, каждый пошёл в свою сторону.

Владимир вернулся к своим. Вокруг стали собираться люди, ждали, что же он скажет. Ведь о чём-то он так долго говорил с большевистским командиром? Собрав эскадрон в окопе, Владимир рассказал, что план прорыва отменяется, так как красные атаковать не будут. Рассказал про танки, которые должны прийти завтра. Казаки стояли с понурыми лицами.

– Ваше благородие, а что большевичок предлагал? – спросил кто-то.

– А вы, братцы, как думаете? – Владимир усмехнулся и, не желая ничего утаивать, сказал: – Предлагал мне сдаться и перейти на их сторону.

– Ваше благородие, что делать-то будем? Помирать-то не шибко хочется.

– Братцы, соберёмся под вечер и вместе решим, сейчас мне нужно побыть одному, обдумать нашу ситуацию и попытаться найти выход.

Оставив спорящих казаков, он пошёл к лошадке, сел, не доходя её, на траву, подстелив шинель, и стал смотреть на реку. Мысли путались. Неожиданная встреча с братом никак не выходила из головы. С другой стороны, безысходность их положения заставляла мозг лихорадочно искать выход. Вариант со сдачей в плен он сразу отмёл. Что угодно, только не это. Сдаться, чтобы остаться в живых, а потом при удобном случае перебежать обратно, это совсем подленько, хотя так иногда поступали некоторые солдаты и офицеры в безвыходной ситуации, чтобы потом, вернувшись назад, снова воевать. Но если у него ещё есть шанс остаться в живых, то весь остальной эскадрон будет замучен до смерти. Красные никогда не простят их. А с другой стороны, Николай прав: он очень нужен своей семье живым. А кто будет играть с его любимым сыном, если не он сам? Он хотел научиться заплетать Даше косу. И нужно будет помочь им устроиться на чужбине, выучиться и встать на ноги. Да и Софья его очень ждёт, надеется, что он одумается и вернётся к ней. Ведь, несмотря на то, что он сделал с ней, она всё ещё любит его, считает запутавшимся в собственной жизни, но готова его прощать снова и снова, потому что любовь – это ещё и проще-

ние. А также он обещал Наталье найти её, ведь она будет ждать. Она же упрямая, будет приходить в этот сквер и ждать его. Он даже улыбнулся, представив эту картину. Вот она сидит на скамейке напротив той кондитерской со смешной вывеской на входе и, не обращая ни на кого внимания, читает какую-нибудь лёгкую женскую книгу. При этом часто достаёт из сумочки маленькое зеркальце и, глядя в него, то поправляет причёску, то подкрашивает губы. Она же не может показаться перед ним неряхой, как она всегда любила говорить. Как сильно она обрадуется ему! И он прижмет её к себе и утонет в безграничном океане любви. От таких переживаний нежно защипало сердце. Но тут же тонкой ноткой зазвенела тревожная неопределённость: ведь всё начнется сначала, с одной стороны семья и Софья, а с другой – Наталья. Что изменится, кроме страны? Его так и будет дальше рвать на куски? Так и будет бегать, разрываясь от одной любви к другой? А они опять будут терпеть и прощать его? И так всю жизнь? Они же не верят, что любить можно обеих. В каждой женщине заложено стремление быть единственной. И разве может он быть счастливым, зная, что совершил предательство не только по отношению к Софье и детям, но и к своим братьям по оружию. Они верят ему безгранично, а он сам отведёт их на растерзание большевикам. Что они будут думать про него на том свете? И это чувство долга потихоньку пересиливало, брало верх над мечтательно спокойным будущим с любимыми людьми, связанными между собой прочными нитями его грешной любви. Наталья, Софья – это всё где-то там, в прошлой жизни, если она вообще была, а не приснилась. Только здесь всё настоящее.

И жизнь, и смерть. И эти казаки, которые приняли его, пехотного офицера, не умевшего хорошо сидеть на лошади и махать шашкой, стали ему роднее всех. И Степан, который идёт вместе с ним уже много лет через все перипетии. Разве он может быть настолько бессердечным, чтобы предать их? Господь Бог никогда не простит такого. Может, и в этот раз повезёт, и минует их чаша сия, ведь сколько раз уже старушка-смерть махала косой, но всё время получалось от неё уворачиваться.

Рядом опустил Гришук, сел прямо на холодную землю.

– Степан Тимофеевич, что ж ты так? Садись на шинель, а то застудишь себе кое-чего, девки любить не будут, – сказал, отодвигаясь, Владимир. Гришук придвинулся ближе, немного помолчал, глядя на реку, на разрушенный мост. Затем, повернувшись к Владимиру, спросил:

– Всё плохо?

Тот не стал лукавить:

– Да, Стёпа, всё очень плохо. Одно радуется, скоро всё это закончится.

Затем он подробно рассказал про визит брата, про условия сдачи. Владимир давно уже не держал секретов от Грищука. Тот задумался:

– Владимир Фёдорович, я считаю, что вам дали шанс и вы просто обязаны им воспользоваться. Я знаю, что это звучит цинично, но живой вы принесёте гораздо больше пользы, чем мёртвый.

– Дурак! – Владимир нервно встал. – Что ты такое несёшь? Я что, настолько плохой командир, что не имею права умереть со своими солдатами? Степан, как ты вообще мог мне такое сказать?!

– Володя, не обижайся, зато потом хоть кто-то отомстит за нас.

– А почему за нас кто-то должен мстить? Ты ещё не наелся этого дерьма? Если все будут только и делать, что мстить друг другу, эта война не закончится никогда! Ты можешь посмеяться надо мной, но нужно возвращаться к Богу и его заповедям. Бог и так наказал всё человечество, дав людям разум и не научив им пользоваться. Он решил, что люди сами поймут, как правильно распоряжаться подарком. Но я верю, что рано или поздно это время придёт, а для начала им нужно перебить друг дружку, довести землю до полного истощения, изгадить её всю, и только потом должно начаться просветление в мозгах. Мы как обезьяны, получившие неизвестную игрушку. Так что, Стёпа, разум – вот это самое страшное проклятье. Поверь, я не сумасшедший. Нужно стараться закончить эту братоубийственную войну как можно скорее. Пусть Россия начнёт восстанавливаться и процветать. И неважно, кто будет у власти: белые, красные, синие, зелёные. Пусть только это будет кто-то один. Так получилось, что мы с тобой в лагере белых. Если нам суждено выиграть, нас будут помнить. Если белые проиграют, у нас с тобой не будет даже могил. Но сейчас это уже не важно. Сейчас мы должны исполнить свой долг. Обыкновенный солдатский долг перед нашей больной Родиной, перед нашим убитым царём. В конце концов, мы не смогли его защитить, так что теперь мы должны именно ему.

Владимир снова сел, обхватив ноги в коленях, и опять стал смотреть на реку.

– Если мы ночью построим плот из остатков моста и уйдём по реке, нас завтра перестреляют на нём, как в тире, – задумчиво сказал он, – камышами по берегу не уйти, сейчас всё просматривается, не месяц май. Ночная атака не выгорит, «товарищи» всю ночь будут усиленно за нами следить, как вчера. Намеченный план срывается, сами они в атаку не идут. – Он снова вскочил и нервно заходил взад-вперёд. – Ну, никаких мыслей! Единственно, это напасть на них тогда, когда они немного расслабятся, поймут, что мы ещё здесь и никуда не делись. А это будет на рассвете, когда взойдёт солнце или когда будут подходить танки. Их шум привлечёт красных.

Ах, если бы туман был! Под его пеленой точно бы прорвались! Да погоды нынче не туманные стоят.

Они посидели ещё немного, выдумывая варианты спасения, один другого фантастичнее. Реального ничего в голову не приходило, но зато настроение стало лучше, пропали нахлынувшая хандра и временная слабость. На лицах появились улыбки.

– Ну ладно, пора бы с нашими казачками поговорить, пойдём, Степан Тимофеевич, а то скоро темнеть начнет.

Они вернулись в окопы и собрали весь эскадрон. Сняли даже дозорных. Вряд ли красные захотят нарушить свой ультиматум.

Будут ждать прихода танков. Казаки стояли, молча, глядя на своего командира.

– Братцы, – начал Владимир, – завтра с утра идём на прорыв. Скажу сразу, задницей крутить не буду, шансов выжить у нас нет никаких, если только с утра не будет тумана. Кто хочет остаться в окопах, оставайтесь, насильно никого не погоню. Если кто-то захочет уйти сегодня ночью – уходите, обижаться не буду. Остальные могут готовиться к смерти. Я считаю, что лучше почётная смерть в бою, нежели позорная жизнь. Но у каждого своя голова на плечах. А сейчас слушайте...

Он подробно рассказал план действий на завтра. Суть плана была проста: одновременная мгновенная атака всем эскадроном. Задача – не вступая в затяжной бой, прорваться сквозь вражеское кольцо и, не отвлекаясь на раненых и убитых, уйти в степь. На всякий случай назвал место сбора, если кому-то посчастливится прорваться, и маршрут дальнейшего следования на Дон. Поговорив со своими боевыми товарищами, он закончил:

– До утра время ещё есть. Теперь нам всё можно, только дожить до полудня нельзя...

Когда стало темнеть, казаки натащали камней к лошине, наносили бурдюками воды и устроили полевую баню. Владимир тоже попарился, с удовольствием ощущая чистоту собственной кожи.

Надел чистое белое бельё, которое таскал с собой в сумке. Затем, не спеша, побрился под огоньком свечи, сбривая многодневную жесткую щетину. После этого накинул на плечи шинель и спорол с кителя чёрно-красные погоны Корниловского полка. Взамен их, щурясь под дрожащим пламенем, стал пришивать так близкие сердцу золотые офицерские погоны царской армии, подаренные Александром Фейербахом в Екатеринодаре во время их последней встречи. Делал он это аккуратно, стежок за стежком.

– Ну, прямо лет на десять помолодел, – довольно заметил он отдыхающему после парилки Гришуку.

– Владимир Фёдорович, да вы, похоже, на бал собрались, – Гришук тоже переодевался в чистое.

– Конечно на бал, Степан Тимофеевич, завтра одна злобредная старушка зовёт с ней потанцевать. Не могу отказать пожилой даме.

Гришук рассмеялся искренним смехом, в котором не чувствовалось ни тоски, ни горечи происходящего:

– Злобредная старушка тоже сейчас не спит, косу точит для новых кавалеров.

Казаки вели себя как дети. Хохотали, парились, голышом окунаясь после парной в холодную речную воду. Казалось, что страх необратимой смерти прошёл, и люди хотели провести последние часы, оставаясь такими же, какими они были до этого всего. Владимир нашёл чистый лист бумаги, запечатал его в конверт и пошёл к Палычу. Тот был занят латанием дырки на рубахе, ёжась от холода.

– Ерофей Палыч, – Владимир сел рядом со стариком, – у меня к тебе ещё одно задание будет. Нужно во что бы ни стало доставить этот конверт в штаб полка. Одному тебе могу доверить, ты, старичок-лесовичок, все кордоны незаметным пройдёшь. А донесение очень важное, чтобы попасть в руки большевиков. Держи, – он протянул конверт Палычу.

Тот, не спеша, взял конверт, повертел его и положил рядом с собой.

Затем, отложив рубаху, посмотрел на Владимира:

– Чем я тебе, Фёдорович, не угодил? Пошто избавиться от меня хочешь? Неужто я не понял, что ты меня не хочешь в атаку завтра брать? Жизнь мне, старику, подарить хочешь? Что я тебе, хуже всех, что ли? – Старик разошёлся. – Хоть и старше ты меня по должности, но я тебе скажу, Фёдорович, дурак ты, ничего в людях не смыслишь. Да мне, если хочешь знать, смерть со своими ребятами приятнее принять будет, нежели на завалинке семечки щёлкать да внуков драть. Если будешь приказывать, то я твоему приказу не подчинюсь. У меня теперь совесть командир. И если она скажет, то и буду делать. Так что, Фёдорович, иди лесом. Если так тебя с этой бумагой припёрло, вон Петьке отдай, он у нас маленький, его красные за пенёк примут и не заметят.

В разговор вмешался Петя Дубов, самый молодой казак эскадрона, маленького роста, с редким пушком над верхней губой:

– А что это Петя сразу? Ты, старый хрыч, на меня не сваливай! Я ещё тебя завтра переживу! Хоть стреляйте меня, куда я не пойду.

Поднялся шум. Казаки начали спорить между собой. Владимир встал и огляделся:

– Хлопцы! Надо доставить важное письмо в штаб полка. Кто возьмётся?

Сразу повисла тишина. Казаки отводили глаза, стараясь не встретиться с ним взглядом, будто этим самым письмом он отрывал их от более важного дела. Так и не найдя добровольца, Владимир подошёл к костру и бросил конверт в огонь.

Ночью все собрались рядом с костром, оставив только одного дозорного на случай, если красные что-то изменят в своих планах. Спать совершенно не хотелось, хотя многодневная усталость давала себя знать. Люди понимали, что, скорее всего, для многих эта ночь окажется последней. Разговаривали, пели песни. Кто хотел пить, выпивали. Владимир приказал все припасы, которые оставались, выдать сейчас:

– Нечего краснопузых кормить.

Под утро, несмотря на пробирающий холод, глаза стали слипаться от усталости, и он задремал, провалился куда-то в глубину сознания под звуки спокойно льющейся убаюкивающей песни. В голове опять возникли образы Софьи и Натальи. И казалось, что попал он на их суд. Каждая из них что-то говорила, упрашивала и даже угрожала ему, перетаскивая на свою сторону. А он сидел между ними, осознавая, что не в состоянии сделать тот самый единственный шаг и навсегда решить эту проблему. И даже во сне его душу рвало на части, как происходило все последние годы. Потом всё смешалось в один комок: Наталья, Софья, дети, привязанность, чувства, любовь, грех, всё улетело куда-то вверх, оставляя здесь пустоту, и он уснул. Через короткое время открыл глаза, встревоженный этим коротким забытием. На душе было тяжело. Казалось, что сейчас ему придётся нести ответ за свою грешную любовь, которая уже порядком надоела самому Богу, и тот решил вмешаться и поставить на этом жирную точку. Но вместе с тем в душе начинал разгораться яркий огонёк понимания, что он уже переступил ту черту, за которой нет понятия греха или любви, а есть только внутренняя свобода.

И он навсегда сможет сохранить свои чувства к обеим женщинам, и уже ни Софья, ни Наталья не смогут заставить его позабыть соперницу. Это была только его любовь, светлая, настоящая и непонятная никому, кроме него одного. И не нужно никому что-то объяснять, доказывать, подтверждать.

Костёр ещё горел, но почти все казаки уже дремали, завернувшись в шинели. Только Ерофей Палыч ворошил что-то палкой в костре да мерно потягивал свою самокрутку, глядя на мерцание пламени.

Владимир подсел поближе к огню:

– Ерофей Палыч, что не спишь? Грехи не дают?

– Ты бы, Фёдорович, поменьше такими словами-то бросался. Кто нынче не грешен? Покажи мне хоть одного святошу здесь? Все мы грешники. Все супротив Бога идём, хоть и молимся ему.

– Палыч, что-то не припомню я, чтобы тебя раньше это беспокоило.

– Да об этом всегда есть время подумать. Я-то что, старый грешник, по мне уже черти в аду скучают, а вот ребят молодых жалко. На кой им это всё? Чем они виноваты перед Богом? За что он так прогневался на Русь-матушку нашу, что поднял брата на брата? Ты посмотри, Фёдорович, сколько злобы в людских сердцах нынче. А зло всегда родит только зло. Бесовское время наступило. В церковь только старики ходят, молодёжь совсем скоро от неё отойдёт. Боюсь я, что коммуняки к власти придут. Эти совсем церковь разгонят, попов перебьют. А без веры какво жить русскому человеку? Деда наши, отцы верой жили и нас учили. А сейчас? Сам всё видишь, – он горько махнул рукой, – без веры нет жизни. Все пойдёт кувырком. За детей своих боюсь, за внуков. На тот свет попаду – буду ангелов за них молить.

– А кто всё грозился внукам уши надрать? – Владимир ухмыльнулся.

– Дурак ты, Фёдорович, – старик подбросил дров в огонь, – я ж только чтобы шалопаями не росли да взрослых слушались. Ты думаешь, если бы я их не любил, разве сидел бы здесь? За их будущее и воюю, не хочу, чтобы они в постоянном страхе росли. А хочется мне их сильными хозяевами на своей земле видеть, да чтобы так на все времена было, чтобы только росла и укреплялась моя семья. А уж за это и помереть не страшно. На востоке занимался рассвет. Владимир поднялся на холм и с упоением наслаждался этим прекрасным явлением, которое продолжалось без конца миллионы лет и будет продолжаться столько же. И рассвету всё равно, кто и что находится сейчас на земле. Он всегда будет приходить и приводить за собой солнце. Сколько уже их пришлось переживать за свою жизнь Владимиру, но этот рассвет казался самым красивым. Может быть, потому, что в нём была какая-то особенная загадочность того самого неведомого дня, который вполне мог оказаться последним. Солнышко медленно, показывая всю свою величавость, выползло из-за горизонта, первыми лучами уверенно прогоняя запоздавшую ночь. И ночь отступала, убегала всё дальше и дальше, пытаясь спрятаться и не находя себе места, превращаясь в длинные тени, которые таились от лучей, готовясь снова вылезть уже с наступлением заката и наполнить всё своей темнотой.

Когда совсем рассвело, Владимир расстегнул карман кителя, вытащил две маленькие фотографии, которые всегда носил с собой. На первой фотографии была вся его семья. Софья специально ходила с детьми в ателье

ещё осенью 1914 года, чтобы выслать ему на фронт эту карточку. И вот сейчас он смотрит на них, бумажных, таких близких и таких нереально далёких. Со второй фотографии на него, слегка наклонив голову, смотрела Наталья. Она улыбалась, и её ямочки на щеках, которые он так любил целовать, казались прекраснее всего на свете. Эти карточки последнее, что у него оставалось от любимых людей. Дальше была только память. Последний раз взглянув на фотографии и поцеловав бумажные лица, Владимир достал зажигалку и начал сжигать карточки, не хотелось, чтобы в случае смерти эти снимки попали большевикам. Мало ли, вдруг сыграют в судьбе любимых им людей плохую службу. Бумага горела неохотно, не спешила превращаться в пепел, словно так сильно любимые бумажные лица не хотели расставаться с ним. Вначале хотел снять и спрятать в земле нателный крестик, подаренный ещё в детстве мамой, но потом решил, что Боженька уже не раз спасал его от верной гибели, и будет просто несправедливо отказаться от него и не понадеяться в этот раз.

Когда спустился в лошину, эскадрон уже завтракал. Пересчитались, оказалось, за ночь исчез один человек, балаболка и хвастун Фрол Елисеев. Вроде вчера сидел напротив, пел песни, балагурил, и вот на тебе, утром ни слуху, ни духу. Исчез, будто и не было вовсе, только лошадь одиноко стоит на привязи. После завтрака стали готовиться, седлали лошадей, в последний раз проверяли оружие.

Решено было оставить всё здесь, идти только налегке, а лишнее имущество сложить в одну кучу и поджечь. Не хотелось оставлять всё в виде трофеев большевикам. Тягучий густой дым потянулся вверх, ветра не было. Солнце уже вступало в свои права, начинало по-осеннему пригревать, в последний раз перед зимней стужей стремясь согреть грешных людей и землю, которую они топчут.

Томительно тянулись последние минуты перед боем. Казалось, что время снова забыло про них или, наоборот, стремилось как можно дольше продлить их земное существование. Но от этого было ещё труднее. Чтобы занять образовавшуюся пустоту, казаки стали молиться. Владимир тоже опустился на колени. Сейчас можно было надеяться только на милость небесного Отца. «Отче наш, иже еси на небесех...» — глухие мужские голоса тянулись над холмом, над равниной, над спокойной рекой. И не было в этих голосах безысходности, паники, нервного надрыва. Только суровая сосредоточенность и спокойная неторопливость.

К полудню прибежал дозорный: со стороны красных стал доноситься шум моторов. То подходили танки, готовые стереть их с лица земли.

— Кажется, пора! — Владимир подошёл к Степану, и они обнялись на прощание. Затем повернулся лицом к эскадрону и низко поклонился казакам:

– Спасибо, братцы, что были со мной и не покинули в этот тяжёлый час. Не на жизнь вас веду, а на смерть во имя славы. Кто останется в живых, пусть помолится за всех, кому не суждено встретить закат. А теперь по коням!

В последний раз поцеловал верного Гранда в тёплый нос, ласково потрепал по холке:

– Ну, давай, родимый, не подведи и в этот раз!

Вскочили на лошадей и шагом, постепенно наращивая скорость, двинулись на прорыв. На холм вышли на рысях и помчались дальше, переходя в галоп. Шли молча. Постепенно эскадрон вытягивался в клин. Гранд под Владимиром летел как ветер, легко перепрыгивая кочки и ямки, почти не касаясь копытами земли. Сам Владимир, вытащив шашку, прижался к нему, направляя лёгким касанием поводьев. В душе поднималось, росло непередаваемое чувство азарта, как это бывает обычно при кавалерийских атаках, лихих и безудержно смелых. Казалось, красные, увлечённые прибытием железных монстров, совсем забыли про своих жертв. Ещё чуть-чуть, и эскадрон вырвется на равнину, с которой до вражеских окопов останется всего пара сотен метров. Выскочили, впереди уже хорошо видны окопы красных, а за ними бескрайняя спасительная степь. Вперёд!

Вперёд! Ещё немного! Нервы напряжены до предела. Только не останавливаться! Вперёд, к свободе!!!

Анна ПЕТРОСЯНЦ

*Студентка Национального Исследовательского университета –
Высшая Школа Экономики*

Любовь в корзине

Ты тогда стоял у окна и смотрел вдаль, даже не зная, куда приземлится мой самолёт, и где буду я через пару часов. Ты стоял молча, и даже твой задумчивый взгляд молчал вместе с тобой, будто говорил всем своим существованием, что солидарен и готов разделить удушающую тишину. И именно поэтому, в тот раз, я не стала приезжать к тебе за тысячу вёрст, чтобы посмотреть в твои глаза на прощание и умереть от молчания.

Сейчас, летя в самолёте на другой берег зимы, я вспоминаю, как когда-то твоя сумка упала мне на голову, а ты нелепо и в жутком беспокойстве стал извиняться и предлагать совершенно бесполезную помощь, вытаскивая дрожащими руками из кармана куртки пачку влажных салфеток, сига-

реты и жвачку, которые никак не могли меня спасти от стремительно появившейся шишки на лбу. Ты был милым. Проговаривая тогда это слово в голове, я не придавала ему оттенок нежности. Так я обычно называла тех, кто вызывал у меня незначительное чувство симпатии...

Я пьяна сейчас. Я сижу в салоне самолёта, в бизнес-классе, и впервые в жизни я не счастлива. Я пьяная, но несчастливая. Хотя если бы родители, узнали, что я летаю в классе для людей, которые не знают, куда потратить свои деньги, оправдывая покупку билета хорошим вложением в комфортный полёт, они гордились бы мной. Гордились тем, что я могу позволить себе быть таким человеком, который, несмотря на такую возможность, мог есть в рабочих обеденных перерывах шаверму у Назира за углом и запивать всё лимонадом «Миссис Груша», а потом стоять и горланить невпопад песни с музыкантом, чей репертуар не обладает богатым ассортиментом, а главным хитом является композиция про чёрного кота.

Я пью вино. Думаю, в нём – истина. И она заключается в том, что больше всего мне бы хотелось, чтобы моё существование прервала падающая мне на голову сумка, появившаяся на голове шишка, и ты с салфетками, сигаретами и жвачкой в руках.

Пьяна и не счастлива, повторяла я, засыпая от накопившейся усталости.

– Ай! Как больно!

– Девушка, я прошу прощения, господи, извините. Боже, чем я могу вам помочь.

– Просто отойдите, чтобы я могла пройти в туалет.

– Стойте, у меня тут есть салфетки, так жвачка... вам, наверное, не нужна... Так, сейчас...

– Да зачем мне ваши салфетки, просто отойдите в сторону, пожалуйста!

– Да-да, конечно. Простите, какой же я дурак! Как вы?

– Как видите с шишкой...

– Я ещё раз прошу прощения, я должен вам это чем-то компенсировать. Может, мы выпьем вина, хотите орешков?

– В моём случае мне нужно вино...

– Да-да, конечно.

Тогда звон от ударяющихся бокалов так сильно давил мне на голову. Я переживала лишь о том, чтобы не было сотрясения мозга. Всё остальное, о чём я думала до этого, меня перестало волновать, тем более, что вино было вкусным, да и этот чудак не такой уж плохой. Несмотря на всё случившееся со мной за прошедшие 20 минут, я была счастлива как никогда.

Мы прилетели в аэропорт Шарль-де-Голль.

– Прощайте, Марк!

– Постойте, я должен знать, как будут обстоять ваши дела. Вот мой номер телефона. Я вас очень прошу позвоните мне и непременно сходите к врачу.

– Марк, я думаю, что ничего страшного нет. Это всего лишь шишка.

– И всё же. Я буду ждать вашего звонка.

Я взяла сумки и села в такси. В Париже я была впервые. Ещё в детстве папа рассказывал, что ему очень не хватает его матери, которая после войны эмигрировала во Францию. Отец родился в южном французском городе Лион. Его родители развелись сразу, как только ему исполнилось четыре года. И оба приняли решение, что для ребёнка будет лучше остаться с матерью. Вскоре мой папа вырос, и в восемнадцать лет принял решение уехать к отцу в Россию. Ему хотелось изучать русский язык и стать филологом. Моя бабушка, конечно, была против. Она очень ревновала отца к деду, и не хотела оставаться одна. Понимая, что ничего сделать не может, бабушка была вынуждена смириться с отъездом папы. И вот, спустя много лет, я еду во Францию, чтобы вновь увидеть всю красоту, которую я видела в далёком детстве, когда родители накопили денег, и мы поехали к бабушке на мои летние каникулы. Всё это время, пока мы были в Лионе, я ждала, что всё-таки мы съездим в Париж. А по приезде домой я расскажу всем одноклассникам, что видела самый красивый город Европы, если не мира. Но этого так и не случилось. И вот теперь, спустя пятнадцать лет, моя мечта всё-таки сбылась. Я не успела всего на один год. К сожалению, во Франции меня больше никто не ждал. Бабушка умерла годом ранее. Для нашей семьи, а в первую очередь, для папы – это был большой удар. Он винил себя в её смерти, утверждая, что, если бы он её не покинул, она жила бы дольше.

– Куда едем? – спросил таксист по-французски.

Французский я знала не очень хорошо, но мне хватило знаний, чтобы попросить водителя поехать через центр города. В первый же день мне захотелось увидеть всё, что только мог охватить мой взор. Даже шишка и небольшая головная боль не остановили меня.

Все семь дней, которые я провела в Париже, показались мне сном. Он правда чудесен. Он неповторим. Это не город любви, это город наслаждения и гармонии.

Девушка просыпайтесь, пристигните ремень, мы приземляемся. Проснувшись, я почувствовала головную боль и уже тогда поняла, что прежде чем отправлюсь по делам, я должна приехать в квартиру и выспаться как следует.

Я приехала в Питер, и на этот раз навсегда. Те семь дней, которые я провела в Париже, перевернули всю мою жизнь. С того времени, летая в

самолётах и ненароком засыпая во время полёта, я видела один и тот же сон. Встреча с ним и семь дней во Франции. Мы виделись с ним ещё раз, виделись в самолёте, вылетая рейсом из Москвы, в которую я приехала по работе. Оба мы летели во Францию. Я летела с целью побывать на свадьбе моей подруги, а он там жил. Встреча была неожиданной, такой же, как знакомство. Он узнал меня, подошёл и спросил: «Шишка прошла?»

– Почему вы не позвонили, я ждал...

– Здравствуйте, Марк, прошло так много лет, и мы опять встретились

– Да, я ждал, что вы позвоните и скажете, что с вами всё в порядке, а я предложу ещё раз выпить вина. Как вы поживаете?

– Хорошо, еду к подруге на свадьбу. Надеюсь, в этот раз вы не уроните на меня сумку?

– Нет, на этот раз вам повезло, я всё сдал в багаж. А в каком городе вы будете?

– Париж. Марк, как вы думаете, может, мы всё-таки сможем выпить вина

– С удовольствием. Только на этот раз вы оставите свой номер.

Весь полёт мы разговаривали обо всём, о чём только можно было спорить. Это было так весело. На этот раз я была счастлива без вина и без шишки на лбу. Но я также летела в неповторимый город, а со мной рядом был тот самый неповторимый чудак. Он был опять мил, только на этот раз я сказала об этом с нежностью. А позже, с таким чувством это слово я произносила ровно два месяца изо дня в день, ни разу не усомнившись в искренности этой нежности. Лишь однажды... Из-за желания...

Он любил меня молча. Он не говорил о чувствах. Я знала о них. Чувства можно лишь чувствовать, как глупо это ни звучало бы. И эта способность не покидала меня. И лишь в один момент я потеряла её, потеряла, как теряют зрение, слух. Я не чувствовала себя полноценной. Я не чувствовала...

Зайдя в свою пустую квартиру, я села за стол и открыла компьютер. Проверив почту, поняла, что работы у меня много, а боль в висках напомнила о том, что сил так же мало как зарядки на телефоне, поэтому уже через пару минут я уснула.

– Ты уезжаешь?

– К чему этот грустный голос, я ведь ненадолго, Марк. Я позвоню, как только закончу все дела.

– Позвони мне из Лиона.

– Обещаю, до встречи.

Я решила поехать на кладбище к моей бабушке, и мне очень хотелось быть там одной. Наедине с ней. Марк это понимал, и не упрекнул меня. Я позвонила ему из Лиона, мы говорили пять минут. Но эти пять минут были

самыми долгими в моей жизни, потому что я сказала ему, что мы расстаёмся. Он промолчал и положил трубку. То было шуткой, я просто хотела услышать, первый раз за всё время, услышать от него в словах фразу «я тебя люблю». Я умела чувствовать его чувства. Но что-то вдруг несколько недель заставляло меня хотеть слышать, только лишь краешком уха услышать тихое «я люблю». Я сказала это шутя и провокационно, чтобы расшевелить в нём бурю негодования и беспокойства как тогда в самолете, когда он много извинялся и говорил, говорил... И потом, когда мы вновь встретились, и ещё несколько недель после.

В те пять минут разговора Марк просто промолчал и положил трубку, он не позвонил, не написал сообщения, спросив «почему вышло так», с признанием в любви. Молчание. Между этим словом и ним можно было поставить знак тождества.

Мне было двадцать три, я была до глупости гордой и любила свободу с такой же силой, как любила Париж. С такой же силой как любила его и с такой же болью, которую испытала после тех пяти минут, когда я ждала его признания, когда надеялась, что услышу, как важна для него. Мне ведь только это было и нужно «слышать».

Я улетела из Лиона, не попрощавшись с ним. Потом шли годы, эта шутка и желание слышать слова любви стали для меня ядом, который я принимала изо дня в день, думая о нём. Я продолжала ждать. Ждать, что он всё-таки захочет узнать, почему я сказала, что мы расстаёмся. Но он молчал.

Я перестала чувствовать его любовь ровно в тот момент, как во мне зародилось желание слышать о ней. Желание, которое говорило о том, что поступки ничего не значат, важны слова. А ты не мог так. Ты не мог говорить о том, о чём молчат. О том, что ощущают.

У меня был мужчина после Марка, он был разговорчив, на третьем свидании он сказал, что любит меня. Он сделал мне предложение через семь дней. Это предложение было таким же прекрасным, как те семь дней в Париже. Ровно через два месяца мы развелись. И пять минут после развода были самыми счастливыми за всё время, когда я была с ним, точнее уже без него.

Я проснулась. Я знаю, что тогда ты стоял у окна и смотрел вдаль, даже не зная, куда приземлится мой самолёт, и где буду я через пару часов. Ты просто стоял и молчал о словах любви, которые я хотела слышать.

Эти сны и воспоминания о встрече с тобой, о той несчастной шутке, о моей глупости, о нелепом желании я прекратила одним лишь сообщением.

Я открыла компьютер, нашла твой почтовый адрес и написала: «Теперь я знаю, что о любви молчат. Я знаю, что те пять минут могли бы стать

счастливее, чем те недавние в моей жизни, которые мне принесло расставание с человеком, говорившем мне о любви. Спасибо, что ты есть у меня. Спасибо, что дал понять, что такое любовь. Она была так сильна, что спустя годы я снова её чувствую. И о ней теперь промолчу я».

Отправить сообщение. Удалить.

В почтовой корзине осталось лежать молчание о любви.

Встреча с Марком была. И точка. Это свершившийся факт в моей жизни. И он был самым удивительным. Факт, от которого каждый раз случается желудочковая экстрасистола. Факт, который меня делает счастливой и одновременно несчастной, потому что его статус «прошедшее время». Факт, который остался в почтовой корзине.

Пилот Мишка

Осенью листья окрашены в разные цвета. Если порой кажется, что жёлтые листья – просто жёлтые, то это всего лишь кажется. Красный лист может иметь зелёные прожилки, и этим он будет отличаться от другого красного. Этого не замечает большинство тех, которые каждое утро идут на работу, учёбу или куда-то ещё. И живут так, суетясь и находя в этом смысл – в ходьбе вдоль проспектов жизни. Это замечает меньшинство, которое летит по улицам Москвы. Они – не самолёты, они – люди, которые нашли способность летать с самим собой. Они постоянно хотят сказать об этом другим, им необходимо с кем-то делиться этой особой способностью. Катастрофически необходимо. Иначе им не с кем будет встречаться в воздухе улиц и переулков...

Он шёл по улице, и в голове слова складывались в такие причудливые предложения, где, как ему казалось, каждый неодушевлённый предмет и безликий объект имели одушевлённую копию в жизни. А какой была его жизнь, он не знал.

Он был пилотом. И был один, несмотря на то, что в его квартире жил Боб породы хаски. Пилот шёл домой, возвращаясь с очередного удачного рейса. Все, о чём он мечтал – это лёд в стакане с алкогольным содержимым, и поскорей забыть жаркую Азию, которая его не вдохновила, так как он жутко не любил жару. Облетев столько стран и городов, он любил только один. Этим городом была Москва. И любил он её лишь в определённое время, в ноябре. Ведь именно этот месяц связан с его самыми яркими и тёплыми воспоминаниями. Тогда в 1980 году, когда ему было семь лет, они с мамой впервые спустились в метро на станции Шаболовская. И никогда об этом он не вспоминает в прошедшем времени. А вот всё, что было после

ноября, он забывает до сих пор, и ему это удаётся очень плохо, так же как переносить азиатскую жару.

Вот и на этот раз его причудливые предложения с символическими объектами сменились воспоминаниями о ноябре 1980, а потом весь вечер он не мог забыть, что было после него. Произошло это после того, как он выпил свой первый бокал и открыл старый детский дневник, находясь в полном одиночестве. Это одиночество было духовным. Не душевным и физическим, а духовным. Он был опустошён. Открыв первую страницу дневника, где была фотография его семьи, он заплакал...

13 ноября, 1980 год

Мы с мамой ездим в метро. Каждый день, после работы, она забирает меня из садика. Я люблю метро. Там много разных людей, иногда можно встретить животных. Их я тоже люблю. Люди кажутся мне странными и непонятными, но мне нравится наблюдать за ними.

Мама – тоже человек, но она особенная, и не кажется мне странной, она мой друг. Она и папа – всё, что у меня есть. А, нет! У меня есть плюшевый заяц Гек, надеюсь, он не обиделся, что я сразу не вспомнил про него. Конечно, он может, ведь мы всегда читаем мысли друг друга.

Когда я вырасту, то стану машинистом и буду управлять голубым вагоном, как в песне Крокодила Гены и Чебурашки. Со мной будет сидеть Гек и мои родители. Скорее всего, только мама, потому что папа летает.

14 ноября, 1980 год

Сегодня у папы день рождения, мы пойдём в кафе-мороженое. Сегодня мне купят три шарика шоколадного. День рождения, конечно, папин, но счастлив я так, как будто сегодня мой день. Я накопил деньги, чтобы подарить папе мяч. Он сказал, что всегда хотел стать футболистом, но не смог, потому что родители не могли купить ему спортивную форму и мяч. Папа исполняет мои мечты. А сегодня я исполню его. С этим мячом он будет настоящим футболистом!

Кажется, сегодня я не получу три шарика моего любимого шоколадного. На улице ливень и сильный ветер. Мы решили остаться дома. Зато мама предложила испечь всем вместе пирог. Поэтому я не очень грущу.

Папа обнял меня, он смеялся и радовался, когда увидел мяч. Сказал, что я у него очень умный и взрослый. Сегодня был замечательный день. И мамин пирог как обычно удался. Ладно, я пошёл к Геку, он сегодня спал целый день. Погода такая. Серая...

Почему время летело тогда? Лучше бы было всё наоборот. Если бы он знал, что в один момент с ним останется только Гек. А позже самым близ-

ким человеком для него станет бабушка, которая воспитает его и даст прекрасное образование, то он загадал бы другое желание на последний Новый год в кругу семьи. Оно бы было о возвратности времени и о замедлении его скорости.

Его родителей не стало 1 декабря 1980 года. Он тогда, как обычно, был в садике и ждал прихода мамы, которая задерживалась. Это была большая редкость. Мама возвращалась с работы, но решила всё-таки зайти в гастроном и взять его любимые конфеты, которые расхватывали очень быстро. Переходя дорогу, она уронила пакет с конфетами, а водитель автомобиля мчался на безумной скорости. Он не смог справиться с управлением и сбил её ровно в тот момент, когда она нагнулась, чтобы поднять конфеты. Когда сообщили отцу, то у него случился сердечный приступ, врачей рядом не оказалось. Его не успели спасти. И маленький пилот Миша остался один с бабушкой, которая переехала с дачи из Подмоскovie, стала жить вместе с ним и воспитывать внука.

Миша подошёл к зеркалу, увидел своё отражение, которое ясно давало понять, что ему нужно отдыхать и спросил себя «почему»... Почему они оставили его одного, почему он 12 лет своей жизни праздновал Новый год с бабушкой, а потом не стало и её. Почему кто-то в праве был забирать у него самых близких людей? И как начать жить, не оглядываясь на потери прошлого? Как обрести настоящее, где у него была бы своя семья? Как перестать злиться на его ровесников, которые имеют живых родителей? Как перестать злиться на мир за несправедливость? И почему, всё, что он имеет – это небо...

Как-то раз он спросил бабушку, где теперь живут его родители. «На небе» – ответила она. Миша решил, что непременно должен стать пилотом, чтобы встретиться с ними и спросить, почему они оставили его. Он встретится, всё узнает и тогда будет самым счастливым человеком. Пилотом Миша всё-таки стал, а счастливым человеком назвать себя не может до сих пор.

«Чёрт, а у них ведь не получается! Эти летающие совершенно не могут с «кем-то», однако понимают, что им надо разделять воздушное пространство. Хотя бы для того, чтобы замечать вместе прожилки листьев или стаи птиц, которые хитрее всех, доказывая это каждый раз, когда осенью решают улететь на юг. Не отпуская эту идею, летающие цепляются за каждого, кто, как им кажется, сможет летать вместе с ними. Но это оказывается всего лишь тот идущий по делам. Он не проходит, не обратив внимания. Ему интересно, а как это можно летать. Узнав, он называет летающего легкомысленным, инфантильным болваном и романтичным дурнем. «Вот я сворачиваю горы с 8 до 5, я живу, и мне не стыдно за себя. А ты что можешь?

Лети себе куда подальше». Летающий полетел бы, только не может, потому что ошибся когда-то в чьей-то спине. Теперь ему необходимо быть сильным и забыть про полёт – мысли в голове опять не давали покоя. – Летающий – это я? Но я не летаю душой. А ведь на самом деле, все мои разговоры с самим собой – они про человека, который летает в душе. А я?.. Я ведь идущий. Мне 34, у меня нет семьи. А моя детская мечта, увидеть родителей в небе, несбыточна». Даже любовь к небу и вечное ожидание чуда пропали внезапно. А появилась привычка любить боль и землю, потому что и то, и другое осязаемо и осязаемо. Мише нужно было выживать после смерти бабушки. Он должен был стать сильным. Да, у него была квартира и дача. Но ему было 18 лет, он только окончил школу. Смерть бабушки, поступление в университет мечты, туда, где учат на пилотов, отсутствие денег, потому что нет работы – всё это в один миг свалилось на него. Был только один выход: устроиться грузчиком в вечернюю смену, так как утром его ждали пары, а днём – тренировки. И так каждый день. Времена перестройки были противоречивыми. Столько всего нового и неизведанного появилось для граждан Советского Союза, но для Миши всё было однообразным. У него была цель: выжить одному, сохранить, во что бы это ему ни стало, бабушкин дом в Подмоскowie, и стать пилотом. А вдруг мечта детства сбудется когда-нибудь, и он вновь встретиться с родителями.

«Вот я сворачиваю горы с 8 до 5, я живу, и мне не стыдно за себя. А ты что можешь? Лети себе куда подальше». «Летающий полетел бы, только не может, потому что ошибся когда-то в чьей-то спине». «Идущего? Да, идущего всего лишь мимо, но намеренно задевшего крыло того, который летал. Идущий сделал всё, что хотел, оставив на своих плечах честное покрывало его принципов жизни и взглядов, прожигающих крылья». Но самое главное, что и идущий, и летающий это один и тот же человек, который сам ломает свою жизнь, сам губит себя», – в его голове опять предложения складывались одно за другим.

Он решил, что ему необходимо принять душ и расслабиться, иначе эти одинокие, сумасбродные думы и бесконечный самоанализ сожрут его, не оставив даже горечь потери.

Он открыл дверь в ванну, наполнил её горячей водой, лёг и закрыл глаза. Но мысли его не покидали.

«Сегодня 14 ноября. День рождения папы. Я бы смог подарить ему мячи из разных стран, отовсюду, откуда он пожелал бы. Но если бы отец видел, что в 34 года я остался один, он бы не радовался этим мячам, как тогда, когда я накопил денег и подарил ему его мечту. Разве моя мама, которой было для кого покупать конфеты, была бы счастлива от мысли, что я, воз-

вращаясь с очередного рейса домой, покупаю бутылку виски себе, а не конфеты своим детям. Что же получается, я просто летающий и идущий одновременно? Я тот, который стал пилотом, как папа, тот, который ездит на выходные, когда есть время, в бабушкин дом, тот, который всю жизнь просто шёл и всё время оглядывался назад? Я тот, кто не разглядывает листья, тот, которого не найти на улицах Москвы, потому что отныне он – большинство. Большинство идущих по проспекту жизни, растекаясь как воды маленькой речушки, в скором времени высохшей и превратившейся в часть земли. И воздух станет совсем от меня далёк. И каждой осенью на меня падают листья, прожилки которых будет рассматривать меньшинство. Оставшееся меньшинство ещё способных летать. Летать душой. Может быть, пришло время отпустить прошлое и не стараться жить ради него?»

Он вышел из душа, включил телевизор, а потом уснул в кресле. Для Миши это было его настоящее. И небо... Бессмысленное небо, которое перестало его вдохновлять и приносить веру в чудеса.

16 ноября. 05:00

Сегодня опять ему улетать. Он уже был готова выходить из квартиры, как понял, что к нему стучатся в дверь.

– Здравствуйте, я Вера. Живу под вами. Вы меня топите.

– Чёрт!

Засуетился. Он понял, что не закрыл воду ванне.

– Простите! Я готов возместить ущерб, но чуть позже. Мне нужно улетать сегодня, и я очень спешу.

– Тем более... Как к вам обращаться?

– Миша.

– Я не займу у вас много времени, Миша. Ничего возмещать мне не надо. Можно мне с вами полететь. Я боюсь самолётов, боюсь летать. Но может именно сейчас время избавиться от страха. Возьмёте меня с собой?

Миша был шокирован вопросом и просьбой. Он помолчал несколько минут. Посмотрел на родительскую фотографию, стоявшую на полке и сказал:

– Вера, я думаю, что у нас с вами получится поверить в себя. Обещаю, что мы найдём способность летать с самими собой. Поэтому, полетели, Вера! Я вас буду ждать возле машины. Собирайтесь.

Он закрыл входную дверь. Взял свой чемодан и отправился навстречу к небу и к новому Мише, который, кажется, нашёл Веру и в скором времени научится заново летать. А след от самолёта наконец-то оставит новый след в уже не одинокой душе.

Я – чашка чая

Я еду домой в вагоне метро. Увидела силуэт мужчины. Рассматриваю. Мне кажется, его белая седина таинственна, мне кажется, что его глубокий, грубый голос наделён какой-то нежностью, особенно желаемой осенью. Его белые виски обрамляют овал лица по бокам и вот-вот упрутся в острые скулы. Вокруг нас много людей, но именно он из всей толпы заманил мой взгляд и приковал внимание к себе. Интересно, он слушает джаз? Завтракает ли по утрам? Какую последнюю книгу он читал? И есть ли в его портфеле настоящая книга? Думаю, что да. Как пахнут её страницы? Пахнут ли они табаком или осенним урожаем яблок? Может быть, запах этих страниц расскажет о его писательской жизни. Но нет. Пожалуй, самое прекрасное, что втягивает меня в мысли о его жизни, это белоснежная седина. Я не видела такого белого цвета с момента, как в моём детстве, зимой, упал первый снег. Помню, это захватило меня, я не понимала, почему он падает и отчего такой белый. И вот сейчас, мне кажется, что есть что-то необъяснимое в белом цвете его седых волос. Они покрывают голову, в которой вероятно много мыслей. Он выглядит задумчивым. О чём он думает? Может быть, о новых героях своих историй или о даче, где он недавно посадил деревья?

На руке нет кольца. Ни разу не женился? Развёлся? Или просто не носит.... Есть ли у него дети? Я знаю ответы на эти вопросы.

Осторожно двери закрываются, следующая станция Адмиралтейская. Да, точно. У него такая выправка, как у адмирала... У него непростительная красота для мужчины. Я знаю, что мы уже знакомы. Знаю, что он женат. У него прекрасный сын, который любит меня и заботится. Мы познакомились с ним (не с сыном), кажется, в 64-ом году, в Парке Горького. Он постарел, конечно, с того времени.

Как же сын похож на него, я рада, что у него его гены. Он ведь умён. Нет, он чертовски умён. Я могу молчать и даже зная то, о чём он говорит, и имея возможность не согласиться или принять его позицию, я просто слушала, потому что то, как он рассказывал обо всём... Как он это делал! Просто услышав хоть раз, вы меня поймёте.

Он случайный человек, и я встретила его только что в вагоне метро, и он наяву был со мной 40 лет. И никто, кроме него, даже я не узнала себя, как он смог узнать обо мне. Я как будто каждый день давала ему интервью. Я неожиданно стала интересна себе, и моя жизнь стала любопытной для меня. Об этом потом. Может быть...

Сейчас он повернулся ко мне спиной. И отошёл немного. Может быть, он сейчас выйдет из вагона. Такая короткая встреча... Я привыкла со вре-

менем к этому. Всё время в работе, и потому мне ещё больше нравится этот мужчина. Уже 40 лет я твержу, что он чудесен, когда задумчив, и мысли не обо мне, а о чём-то, чего я не могу разгадать. Я просила его всегда: «Подумай не обо мне, загадай то, чего я не знаю». А потом я просто украдкой смотрела на его появляющиеся морщины на нахмурившемся от мыслей лице и на отсутствующие глаза.

Он повернулся ко мне, кажется, вернулся из своих мыслей и, наверное, передумал выходить из вагона. Такой живой этот случайный человек.

Он перекинул портфель на другое плечо, взяв его левой рукой, на которой были старые часы. Они были чудесны. Нет, не часы, а руки. Как была бы счастлива я сейчас, если бы он снова, как раньше, запустил их в копну волос, поцеловав в лоб, а потом снова отправился по делам. Со временем я перестала это любить. Он всегда уходил после, поэтому поцелуй в лоб стал ассоциироваться с прощанием. И только потаптывание с ноги на ногу за дверью, около восьми вечера, говорило о том, что поцелуй в лоб не так страшен, если каждый вечер ноги того, кто целует, становятся на коврик в коридоре вашей общей квартиры.

Следующая станция Спортивная. Наша любимая. Там Нева вокруг, там место, где он делает мне предложение, спустя год после нашего знакомства. Была осень. И я была, как стакан с горячим чаем, который поставили на подоконник открытого окна. Я была так холодна снаружи, потому что невский ветер дул прямо на нас, но внутри было очень тепло. Чувствовались бодрость и сила, которые выстукивало сердце от любви к этому человеку. Мы вместе – значит, сил и теплоты будет ещё больше.

Станция Спортивная. Вместе мы вышли на ней. И вот сейчас он уходит от меня. Человек, который напомнил мне мою любовь, моего сына, все они – это Миша, мой муж, с которым я уже больше не выхожу на этой станции. И даже после его смерти – я всё равно – стакан с чаем, оставленный на подоконнике, который постепенно мёрзнет снаружи от холодного невского ветра, но внутри него по-прежнему тепло. И никогда не остынет, как это случилось бы однажды с настоящим чаем, потому что я человек, который однажды полюбил безвозмездно и просто так, раз и на всю жизнь.

Антон ПОГРЕБНЯК

Звёзды стояли над городом необыкновенно высоко. Где-то под звёздами, сквозь дым фабричных труб реяли ветра и знамёна. Генерал опустил бинокль, сорвал с ветки крупное яблоко, надкусил и швырнул огрызок точно под углом 45°. Генерал когда-то заканчивал артиллерийское училище. Огрызок шмякнулся о крышу соседней избы. Солнце, огромное, багровое, поднималось там, на востоке над силуэтами заводских корпусов.

Пора! Ещё раз глянув на ненавистный город, генерал развернулся и шаркающей кавалерийской походкой направился к обрыву. Там его уже ждал дельтаплан.

Пролетая над оврагами, полями и рощами, с которых уже начала опадать листва, он видел длинные вереницы обозов, волочащихся по грязи. Обозы сопровождали всадники в лихо заломленных фуражках с чёрными кокардами. Угрюмо подняв воротники шинелей, шла пехота. Две лошадёнки, выбиваясь из сил, тянули тяжёлую гаубицу. Эх, остановить бы, пока не поздно, накрыть этот город тупоносыми, грузными как тюлени снарядами! Но нет, напрасно беснуется телефон, уже снимаются с позиций последние часовые, догорают в печи ставшие вдруг бесполезными документы, рапорты, отчёты, и лавиною заходит с тыла неудержимая красная конница.

Он вспомнил мощёные улицы Тифлиса, где играл в орлянку с другими гимназистами, вспомнил девушку в чёрном пальто на скамейке зимнего парка, вечера на даче у Песоцких, ах, поручик, нас же увидят, свадьба, её лицо, как она побледнела, лестница, и это крошечное существо – Васятка, совсем не по-детски всматривающийся в снежинки за окном. А потом всё пошло под откос. Как будто кто-то там, на небесах, махнул рукой. Кашель, пустяки, простудилась, твёрдый, лишённый всяких эмоций голос врача, жар, постель, похороны, растянувшиеся на целую вечность, война, кровь, грязь, наспех сколоченные гробы, революция, какие-то перестрелки, пожары, нелепые приказы, пьянство, казачьи разъезды, грязь, кровь, отступление, брошенные деревни, и снова кровь, и снова грязь, и снова отступление, бесконечное отступление...

Генерал приземлился на поляну, где ещё час назад располагался склад. Среди разбросанных в беспорядке ящиков валялось несколько обойм с патронами, брошенная винтовка. Под брезентом громоздились тяжёлые английские пулемёты, совсем новые, так и оставили, скоты. Ветер принёс со стороны города гарь и мотив варварской песни. Они уже совсем близко. Генерал сомкнул пальцы на рукояти револьвера и заглянул в чёрный зрачок ствола.

Демид РАБЧЕВСКИЙ

Письмо

Покидать прежнее место всегда грустно. Как бы оно не было ненавистно, человек влюбляется в свои неудобства, лишения и начинает скучать по ним, если даже не нуждаться в них, как в лёгком наркотике, способном на время смазать шестерни сознания. Саша сидел, прислонившись виском к раме стекла купе, и смотрел в темноту. За спиной остались два года работы лаборантом, взрыв лаборатории, отравление и увольнение по состоянию здоровья. Оставалось только одно дело, казавшееся малоприятным. Его напарник, готовивший оборудование с ним в тот вечер, тоже Саша, но Шимонович, погиб при взрыве почти моментально, и теперь нужно было сообщить родственникам. Таковых в личном деле не обнаружилось, однако Шимоновичу приходили письма от некой Марины, о которой он ничего не рассказывал, и, когда стали разбирать завалы, нашли среди вещей Шимоновича пачку писем, вплавившихся в плотный пакет и практически не повреждённых. На конверте был написан крупным, почти ученическим почерком, адрес Надеждиной Марины Андреевны. Саша видел, как его коллега убирал, торопливо сгибая, листочки, когда кто-нибудь заставал его пьющего одиноко чай в каптерке. Однажды в уборной из-под ободка начали вымываться мелкие кусочки фотографии. Это случилось как раз после очередного письма, и логично было полагать, что это была фотография Марины.

Саше не хотелось ехать к ней – с работой он до сих пор не определился, компенсация, выплаченная ему, была невелика, да и вообще он не любил копаться в чужих отношениях и пересудах. Ему претило совать нос в чужие драмы и фарсы, он даже полагал это неприличным, и, произнося про себя «Не суди сам, да не судим будешь», он всегда помалкивал, когда другие сплетничали. И вот сейчас надо выяснять, с кем встречался Саша, отвечать на нудные расспросы о, в сущности, неизвестных ему обстоятельствах гибели и наконец утешать абсолютно незнакомую женщину, которая наверняка будет биться в истерике.

Время было полночь. Он открыл чемоданчик, нашёл пару бутербродов, пакетик чая и те самые письма, завернутые ещё раз в тонкий пакетик из-под хлеба. Немного посидев, он сходил к проводнику, взял стакан, налил чаю, и стал жевать бутерброды. Напряжение нарастало. Потом открыл чемодан и повертел в руках пачку писем. Убрал её и закрыл чемодан. Затем пугливо обернулся – в купе, кроме него, никого не было, запер дверь на задвижку и, достав пачку, вскрыл её ножом с прилипшими после резки бутербродов крошками. Любопытство взяло верх. Внутри лежали сложенные вдвое листочки, отпечатанные на машинке. «Почему на машинке? Компьютера нет?... Странная

мода...» Иногда строки насакивали друг на друга, словно печатавший сидел, уткнувшись носом в клавиатуру и не обращая внимания, что забыл вовремя повернуть валик на каретке. На листах не было красных строк, часто печать велась с маленькой буквы. Письма не содержали почти никакой конкретной информации «Дорогой, я устала ждать – ты так редко пишешь. Я устала от этого вечного одиночества, вползающего по вечерам комнату, подкрадывающегося к моему креслу сзади и сжимающего меня ледяными лапами. Только ты, я знаю, только ты сможешь отогнать его. Только твои руки способны...»

Просмотрев пару-тройку писем, Саша устало отложил их: любопытство получило то, чего просило, махнуло рукой и улеглось вновь. Читать чужую любовную переписку, излишне метафоричную и целомудренную ему было не интересно. Единственное что он уяснил – его коллега познакомился с Мариной или на работе, которой он занимался до перехода в закрытую лабораторию, или через объявление в газете уже после трудоустройства, и практически не виделся. Единственное, что показалось ему странным – на конвертах не стояла ни фамилия, ни даже отчество. «Саше, комната 315» и всё. Однако никаких объяснений этому не находилось, и, успокоившись на этом, он аккуратно, стараясь не лечь на ещё свежие швы, улёгся на полку и уснул.

Утро было туманным, простуженным и серым. Небольшой город, в котором надо было сойти, поезд проезжал в шесть утра. Поёживаясь и пошатываясь после сна, Саша подошёл к единственному такси, жавшемуся на призывальной площади, и попросил его отвезти на Дзержинского восемь.

Дом затерялся в глубине двора среди сада и труб отопления, ржавыми арками вздымавшихся над тропинкой. К самому дому подъехать не получалось, так что пришлось пройти по почти заросшей тропинке, и намочить росой ноги. Третий – верхний – этаж, тёмный подъезд с исписанными стенами, долгий но слишком тихий звонок. Наконец дверь скрипнула.

– Саша, Сашенька! Саша! – кинулась к нему из тёмной комнаты тень, повисла у него на плечах и стала горячо шептать, примешивая к радости слёзы, – от тебя даже пахнет так, как от письма, которое ты тогда ещё писал. Помнишь?

Девушка радостно тыкалась ему в плечо, словно слепой котёнок, тонким чутким носом, тёрлась лбом о его щеку. Наконец отступила во мрак:

– Проходи, Сашенька, ну что ты встал...

Притянула его к себе и незаметным жестом закрыла дверь. Не успел Саша сообразить, что к чему, как девушка стала, едва касаясь, водить по его лицу ладонью, шепча скорее для себя, хотя тоже с нежностью к которой была примешана доля восхищения – Так вот какие у тебя нос, брови... и щетина... может, тебе дать бритву?...мм...

Саша ошарашено смотрел на голубовато-белые, лишённые зрачков глаза, пару раз словно направившиеся на него, когда девушка с шумом вдыхала запах его кожи. Она, едва касаясь, ощупала его тело, потом снова прижалась, мечтательно вздохнула и зашептала:

— А я тебя таким и представляла... ты такой замечательный... А почему у тебя шрамы ещё свежие?

Он не успел ответить, как она схватилась руками за голову, почти наигранно, почти картинно:

— Ой, я же забыла, вот выключатель, тебе же нужен свет.

Пока Саша медленно оборачивался, Марина метнулась к стене и щёлкнула. Свет резанул по глазам. Квартира была неухожена, со стен местами сползали куски обоев, пол облупился, и по углам пыль сбилась в сизоватый нестираемый налёт.

Марина отошла к стене и встала, выжидая, когда Саша разденется. Она была красива. Не той плодово-ягодной красотой, стремящейся двусмысленно прикрыться за небрежными лоскутами, а особенной, утончённой, красотой отощавшего оленя, загнанного к последней черте, лозы, высохшей на слишком бесплодной почве. Она была женственна на грани угловатости, робка, пуглива и необычайно пластична. Несмотря на слепоту, она перемещалась по квартире, уворачиваясь от столиков, тумбочек, дверей. Саша стоял, не шевелясь, проваливаясь в бездну понимания, что эта хрупкая девушка и была той самой Мариной, обрывки фотографии которой плавали по унитазу.

Саша словно в анабиозе снял куртку, и Марина тут же, приобняв его, повела в гостиную, обливаясь слезам радости и шепча: «Как ты доехал? Что было интересного? Какая там погода?» и прижавшись к нему «Любимый, почему ты ничего не писал? Ты же такой чудесный. Такой приятный, и на ощупь тоже. Садись. Я тебе специально сварила суп...»

Саша понял, что о смерти Шимоновича он не сможет ей сказать ни сейчас, ни потом. Он лихорадочно соображал, что же делать, когда она внесла две налитых до краёв тарелки супа.

— Кушай, любимый.

Она пристроилась сзади и стала нежно гладить его, положив подборок на плечо.

— Ну что ты дрожишь? Всё хорошо, мы вместе.

Когда он доел, она прижалась к нему и начала еле слышно шептать:

— А мне казалось, что с тобой случилось что-то очень страшное... Знаешь, я так боялась, мне всё время снились кошмары... Тётя Зина — помнишь, я тебе про неё писала? Она мне письмо твоё читала... Давала мне успокоительное... А теперь ты здесь, и ты живой, только пораненный... — она поцеловала, едва касаясь губами, шрам, пересекавший правую половину лба.

Саша медленно, неверной рукой обнял её, погладил по талии, затем склонился к ней и осторожно дотронулся губами до её носа.

Все счастливые семьи может быть и похожи друг на друга, но только с виду. Саша и Марина действительно представляли с виду образцовую семью – Саша устроился в ремонтное ателье, едва ли не на руках носил жену, стремясь избежать разногласий.

Однако всё время его мысли были поглощены невысказанной болью, причиняемой ему совестью. Он обманул Марину, обманул всех, выдав себя за того самого безродного Сашу, фамилии которого здесь и не знали. Единственное в чём он не лгал – в любви к Марине – практически с первого взгляда.

Он стал нервным, по ночам часто вставал и выходил курить. Если Марина интересовалась, о чём он беспокоится, он отговаривался тем, что это воспоминаниями о взрыве в лаборатории. Она целовала его в плечо и уходила.

Иногда он выходил за город и долго бродил по лесу, крича истощно «Почему!!», иногда падая на землю и долго лёжа там без движения, словно пытаясь слиться с землей, с гниющими листьями. Боль и совесть перед мёртвым приятелем не отпускала его почти никогда.

Однажды он решил переклеить обои. Встав на табуретку. Саша стал шарить по антресолям, ища клей или сохранившиеся рулоны бумаги, – раньше Марина жила с тёткой, умершей, когда ей было двадцать. Его внимание сразу привлёк пыльный кейс, точно такой же, как у него. Тотчас он крикнул несколько насторожено:

– Марин, что тут за чемодан стоит?

– Ты не помнишь? Ты же ко мне присылал приятеля, хотел, чтобы я его у себя держала. Приятель такой странный оказался, молчаливый, испуганный... Поздоровался, потом стоял, словно призрак увидел, а потом что-то пробормотал вроде «спасибо» и убежал... Хотя меня почему-то часто боялся.

Дрожащий от страха Саша спустился и обнял жену.

Ночью он вылез из постели, тихонько взял чемодан, настольную лампу, и, поставив на кухне чайник, стал копаться в кейсе.

Последний содержал около двадцати плотно исписанных тетрадей. Шимонович был аккуратистом, поэтому читать его записи труда не составляло. Это были дневники. Отметя школьные и студенческие записи в стиле «Как мне всё это надоело. Одиночество есть осознанная необходимость в людях, которых нет рядом...», Саша приступил к более поздним записям. Последняя тетрадь была не закончена. Начиналась она так «Итак, шикар-ный вид. Начинаю новую страницу своей идиотской биографии. Сегодня в «Красном уголке» познакомился с одним человеком, даже можно сказать

певцом. Истинный русский интеллигент... Он ушёл от первой жены и женился на слепой. И теперь преспокойно гуляет, где хочет, делает, что хочет и живёт на её пособие по инвалидности. Плюс прописка. А что если мне – того? Тоже найти себе что-нибудь в этом духе. Жизнь всеобщий эксперимент, так почему бы тоже тут не поэкспериментировать?» Далее шли описания того, как он случайно наткнулся на объявление, данное Марининой соседкой о найме сиделки на три недели, пока ей нужно съездить в Новокузнецк, продумал схему с ошибкой номером, взятием адреса, осуществил её, поразив Марину заученными заранее весьма оригинальными фразами, после чего нашёл возможность устроиться в их лабораторию, что сделало общение с Мариной затруднительным. Со временем Шимонович разочаровался и в своих замыслах, и усыпал страницы проклятиями в адрес Марины, которой он не хотел даже отвечать, надеясь, что она «перебесится».

В какой-то момент, напившись, он исписал страницу косо, рассуждая о том, что все эти записи у него могут изъять из за секретности проекта, в результате чего решил навеститься к Марине и оставить этот чемодан у неё – кто станет искать его бумажки у никому неизвестной слепой девушки. После этого он написал ей, сообщив, что пришлёт приятеля с чемоданом, и, как явствовало из последней записи, отправился к ней сам посмотреть, что она собой представляет.

В душе было пусто и немного потягивало, словно Саше то ли не хватало прежней боли, то ли она ещё продолжалась по инерции, и он так и не осознал, что в сущности был куда более прав, чем настоящий Саша, Шимонович. Представить, что его приятель на самом деле вынашивал такие мысли, отнекиваясь что пишет рассказы, если его вдруг заставляли пишущим в комнате, было сложно.

Наконец понимание снизошло на него. Он бросился в комнату, разбудил жену поцелуями и шёпотом «Теперь всё будет хорошо, ты со мной, милая». Та, проснувшись, несколько удивленно привстала на локтях, прислушалась, затем укоризненно сказала «Ты забыл выключить чайник» и босыми ногами зашлёпала на кухню. Шипение прекратилось. Затем раздался её чуть более громкий возглас: «Саш, а что тут за тетради?»

Всё внутри Саши оборвалось. Он быстро стал соображать, что объяснит по поводу содержания последней тетради, которую, кажется, так и бросил открытой на последней записи на столе. Недописанный роман? Наблюдения? Или что? Вдруг челюсти свело непроизвольной судорогой – он понял, что Марина никогда в жизни не прочтёт ни строчки, написанной рукой Шимоновича. После почти минутной паузы Саша облегчённо выдохнул:

– Да так, конспекты по истории философии... Надо выбросить.. и добавил про себя, успокоено отходя ко сну, – Всё бы так выбрасывать...

Лена

Чтобы попасть домой, лучше ехать по объездной дороге, чем по городу. Руководствуясь этим соображением, Лёша поехал в объезд, однако вскоре пожалел об этом – дорога была скользкой, её заметало. Фары вырывали из беснующихся снежинок от силы метра четыре, а дальше темнел декабрьский вечер, холод и неизвестность. Маленькие руки намертво вцепились в руль. Лёша тревожно смотрел на дорогу. Задней мыслью вспомнил, что до сих пор не поставил зимнюю резину, ибо осень была тёплая, а зима началась недавно.

Дорога была пустынной, Лёша вскоре привык к езде в условиях слабой видимости и задумался над насущными проблемами. Завтра они с Леной собрались в театр, надо у себя прибраться хотя бы, убрать нестиранное бельё и тряпки. «А где взять денег дальше? Может, поехать в... чёрт, не помню, сегодня позвонили, там много народу на тренинг записалось... тысячи три – как с куста... А дальше? В моём положении нельзя быть настолько нищим. Просто преступно... А что дальше?» Лёша погрузился в мысли о «дальше», ибо отношения с Леной заходили в явный тупик. Он психолог, проводит тренинги из серии «Успех за десять дней – реальность, а не миф!» или «Пять секретов лидера», а Лена заведует отделом продаж в какой-то дизайнерской компании, на хорошем счету у начальницы и надеется на повышение. Собственно, она и пошла на очередной Лёшин тренинг «Три ступени до победы» потому, что слишком долго ждала повышения. После лекции она подошла к лектору за разъяснениями, а тот постеснялся сознаться, что лекции сочинял от балды, зачастую иронизируя над глупостью слушателей, которые собираются на его выступлениях в надежде, что на них снизойдёт откровение о пути и цели, однако, не долго думая, позвал посетительницу в ближайшее кафе. Лекция закончилась вполне доверительной и светской беседой. Дальше всё развивалось стремительно, и только сейчас Лёшу стало корчить то, что он стоит на социальной лестнице на много ступеней ниже Лены.

С детства Лёшу притесняли все окружающие – он был бледный, тощий и низкорослый. Учителя не видели в нём никаких способностей, сверстники видели замкнутого зануду. А Лёша мечтал о величии, спал и видел, как будет править миром, людскими судьбами, руководить крупными корпорациями или ездить по пустыне на сверхскоростном мотоцикле. Ему мучительно хотелось выделяться, однако желание чем-то выделиться, замыкающееся на самом себе, как правило, приводит к жалкому позёрству и убогости мышления. В десятом классе первого апреля он выбрался через раскрытое окно на массивный козырёк над входом в школу и написал краской из баллончика: «1 апреля – день России. С праздником, дорогие братья по разуму!» Надпись видно не было из-за пресловутого козырька, но расхрабравшемуся Лёше

пришлось искать другую школу. В институт он поступить не смог – его знаний хватило лишь на педагогический колледж. Потом психолог дошкольного образования Алексей Павлович Низких продолжил реализовывать свою веру в собственное высшее предназначение – попытался стать частным психологом, потерпел пару неудач. В конце концов, на него всё же снизошло озарение, и неудачник стал поучать равных себе, как добиться успеха.

Он одевался весьма экстравагантно – в пиджак из клетчатых сумок, сшитый из жалости соседкой тётей Ирой, жёлтый шарф и синие штаны. После к ним добавились фиолетовые очки. Лёше это казалось очень эффективным. Повязывая жёлтую тряпку вокруг шеи, он мнил себя гением и властителем человеческих душ. При этом он понимал, что, в сущности, занимается явно не подобающими приличному человеку вещами, однако обиды, засевшие в душе с детства, требовали развязки, и каждый раз на лекции Лёша ликовал, понимая, что он в центре внимания, он владеет залом, и эта сотня болванов, масса, внимает каждому его слову, разинув рты.

Внезапно Лёшу резко швырнуло вбок. Первой мыслью было, что он не вписался в поворот, и Лёша вдарил по тормозам. Машина закружилась, как кабинка в какой-то адской карусели, по заледеневшей дороге. Лёша рассеянно смотрел на проплывающие перед глазами синеватые деревья и снег, выхваченные фарами, и думал, куда деть пальцы, чтобы их не поломать. В детстве его много били рейсшиной по пальцам, и перелома пальцев он боялся больше всего. Ему казалось, что прошло несколько минут, хотя всё длилось пару секунд. Потом его ослепил свет, он услышал хлопок – короткий и смачный, почувствовал, как руль смял его, словно пустую коробочку из-под сока, затем – как он почему-то ударился глазами о приборную панель, ощутил резкую боль в коленках и выстрел в позвоночнике, после которого он уже ничего не помнил.

После лобового столкновения, особенно с грузовым автомобилем, выживают немногие, но выживают. Водитель «ЗИЛа» испугался, вызвал скорую, и Лёшу доставили в реанимацию. Покопались в его бумагах, нашли только телефон тёти Иры, записанный на клочке бумаги, и сообщили ей. Сознание вернулось к нему только на третий день.

Лена, не дождавшись Лёшу у театра, забеспокоилась. Несмотря на то, что он всеми силами старался поразить её необычностью поступков, принципиальностью и, как она это для себя определяла, «внутренней автономностью», она испытывала к нему некую долю жалости – он не умел врать, не был способен к принятию серьёзных решений и обладал умиляющей, почти детской, беззаботностью, отрешённостью от мира. Он не мог молча бросить её и не прийти, если бы тому не было серьёзной причины. Разве

что испугался серьёзных отношений? Но он бы не подал виду, побоялся бы показаться трусом – этот страх куда сильнее всех остальных.

Спустя три дня молчания (телефон Лёши разбился при столкновении) она кинулась искать его. Нашла адрес. Дверь заперта. Соседка, по счастью, оказавшаяся на лестнице, сказала, что он попал в аварию и теперь в коме. Лена опрометью бросилась в горбольницу. Долго объясняла при выписке пропуска, что она Лёшина невеста (сказав это, она почувствовала странную теплоту, разлившуюся по клеткам), наконец её пропустили.

Лёша очнулся утром. Весь обвешанный капельницами, проводами, забинтованный, с ногами, подвешенными в согнутом положении с грузом, и перебинтованным глазом, который чудом удалось спасти. Как циклоп, он озирал убогую белую пещеру реанимационной палаты. Всё, что было ему доступно, – вращать глазом и немного кивать головой. Мысли отсутствовали, лишь иногда складывались в бессвязные ассоциации, какие-то картины. Он попытался захрипеть первое, что оформилось в голове – «Лена!», но говорить он не мог. Одна из челюстных мышц была сшита и срасталась. Внезапно дверь растворилась, и в расплывающуюся комнату вошла не менее расплывающаяся Лена. Она остановилась, потом бросилась к нему и, встав на колени, стала целовать незабинтованную кожу лица, заслезившийся глаз: «Милый! Милый! Как же тебя угораздило? Солнышко? Ну почему так?» Она зарыдала.

С материнской заботой она подоткнула одеяло, погладила его по обри-той перед трепанацией голове, а затем стала рассказывать баюкающим голосом про свои поиски и волнение уставившемуся на неё глазу.

В палату пришла медсестра и принесла судно. Оттолкнув её, Лена стала сама необычайно бережно подкладывать его под Лёшу. «Откуда она это умеет?» Словно уловив его мысли, она шепнула ему: «Я полгода медсестрой работала после школы. Натренировалась».

Когда посетителям пришло время уходить, она шепнула ему: «Баюшки, мой хороший». Поцеловала его в оторопевший глаз и ушла в ореоле развевающегося белого халата.

Она приходила ежедневно, иногда спала, откинувшись на стуле, читала ему книги. На работе она взяла отпуск за свой счёт (благо её ценили и с охотой его предоставили). Потом она продала пару книг из отцовского наследия и мамыны кольца, и этого вполне хватило на все расходы и на лекарства, которые практически невозможно было достать. Когда с руки больного, наконец, сняли гипс, она с тихим счастьем ощущала прикосновение костей, обтянутых кожей, к своему бедру. Глаза Лёши были влажно-блаженными. Он говорил немного, благоговейно и обычно шёпотом, всматриваясь в её длинное, изящное, улыбающееся лицо с чуть припухлыми губами и густыми бровями.

Май вышел на редкость солнечным. Небо было почти безоблачным, люди загорали в парках, пили холодное пиво, улыбки светились отчаянной белизной на фоне солнечных очков. Лёшу выписывали – с него сняли последний гипс. Лена, в тонком, воздушном платье, с неизменным планшетом через плечо (старый советский планшет казался ей невероятно удобным, идеально смотрелся с её узким синим пальто и лёгким кремовым платьем и к тому же в последнее время соответствовал моде), вела Лёшу в белой больничной пижаме от врача. Он, расплывшись в бесформенной улыбке, слушал её.

– Так вот, солнышко, я взяла нам путёвку в Новороссийск. Там есть такая замечательная гостиница, бассейн, шикарные номера... Ты там отъешься, окрепнешь, – она приложила ладонь к его впалой груди, ещё красной от недавно снятых швов, – и всё будет хорошо. А потом я устрою тебя к Алке – у них как раз старый психолог уволился, а ты такой классный психолог... будешь у них сидеть, пить кофе и ни о чём не заботиться... Со-о-олнышко... – Она прижала к себе хрупкое безвольное тело.

Лёша посмотрел на неё долгим печальным взглядом, его тонкие губы ещё более сжались.

– Родная, погоди, мне надо немного подышать...

Они остановились около раскрытого окна. Девятый этаж больницы. Внизу распластался залитый солнцем город, резавший отвыкшие от света глаза сотней коньков крыш, покрытых лужами от ночного дождика.

– Конечно-конечно, любимый, – она подвела его к окну, придерживая за локоть, – а я пока найду тебе на карте гостиницу.

Она раскрыла планшет и согнулась, копаясь в нём.

Лёша с тоской глянул на её кудри и колыхающееся декольте, с необычной прыткостью вскочил на подоконник и беззвучно полетел солдатиком вниз.

Лена настороженно подняла голову, бросилась к окну и, ничего не понимая, уставилась на мозги, растёкшиеся по обе стороны от раскаленного конька крыши сарайной пристройки.

Взаимность

Ему не пристало ходить по ресторанам. Он смотрел на всё с безразличием и некоторой долей цинизма, поэтому ему было всё равно, где поесть – в ресторане или в столовой для шоферов на первом этаже за восемьдесят рублей. Тем не менее, в этот вечер хотелось вырваться из зловонного квартала кривых трёх-четырёхэтажных улиц, казавшихся по весне особо изощрённой пародией на Венецию, – залитые водой, они напоминали каналы. По ним плавали гондолы из коробок, палок и прочего мусора, а набережные из гнилых деревянных мостков то и дело проваливались.

В полумраке ресторана почти никого не было. Он постоял немного в раздумьях и обнаружил за столиком у окна девушку, одиноко уписывавшую эскалоп с картошкой. Он отметил, что она исключительно похожа на собаку, которая торопливо уплетает содержимое миски и, кажется, рассчитывает на добавку. Да и было в ней что-то от коккер-спаниэля – золотистые вьющиеся волосы, маленький нос, большие влажные глаза и пухленькие щёки.

– Вы не откажетесь от предложения скрасить ваше одиночество?

Она угукнула, как филин, дожевала кусок мяса, после чего сказала:

– Конечно, не откажусь.

Носик её заострился, как клюв у маленькой птички, два дождевых червячка розовато-фиолетовых губ выжидающе приоткрылись.

– Сегодня такой холодный вечер... «Седая ночь, и дремлющие птицы кажутся от синей тишины»... Я отвык от людей, они не хотят меня принимать со всеми моими мыслями, идеями и отношением к действительности...

Зрачки девушки, словно склизкие головастики, вдруг испуганно заметались после пребывания в полной неподвижности.

– Да... да... Знаете, а ме... меня тоже посещают такие мысли. Мы с вами похожи. Вам не кажется, скажите, когда вы идёте по улице, вам не кажется, что сейчас к вам подойдёт тот или этот... пешеход... и начнёт спрашивать – а что вы о нём думаете?

– Да, а вот, предположим...

Они разговорились. Условились встретиться спустя пару дней.

Он шёл домой в приподнятом настроении, рассуждая о новой знакомой: «У неё такие тонкие пальцы, кажется, им недостаёт разве что перепонок... а брови... как тонкая тёмная струнка капелек на белом летнем асфальте... и кожа как у медленно подрумянивающейся свиньи...»

Он пришёл в свою пустынную тёмную квартиру. Улыбнулся треснувшему зеркалу, включил лампочку, свисавшую на длинном перемотанном шнуре. Под ногами серел пол, вытертый оттого, что по нему когда-то рассыпали песок, а потом стали ходить. Над кроватью свисали отклеившиеся обои, а выше, выведенная кирпичом по бетонной стене, красовалась надпись «Buckingham palace». Перед началом надписи светилась приписанная маркером буква «Е». Он лёг, не раздеваясь, на кровать, закинул руки за голову и задумался. Спаниэлеподобная девушка вызывала в нём необъяснимую симпатию и дикое желание.

Прошло чуть больше недели. Посмеиваясь, они зашли в её квартиру, она обхватила его шею своим газовым шарфиком и, заливаясь звонким («как летящая из окон посуда», отщёлкало в его голове) смехом, потащила его к кушетке. Он толкнул её, повалил, сам устроился сверху и начал торопливо, путаясь в пуговицах («словно счищая «мундир» с картошки»), снова под-

сказал разум), снимать с неё одежду. На него пахнуло, как он для себя определил, гнилой капустой. Он метнулся, погасил свет. И подскочил к кушетке, где девушка вождественно раскинула тонкие, влажные от пота бёдра. «Какдохлая лягушка...» — отметил он про себя и, распалившись от этого сравнения ещё больше, пошёл на приступ крепости.

За окном тревожно заурчала машина, свет фар скользнул по занавескам. Она лежала, примостившись на его плече, чувственно оскалившись, словно маленький песец. Ее клювик-нос доверчиво уткнулся в ямку над ключицей. Он лежал с открытыми глазами. Ему хотелось покурить. Он осторожно выполз из её объятий и зашлёпал на кухню. Открыл форточку, закурил, уронил пепел на какую-то тетрадку, лежавшую на столе. Затем включил свет и стал искать мусорное ведро, чтобы стряхнуть пепел. Нашёл. Раскрыл тетрадку с конца. «Девятнадцатое апреля. Полночь. Мы, наконец, добились желаемого. Не подозревала столько страсти в удаве с глазами новорожденного цыплёнка. У него странный запах — тухлого супа с примесью корицы...» Он недоумённо поднял брови, потушил сигарету и листнул пару страниц. «...эти глаза словно мутное грязное болото. И в них плавают пара жёлтых веточек перепрелого торфа. Они такие мерзкие и в то же время inferнальные... это притягивает непонятным образом... руки напоминают ковш экскаватора — они всегда немного загнуты, словно в них наложили каши, и постоянно стремятся докопаться то до бёдер, то до груди... свиноподобная ухмылка: «Нельзя ли скрасить ваше одиночество?» Молчание. Повадки утопленника. Рот ослабившегося вурдалака...» Он так увлёкся чтением, что не заметил, как в кухню в длинной ночнушке вошла она, обнаружив, что его слишком долго нет под боком.

Заметив её, он встал, гневно и взволнованно шагнул к ней, потряс перед самым носом тетрадкой, крича срывающимся голосом: «Это что? А? Это что?» Затем швырнул тетрадкой ей в лицо, нацепил одежду и, потрясённый до глубины души, навсегда ушёл от девушки, которая заплакала «как бобёр, обнаруживший бревно посреди привычной тропинки», в сырость апрельской ночи.

Марксизм

Что-то даже сала захотелось. И — во-о-о-дочки! И пострелять.
Д.В. Коржов

Перевернув бумажку, завалявшуюся в кармане, Олег усиленно корябал на ней загупившимся карандашом, поглядывая изредка, не проехал ли он свою станцию:

Снова в порванном свитере,
 В стороны часто смотря,
 В каждом прохожем жителя
 Я узнаю себя.
 Снова пространственность времени
 Тянется шлейфом за мной,
 Снова от тяжкого бремени...

На лице его играла неподдельная радость. Ему всегда казалось, что он занят чем-то особенно престижным, добавляющим веса стихам, когда он писал в метро или в автобусе, положив бумажку на коленку или прижав её к стенке. Восторженные глазки осоловели блестели, тощенькие, плохо вымытые руки с обгрызенными ногтями наполнялись силой от волнения, ибо Олег искренне верил, что ваяет нечто жутко концептуальное и нетленное.

Игорь Губерман утверждает, что писателю добавок к способностям необходимо честолюбие. Только тогда он писатель, а не отвергнутый гений, который вожделеет для своего творения высших оценок от верхнего ящика стола, а не получая таковых, с удивлением впадает в творческие кризисы, запои и прочее. У Олега Иешкина честолюбия было хоть отбавляй. С раннего детства он писал стишки разного рода, писал увлечённо, уделяя этому почти всё свободное время, и считал писательство своим призванием. В своём увлечении он был вполне похож на свихнувшегося гения – чуть пожав руку и поздоровавшись, он начинал вдохновенно лопотать свои стишки. То, что в ходе своего творческого развития он, почти как Есенин, не изменял тематике и стилистике ранней лирики, его вовсе не смущало. Он верил в каракули, которыми заваливал квартиру, рассылал нетленки по редакциям и, не получая ответа, твердил себе, что советская почта не может работать правильно. Именно написание стихов было для него смыслом жизни. Он думал только о том, что он пишет или ещё напишет, крайне редко – о прочитанном и что оттуда можно стырить. Друзья звали его на вечеринки и пьянки для развлечения – спьяну они ржали над его философской лирикой:

Как вобле, зайцу и лягушке,
 Мне бог дал зубы, нос и рот...
 Или приходили в восторг от любовной:
 Ты лежишь так спокойно и тихо,
 Как топор в дровнике по весне,
 И козой винторогою лихо
 Во весь рот улыбаешься мне...

Олег был маленького роста, с длинными лохматыми волосами, востроносый и скромный. Скромность, видимо, порождалась его глубоко фило-

софским отношением к жизни — он плевал на все невзгоды и, как блаженный, везде кропал или читал свои стишки. О себе он как-то сказал: «Я велик, как в поле водокачка, и напорист, как всё то, что в ней».

Когда ему неожиданно удалось поступить в Литинститут имени Горького, мать залилась истерическим смехом, и её чуть не хватил сердечный приступ. Вторично она расхохоталась, когда он пискнул (голос у него был излишне высокий), что сам будет себя обеспечивать, после чего её увезли на скорой. Денег она ему действительно не посылала, приходилось выкручиваться.

В Литинституте он, как говорится, считал себя гением русской словесности до первого обсуждения. Затем он стал считать себя непризнанным гением русской словесности. Тут же он нахватался от коллег по цеху разных выражений и стремился писать всё путаннее, заворачивая сложные метафоры и концептуальные образы. Это-то и сослужило ему неплохую службу — его стали звать на пьянки для потехи. Он же, выпивая на голодный желудок, хмелел с катастрофической быстротой и, не обращая внимания на дружный хохот, уверенно читал километрами свои опусы.

В этот раз он ехал справлять день рождения Камю. Правда, не покидая своего блаженного неведения, думал, что друзья отмечают годовщину революции, а потому отобрал стихи на революционную тематику: «Пойду, как Ленин, рубить пространство посредством речи с броневика и с Надей Крупской пойду на танцы — легка, как пуля, моя рука». Он не ел уже около недели, ничего, кроме чая и пачки печенья, забытой кем-то на подоконнике. Такой голод грозил скорее не приступом вдохновения, как у Остапа Бендера, а приступом чего-нибудь похлеще, с уколами адреналина и помещением в больницу на полное довольствие. Поэтому он очень надеялся наконец наестся всласть и, если особо повезёт, что-нибудь увезти с собой.

В комнате было накурено. К сервировке стола явно приложили руку не только поэты, но и прозаики, ибо привезённое кем-то из дому сало было аккуратненько нарезано, салат из подручных продуктов красовался в немного помятом тазу, да и прочие скудные продукты были педантично разложены по тарелочкам. Олегу подвинули стул. Он улыбнулся, наложил себе полную тарелку и собирался начать есть. Но ему помешали.

В среде прозаиков и поэтов существует негласное правило, которое всякий обязан соблюдать — когда кто-либо читает стихи, все остальные должны замолчать, перестать делать свои дела (и есть в том числе) и слушать говорящего, желательно, восхищённо разинув рты. Независимо от того, что и как он читает.

Едва вилка в ослабленных голодом руках Олега застыла перед решающим броском, как все притихли и кто-то раздражающе вдохновенно зачитал:

Я проснулся. Куст сирени в банке
 У кровати вдруг разросся до
 Городского сада. Полустанком
 Подоконник стал. Как полотно...
 И так далее.

Фигня, отметил про себя Олег и, дождавшись конца стихотворения, опустил вилку в салат, наклонился, чтобы, засунув в рот как можно больше салата, не уронить ничего с вилки. Но гнусавый голос потянул:

Рейсфедер тонкий –
 Черта
 И нет. Пустота.
 Иголкой
 Пронзая воздуха ткань.
 Сшивая чувства и смысл,
 Высокое и низкое; рвань
 И белизну обелисков
 Мысли...

Иешкин поднял глаза, увидел пристальные взгляды, сосредоточенные не на читающем, а на нём, и, чертыхнувшись про себя, принял внимательный вид. Стихи читались непрерывно. Ни с того, ни с сего началась поэтическая дуэль. Олег почувствовал нарастающие рези в животе, лица перед глазами поплыли и сменились бесконечным множеством летящих тарелок супа, салатов и булок. Он уже не слышал, читались ли стихи. Вера в литературу восседала на весело гудящих стропилах и, кажется, уже падала в бездну. Мысли вспыхивали и исчезали, как буквы на вывеске «магического театра», то ярче, то больше, то бледнее. Он то возвращался к тому, что поэзия побеждает все проблемы, что она первична, то думал о том, как неплохо было бы поесть, то пытался апеллировать к морали и убеждал, что есть не надо, то вновь думал, что призванию нельзя изменять никогда и ни при каких обстоятельствах.

Наконец и его кто-то тронул за плечо и прокричал в ухо: «Читай, гений современности». Олег поднялся на дрожащие ноги, захрипел, как сдувающийся воздушный шарик, кончик которого зажали пальцами, и, медленно поворачиваясь по спирали, упал на пол, раскинув веточки-ручки.

В первый раз он очнулся после укола адреналина в буханке «Скорой», посмотрел на доктора и, издав хрип, в котором можно было отчётливо разобрать слово из трёх букв и соответствующий предлог, снова упал в голодный обморок. Вторично и окончательно он вернулся к жизни уже в больнице.

После выписки он первым делом пришёл в Литинститут, забрал оттуда документы, плюнул перед входом с выражением неизбыточной гордости и уве-

ренности, проделал ту же операцию перед ЦДЛом, после чего вернулся домой, а следующей весной поступил в институт марксизма-ленинизма. В институте учились люди порядочные, стихов не писали, к выпивке и закуске относились основательно и нередко подкрепляли своё отношение продуктами из магазина «Берёзка». Иешкин был счастлив. На обложке тетради по философии он гордо начертил последнее в своей жизни стихотворение:

Карл Маркс – творец великих истин –

Сказал и был, конечно, прав:

Писать стихи и просто мыслить

Никто не сможет, не пожрав.

Короткая повесть о надежде

Симочка была хрупкой, мнительной и работала корректором в типографии «Ухрюпинский рабочий». Кожа от вечного общения с монитором была бледной, губы страдальчески сжатыми, а глаза – большими и красными, что придавало ей особого очарования, каким обладает, скажем, «Запорожец» в толпе «Камазов» или бутылка, случайно обнаруживаемая среди бахла и мусора, возлежащих на полу кухни.

Сжимая с равной степенью сосредоточенности губки и сумочку, Симочка шла с работы по аллее, усыпанной падающими листьями. Ей было двадцать лет. Порывы души, не менее тонкой, чем черты её лица, и некогда готовой воспарить в любой момент, как значение собственного магнитного потока феррита при намагничивании, от долгих неудач в жизни остыли и сублимировались в вечное серое и безысходное настроение. Симочка жила одна в коммуналке, а наиболее близки ей были клопы, периодически приползавшие от запойного соседа делить с ней узкую кровать.

Пошёл дождь, и состояние Симочки стало ухудшаться в геометрической прогрессии.

– Девушка!

Она обернулась.

– Девушка! Простите... Что вы делаете сегодня вечером?

Кровь взбешённо ударила в виски, дыхание перехватило, пальцы задрожали, а тело превратилось в горящую от дрожи и волнения стрелу. Молодой человек с русыми волосами и в чёрном пальто выжидающе смотрел на неё.

– Н... н... ничего...

«Забрать пальто из химчистки... Подшить соседке халат... К чёрту всё!»

– Отлично! Вы не находите, что сегодня прекрасный день?

«Прекрасный день? Да! Да! Безумно прекрасный: золотые листья... Небо...»

– Да. – Она неловко улыбнулась, пытаясь скрыть безумную радость.

– Сегодня хочется думать о счастье, о том, что ничего невозможного нет... Ведь правда? Как вас зовут?

«А? Что? Как меня зовут? Боже... Какой голос...»

– Серафима... Можно просто Сима... Знаете, у меня тоже сегодня такое настроение... Но так хочется тепла... Осень...

«Чёрт! Куда меня несёт?!»

– Так вот, Серафима... Знаете, мне казалось – во всяком случае, сегодня утром, – что всё так безысходно, и тут я увидел вас...

«Аааа! Да! Сейчас он пригласит меня куда-нибудь! К чёрту работу и тётю Люсю с её шмотками!.. Какие у него волосы...»

– Да? Знаете, мне кажется, всё в жизни не случайно, все это неспроста!

«Ну, говори же! Скорее!»

Молодой человек просветлел.

– Я тоже думаю, что всё это не случайно... Надо всем есть воля свыше... Приходите сегодня в восемь на Обломова, двенадцать, вход со двора, там ещё вывеска такая: «Адвентисты седьмого дня»... Поговорим о Боге, о судьбе... Придёте?

...Казалось, сердце остановилось. Симочка похолодела, глаза налились оскорблением, обидой и ненавистью, и с криком она бросилась прочь.

«Что вам, товарищи, чужая Аргентина, я расскажу вам за историю раввина...»

*Врать не буду, сам не видел,
Но сосед рассказывал,
Будто бы из мавзолея
Кто-то фиг показывал.*

Частушка

Жил в Черноуховке до революции один раввин. Был он молод, но уже выучился в Иерусалимской ешиве. Слыл он великим учёным, и ходили слухи, что совершал он чудеса и даже летал. Слухи слухами, а на столе у него всегда была свежая птица, а жена раввинова первой разносила по деревне новости, которые с торговцами только через пару недель доходили из Варшавы и Вильно.

А потом началась революция. Завидев красных, раввин взял чемоданчик, попрощался с женой и улетел. Прилетел к белым. Тут его по форме досмотрели, карточку помяли, чемоданчик отобрали.... А он взял и полетел. Ну, тут дядя Михай, что к нему приставлен был, спрашивает:

– А ты чего это вдруг полетел, а, малахольный?

– Да вот жизнь моя так устроена, поумнее. Куда хочу – туда лечу! Ведь в жизни что главное? Коли невзгоды навалились, таки взять и улететь от них!

– Ну, ты хоть это.... Возвращайся! Хе-х.... Уходя, приходи, так сказать! Мы тебя ждём...

Улетел раввин, поселился в глухой деревне, стал лесником. Да не тут-то было – пришёл в деревню батька Махно. Махновцы раввина чин по чину опознали и к стенке поставили, а он взял и улетел. Зениток-то тогда ещё не придумали.

Прилетел во Львов. Осел там. Устроился продавцом в книжную лавку. Да так легко торговля пошла, что прознало об этом начальство, да и посадили его как чуждый буржуазно-религиозный элемент. А он на этапе взял и вылетел из строя.

В следующий раз нашли его в Харькове, били, пытали, а он как взлетит над следователем! Тот аж в штаны наложил и челюсть вывихнул.

Так его ещё пару раз сажали, а он то с зоны, то с этапа улетал. Поняли, что бесцельно оно, взяли и отпустили. Да только, чтобы в заграницу не улетел и лишнего не наболтал, устроили его на тёплом месте – в наркомат авиации. Секретарём – не секретарём, но при деле. И, что главное, по специальности.

Тут война началась. Раввин наш перо отложил, взял в руки винтовку и ушёл на фронт добровольцем. С назначением определились сразу – попал он в лётный полк. Тот быстро гвардейским стал.

Раввин на Берлин летал, бомбы сбрасывал. Бывало, летит в облаках, лапсердак и борода развеваются, мешок с бомбами и торпедами за спиной, а к пейзажам прицел привешен, чтобы бомбы точнее сбрасывать. Радары его не видят, а зенитчики в обморок падают. Немцы в страхе разбежались, крестились и сдавались пачками. Говорят, один немец прибежал к нашим, воодушевившись примером раввина, – решил служить великой стране советов, которая таких бойцов воспитывает, что они даже без самолёта готовы на врага лететь, и попросил сделать ему обрезание. Ну, его выслушали, поняли. Помогли.

После войны о капитане авиации даже в «Правде» написали, только о боевой машине как-то умолчали.

Далее жил он в Москве, работал редактором в журнале «Юный авиатор».

А погиб глупо. Решил полетать по осени над дачей, размяться, так сказать, и столкнулся с реактивным сверхзвуковым истребителем. Повредил плечо, неудачно спикировал в озеро, вымок, заболел и умер от простуды.

Больно уж непредсказуема жизнь, и сколько от невзгод не улетай, от судьбы-то не уйдёшь.

Сергей СИМКИН

«Скалы, поток, небо»

Форма выражения, язык, связан с рисунками, возникающими у меня на протяжении нескольких лет.

В 2007 году я начал рисовать тему, в которую хотел уйти, она называется: «На прекрасно-расположенных островах». Желанием было создать интуитивно ощущаемый ландшафт, уйти от суеты ненужных контактов, от того, что пытается жить мной и заслонить собою пространство жизни.

Но тема – «На прекрасно-расположенных островах» остановилась в недописанных картинах, в не-переиначенных на нужный лад рисунках. Зато стало вырисовываться совсем иное, проступая реальностью и перекликаясь адекватностью с чем-то. Так появилась серия «Скалы, Поток, Небо».

В основе их – две абстрактные картины, в них-то я и разглядел живое, наполняющее собой.

Первым холстом этого направления я считаю не большого формата работу, написанную в 2008, картину «Над потоком».

В третьей картине этого цикла «Десять тысяч мостов, ведущих в неизвестность», я понял поток как жизнь, из интуитивного ощущения сказанного, появилось название.

В 90-хх, в создаваемых ландшафтах, не раз писал поток, реку, но теперь чувство сменило тональность и картины с потоком пишутся иначе.

Принципиальным считал не «делать» картины – ценю спонтанность, ценность её есть в том, что сам творческий акт требует максимального усилия, которое даёт возможность сказать, оставаясь в непосредственном ощущении Целого, стоящего за картиной.

Это Целое, по сути, есть основа и воздух.

В одной кинопритче Акиры Куросавы в финале звучит стих, и он созвучен внутри меня с темой, о которой идёт речь:

Эхо водопада отражается

Даже если солнце жжёт палящими лучами

Вода льётся бесконечно.

Александра ШАРИПОВА

Студентка Национального Исследовательского университета – Высшая Школа Экономики

Жутко душно, горло сковывают железные тиски. Больно. Я задыхаюсь. Но нет ни тернового ожерелья, ни бус жемчужных. Чистая голая свободная шея. Но в груди ком, ещё немного и слёзы проложат дорогу в вечное небытие. И ужасно скучно. В таком настроении братья за книгу не стоит, ибо можно забыться в ней. Поэтому я тону в музыке, в этой чёртовой скрипке, единственном живом существе, которое может спасти.

До чего же мы стали странные. Хотим понимания, хотя сами не можем предложить и грамма этого чудодейственного лекарства, хотим любви, когда тешимся и играемся ею, хотим ласки, когда причиняем боль и режем чужие души. Мы герои нашего времени, но за это время успели покрыться лёгкой плесенью. Мы настолько изнежены судьбой, что можем сидеть и часами рассуждать о бренности бытия, о нашей никчемности в этой машине жизни, об отсутствии жалости и взаимопонимания, обо всём. Оказывается, говорить легче, чем действовать, а думать ещё проще. Глупышка, протри же, наконец, мы не философы, нам нужно действовать, иначе мы увязнем в этом болоте.

Можно быть грустным, или злым. Или раздавленным. Или безумным. И каждый раз можно найти для себя оправдание. Но нельзя быть скучным. Потому что для тех, кто скучен, не существует никаких оправданий. Это не мои слова, они принадлежат Вигго Мортенсену, актёру. И знаешь, что я тебе скажу: «я уже давно не могу найти оправдания себе. И вам тоже». Не смотри так, вы мне безумно скучны, а от себя мне уже давно тошно. Люди топят совесть в вине или роме, кому что попадётся. Я пойду топить её в музыке.

Скажи, она долго выдержит? Ей будет не очень больно? Ведь мы же не бессердечные твари... мы позаботимся о вашей совести, будьте спокойны.

Лавка «Conscientia mille testes» готова принять вашу совесть дорого и быстро в будни с 10 до 20, а в выходные – круглосуточно.

Ну, а мой реквием давно уже заказан. Слишком поздно. Захотеть непонятно, лететь навстречу солнцу и забыть, что крылья восковые. Ещё один замечтавшийся Икар...

Улыбнитесь, я хочу, чтобы хоть вы были счастливы. Правда. Очень.

Максим ШВЕЦ

Полёт на Луну

Капитан корабля Макс Ленон озверел. Грохот, лязг и скрежет, сопровождавший отрыву от периметра – старту с заброшенного космодрома, просто вывел его из себя.

– Бешайсене катцер дрюкер! Я же говорил тебе, что надо закрепить, привязать проволокой, прибить гвоздями, идиот! Глупая голова! Думкопф! Козёл!

Звук обрушивания явно исходил из грузового отсека.

– Чтоб тебя черти брали! – скрипел зубами капитан.

Помощник капитана, он же второй пилот, поскольку первого всё равно не было, немного потарачился на своего главнокомандующего и отправился вниз, в кормовую часть жалкой космической лодки, купленной на помойке – надо же было посмотреть, не пробила ли обшивку какая-нибудь нестерогаемая ёмкость из консервированных запасов.

– Не шаркай ногами, лестницу потрёшь! – процедил капитан ему вслед.

– Сам дурак! – огрызнулся второй пилот, со странной даже для россиян фамилией Саблезубов.

И тут капитану как всегда неожиданно пришла в голову новая мысль, он сунул голову в люк между секциями и заорал, надрывая глотку из-за рёва двигателей, вслед спускающемуся помощнику:

– Папуас, а контейнеры с топливом ты закрепил?!

– Топливо сухое, дальше пола не рассыплется! – флегматично проорал в ответ откуда-то из третьего сектора второй пилот.

– Посмотрю на тебя, когда ты будешь в невесомости плавать в порошке, как в тумане, натыкаясь на поручни и другие предметы корабельного обихода!

– На этих машинах уже устанавливали системы антиневесомости! – Саблезубов был непоколебим и непробиваем, как голова-скала на острове Пасхи. В профиль – один в один.

Всё же орать, перекрывая рёв реакторов, было неудобно и диалог сам собой сошёл на нет.

Спустившись в грузовой трюм, Саблезубов увидел воочию кораблекрушение. Всё, что было сложено им на полках, валялось на полу. Хотя разобраться где пол, а где потолок было действительно сложно. Видимо, системы всё же работали не на полную мощность. Два туриста это и предполагали.

В голове пилота вертелся не только пресловутый гимн ракет, но и всё, что вообще было вокруг, включая какую-то странную субстанцию в иллюминаторе. «А на хрен в «багажнике» иллюминатор?!» – запоздало подумал Саблезубов, если вообще мог чем-то думать. Опилки в его голове давно заменяли мозг. Так его спасла от неминуемой современная медицина. Опилки – для

непонятливых – не древесные, а металлические, которые под воздействием магнитного поля на электронную запись скана с головного мозга создавали впечатление разумной деятельности. Деревя на 3. почти не осталось. Только – на свалках. У самого капитана в голове были какие-то черви, которых раздражали биополем для достижения того же эффекта. Переселение на другие планеты откладывалось из-за упавшего до нуля количества рождаемости. А куда торопиться? Растительность ещё топорщилась. Воздуха уцелевшим хватало. Энергия какая-никакая пока имелась. Надо жить!

Двигатели ревели на такой невозможной ноте, что у пилота глаза вставали дыбом, а не то что волосы.

Как раз происходило, в общем-то, предопределённое событие – преодоление гравитационного поля планеты 3.

Капитан Макс зашёлся угрожающим кашлем и отхаркнулся прямо на лестницу, соединяющую отсеки списанного шатала.

Все эти устаревшие антигравитационные амортизаторы тоже работали в лучшем случае в «полнакала».

«Надо было брать капсулу из хранилища, хоть и старая, зато надёжная. И не обязательно воровать, потом положили бы на место», – рассуждал кэп, разговаривая по привычке с самим собою.

В то же время Саблезубов сползая по стене, а точнее по люку-двери пытался доораться до слуха капитана – и не своим любимым – сам дурак! – а словами – Сбавь скорость! Убавь!

Бедолага поскользнулся на какой-то масляной жиже, вытекшей, по всей вероятности, из раздавленной консервной банки.

Его голос затихал, как убавляемый звук радиоприёмника. Создавалось впечатление, что его душат.

Радиоприёмник, кстати, работал вполне сносно – Рядорьян! Рядёрьян! Рядёрьян! – надрывалась какая-то французская певичка доисторически заскорузлого века.

«На корме трясёт больше, чем на носу», – самодовольно подумал кэп Макс, предполагая, что это неизвестный доселе гениальный афоризм, и выжал руль до отказа.

Кашляя и отплёвываясь, он уже ощутил великую радость.

Их ККМИ прорвал атмосферу и вышел на круги.

– Дэбилл! – совсем глухо проорал Саблезуб.

Макс, разумеется, его не слышал, просто догадывался – Не ори! Ты не в лесу, – ухмыльнулся он в усы.

Космический корабль многоразового использования набирал высоту. Хотя здесь на спиралевидной орбите высота уже стала весьма относительной. И

что собственно можно было здесь в удалении от планеты считать высотой? «Хрен с маслом да и только. Это же съесть невозможно!» – будущий великий космогатор, покоритель Вселенной не терял присутствия духа.

Когда-то в конце позапрошлого века два друга-приятеля с детства, можно сказать с горшка, начали по дружбе писать свой первый фантастический рассказ, точнее, планировалась повесть или, в крайнем случае, роман... Лучше бы они писали в этот свой горшок одновременно.

Кэп начинал – «Космический корабль, преодолел гравитационное поле Земли и вылетел на орбиту. Всё готово для полёта в глубины Вселенной...»

Они – два малолетних придурка задумывали написать этот шедевр вместе.

И Саблезубик продолжал – примерно в таком стиле и духе –

«На орбите у них закончилось горючее, и они торопливо вернулись на Землю...»

После третьего или четвёртого отлёта-возвращения под различными предложениями, кэп плюнул на это дело с высоты своего самолюбия, но мечта-то осталась. Уже не фантастика, а голимая реальность. Сейчас, сегодня всё стало возможным. Зря он всё-таки взял с собой Саблезубова. Но...

И вот она сбывается. Руль – не руль, а какая-то блямба, но корабль летит. Луна ждёт.

Кстати, копить на корабль пришлось довольно долго.

Саблезубик наконец немного пришёл в себя и обследовал контейнер с горючим. Только не думайте, что это уголь. Сыпучее вещество было абсолютной дрянью, которая горела медленно, а энергию выделяла огромную. По силе – сравнимую с выделениями атомного реактора, даже больше.

К счастью контейнер совсем не опрокинулся, его придавило надувной станцией-палаткой. Ракета была допотопной, а станция новой. Куплена недели две назад в туристическом гипермаркете города Осло, со скидкой, поскольку там нечего больше было купить. Эта палатка в сложенном виде помещалась в дипломат, а весила, как микрокосмос – тонны четыре. Её грузили с помощью роботоидов. Каким образом эта хреновина запрыгнула с нижнего яруса полки на двухметровой куб контейнера Саблезубов, естественно, догадаться не мог.

Полёт продолжался уже несколько часов.

Скорость корабля установить не удавалось из-за отсутствия на приборном щитке соответствующего приборо-механизма. Луна угрожающе приближалась.

Хорошо, что Саблезубов не пил. Поэтому Максу повезло. Он писал, а не писал, свои фантастические рассказы и романы, зарабатывал и пропивал регулярно некоторые суммы денег. Конечно, этого ему было мало. Саблезубов так и остался на З., если можно так выразиться. Не взлетел. Зато он

мог копить и не пить. Его кубышка и явилась поводом и причиной замисленного, а может, и злоумышленного, полёта.

Макс сунул в рот очередную сигарету, давно хотел перейти на трубку, только табак теперь прекратили продавать без упаковки, то есть рассыпью.

«Чтоб их черти брали!» – подумал Макс и чиркнул зажигалкой о портсигар.

Луна росла на глазах как на дрожжах.

«Эй, там на корме! Ползи сюда. Мне надо перекурить это дело! Дэбил! Ау?!»

Макс Ленон, по прозвищу Лень, не отличался хорошими манерами, но зато обладал уникальным слухом.

Он любил говорить во время знакомства – «Лен – он же Полиэтилен, если проще Полителен. Лен – маленькая лень, а поли – это уже по полной программе!»

Саблезубов вытащил своё угловатое тело из хлама, не далее как несколько часов назад составляющего груз космической калоши. Запасы консервированной провизии на три дня, палатка-надувайка, шампury и угольные брикеты для костра. В общем – всё, что обычно берут на пикник. Уголь, все-непременно, был кальцивированный, абсорбированный или карбооксидированный, но явно не обыкновенный – древесный, хотя – черти его знают – какой на самом деле. Лень не забыл и горячительные напитки в больших количествах. Видимо, предвидя последствия старта и нерасторопности помощника, он закупил пиво и водку в небьющейся упаковке.

Сейчас вся эта груда валялась на том, что можно было с некоторой долей условности назвать полом. Смешанная с пылью и грязью, неизвестно откуда взявшимися, она – эта куча «металлолома» производила то ещё впечатление.

Саблезубов вспомнил, что не делал влажной уборки в нижнем трюме, да и вообще нигде не делал. «А на фига?!» Для полёта – пыль не помеха.

Толстые, можно сказать толстенные черви пыли лохматились и шевелились посередине кучи барахла.

Саблезубов сглотнул, пытаясь удержать тошнотворный рефлекс, и поспешно полез по трапу наверх.

Добравшись до середины трапа-лестницы, он, наконец, выудил из кармана комбеза мобиль и нажал на кнопку связи – Сыпучка на месте. Дыр в обшивке не обнаружено. Иду!

Кэп не услышал, поскольку его аппарат связи давно упал под стол, и сигнала на панели не было видно.

Этот «деревянный» шатал был списан лет тридцать назад. Король свалки мегаполиса известный под кличкой Купа откопал эту рухлядь и восста-

новил. Он предложил его пацанам за смехотворную, по его же (заметьте!) мнению, цену в две тонны дианриев.

Друзья только посмеялись, но червь сомнения закрался и обосновался в их неискушённых душах. Макс целую неделю не пил. А Саблезубов продал свой альбом с уникальными марками позапрошлого века, где не было ни одной гашёнки. Хотя сейчас клей на конверт и отсылай. Только почта выпала в осадок уже лет стодесять-стопятнадцать назад. Да и писать, на этот раз писать Саблезуб так и не научился, имеется в виду правописание.

Граматику он презирал принципиально.

– Ну и чо ты разогнался? Не давай больше воды неграм, которые крутят педали у тебя в двигательном отсеке! – это голова Саблезуба показалась над овальным отверстием люка. Как всегда седой и импозантный он сейчас излучал одно сплошное удовольствие. Буквально расплывался в улыбке и почти таял. Ещё бы – мечты сбываются. Клоков паутины в своей редющей шевелюре он как будто бы и не замечал.

– Пошёл ты нах... Дальнейшая тирада кэпа не поддаётся не только переводу на нормальный язык, но и любому мало-мальски этимологическому анализу.

Поэтому мы ограничимся теми немаловажными вкраплениями в неё, которые, несомненно, объяснят суть происходящего.

– Вниз отправляйся! Тормози, как умеешь! У меня руль заклинило! Проклятый Купец! Чтоб его черти брали! (Хотя это и несущественно!) Обдурил тебя дурака! Ничего он не ремонтировал, загнал как было, с... Упрись ногами в задницу, в пол кормового отсека, отбери у негров педали. Делай что-нибудь, идиот! Счас столкнёмся!

Луна действительно росла как на..., в общем, как тесто в опаре или лужа под дождём, да просто под проливным ливнем.

Выражение морды лица Саблезуба поменялось, как будто ему на ногу наступил бешеный слон. Голова заместителя второго пилота или как его там бишь скрылась из виду, прежде чем сброшенный с ноги командира башмак до неё долетел.

– Чёрт, а тут холодновато, – вслух подумал неожиданно даже для самого себя Макс, непроизвольно дрыгая оголённой ногой и скрючивая её пальцы.

А как иначе можно назвать эти недоросшие отростки?

Луна действительно росла и увеличивалась на этом допотопном мониторе прямо как в бородатой компьютерной игре.

– А я и не знал что ты такая большая! – умиротворённо подумал Макс, уже успевший приложиться к спрятанной в трусах фляжке с напитком. Ему явно захорошело. – Где наша не пропадала!

В его трусы уже давно никто не заглядывал. В свои 187 лет он как-то не решался заводить любовниц. А жена ушла к другому более продвинутому писателю лет 70 назад.

Оставалось то, что оставалось.

И кэп кайфовал, видя как неумолимо и непредсказуемо закрывает экран серо-жёлтая клякса.

– Эй, дэбил! Подкинь дровов! – проорал Лень в надежде, что его хоть кто-нибудь да услышит, совсем забыв о мобиле-переговорнике.

Саблезубов не обладал таким чутким слухом, как его сотоварищ, он находился в самом нижнем отсеке. Слава Создателю, эта хрень ещё не развалилась. В линиялом комбезе, заляпанном жирными пятнами краски и масла и густо опушённом седовласой перхотью, бедняга выглядел уныло. Он не знал – что ему делать.

А кто бы знал?!

Находясь на корме космического судна в тесном помещении реактора, где громоздилось нагромождение непонятных и выкрутасных труб, ящиков, какой-то галиматьи, ни на что не похожей. Прямо бяка-закаляка какая-то! Хотя бы педаль, кнопка, рычаг – чтобы нажать крутнуть, сдвинуть.

Ничего похожего.

Саблезубов начал молиться или он посчитал, что начал, за свои 186 лет он так и не удосужился не то что выучить, а даже элементарно прочесть хоть одну молитву.

Жена и ребёнок в его ополоумевшей голове раз за разом превращались в жеребёнка.

И Саблезуб ринулся вверх, не осознавая – зачем.

Доисторическая капсула-ракета походила на сигару со срезанным концом, сзади агрегата располагались бакированные турбоцистерны и три направляющих крыла. Два по бокам, одно – сверху, или снизу – кому как нравится. Неизбежность свидания с куском камня предполагала, по крайней мере, лишения хвостовых устройств, то есть – в пределе – мягкой и плавной посадки и на Луну, и на З.

Капитан Макс нежился в эйфории и пропустил момент соприкосновения.

Ему представлялась яичная плюха на чугунной сковороде – всё, что от них останется. Проклятый руль заклинило. А ввиду полного отсутствия всякого присутствия других приборов на панели управления, затормозить калошу на подлёте не было никакой возможности.

Корабль вошёл в луну бесшумно и пластично, словно нож в сбитые сливки.

Стало темно и, как показалось Лени, чуточку душновато.

– Это из чего же сделана эта куча дерьма?! – отрешённо подумал он, не забыв вспомнить о приближающейся смерти.

– Опа! Даже стёкла не помялись! – кэп сосредоточенно почесал лоб.

Прошло, должно быть, минуты три, и корабль выскочил с невидимой стороны спутника планеты З.

Капитан Макс Лень расправил могучие плечи крутого астронавта и сплюнул три раза через плечо – «Похоже горючку для космофлота добывают именно здесь», – с достоинством подумал бывалый космолётчик.

Луна уже осталась позади, когда саблезубовская тупая башка показалась из люка в так называемом полу.

И тут неожиданно явился третий неучтённый член экипажа – паук Марк. Он сам придумал себе это имя, поскольку был злобным и недоразвитым. Ему хотелось кусать всех подряд. Но пока шли перегрузки, пока суть да дело, он тихо-мирно заседал в своей норе, накапливая яд. Теперь настало время.

Луну пробили с полтычка.

Надо разворачиваться.

Паук Марк, обмотанный слюной, как полотенцем с мылом, влез в рулевое управление, и руль, пронзительно заскрежетав, как недорезанная морская свинка, нехотя повернулся.

Бедолагу паука заплющило так, что он выпустил всю жирную слюну, накопленную годами в норе, и после этого вывалился из трубы в виде плоской монеты для банкомата или жетона для «однорукого бандюги». Докатившись до мобиля, принадлежащего без сомнения самому капитану межпланетного лайнера, Марк вздохнул и отправился в нору, думая про себя, – «Неудачи всегда преследуют настоящих героев».

– Иди вниз, собирай палатку для шашлыка! – радостно скомандовал кэп.

– Сам иди собирай! Мне надоело мотаться туда-сюда. Я тебе говорил, что надо покупать новую ракету!

– А я тебе говорил – покупать новую смазку для старого рулевого управления!

– А нету теперь смазки для этих гнилых рулей!

– Да ты чо?! Так таки и нету?! А счас, что само заработало. Видел тут паучина бегал?

– А я чо?! За паучинами должен бегать?!

– Накопи яду, для этого можешь немного побегать по трапам и помуржаться с палаткой. Вперёд!

Саблезубов сдаваться не собирался...

Он так и не пошёл в нижний отсек.

И капитан был полностью уверен, что именно по этой причине они снова протаранили луну навывлет.

Руль слушался не всегда. Почему-то в самые ответственные моменты его клинило, как и Саблезубова. Ленё уже проклинал всё на свете, до него уже не доносились слова второго помощника третьего пилота, или как его там, этакое проигрывателя-громкоговорителя, зажевавшего пластинку.

Спустя некоторое время, на третьем, пятом или восьмом заходе, превратив этот жёлтый кусок жира – Луну в швейцарский сыр, они всё же совместно решили прекратить бесполезные с их точки зрения попытки прилуниться нормально.

– Я выпотрошу этого Купанаускаса! ... – ругался нечленораздельно капитан Макс.

И даже Саблезубу было ясно, что он врёт. Ленё – он и есть ленё.

– К чертям пикник на обочине, поехали – как напутствовал Гагарин! Будем идти к Альфе Центавра!

– Ты чо, дурак?! – спросил на всякий случай Саблезубов.

– Да, а ты, чо, сомневался! – ухмыльнулся Макс Ленон и отпил солидный глоток из своей заветной фляги.

Два космонавта стояли на мостике и смотрели в неизбежность.

Неизведанные миры уже грезились им во всём своём великолепии.

– Да нам повезло, что корабль такой нерзрушаемый. – изрёк Саблезуб.

– Почти как твой собственный лоб, – парировал Макс. – Неразрушимый!

Корабль произвольно взял курс в неизвестность. Капитану было лень выкручивать руль. – А ты представляешь, если бы мы пробили З. насквозь?! – спросил он, как бы между прочим.

– Не даром эти корабли сняли с производства в две тыщи шестидесятом! Паук Марк уныло выглядывал из щели и копил яд.

Нина ЩЕРБАК

*Доцент Филологического факультета Санкт-Петербургского
Государственного университета*

Спутник жизни

«Да, вы с ума сошли! Просто спятили!»! – в который раз подумала Лиза. Она сидела на кухне у известного писателя Константина Громова и уже три часа слушала его рассказ о литературной жизни обеих столиц и современных литературных знаменитостях. Коньяк попросить она хотела ещё полчаса назад, но почему-то не стала, здраво поразмыслив и решив, что всё-таки не стоит и как-

то неудобно. Спросить, почему он рассказывает ей именно о писателях, да ещё тех, кого она почти не знает, она тоже не решалась, но последняя история была важной для него, судя по всему, по-настоящему, и перебить его, или остановить, не только не хотелось, но не было никакой возможности. Он смотрел на неё чистыми голубыми глазами, не мигая, под аккомпанемент всё той же истории, которой, казалось, всё не было, и не было конца.

История пахла чем-то лермонтовским, печоринским, была она о скуке, о взморье и происходила очень давно. Была она, эта история, как будто бы из другого времени, из другого века даже. Писатель был учтив, вежлив, даже обходителен, изредка поднимал на Лизу пытливые глаза и через каждые пятнадцать минут угощал бутербродами с сёмгой и всем тем, что было у него приготовлено и заботливо расставлено на полках в холодильнике. Угощал как-то по-простому совсем, искренне и естественно. Когда дошла очередь до пирожных, она ещё раз оглядела комнату и вдруг заметила, что свет был давно погашен, и на кухне, и в комнате, а за окном стемнело совершенно, лишь было слышно, как капает усталый дождь по железному подоконнику, мерно отстукивая вялый ритм своим расцепленным на миллиарды частиц телом.

История была странной. И сама по себе, и благодаря той манере, в которой он рассказывал Лизе, ещё совсем молоденькой девчонке, о тех давнишних событиях. Речь шла об очень известном писателе, (который, совсем недавно умер), и который, по словам нашего гостеприимного рассказчика (к которому Лиза, без пяти минут выпускница Лесотехнической Академии, зашла по просьбе подруги, и у которого задержалась на несколько часов, не в силах встать, не дослушав повествования), был страшным человеком.

Константин Иванович поехал тогда вместе с ним куда-то на юг, в Крым, или на Кавказ. Поехали они, по какому-то там заданию, о котором Константин Иванович тоже долго рассказывал Лизе, только Лиза совсем не запомнила «каком», и всё понять не могла, в принципе, куда и зачем они ехали так долго. В общем, ехали они, то ли в Тифлис (Шаганэ, ты моя Шаганэ), то ли Сочи или Адлер. В общем, куда-то ехали они далеко, где кипарисы, каштаны, море, галька, запах шпал, детство и немного выступлений в местных домах культуры. Ещё там была одна существенная деталь, о которой Константин Иванович всё время напоминал Лизе, чтобы не забыла. Бесконечные перелёты на самолётах российских авиалиний, посадки, взлёты, гостиницы, снова гостиницы, а потом ещё по стране на поезде, и «на перекладных». Местные такси, ведь, быстрые. Окна раскрыты, задувает из них ужасно, скорость бешеная, а водитель сидит, весь в чёрном, свесившись из собственного окна, прямо на улицу, а когда просишь сдачу, (как рассказывала

Лизе её мама или тётя, очень давно, когда вспоминали о путешествиях в те края, в студенчестве), только оборачивается, к тебе, и со смехом говорит, почти плонув в лицо: «Сдачу? Тебе сдачу? Ты вазьми сваи тыщу рублей! Вазьми ещё сзади агромный арбуз, и иди! Иди себе отсюда, откуда пришла!»

Константин Иванович поехал туда с этим, вот, известным на весь мир писателем, на котором была, как он помнил, и как рассказывал потом Лизе, тончайшей кожи куртка, удивительной дорожкой кожи, которую тогда, лет двадцать-тридцать назад, вообще и достать было нельзя, не то, что купить. Был он красивым этот известный писатель, самоуверенным, шикарным. Ездил по заграницам, декламировал свои произведения со сцены, и слыл, как говорится, подонком редкостным, хоть и обворожительным. Единственным, в своём роде. Была с ними в ту поездку ещё одна девушка молодая, красивая, не писательница, обладательница какой-то другой, более мирной профессии, с ребёнком лет шести, мальчиком. Была она с ними, непонятно почему, случайно, просто ехала вместе, стало быть, с этим, вот известным писателем, и Константином Ивановичем. Была она, при этом, ещё и женой испанца, который приехал в Россию давно, непонятно зачем, но жили они счастливо, и именно ему она, время от времени, и звонила по автомату, которые, как вы помните, (а Лиза, признаться, не очень!), стояли повсюду, каждые сто метров, особенно если это была южная просёлочная дорога, или центр города, недалеко от железнодорожной станции.

В какой-то момент Константин Иванович рассказал Лизе, что известный писатель, как глянул на девушку, то весь обмер, сразу пообещав, что она разведётся через неделю. Кому пообещал? Да внутренне как-то, похоже, пообещал. Так и сказал, или тихо, про себя, или громогласно. А, может быть, знаете, не сказал, а просто Константин Иванович вдруг почувствовал, что так и будет, так оно и будет. Ехали они долго. Известный писатель всё оборачивался и смотрел на девушку, а она только сыном своим и занималась, улыбалась ему, чему-то учила, читала книжку, и, похоже, только и думала о своём испанце-мачо-идальго, ни о ком больше.

Ночевали они в гостинице, а утром куда-то поехали опять. «Помните, я вам ещё про Коктебель рассказывал, про тех, кто Цветаеву помнит, так вот та-а-а-м.?». В общем, финалом была посадка на самолёт, до которого они ехали сначала на поезде, а потом на машине. Туда, до аэропорта, как раз на машине семь часов и ехали, а когда доехали, она вышла, с заднего сидения что-то стряхнула, и пошла ... сына кормить, покупать ему что-то в близлежащем кафе, перед отлётом. Покормила, попоила, а когда вышла на улицу, то он, писатель этот великий, ей охапку цветов и принёс, вынес, чёрте откуда. И рухнули они, эти цветы, прямо к ней в руки. Море просто цветов притащил, которые у неё из этих самых рук так сразу и выпали, так и повалились, посы-

пались, и что-то там ещё было. Правда, только известный писатель и помнит, что именно там было, но он остался на юге, а она вместе с Константином Ивановичем полетела тогда домой, на этом самом самолёте, до которого на перекладных, и ехать-то так долго. Летели они на самолёте, и уже в Петербурге потом распрощались. А Константин Иванович рассказывал Лизе, что она, эта девушка, чуть в обморок не упала, как только в Пулковое сошла с трапа и пошла по асфальту мокрому от дождя осеннего, вдаль.

Он перевёл дыхание. Спросил, не хочет ли Лиза чаю. Лиза попросила чаю, и попросила с сахаром. Тронул ли её рассказ этот, наконец, как ожидалось? Да, не очень-то, тронул. То ли дубиной она была, законченной, то ли было ей как-то странно, неловко, неудобно. Лицо великого писателя она могла представить себе очень легко, знала его хорошо, почти с детства. Детское лицо такое, улыбочливое. Худой, белобрысый, на кого-то похожий. Был он на тот момент достаточно стар, чтобы вообразить, увидеть, каким он мог бы быть в молодости. В общем, история была почти правдоподобна, и должна была как-то завершиться, всё-таки, легко или печально, но как-то дать о себе знать, как о завершённой, расставить самой себе акценты.

Лиза всё смотрела на Константина Ивановича, понимая, что верит ему абсолютно. Поиски романтики и смысла, впрочем, рушились необъяснимым образом. Знала она и то, что в ней самой Константин Иванович не был заинтересован, вот, ни капельки. Как каждый писатель только ловил эту самую историю, её судьбу, как будто бы хотел возродить её, историю, создать на глазах подобно фокуснику в цирке, одновременно задушив, убив, себе самому и присвоив. Вы видели писателей, которые сочиняют истории вместе? Ну, бывает, конечно, да только очень редко бывает. Написал, сделал.... Есть в этом какая-то особая неправда писательства, в поиске сюжетов и историй. Лиза смотрела на Константина Ивановича, интуитивно пытаясь ему помочь, хотя бы слушая, хотя бы проникаясь самой идеей быть музой. Но история всё равно никак не трогала, не разворачивала вспять внутреннюю судьбу, душила саму себя, как падающий вниз, плохо надутый шарик, который должен был бы родиться, но даже не умер, ведь.

«Верите ли, позвонила на следующий день. Пришла. Плакала. Просила его адрес. Говорила, что когда муж встретил её в аэропорту, то рассказывал, что именно в тот момент, когда ей было плохо перед взлётом, ему тоже было как-то... ну, совсем не по себе. Чуть не умер».

Лиза глотнула чаю, подумав, впервые за весь вечер, что, слава богу, очень устала.

«А потом, через два дня, вы меня слышите? Я узнал, что ушла она от своего испанца. Ушла, насовсем».

Лиза попыталась отреагировать, но снова почему-то не смогла. Не знала почему, но не могла ничего спросить или ответить, даже из вежливости.

Константин Иванович встал, медленно прошёлся по комнате, налил Лизе чаю, стал рассказывать, что потом, через много лет, в Москве, он встретил этого самого известного писателя в Доме Книги («знаете, когда писатели друг друга видят, они сразу задают вопросы внутренние друг другу, «с кем вы», «откуда», вот он так на меня оценивающе и смотрел, долго-долго....»).

«А потом я подошёл к нему и спросил, спросил «помнит ли он нашу поездку на юг страны, и как теперь «та женщина»?...

Та женщина...

«Знаете ли, что он ответил, Лиза?»

«Он ответил, «какая женщина?», – и – отвернулся».

Лиза вскинула глаза на Константина Ивановича, удивляясь, что они, эти глаза, были снова добрыми и безучастными, как будто бы история эта была рассказана ни для чего, так долго рассказывалась, но вот так, просто так, совсем, ни для чего была. Она силилась понять, верит ли она в эту историю, и зачем Константин Иванович рассказал ей о тех событиях, а самое главное, действительно ли произошло это всё, то есть была ли возможна такая ситуация, чтобы молодая женщина, с ребёнком, без памяти влюблённая в своего красавца мужа-испанца, за два дня потеряла голову, и даже не влюбилась, а совершенно отравилась этим самым известным писателем, как бывало только в романах Стефана Цвейга, который, всё-таки, писал очень давно, хоть и красиво, и который покончил с собой, как известно, тоже давно, и менее красиво. Вообще-то! И о чём разговор!

– А самое интересное, знаете ли, – продолжал Константин Иванович. – Самое интересное, что я много раз пытался рассказать эту историю или написать её, положить, так сказать, на бумагу, но рассказ никогда не получался.

Он смотрел на неё вопрошающе, а Лиза вдруг вспомнила, что одна её подруга ей недавно сказала по телефону, что мы сначала находим своё место в жизни, потом находим себя, а потом только, вот, потом, – встречаем, наконец, своего спутника жизни. То есть, спутника, в общем-то, встречаем, если повезёт, достаточно поздно.

Анна ЯКУБОВИЧ

Девочка-молния

Однажды, в своём домике на вершине самой высокой горы Девочка-Молния сидела и смотрела телевизор. Вдруг кто-то постучал в дверь.

– Кто там? – спросила Девочка-Молния.
– Это я, Девочка-Ветер!
– Заходи! – сказала Девочка-Молния и метнулась выключать телевизор.
– А меня зовут – Девочка-Молния. Видишь, как я быстро выключила телевизор, ты даже глазом не успела моргнуть!

Тут снова раздался стук в дверь.

– Кто там? – спросила Девочка-Молния.
– Это я, Мальчик-Дождь! Идём со мной гулять в Небесный город. Там сегодня праздник и конкурсы.

– Идём! Идём! – обрадовались девочки.

Девочка-Молния закрыла дверь, и дружные ребята отправились в небесный город. Там Девочка-Молния выиграла главный приз, потому что делала всё быстрее всех.

Потом они пошли гулять на пляж. Там играли детишки с ведёрками, формочками и лопатками. Они делали куличики из песка.

Вдруг прилетела туча.

– Мне пора на работу, – сказала Девочка-Ветер и стала пускать ветер.

И маленькие девочки с пляжа разбежались по домам. Потом туча позвала работать Мальчика-Дождика. И дождик разогнал с пляжа всех мальчиков. А мамы и папы ещё остались.

Тогда за работу взялась Девочка-Молния. Она подлетела к туче, достала из своей сумки молнии и бросила их вниз! Потом Девочка-Молния ударила в свой барабан, вот так: бам-бара-бам, бам-бам! И все-превсе разбежались.

Когда дождик прошёл, вышла Принцесса-Радуга, и туча быстро уплыла в сказку Девочки-Молнии.

Девочка-Солнышко достала из рукава лимон и бросила его на небо. Она очень любила есть лимоны утром на завтрак. Лимон стал большим-пребольшим и ярким, как настоящее солнце. И все снова вышли на пляж, и родители тоже.

Вот и сказочке конец, а кто слушал – молодец!

Ёжик и самолёт

Жил на свете маленький Ёжик. И был у него большой секрет. Вместе со своим другом Самолётиком они поднимались высоко в небо. Там они гуляли по тропинкам в облаках. Ведь за облаками всегда ярко светит солнышко, даже если внизу на земле идёт дождь. Они играли, перепрыгивая с одного облака на другое. Если Ёжик не мог допрыгнуть до другого облака, он кричал: «Самолётик, на помощь!» и Самолётик его подхватывал и переносил.

Однажды, они прилетели на самое лучшее на свете облако. Такое большое, что из его облачных кирпичей можно было построить Петропавловскую крепость и много других замков и лабиринтов. Целый день они играли, пока не подул сильный ветер и не разогнал облака.

Тогда друзья отправились на рыбалку к маленькому лесному озеру, где плавали утки, рыбы, акулы, киты и дельфины. А когда наступил вечер, наступила пора расставаться, потому что дома Самолётика ждали большой Самолет мама и большой Самолёт папа. «До свидания, Ёжик!» – сказал Самолётик на прощание, помахал крылом и улетел. «Спасибо, друг Самолётник!» – ответил Ёжик помахал рукой и отправился домой. Дома Ёжик попил чаю и лёг спать. Вот и сказочке конец, а кто слушал – молодец!

Огненный лев

Один Лев всегда любил смотреть на звезду. Когда он вырос и стал очень сильным и смелым, то забрался на самую высокую гору. Лев хорошенько разбежался и прыгнул к звезде. И как только он дотронулся до звезды, она сделала его огненным.

И лапы, и хвост, и спина – всё у него стало огненным. И чего бы он не коснулся, всё тоже становилось огненным. Коснулся травы – трава стала огненной, коснулся дерева – и дерево стало всё в огне. И дорога, по которой он шёл, стала огненной.

Пришёл Огненный Лев к замку, где жила Прекрасная Принцесса добрая и милая. Дотронулся до стены, и камни стали огненными. Вошёл в замок, и пол с потолком превратились в горячие батуты. Подошёл Огненный Лев к Прекрасной Принцессе. Дотронулась принцесса до Льва, и стал он обыкновенным. И камни снова стали каменными, а пол и потолок стали тёплыми батутами, чтобы все на них могли прыгать. Вот такая была добрая и милая принцесса!

Птичка, ласточка

Жили-были Дед да Баба, и была у них Курочка Ряба. Послал Дед как-то раз Курочку в лес за едой. Взяла Курочка Ряба сачок и пошла в лес поймать что-нибудь к ужину. Долго ходила Курочка, пока не вышла к лесной поляне.

А на полянке играли Птичка и Ласточка, да так заигрались, что не заметили, как их Курочка сачком поймала. Пришла Курочка домой уже поздно, когда все спали, и сама спать легла. А в комнате на ночь приоткрыли окно, чтобы дети спать могли. Птичка с Ласточкой договорились, проделали дырку в сачке и улетели.

Проснулась Курочка, увидела дырку в сачке и обо всём догадалась. Погналась она за птичкой и Ласточкой. Они летят высоко, а Курочка низко – никак не достать. Прилетели они домой, а Курочка за ними. Да с разбегу прямо в печку угодила. Закрыли её там Птичка с Ласточкой. Запеклась курочка вкусненько. Птичка с Ласточкой друзей своих позвали, и каждому по кусочку досталось. Все покушали и спасибо сказали. Вот и сказочке конец, а кто слушал – молодец!

Про золотую рыбку

Жили-были Котик-братик, Пёсик-братик и сестричка Золотая Рыбка. Они очень любили вместе гулять. Котик и Пёсик брали с собой на прогулку стеклянную банку с водой, в которой плавала сестричка-рыбка. Так она могла смотреть по сторонам и всё-всё видела.

Однажды, они гуляли-гуляли и пришли на ярмарку. Ходили по рядам и разглядывали разные диковинки. Вдруг к ним подскочил торговец:

– Продайте мне вашу рыбку! Сколько вы за неё хотите? – спросил он.

– Она не продаётся, это наша сестричка! – ответили друзья. – А зачем она Вам?

– Как, разве вы не знаете?! – удивился купец, – Это же волшебная рыбка, она может исполнить три желания. Нужно только произнести: «Раз, два, три, четыре, пять – Рыбка, начинай сверкать!», и загадать своё желание.

– Нет, мы этого не знали, – сказали Котик с Пёсиком, – Ведь, когда Рыбка открывает рот, совсем не слышно, что она говорит.

И друзья отправились домой. По дороге они стали думать, какое же им загадать желание. Котику с пёсиком не терпелось проверить, правду ли сказал торговец с ярмарки. Вдруг сзади послышался топот копыт. Это мчался на лошади тот самый купец, он хотел отнять у друзей банку с Рыбкой. Недолго думая, Котик с Пёсиком загадали: «Раз, два, три, четыре, пять – Рыбка, начинай сверкать! Хотим умчаться от торговца на самой быстрой повозке!» И, в то же мгновение они оказались в несущейся повозке, запряжённой тремя вороными скакунами. В считанные секунды они оторвались от погони и были уже очень далеко от преследователя.

Но тут колесо повозки налетело на камень, повозка перевернулась, и друзья упали на землю. Банка с Рыбкой разбилась, и Рыбка беспомощно плескалась в остатках воды, уходящей в землю. Нужно было скорее спасти сестричку! И братцы пожелали: «Раз, два, три, четыре, пять – Рыбка, начинай сверкать! Сделай так, чтобы мы все оказались дома, и ты плавала бы в аквариуме!» Так всё и случилось.

Оставалось только одно, последнее – третье желание.

– Чего бы тебе хотелось, Котик-братик? – спросил Пёсик.

– А тебе бы чего больше всего бы хотелось? – спросил Пёсика Котик-братик.

Думали они, думали, много всего придумали, а выбрать никак не могли.

– Хорошо бы у сестрички Рыбки спросить, жаль только, она говорить не может! – сказал Пёсик-братик.

И тут они поняли, каким будет третье желание: «Раз, два, три, четыре, пять – Рыбка, начинай сверкать! Хотим, чтобы ты смогла разговаривать, и мы могли бы понять друг друга!»

– Спасибо! – сказала Золотая Рыбка.

Такого мелодичного голоса друзья никогда еще не слышали.

И стали они жить-поживать и добра наживать вместе счастливо. Так и до сих пор живут!

Про курочку Рябу

Жили-были дедушка и бабушка. И была у них Курочка Ряба. Раз снесла Курочка яичко, да не простое, а золотое. Но дедушка его не бил. Он был воспитанный и не хотел есть. А курочка прыгнула с подоконника на зелёную травку. И полетела с яичком далеко-далеко, в страну, где её никто не увидит. Там у неё было гнёздышко, где детки-цыплятки вылупляются. Дедушка от такого счастья побежал-побежал за курочкой прямо через лес, но нашёл её.

Когда цыплёнок вылупился, курочка собрала кусочки скорлупы и вместе с цыплёнком вернулась домой. Все так обрадовались! Дедушка был очень воспитанный, он разбил простое яичко и поджарил прекрасную яичницу для всех. Курочка сказала: «Спасибо, очень вкусно, какая замечательная яичница!»

Дедушка поцеловал бабушку, бабушка – курочку, а курочка мышку. И все обрадовались и подружились. И стали жить-поживать все вместе!

СПЕЦТУ «ЛЭТИ»

ТЕНИ МИНУВШЕГО

Работа Ольги ГОЛОВКО

Краткая биография Амори Тирского

(1158 – 1240)

Амори Тирский (Amaury de Tyr), названный в честь короля Иерусалимского Амори I, был племянником (по другой версии, сыном) одного из самых известных историков Крестовых походов XII века Гильома Тирского (Guillaume de Tyr). Амори Тирский родился в 1158 г. в Палестине ещё до отъезда его дяди на учёбу во Францию и, следовательно, до принятия Гильомом Тирским духовного сана.

В 1157 году будущий король Амори I женился на Агнес де Куртенэ. Агнес была дочерью Жослена II Эдесского, жившего в Иерусалиме после захвата Эдессы мусульманами в 1150 году. Патриарх Фульк возражал против их брака на основании кровного родства жениха и невесты (они имели общего прапрадеда), и Амори и Агнес смогли заключить брак лишь после смерти патриарха. Агнес родила Амори троих детей: Сибиллу, будущего короля Балдуина IV, и Аликс, которая умерла в младенчестве.

Сибилла Иерусалимская (Сибилла Анжуйская, около 1160 – 1190) – королева Иерусалима с 1186 года, дочь Амори I от первого брака с Агнес де Куртенэ, старшая сестра Балдуина IV и Изабеллы. Была замужем за Гильомом де Монферрат Длинный Меч, от которого родила сына, будущего короля Балдуина V.

В 1170 году воспитание девятилетнего мальчика было поручено Гильому Тирскому. Балдуин рано заболел проказой и страдал от этой болезни на протяжении всей своей недолгой жизни. На страницах хроники его наставника приводится тревожный эпизод из жизни наследного принца – во время игры со сверстниками, которые в шутку щипали друг друга, Балдуин не чувствовал боли. Именно юный Амори Тирский первым заметил потерю чувствительности у принца и рассказал об этом дяде. Гильом Тирский увидел в потере чувствительности кожи симптом тяжёлого заболевания, но в полной мере болезнь проявилась лишь через несколько лет.

До последней секунды своей жизни Балдуин занимался делами Иерусалима. Разочаровавшись в регентах и попытках найти достойного наследника, в 1183 году он назначил своим соправителем пятилетнего племянника, Балдуина Монферратского, сына Сибиллы. Память о Балдуине на Ближнем Востоке сохранялась долго. В середине XIII века один мусульманин в Дамаске заявил оружейнику короля Людовика IX Святого: «Были времена, когда король Балдуин Иерусалимский, тот, что был прокажённым, побил Саладина, хотя у него было всего 300 воинов против Саладиновых 30 тысяч».

Крестоносцы гордились своим прокажённым королём. За ним шли в бой с такой верой и с таким энтузиазмом, что часто побеждали многократно превосходящие силы мусульман. Обожал своего государя и Амори Тирский. Полнородная сестра Балдуина Сибилла Иерусалимская всю свою жизнь оставалась Дамой Сердца Амори Тирского. Ей и только ей Амори посвящал свои стихи. После её кончины Амори, если и писал стихи, то лишь посвящённые памяти Сибиллы Иерусалимской и надежде на встречу в ином мире. Скончался Амори Тирский около 1240 г.

Амори ТИРСКИЙ

1.

Перед боем

*На грозный зов её трубы
Я именем Твоим отвечу...*

Н.В. Кукольник

Чужд Христовой благодати,
Средь мирских равнин
Обложил Господни рати
Грозный Саладин.

Имя нежное с любовью,
Как Завет храня,
На щите я вывел кровью
В ожиданье дня.

На рассвете строем конным
Мы сомкнёмся вновь
С Балдуином прокажённым,
Веруя Любовь.

Каждый брат, кто гибель встретит,
Посреди огня,
Нежным именем ответит,
Упадёт с коня.

Так испив из общей Чаши,
За Христа стоя,
Буду славить имя Ваше,
Госпожа моя.

2.

В оазисе

Я помню древесные кровы,
Расплавлен в песках небосвод,
И лёгкие Ваши покровы,
Когда Вы явились из вод.

Зелёный нагрудник наяды
Был нежен, уютен и строг,
Но не закрывают наряды
Стопы Ваших царственных ног.

Хотелось приникнуть, лобзая
К любимейшим этим стопам,
Не жаждать Господнего Рая,
А верно служить только Вам.

Но справа служивший Вам рыцарь
На чёрном громадном коне
Мне не дал пред Вами склониться,
Прорезав рукой в вышине.

В волнах этой музыки сладкой
Тех карих сияющих глаз,
Я подал лишь знак Вам украдкой,
Что слушаюсь впредь только Вас.

3.

Пятница

Вот пятница – день тишины,
Чалмы и склонённые спины,
Мы атаковать не должны,
Пускай отдохнут паладины.

Сегодня великий Святой
Пошёл на беседу к эмиру,
Чтоб этой дорогой простой
Прийти к вожделенному миру.

И встретил посла Саладин.
 Дивились притихшие гости
 Сиянию вещей седин
 Без тени обиды и злости.

И двое святых мудрецов
 Часы проводили за чашей,
 Исследуя веры отцов
 И прелесть восточной и нашей.

Когда же Франциск уходил,
 Сказал Саладин: Мы ведь братья!
 Молись, чтоб Аллах мне открыл
 Чьей вере обязан внимать я.

Краткая биография барона Шиммельфенниха

Барон Иоганн-Петер фон Шиммельфенних родился в конце XIX столетия в окрестностях г. Пернова (ныне Пярну в Эстонии) в маленькой деревушке, некогда принадлежавшей его роду. Как и многие люди своего круга, барон с детства подвергался строгой опеке заботливых и любящих родителей и прародителей и не имел ни в чём ни малейшей самостоятельности. Разумеется, не могло быть и речи о собственном выборе им спутницы жизни. Будучи уже в весьма немолодом возрасте и потеряв единственно любимого им человека – свою мать, барон окончательно помешался на желании приобрести дочь – родную или приёмную, что в его годы и для человека чести, каковым он до этого всегда был, являлось весьма трудной задачей. Тогда-то он и написал в альбом своей сверстнице – престарелой баронессе фон Бёме, – это странное стихотворение на языке одного из финно-угорских народов, культурой которого всегда увлекался. Один из его друзей, просвещённый туземец, островитянин (человек моря) Аин Юрисоо, перевёл его на немецкий построчно. Автору, правнучатому троюродному племяннику Шарлотты фон Бёме, был доступен лишь этот немецкий подстрочник, и поэтому он перевёл его на родной язык, также построчно, четырёхстопным ямбом – размером, лишённым в русской поэзии какого-либо экспрессивного ореола.

Барон Иоганн-Петер фон ШИММЕЛЬФЕННИХ

Бросаясь в майскую метель,
Я подберу кого попало –
Страшна больничная постель,
Душистый саван – покрывало.

Так пусть раздвинутся они, –
Года опеки в душном мраке, –
И эти медленные дни
В насильственном, постыдном браке.

Живым не сдамся я, о нет!
Ещё прорвусь, хоть малой частью,
Чтоб честно пасть в бою за свет
И право на былинку счастья.

Мне вовсе не нужна постель
И ненавистна близость тела,
Но бреет голову метель,
Она висками побелела.

И я мечтаю приходить
По вечерам домой, к любимым,
Но с детства не давали жить,
А так, как дали, нестерпимо.

И дочь лелеять я хочу,
Зачатую не подлым чувством,
А в послушании врачу
Его божественным искусством.

Так лучше – неизвестно кто,
Чем боль и ежечасный холод.
Что мне упрёки ваши, что?
Где были вы, как был я молод?

И жил, но не умру как тать,
И в страшном грохоте развала
Указ от Неба: изорвать
В руках у смерти покрывало.

РЕЦЕНЗІЯ

Робота Марини ЯСЫЧЕНКО

Анна ТЮСОВА

Рецензия на спектакль «Бешеные деньги»

Спектакль «Бешеные деньги» по произведению А. Н. Островского я смотрела в Санкт-петербургском государственном театре юных зрителей им. А.А. Брянцева. Это один из старейших в мире театров для детей, он был основан в Петрограде в 1922 г.

Несколько неожиданно было для меня, что в репертуаре ТЮЗа есть столь серьёзные постановки. Это меня заинтриговало. Прочитав пьесу, я почувствовала глубокий смысл этого классического произведения и хотела увидеть, как на сцене юношеского театра она будет представлена. Ведь этот спектакль идёт на сценах самых знаменитых театров.

Вопреки ожиданиям, спектакль удался и развеял многие мои сомнения. Я увидела много креативных находок режиссёра-постановщика, засл. деят. искусств России Александра Кузина.

Режиссёр максимально сохранил авторский текст, но при этом мы видим много режиссёрских необычных приёмов.

Сцена пуста. Всё в зелёном цвете, и только четыре софита роняют рассеянный свет. По краям полумрак. Из полутьмы выходит духовой оркестр. Звучит музыка и начинается представление. Музыка, живой звук завораживают и концентрируют внимание зрителя на представлении. Сцена не демонстрирует провинциальный быт эпохи Островского, но режиссёром найдены любопытные художественные решения. Например, афиша, спускающаяся на сцену, написана в стиле времени, указан 1870 год. Свечи и подсвечники, люстра со свечами – все эти детали настраивают на эпоху XIX в.

На сцене появляется Иван Петрович Телятев (засл. арт. России Сергей Шелгунов) и Егор Дмитрич Глумов (Андрей Слепухин). Образ Телятева соответствует, на мой взгляд, произведению. Его возраст, манеры, костюм – всё аналогично персонажу Островского, и актёр идеально справился со своей ролью. Актёр мастерски и с иронией сыграл легкомысленного шутника, привыкшего жить за чужой счёт, как он сам о себе говорит, на «бешеные деньги». Что касается Глумова, то игра могла быть ярче и эмоциональней. Артист просто представил своего героя, произнося необходимые фразы и выражения, но не смог передать его сущность, интригана и повесы, может быть, неудачника, живущего надеждой встретить богатую вдовушку.

Василькова играл артист театра Алексей Титков. Савва Геннадьевич появляется на сцене в ореоле таинственности. Кто он, этот провинциал, записывающий все расходы в книжку? Актёр сыграл свою роль, показав деловитость, расчётливость, предприимчивость, но сделал это без особого блеска и убедительности, как-то блёкло. В его исполнении Савва Геннадьевич персо-

наж незапоминающийся. Не смог артист передать пылкую любовь к Лидии, мы не увидели страданий героя, всё как-то уравновешенно и неестественно.

Лидия в исполнении Анны Дюковой – это молодая красавица, полна жизненных сил и энергии. Вся её жизнь состоит в поисках богатого жениха или хотя бы любовника. Она готова иметь в любовниках даже старика, лишь бы у него было много денег. «Для меня жизнь там, где раболепство мужчин и безумная роскошь!» – вот её кредо жизни. «Ничего нет хуже бедности», – говорит она. Лидия не хотела знать, как добываются деньги. Все средства хороши, только наличие больших денег представляется ей счастьем.

Надежда Антоновна Чебоксарова, мать Лидии, (засл. арт. России Наталья Боровкова), играла легко, изящно, прекрасно справилась с ролью. Это представительница своего класса, сознательно торгующая красотой своей дочери, озабочена только соблюдением внешних светских приличий.

Особенно хочется отметить роль Григория Борисовича Кучумова (нар. арт. России Игорь Шибанов). Пожалуй, это лучшая игра актёра в данном спектакле. Хотелось следить не за игрой артиста в общем, а за каждым его жестом, каждой его ужимкой, мимикой его лица, за его походкой. Ведь своей походкой он передавал и характер своего героя, и манеры, и даже бывшее своё величие.

Очень интересной находкой при минимальном оформлении сцены являются качели. Они олицетворяют по замыслу режиссёра несколько функций и несут смысловую нагрузку. Во-первых, качели – это беззаботная жизнь, веселье, ничегонеделание. Но качели – это и сама жизнь, это взлёты и падения. Качели даже вращаются – это вертится жизнь, и нет статичности, есть движение и развитие вперёд.

Идея режиссёра, на которую стоит обязательно обратить внимание – это сцена в конце третьего действия. Лидия добивается ласками и женским обаянием оплаты долговых счетов от мужа. И как только Васильков соглашается, взяв расписку у Лидии, подбегают слуги, донося неоплаченные счета барыни, он подчиняется с нежеланием и этому. Но тут же на сцену летят бумаги со всех сторон, поглощая Савву с ног до головы.

Музыкальное сопровождение духового оркестра (с него начинается и им заканчивается спектакль) – интересная режиссёрская находка. Игра многих эпизодов сопровождалась сольным исполнением: то звучит флейта, то барабанная дробь, а то игривая мелодия или грустная и даже траурная музыка. Музыка очень украсила спектакль, создавала или усиливала впечатления от исполнения артистов и влияла на настроение зрителей. Звучала музыка композитора Юрия Симакина.

Особую атмосферу спектаклю придали костюмы художника Михаила Воробейчика. Его замысел поразил меня. В начале спектакля все герои (кроме Василькова) были одеты в кристально белые костюмы, это отчётливо

показывало разделение общества по происхождению и положению. С развитием событий, в наряды людей, живущих на «бешеные» деньги, стали появляться чёрные элементы, а белое постепенно сходило на нет. И вот в конце в белом элегантном фраке появляется только Савва Геннадьевич, победитель, самый богатый и предприимчивый человек, живущий по «бюджету» и вынуждающий жить по «бюджету» Лидию. А все «богатенькие» аристократы были облачены в чёрное, будто признали своё поражение и нищету. Неожиданным было и то, что Васильков надел современные тёмные очки, не соответствующие эпохе того времени. Но это было не случайно, очки указывали на наше время и напоминали о том, что многие из нас и сегодня готовы жить на «бешеные» деньги.

Спектакль в целом – это удача актёрского коллектива и режиссёра. Мои впечатления от пьесы совпали со спектаклем. Я убедилась, что классика вечна.

Рецензия на спектакль «Горе от ума»

Театр «Балтийский Дом» в Санкт-Петербурге – это не просто театральное заведение, это целое измерение, способное погрузить зрителя в другую эпоху, в иной мир. Своё существование и творческую жизнь театр начал ещё в далёком 1936 году. С самого открытия в театре регулярно проходили пьесы лучших отечественных и зарубежных классиков. Деятельность театра всегда носила экспериментальный характер.

Так пьеса Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума», поставленная Александром Аркадьевичем Белинским весной 2013 года, не похожа на другие инсценировки данной комедии. Она индивидуальна и необычна. Спектакль называется соответственно первоначальному заглавию пьесы – «Горе уму». ... «Потому что важно не указать на причину бедствия, а подчеркнуть, кто есть жертва, кто страдает», – считал Александр Аркадьевич Белинский.

Я смотрела данный спектакль в январе 2015 года. Это спектакль В. Виноградовой по сценической версии А.А. Белинского. «Какой же будет постановка?», – думала я. Ведь мы уже изучили в школе великого А.С. Грибоедова, его «Горе от ума» и у меня уже есть «свой» Чацкий и «своя» Софья, «свои» Фамусов и Молчалин. Спектакль произвёл на меня двойственное впечатление. С одной стороны, разочаровал, а с другой – открыл новые, непонятные для меня, задумки автора.

Открылся занавес, и моё внимание сразу привлекли своеобразные декорации, которые не менялись на протяжении всего представления. Это были большие портреты, написанные в тёмных тонах, белые часы и окно. Миниатюрный антураж не позволил погрузиться зрителям в атмосферу эпохи и

быта XIX века. Он не отразил времени, несмотря на использование в спектакле большого количества исторических костюмов.

Действие на сцене начинается с пробуждения Лизаньки и Петрушки звонким криком петухов, что не совсем уместно, ведь, проснувшись, служанка спешит уведомить барышню о том, что Молчалину лучше покинуть комнату, так как уже «осьмой» час, весь дом уже на ногах. Петухи, напротив, как известно, кричат рано утром, когда барин в поместье ещё спит.

С приездом Чацкого на сцене не почувствовалось удивление, суета. Актёры будто продолжали заниматься своими делами. Костюм Александра Андреевича окончательно ввёл меня в заблуждение. После прочтения книги от персонажа Чацкого у меня осталось впечатление хорошо одетого, светского человека, на сцене же я вижу обыкновенного мужчину в современных очках.

Платье Софьи Павловны было мрачное и простое, похожее на платье служанки Лизы. Мундир Скалозуба, напротив, чётко отражал его чин, показывал положение в обществе. Типичный фрак Молчалина зеленоватого оттенка выглядел блёкло. А бархатный богатый кафтан бордового цвета Павла Афанасьевича Фамусова производил должное впечатление. Но, в общем, видение художника по костюмам Марии Лукка не совпало с моим.

Музыкальное сопровождение дополняет, заставляет переживать, сочувствовать или, наоборот, радоваться вместе с героями. В спектакле звучит музыка н.а. России Валерия Гаврилина. В одном из эпизодов меня впечатлил переход от громкой музыки, которая шла фоном, к мелодичному звучанию фортепиано, на котором играл Чацкий.

Танцевальных сцен было немного, и, я думаю, это правильно. Мы пришли посмотреть на постановку серьёзного литературного произведения, а не на водевиль. Тем не менее, танцы на балу внесли живость в спектакль. Хореография, которая была представлена, исполнена хорошо, движения грациозны и красивы.

Как ни был бы прекрасен антураж, костюмы, музыка, зритель, в первую очередь, оценивает игру актёров. Исполнитель одной из главных ролей – Леонид Алимов в роли Фамусова показал распушенность своего персонажа в начале спектакля и разъярённость от происходящего в конце. В середине он не выделялся и порой в диалогах был слишком груб и невежлив, когда этого не требовало происходящее. Его дочь Софья, чья непростая роль легла на плечи Дарьи Степановой, разочаровала меня. Софья Павловна представлялась мне эмоциональной, чувствительной девушкой. Дарья сыграла эту роль очень сухо и не передала те чувства, которые переживала её героиня. С первой фразы Дарьи меня удивила её порывистая речь, она говорила отрывками. Александра Кузнецова в роли служанки Лизаньки чувствовала себя на своём месте. Её игривый, девичий характер помог ей

передать нужные эмоции зрителям. Моё внимание было приковано именно к ней. Она заинтересовала меня.

Алексей Степанович Молчалин (Игорь Мосюк) не произвёл на меня ни положительного, ни отрицательного впечатления, показался второстепенным персонажем, но по произведению это однозначно не так.

Роль Александра Андреевича Чацкого могла бы быть великолепной. Это разносторонний персонаж с очень интересным характером, пытливым умом и статной внешностью. Дмитрий Гирев, выбранный на роль Чацкого самим А.А. Белинским, не был похож на такого человека. В первую очередь Дмитрий выглядел старше своего персонажа, он играл Чацкого, словно устал исполнять эту роль. Нет в нём изыска, шика и лоска. Я ожидала увидеть более яркого, целеустремлённого, уверенного Чацкого. Полковник Скалозуб (н.а. России Роман Громадский) удивительно вжился в роль. Поведение полностью соответствовало его положению в обществе. Чувство юмора Романа Борисовича, его харизма, профессионализм заставляли то улыбаться, то переживать.

Я ожидала кардинально другого впечатления от спектакля. Несмотря на то, что спектакль, в общем, не восхитил меня, режиссёр отлично обыграл некоторые сцены. Например, во время диалога Чацкого и Молчалина, актёры не просто стояли и беседовали на сцене. Они непринуждённо разговаривали за игрой в бильярд, эта режиссёрская находка прекрасно отражает отношения Чацкого и Молчалина. Они поочерёдно загоняют шары в лунки, с каждым ударом шар мчится в сторону противника как вызов, брошенный сопернику. После партии в бильярд Чацкий берёт несколько шаров и, уходя за кулисы, жонглирует ими, как в цирке. Здесь бильярдные шары олицетворяли людей в обществе. Как жонглёр играет шарами, так и жизнь играет нами.

После бала Чацкий остаётся наедине с самим собой. Все вокруг считают его сумасшедшим, он изолирован. В этот момент на сцену опускается полупрозрачный занавес. Получается, что мы видим Чацкого на переднем плане и гостей по другую сторону занавеса. Эта декорация отделила Чацкого от всего общества. Он не такой как все, от того и горе уму его, это стена отчуждения между Чацким и обществом, в котором он живет.

Подводя итог, хочется сказать о том, что после прочтения книги остались более яркие впечатления, чем от спектакля. От театра мы ждём чуда. Зритель хочет перенестись в эпоху, о которой идёт речь в спектакле, пережить эмоции героев. Если этого не происходит, зритель огорчён. Мы приходим на спектакль сопереживать, сочувствовать, получить эмоциональный заряд, подумать над тем, как жили раньше, и как живут сейчас. Но, выходя из зрительного зала после спектакля, мы чувствовали пустоту и разочарование. Это не тот случай, когда хочется долго аплодировать, не отпуская артистов со сцены и кричать «браво».

спббэту «лэти»

С ОБЩЕЙ МОЛИТВОЙ

Работа Нины САВИЧ

Дарко ВУКОВИЧ

С общей молитвой

(Война в Донбассе и русская лирика)

События «Русской весны», связанные с возвращением Крыма и борьбой Донбасса против украинского фашизма, всколыхнула самые разные слои общества. На фоне угрозы реставрации нацизма прежние идеологические и политические различия утратили былую остроту. Начиная с 2014 года «своих» от «чужих» стало возможно отличить лишь по ответу на вопрос «Чей Крым и Донбасс?» И те, для кого жители Юго-Востока Украины, поднявшиеся на борьбу с неонацизмом, значились как «сепары», «колорады и ватники» – автоматически становились для нас чужими. Лично для меня борьба Донбасса имеет особое значение. Ведь мою первую родину бомбили в 1999 году по приказу всемирного жандарма – того же самого, который стоит за спиной adeптов Гражданской войны на Украине.

Что такое Новороссия? Одни видят в этой идее дальний форпост возрождающейся Империи, для других она сродни Беловодью, воплотившему в себе вековую мечту народа о стране, свободной от несправедливости и насилия.

Я родился в Белграде, но по-русски говорю с детства без акцента, вырос на русской культуре, ибо застал ещё мою двоюродную бабушку, урождённую княжну Наталию Николаевну Львову, переехавшую сначала во Францию вместе со своим мужем, штабс-капитаном Львом Алексеевичем Абазы, покинувшим Крым вместе с Добровольческой армией в 1920 году. Будучи потомком белоэмигранта, я вначале и воспринимал эту войну как продолжение борьбы моего деда. В 2014 году я написал об этом стихи, в которых есть такие строки:

Мудростью Корнилова богаты,
В лучезарном Ангельском строю
Так же гибли белые солдаты,
Защищая Родину свою.

Каково же было моё удивление, когда я узнал, что в Новороссии воюют не только русские националисты и монархисты и что страшный «призрак коммунизма», когда-то выгнавший из России моего деда, теперь погнал многих добровольцев левых взглядов на Донбасс, защищать завоевания Русской весны. Об этом очень точно сказала изве-

стная православная поэтесса Олеся Николаева в своих замечательных стихах:

Раньше они лишь в общей могиле лежать могли б:
в лагерном рве человечесь мясo,
а теперь бок о бок отстреливаются из-под глыб
Гибнушего Донбасса.

Раньше один другого к стенке б – кровав закат
Родины, по сторонам распятой.
А теперь они вместе хоронят своих солдат,
Убитых в Ясиноватой.

Бездна с бездной сошлись. Шаг в шаг и плечом к плечу.
Ангельский хор поёт – высоко и чисто.
С общей молитвой теперь ставят свечу
За воинов, коммуниста и монархиста.

Меня поразили эти стихи своей простотой, минимализмом средств и кажущейся безыскусностью, за которой на самом деле скрывается мастерство. Ведь современные поэты, чей вкус изрядно подпорчен, Господи прости, верлибром, забывают, что стихи – это, прежде всего, живая человеческая речь, что точность в описании деталей и внятность выражения чувств нисколько не вредит лирическому стихотворению, а – наоборот – являются неотъемлемым компонентом оногo. И что рифма, в конце концов, это не просто обслуга авторской мысли, а сама порой несёт огромную смыслообразующую функцию.

Эта же тема – единения, несмотря на политические барьеры, – прослеживается и в стихах молодой петербургской поэтессы Ларисы Шушновой, которые я впервые прочитал на сайте в Интернете и был поражён ими не меньше, чем стихами вышеупомянутого маститогo классика.

Её цикл «Волчьей тропой» посвящён другу-ополченцу, с которым лирическая героиня ведёт переписку. Разговор по Интернету («Треугольники белые писем/ заменила всемирная сеть») дополняется мысленным разговором, когда боец пропадает со связи, и лирическая героиня, подобно Ярославне, возносит молитвы иррациональным силам мироздания – от Богатца до карманного фонарика, принявшего в себя осколок снаряда и спасшего бойцу жизнь.

В этом цикле прослеживаются аллюзии к «Лебединому стану» Марины Цветаевой, о чём автор говорит прямо, сравнивая себя – не с поэтом – просто с женщиной Мариной, жившей на столетие раньше, а адресата стихов – с Сергеем Эфроном:

Потому что Маринина муза
 Мол, за белое дело, а ты –
 За венок трудового Союза,
 Чтобы красных республик цветы

Украшали терновый... Неважно.
 Воевал он, лишенья терпя.
 Ну а ей за него было страшно
 В ту войну, как и мне – за тебя.

Следует напомнить, что Сергей Эфрон служил в Добровольческой армии и был участником Ледяного похода. И честно говоря, читая эти строки, прощаешь столь смелое сравнение, понимая, что этот автор имеет такое право. Потому, что обе они – и Лариса, и Марина (и даже имена созвучны) перед лицом войны просто женщины, молящиеся за воинов:

Словно Ярославна во Путивле
 на Забрале – по ветру власы –
 с неотступной мыслью – как ты? жив ли?
 Дни считать, минуты и часы.

Фонетика этих стихов скажет «имеющему уши» больше, чем самые изысканные комментарии.

Собственно, объединение вчерашних политических противников в общей борьбе за общую родину против всемирного зла происходило и раньше и мне хорошо знакомо даже на примере родных. Сразу же после октября 1917 года семья моих довольно близких родственников, спасаясь от революции, эмигрировала в Прагу. Во время фашистской оккупации тётушка стала издавать и подпольно распространять в Праге газету советской ориентации. Её схватило гестапо, и она погибла в Освенциме как герой Сопротивления, а её муж «только чудом избежал смерти в газовой камере в Равенсбрюке». Это цитата из его письма, которое записывал под диктовку их старший сын. Дело в том, что дядюшка на допросах в гестапо полностью ослеп от ударов прикладами по голове. И с каким пиететом говорит он о Красной Армии! «Вот Красная Армия освободила нашу Прагу». И сколько таких примеров, когда белоэмигранты сражались против нацизма рука об руку с коммунистами! Как хорошо известно, бежавший на Дон к А.И. Деникину после вызова в ОГПУ Александр Николаевич Вертинский в 1943 году в разгар войны добился от Молотова разрешения вернуться в СССР. Он писал, что когда Россия истекает кровью в борьбе с врагом, он не может больше терпеть пытку эмиграции. Вернувшись, Вертинский написал вызывающую слёзы песню о Сталине. Там есть такие строки:

И когда подступали вандалы
 К нашей древней столице отцов,
 Где нашёл он таких генералов
 И таких легендарных бойцов?

И неважно, каким был Сталин в действительности. Искусство выше житейской конкретики.

Сегодня наше Петербургское Дворянское Собрание полдня служило молебны и панихиды по одному из самых великих правителей России – Александру Второму. Сегодня, 29 апреля, исполнилось ровно 200 лет со дня рождения этого великого человека и мученика. Едва ли кто-нибудь другой столько сделал для России – для нас с Вами, – сколько сделал он. Александр Второй сделал нашу страну слишком могучей, и этого ему не простили враги. Он также освободил Балканы, прекратив геноцид болгар, специально организованный Великобританией, чтобы вынудить Россию вступить в тяжелейшую, кровопролитнейшую войну, к которой Россия не была готова и которой всячески старалась избежать. Иван Сергеевич Тургенев с гневом писал в своём стихотворении «Крокет в Виндзоре», обращаясь к повинной в этих зверствах английской королеве Виктории:

То головы женщин, девиц и детей,
 На лицах следы истязаний,
 И зверских обид, и звериных когтей,
 Весь ужас предсмертных страданий.

... ..

Нет, ваше величество, вам уж не смыть
 Сей крови невинной вовеки!

Во время первой мировой войны в интересах западных держав и по их указке младотурки проводили геноцид армян в Османской империи. И опять России пришлось кровью своих воинов спасать жителей Армении. Легендарный Юденич подошёл к окружённому турецкими головорезами городу Ван, где оставались одни дети, женщины и старые инвалиды, и среди них один, не замеченный турками и поэтому не убитый ими раненый врач – С.А. Ованесян (псевдоним Арам). Он-то и организовал детей, женщин и стариков так, что они держали оборону и, несмотря на огромные потери, отбивали все атаки как регулярных турецких войск, так и шаек «гамидие» до подхода русских. Николай Николаевич Юденич стал живой легендой Великой войны, поэтому его и поставили во главе Северо-Западной Белой армии, очень неудачно, как писал Александр Иванович Куприн, потому что Юденич совершенно не знал Русского Севера.

И сегодня многие на Западе отрицают факт геноцида армян. Один знакомый историк рассказывал мне, за какие бешеные деньги ему предлагали всего лишь перевести, «антиармянскую книгу», как он выразился, т.е. исследование, в котором «доказывалось», что никакого геноцида армян в Турции не было. Что ж, есть ведь и люди на Западе, отрицающие холокост. Таковы современные информационные возможности. Все ведь знают, что и презумпция невиновности по-гаагски звучит приблизительно так: «человек не виновен, пока не будет доказано, что он серб». Даже проф. Войслав Шешель, у которого вообще абсолютно не к чему было придираться, и которого после нескольких лет, проведённых в заключении, наконец оправдали, уже снова виновен. Решение о его оправдании уже отменено. Естественно, ведь он же серб!

В тридцатых годах двадцатого века западные державы намеренно взрастили, вооружили и натравили на Россию Гитлера. Им хотелось, чтобы он захватил и уничтожил нашу страну, а они бы затем, «спасая человечество» бомбили российские города примерно так, как они потом бомбили Хиросиму и Нагасаки. Однако когда Гитлер набрался сил, руководители западных держав уже сами не знали, как от него избавиться и ждали, когда это сделает Россия. План Барбаросса был сорван в значительной мере благодаря самоотверженности Сербии, лёгшей на пути нацистов и своим героическим сопротивлением отсрочившей на несколько месяцев день нападения Германии на Советский Союз. Сегодня эти державы снова заигрывают с самыми тёмными и античеловеческими силами – с косовскими и украинскими бандитами и нацистами, – натравливая их на Россию и на её верных друзей. Как бы им снова не обжечься. Как бы опять не кончилось всё это тем, что им же самим снова придётся искать у России помощи в деле обуздания бандеровцев и так называемых «бойцов» из так называемой «освободительной армии Косова».

01.02.2016

О ПЕРЕВОДАХ

В.И. Иванов Работа К. СОМОВА 1906 г.

Никита МОКЕЕВ

Перевод сонета Петрарки Вячеславом Ивановым

Глубокоуважаемая¹ коллега!

Не знаю, как Вы относитесь к Вячеславу Иванову, на всякий случай сообщая Вам, что в пятницу 15.06.2018 года на филологическом отделении Высшей Школы экономики (наб. канала Грибоедова, дом 123) с 16.00 в ауд. 305 назначен семинар кафедры сравнительного литературоведения и лингвистики, посвящённый презентации книги и других материалов о Вячеславе Иванове. Выступать будут наш Гаспаров (не знаменитый покойник Михаил Леонович Гаспаров, а наш заведующий Борис Михайлович Гаспаров, не менее великий, чем М.Л. Гаспаров), и Андрей Шишкин – куратор музея и исследовательского центра Вячеслава Ивановича Иванова в Риме. А у нас знаменитая «Башня» Вячеслава Иванова на Таврической улице до сих пор не отреставрирована и нет музея, посвящённого центральной фигуре Русского Духовного Ренессанса (названного впоследствии Серебряным веком), трагически прерванного февральской смутой и последовавшим за ней октябрьским путчем.

Будет презентация книги на двух языках (русском и итальянском) с фотографиями и переводами семи сонетов Микельанджело. Представляю себе, что это за книга! Чего вообще стоят переводы Иванова! Вы знаете его перевод 61-го сонета Петрарки? Кто только не переводил этот сонет.

В советской Детской Энциклопедии приводили перевод Эфроса, о котором (об Эфросе, а не о переводе) Маяковский сказал:

В белом венчике из роз

Впереди Абрам Эфрос.

Вот его перевод (чтобы Вы тоже посмеялись):

LXI (перевод А. Эфроса)

Благословен и год, и день, и час,

И та пора, и время, и мгновенье,

И тот прекрасный край, и то селенье,

Где я был взят в полон двух милых глаз.

¹ Как это, однако, замечательно, что слово коллега на наших глазах переходит из мужского в общий род. Вот это действительно развитие языка! А не то, что некоторые филологи называют «развитием языка», когда глагол «становиться» подменяется глаголом «вставать», а они, как будто никогда не держали в руках русскую классику, делают вид, что так и надо, да ещё говорят по этому поводу: «Язык же развивается».

Благословенно первое волнение,
Когда любви меня настигнул глас,
И та стрела, что в сердце мне впилась,
И этой раны жгучее томление.

Благословен упорный голос мой,
Без усталы зовущий имя донны,
И вздохи, и печали, и желанья,

Благословенны все мои писанья
Во славу ей и мысль, что непреклонно
Мне говорит о ней – о ней одной!

Не смею утомлять Вас построчным разбором этой какофонии, подаваемой от имени великого Петрарки. Когда я читаю её коллегам, они смеются, а некоторые даже высказывают всерьёз мнение, что Эфрос написал свой перевод в шутку, для какого-либо юмористического издания. Перевод Валерия Брюсова, хотя его и считают плохим переводчиком, всё же немного лучше.

LXI (перевод В. Брюсова)

Благословен тот вечер, месяц, год,
То время, место, та страна благая,
Тот край земной, тот светлый миг, когда я
Двух милых глаз стал пленник в свой черёд.

Благословенна ты, боль роковая,
Что бог любви нам беспощадно шлёт,
И лук его, и стрел его полёт,
Разящих сердце, язвы растравляя.

Благословенны речи все, где я
Её назвал, печали не тая,
Желанья все, все жалобы, все стоны!

Благословенны вы, мои канцоны,
Ей спетые, все мысли, что с тоской
Лишь к ней неслись, к ней, только к ней одной.

Тоже, как и Эфрос, подсчитывает количество глаз у Мадонны Лауры (как тогда обращались к даме, потом это обращение Мадонна осталось только к Богородице). Хорошо ещё, что двух, а не четырёх или одного глаза, и тоже они ему уже сразу милы, при первой же встрече, когда ж он успел полюбить их, если впервые видит? Ну, спасибо хоть, что не «в полон», а «пленник». Почему именительный падеж, а не творительный, – наверное, так тогда говорили. Сегодня мы бы сказали «стал пленником», а не «стал плен-

ник». Вот когда «был», многие тоже шипят, говорят «архаика», но так можно было раньше, и можно сейчас. «Он был гений», а не «Он был гением» – читаем в «Маленьких трагедиях», а как иначе? А со словом «стал» всё сложнее.

Какое отсутствие стиля у Эфрона! В переводе западноевропейской лирики у него старославянские слова, причём не сплошь, а отдельные (глас, полОн, писанья). Это называется расписаться в своей беспомощности.

Вильгельм Левик считается блистательным переводчиком, но перед Вячеславом Великолепным (как называли Иванова по аналогии с Лоренцо Медичи Великолепным) и Левик, конечно, кажется начинающим школяром. Вот его перевод.

LXI (перевод В. Левика)

Благословляю месяц, день и час,
Год, время года, место и мгновенье,
Когда поклялся я в повиновенье
И стал рабом её прекрасных глаз;

Благословляю первый их отказ,
И первое любви прикосновенье;
Того стрелка благословляю рвенье,
Чей лук и стрелы в сердце ранят нас;

Благословляю всё, что мне священо,
Что я пою и славлю столько лет,
И боль и слёзы – всё благословенно,

И каждый посвящённый ей сонет,
И мысли, где царит она бессменно,
Где для другой вовеки места нет.

Если и есть, к чему придраться (возможно, Вы сами заметите), то у меня не поворачивается язык и не поднимается рука критиковать Левика. Его переводы прекрасны! И легко верится, что это стихи великого Петрарки.

И, наконец, перевод учителя Алексея Фёдоровича Лосева (в области философии, конечно, а не в поэзии) Вячеслава Ивановича Иванова – «учителя слишком великого, чтобы быть популярным», как назвал его Лосев.

(сонет 61, перевод Вячеслава Иванова)

LXI

Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край, и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз!

Благословенна боль, что в первый раз
Я ощутил, когда и не заметил,
Как глубоко пронзён стрелой, что метил
Мне в сердце Бог, тайком разящий нас!

Благословенны жалобы и стоны,
Какими оглашал я сон дубрав,
Будя отзвучья именем Мадонны!

Благословенны вы, что столько слав
Стяжали ей, певучие канцоны, –
Дум золотых о ней, единой, сплав!

Вот уж поистине, читаешь перевод и чувствуешь, что Петрарка заговорил по-русски!

И ещё не могу удержаться, чтобы не привести также перевод Евгения Солоновича. В его переводе, по-моему, не к чему придираться. Ну и что ж, что он не Иванов, не всем же быть гениями. Но его перевод тоже прекрасен, тоже безупречен и трогателен. Там нет этих идиотских «писаний», Солонович переводит просто: «Благословенны все мои творенья».

LXI (перевод Е. Солоновича)
Благословляю день, минуту, доли
Минуты, время года, месяц, год,
И тот прекрасный край, и город тот,
Где светлый взгляд обрёл меня неволе.

Благословляю сладость первой боли,
И в сердце, и в судьбе переворот,
И стрел любви рассчитанный полёт,
Когда отбить удар не в нашей воле.

Благословляю имя из имён
И голос мой, дрожавший от волненья,
Когда к любимой обращался он.

Благословляю все мои творенья
Во славу ей, и каждый вздох и стон,
И помыслы мои – её владенья.

Прелесть, правда? Мило и трогательно! У Левика всё же есть к чему придираться, хоть и не хочется, а здесь, вроде бы, и вовсе не к чему.

Ещё у меня под рукой и другие переводы этого 61-го сонета. Например, перевод Дмитрия Мина. Но он на порядок омерзительнее, чем перевод

Эфроса, которым (эфросовым переводом) всё же многие восхищаются. Разумеется, не буду приводить все эти тошнотворные переводы.

Простите меня, пожалуйста, за, быть может, неинтересный для Вас текст и за не в меру эмоциональные отзывы. Начав говорить о поэзии, конечно, я невольно забываю, что это письмо к далёкой и прекрасной даме, и начинаю высказываться, как пошлый критик из бульварной газеты.

Простите, меня, пожалуйста!

СПЕЦІАЛІЗАЦІЯ «ЛІТЕРАТУРА»

ПЕРЕВОДИ

Робота Марини ЯСЫЧЕНКО

Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ
ПЕРЕВОДЫ

Жан КОКТО

Из «Вокализов»

Два сердца

Она сказала: «Почувствуй, как бьётся
моё сердце!
Это пульсирует в моей груди
любовь!»
Но я отнял свою грудь
от её прелестной груди
и ощутил,
что это не её сердце
так бьётся,
а моё доброе сердце,
моё собственное сердце
звучит во мне.

Рана

Её лицо округлое, словно букет.
Плотный букет роз.
И все их стебли объединены,
Формируя её шею.
Не шипы ли этих стеблей,
Когда я дотрагиваюсь до её затылка,
Так меня ранят?

Снисходительность

Она говорит мне:
«Я люблю тебя, потому что ты красив
И не похож на других, Возлюбленный.
Особенный, потому что ты – добр»
Тогда я отвечаю ей:
«Это верно.

Иногда я смотрю на себя в зеркало
И не вижу больше никого».

Арум*

Наше жилище – арум,
Растущий на склоне холма.
Прекрасный арум, прочный и белый,
Где ты, радостная Малышка,
Жужжишь-хлопочешь
Вокруг моей ленности
В своем жёлтом платьеце,
Словно пчелка,
Летающая по верному следу.

Джо РОЗЕНБЛАТТ**

Споём!

Капля елея для моей души –
Когда кошки поют «по-фелинески».

Хотя это всё зависит
От состояния погоды.

И некоторые их песни
Так и светятся в погожий день.

Когда кошки поют «по-фелинески»,
Они пребывают в заблуждении.

Сколько раз вы можете зреть их улыбку
От того, что в плену мелодии – желаемый грызун.

Мы все должны мурлыкать «по-фелинески»,
Словно делая открытие,

*Арум – аронник (растение)

** Джо Розенблатт (Joe Rosenblatt). Канадский поэт и художник. Называет себя «поэтом-анимистом». Известен как автор сборника «The voluptuous garden» («Сад сладострастия») и т.н. «кошачьих картонов» (ярких оригинальных рисунков). Многие его образы связаны с домашними кошками и миром, окружающим этих кошек. «Пусть поклонники прозы, эти собаколюбы, наслаждаются оскалом реальности, а поэзию пусть оставят для тех, кто любит кошек с их независимостью», – уверяет он.

В котором мышонок легко танцует
Внутри мелодии.

Люди, давайте петь кошачьи песенки!

В заросшем саду моего мозга

В заросшем саду моего мозга
Прицепилась арахна в своей рваной паутине;
Она наблюдает за мной в ультрафиолетовом спектре
Множеством своих голодных глаз,
В то время как я качаюсь в воздухе
Разъятой лазури неба
С другими подобными пилотами,
От отчаяния горланя неприличные песни.
Хотя это – не радостный день,
И мы висим в нашей неиссыхаемой печали.

Александр КОРОЛЁВ

ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО

Луи БУЙЕ (1822 – 1869)

Ту-Тзонг

Вы можете блуждать, немало дней потратив,
Чтоб встретился хоть раз вам мандарин такой.
Он опиум курил из трубки голубой,
На берегу Ян-Цзы у дома на закате.

Как месяц, башмаки изогнуты серпом;
А сам он облачен в наряд из ткани пёстрой;
Касается рукой своей бородки острой,
Весёлые глаза под острым колпаком.

Фруктовые сады цветут; от дуновений
Чуть слышен бубенцов в беседке слабый звон;
Как мантией, огнём окрашен горизонт
И видно облаков бесцельное стремление.

Да, это сам Ту-Тзонг! Да, это мандарин!
Увидев лишь его, толпа всегда смолкала,

Его рабы над ним проносят опахало,
Он шествует, а вслед грохочет тамбурин.

По дереву резьба жилище украшала;
На тонком полотне затейливый узор;
В буфетах у него сверкающий фарфор,
Стол скатертью покрыт из ткани тонкой, алой.

Попросит рис бедняк, ему отказа нет;
Течёт рекой ячмень для тех, кто ниже рангом;
Вино к его столу привозят из Кианга,
Из ласточкиных гнёзд готовится обед.

Вот джонка на реке, гонимая волнами,
На ней куда-то вдаль его влечёт поток.
Потом в своём саду, взирая на восток,
Беседует в кругу друзей под фонарями.

Андре ТЕРЬЕ (1833 – 1907)

Ферма

Зимою, в холодном тумане,
Среди опустевших долин,
Как остров, один в океане,
Домишко затерян один.

Дым синий над крышей пологой
Заметит порой пешеход,
Когда он привычной дорогой
Из леса неспешно идёт;

В окне отблеск красный камина
Увидит пастух иногда,
Полночной и мрачной равниной
Свои провожая стада.

Дождливой укрыт пеленою,
Он дремлет, забытый в ночи;
Лишь в марте разбудят, весною,
Его золотые лучи.

Появятся ласточки в небе,
Вернувшись цветущей весной,
И пахарь, заботясь о хлебе,
За плугом идёт бороздой.

Апрель наступает дождливый,
Зерно прорастает, потом
Окрестные доли и нивы
Цветным покрывает ковром.

Поднявшийся колос клонится
Уже зеленеющей ржи,
Краснеющий клевер, пшеница
В полях золотая дрожит.

И солнце, палящее светит.
Когда догорает закат,
Доносит взволнованный ветер
Созревших хлебов аромат.

Наступит пора сенокоса,
Работы ведутся в полях;
Скрипят на дороге колёса,
Дрожит под ногами земля.

И ферма, как улей гудящий
Под солнцем полуденным, тут
И люди и звери обрящут
В зелёной долине приют.

Жюль СЮПЕРВЬЕЛЬ (1884 – 1960)

Портрет

Она исчезла вдруг, как аромат осенний.
Напрасно я желал опять её найти,
Разбило сердце мне её исчезновенье,
Мне больше никого не встретить на пути.

Я вспоминал любви короткие мгновенья,
Осталось только мне лобзать её портрет.
На нём размыт слезой знакомый силуэт,
Поблёк её портрет, исчезло сновиденье.

Отчаянье моё неизмеримо было,
 Когда увидел я лазурь в её глазах,
 Улыбка на губах таинственно застыла,
 На ласковых её бледнеющих губах.

Чистейший образ вдруг возник перед глазами.
 Я страстно целовал тот пожелтевший лист;
 В лобзании одном тогда уста слились
 И сердце обожгло неведомое пламя.

Воспоминание

В тишине вечеров мы встречались весною
 И остался в душе навсегда с этих пор
 Свод лазурных небес высоко надо мною,
 Будто крылья свои в нём орёл распростёр.

Осторожно ветра шелестели листвою,
 Исторгали цветы неземной аромат,
 В тёплом воздухе он проплывал над землею,
 То волной набегал, то стремился назад.

Тусклым светом лицо освещала лампада,
 Я увидел её голубые глаза.
 Но застила слеза ясность чистого взгляда,
 Душу ранила мне, пробегая слеза.

С предвечерних небес льётся ласковый свет,
 Расточают цветы аромат несказанный,
 В это время мои открываются раны,
 Ведь на сердце слеза свой оставила след.

Жан ΜΟΡΕΑС

Сказка о любви (VII)

Зимою ветер завывает.
 В моём саду метёт пурга.
 В душе, я знаю, дорогая,
 Лежат снега, лежат снега.

Светило солнце надо мною.
 Ещё вчера был летний день.

Река струилась под ольхою
Вблизи цветущих деревень.

Ещё вчера бутон лилейный
Ронял волшебный аромат —
А завтра: мальвы цвет осенний
И тисы скорбно зашумят.

Качнутся траурные кроны;
Былого счастья больше нет;
А завтра отзвук похоронный
И на челе страданий след.

А завтра горе и проклятья,
Желаний прежних сладкий яд.
Рассвет и нет твоих объятий,
Лобзаний нет твоих, закат.

Шарль ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

Моё богатство

Я богат листвою зелёной,
Серебристою росой,
Тихой ночью, освещённой
Поднебесною звездой.

Я богат — ручей струится
Под сиренью; шелест трав,
Шум шагов, взметнётся птица,
Песню дивную прервав.

Но, ни листьев трепетанье,
Ни прозрачная роса,
Ни дрожащее сиянье
На полночных небесах;

Нет ни отдых безмятежный
И ни птичьи голоса,
Мне милей Ваш голос нежный,
Ваши чудные глаза.

Леон ДЬЕРКС

Сезон туманов

Цветы кругом и соловей поёт,
Твой голос странный, множась повтореньем,
Плывёт как сон в пустом лесу осеннем,
Предчувствие моё меня гнетёт.

Когда к земле клонится колос спелый,
Твоя улыбка мне едва видна,
Кровь леденит тумана пелена,
Пронзает холод душу мне и тело.

Когда листвою стекает кровь лесов,
В руке моей твой запах остаётся,
Весна сияет и звезда смеётся,
Я погружусь в печаль забытых снов.

Ты – мир иной, нам смертным неизвестный,
Быть может, в нём мне тоже место есть?
Туда стремлюсь и безразличен здесь,
Умру в одном, смогу ль в другом воскреснуть?

Когда смотрю в безоблачную синь
Я глаз твоих, снегА мне ждать и стужу
И в них мою я потеряю душу,
В твоих глазах, в безбрежности пустынь.

Франсис КАРКО

Дождь. Я люблю тебя. И в доме
Давай останемся вдвоём:
Нам никого не надо, кроме
Нас, скучным и осенним днём.

Дождь. Бесконечное движение:
Такси, автобусов поток.
Гудок даёт буксир на Сене...
Но нам не слышен тот гудок.

Прекрасно: дождь идёт, И слышу
Шум звучных капель только я.

Стучит в окно, стучит по крыше...
Улыбка так нежна твоя.

Люблю. Дождь плачет. На прощанье
Ты улыбнёшься уходя.
В твоих глазах, чуть-чуть печальных
Как слёзы капельки дождя.

Юрий МАРТЕМЬЯНОВ

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО

Роберт ФРОСТ

Зимний рай

Ольховый зимний сад стоит в болоте,
Не тает снег, деревья как в дремоте,
Резвятся солнечные зайцы осторожно,
И близок рай, насколько это можно.

Жизнь поднялась на плоскость снега, выше
Земли, что прячется под ним, и ближе
Немного к небу, что над головами,
Вся красная от ягод под снегами.

Весь, нежась, зимний тощий зверь проснулся,
На молодой коре прилёг и растянулся
Средь диких юных яблонь. Ах, природа,
Что лучше, чем такое время года?

Рай близок. Не спешащие влюбиться,
Стекаются, как давние друзья, все птицы,
Довольные пока рассматриваньем почек,
Уж зная, что пойдёт в цветок или листочек.

Пернатого двойной стук молотка
Окончил день, едва начатый, в два.
Каким коротким кажется зимой час,
Чтобы проснуться и подняться тотчас.

Евгений КАПУСТИН
ПЕРЕВОДЫ С СЕРБСКОГО
Елена МИЛУТИНОВИЧ

Школьница, родилась в Приштине

Мой родной край – Косово*

Перевод с сербского – журнал «Косовски Божур»
Вольное поэтическое переложение – Евгений Капустин

Прошу тебя, мой лучший друг,
Когда поедешь в дальний путь,
Ты посети мою страну,
Прекрасный милый тёплый край!

Дарю тебе мои глаза,
Чтоб мог ты ясно разглядеть
Все горы, реки и леса,
Озёра, нивы и луга.

А если вдруг там до сих пор
Звучит забытый детский смех,
Тогда среди других ребят
Подружку, девочку найди!

Вглядись в глубины чёрных глаз,
Найди там отблески огня,
Который жёг мой дивный край!
Ты передай ей мой привет,

И расскажи, как тяжело
В чужой безрадостной стране...
Ещё, мой друг, спроси её,
Смогу ли я вернуться вновь?

Когда приедешь – подойди,
И тихо-тихо мне шепни,
Чтоб не услышал мой отец,
Чтоб не узнала моя мать,

* в оригинале – «Мой лучший друг»

Что в моём сердце до сих пор
 Ночует горькая тоска,
 И в моей памяти всегда
 Живёт родной цветущий край!

Иоаким ВИШНИЧ

Небесный суд*

Вольный перевод с сербского – Евгений Капустин

Не капает мёд из небесного сада...
 Идут наглецы за Америкой следом;
 Идут, оставляя след чёрного пепла,
 Надменные звери... Разорваны души

У них, неизменно не видящих Неба,
 Которое плачет над миром невинным.
 И Бог сострадает, и любит, и помнит
 Рассветы былые и гром Воскресенья.

Кровавые праздники Запад готовит –
 Наполнены кровью долины и реки.
 Но Небо ответит сигналом набата,

Проснётся Земля и стряхнёт с себя злобу
 Перед Божьим судом, перед Матерью-Русью!

Мария МОЙСИЧ

12 лет, Ораховац

Косово

Перевод с сербского – «Косовски Божур»
 Поэтическое переложение – Евгений Капустин

Полночь в моём сердце,
 Тёмная, без края;
 Душу укрывает,
 Мучает, терзает.

* Стихотворение написано сербским поэтом в марте 2014 г., в связи с политической ситуацией на Украине.

Верю и не верю –
Только веры мало!
Косово – чужое,
Прежнего не стало.

Лишь осталось небо.
Шум дождя всё тише.
Крикну: «Где вы, сербы?!»
Голоса не слышно...

Я одна останусь,
Птицей одинокой...
Нам столбы с колючкой
Дарит враг жестокий.

Сербских душ всё меньше.
Слёзы на ресницах.
Только нам всё чаще
Светлый всадник снится!

Это к нам стремится
Королевич Марко*,
Свет его победы
Воссияет ярко!

Анджелко ЗАБЛАЧАНСКИ

Желаю тебя**

Перевод с сербского – Диана Медведева
Поэтическое переложение – Евгений Капустин

Желаю бесстыдно слепыми глазами,
Руками далёкой изломанной боли,
Волненьем неясной тоски и слезами,
Спокойствием сумерек сладкой неволи.

* Сербский эпос рассказывает: Марко-Королевич спит до сего дня в тайной пещере. Его меч спрятан под большим камнем, но понемногу выдвигается из скалы. Конь, стоя перед господином, жуёт пшеницу из большой торбы. Когда весь меч выйдет наружу и конь сжуёт всю пшеницу, проснётся Марко-Королевич и пойдёт на защиту своего народа.

** в оригинале – «Верь мне»

Желаю безмолвием грешных мечтаний,
 Молчаньем расцветших в груди сновидений,
 Росой на бутонах в саду ожиданий,
 Бесследной дорогой моих восхищений.

Хоть ты для меня дальше края Вселенной,
 Желаю губами, что стынут, немея,
 Желаю тебя, в неизвестности пленный:
 Ты – женщина, или предивная фея?

Йован КУКИЧ

Господь Иисус Христос **(акростих*)**

Перевод с сербского – Диана Медведева
 Поэтическое переложение – Евгений Капустин

Г_осподи! Жизнь моя – это любовь!
 О_строй молитвою пламя горит.
 С_пасом Тебя сознаю вновь и вновь,
 П_ред Твоим зовом я вечно открыт.
 О_бетованного знания нить
 Д_олг мой – всегда в своём сердце хранит
 Б.

И_стинно, истинно Ты среди нас!
 И_если беды сумеют украсть
 С_частье мирское, то мы вдруг найдём
 У_Твоей сени надежду в другом!
 С_радостью мы восклицаем: наш Спас!

Х_валится только Тобой человек!
 Р_адость благая – в Тебе лишь Одном,
 И_Твоя Слава пребудет вовек!
 С_ердце питаешь Бессмертным Вином.
 Т_ихая пристань мятежной души,
 О_тче! Любовь Своей Волей верши!
 С_вет в этой жизни и в Мире Ином...

* в сербском оригинале акростиха «ГОСПОД ИСУС ХРИСТОС» нет мягкого знака, и в средней строфе четыре строки вместо пяти

Милутин ПОПОВИЧ-ЗАХАР

Видован*

Перевод с сербского – Евгений Капустин

Видовдан!

Годы под небом – словно мгновения,

В небе я вижу нам исцеление.

Вечно со мною след того века грозного;

Нет, не сумеют вырвать из сердца Косово!

Видовдан!

Пламенем вечным в памяти издавна

Косовской битвы верная истина.

Вечно со мною след того века грозного;

Нет, не сумеют вырвать из сердца Косово!

Видовдан!

Господи Боже, даруй прощенье нам,

Даруй отвагу верным твоим сынам.

Вечно со мною след того века грозного;

Нет, не сумеют вырвать из сердца Косово!

Видовдан!

Елена ШИПИНА

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО

Альфред ТЕННИСОН (1809–1892)

Прощание (A Farewell)

Неси, ручей, волну в моря

Легко и быстротечно;

В пути не встретишь ты меня,

Прощай навек, навечно!

Струись рекой в луга, поля,

Сбегая бесконечно;

Нигде не встретишь ты меня,

Прощай навек, навечно!

* Самый известный исполнитель этой песни – Гордана Лазеревич

Пусть тут лопочут тополя,
Пусть тут цветы беспечно
Зовут гудящего шмеля,
Прощай навек, навечно!

И сотни солнц узрит струя,
И лун, светящих млечно;
Но не увидишь ты меня,
Прощай навек, навечно!

Эдвард ЛИР (1812–1888)

Из «Книги чепухи»

Глаза у красавицы Мэри
Уникальны в своём размере;
Стоит их распахнуть,
Чтоб людей отпугнуть –
Все прочь от красавицы Мэри.

Один человек из Бомбея
На глазах становился грубее.
Его – тюк! – молоточком
По лбу и височкам:
Тихоней стал сэр из Бомбея.

Один старикашка в Темз-Диттоне,
Взывал: «Что-нибудь принесите мне,
Ах, на чём бы я мог
Посидеть!» Кто ж помог
На шляпу сесть сэру в Темз-Диттоне?

СПБГЭТУ «ЛЭТИ»

8 МАРТА

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

С праздником
8 марта!

Евгений КАПУСТИН**Женщина**

Ты – солнце и пламя, ты – холод и снег,
Ты истина в платье лукавом.
Прекрасная дама, когда был тот век;
Валькирия в веке кровавом.

Ты мать партизана, героя жена.
В любви и в бою несравненна!
Жива и бессмертна, в толпе и одна,
Единственная во Вселенной!

Ты – вечная память, ты – радости миг,
Ты словно свеча пред иконой,
И луч неземной озаряет твой лик, –
В нём отблески выси бездонной.

Ты в храме в молитве, и храм – ты сама,
И ангел склоняет колени...
Ты сходишь с ума, и ты сводишь с ума,
И я – твой восторженный пленник!

В глазах отражается пламя свечи.
Со мной говори, если хочешь – молчи...
Твой взгляд меня греет сильнее огня,
Ты с первого дня покорила меня!

Хочешь быть солнцем? Ты им уже стала!
В море холодного блеска металла,
В сумраке душных бетонных квартир
Ты осветила улыбкой весь мир!

А ты сегодня мне приснилась:
Глаза в глаза, рука в руке...
Проснулся я, мечта разбилась,
Растаял голос вдалеке...

Устоять перед взглядом чарующих глаз,
Воспротивиться – не удаётся!
Если кто пред собою их видел хоть раз,
Тот навеки в плену остаётся!

Передо мной опять возник
Тот ясный взгляд, тот светлый лик, –
Да, это ты передо мной,
Всё тот же ангел неземной!

Ничего мне не надо,
Кроме тёплого взгляда
Той, которая в сердце
Приоткрыла бы дверцы!

Когда кругом другие лица,
Твоё лицо забыть нельзя –
И эти длинные ресницы,
И эти светлые глаза...

И солнце становится ярче,
Взирая на мир с высоты,
И в сердце немножечко жарче,
Когда улыбаешься ты!

Жемчужная улыбка,
Прелестные глаза –
Слились как будто зыбко
Лазурь и бирюза,
И локоны ложатся
Причудливой волной...
Мне не налюбоваться,
Ты – ангел неземной!

Сосновый лес – рукой подать,
 Вокруг такая благодать!
 И хвойный запах в тишине
 Тебе напомнит обо мне...

Твой взгляд – чудесный символ
 Душевной чистоты!
 Божественно красиво
 Сбываются мечты...

Бродя по белу свету
 И не щадя себя,
 Я осознал, что нету
 Прекраснее тебя!

Венера-Афродита,
 Богиня красоты,
 Отныне позабыта!
 Моя богиня – ты!

Загораются огни,
 Город прячется в ночи...
 Мы с тобой сейчас одни –
 Так давай же помолчим,
 Насладимся тишиной,
 Той, что словно для двоих...
 Отделяет, как стеной,
 Ночь меня от глаз твоих.
 Из-за облака луна
 Показалась, не спеша, –
 Только нам уже она
 Не сумеет помешать!

Своди меня с ума, –
 Тебе это не трудно!

Своди меня с ума,
Ведь это просто чудно!

Своди меня с ума
Всего лишь за мгновенье!
Своди меня с ума
В одно прикосновенье!

Своди меня с ума,
Взорви мои границы!
Своди меня с ума –
Попробуй мне присниться!

Своди меня с ума, –
Ты можешь, это ясно!
Своди меня с ума,
Ведь это так прекрасно!

Своди меня с ума –
И голосом, и взглядом!
Своди меня с ума –
И издали, и рядом!

Своди меня с ума
Одной лишь силой слова!
Своди меня с ума
Ещё раз, снова, снова!

Мы бесконечно далеки,
Как звёзд небесных огоньки,
Но свет твой ярок и вдали, –
Моё ты сердце опали!

Потом ты станешь мне близка,
Как будто пуля у виска,
Непостижимо-далека,
Но мы сойдёмся сквозь века!

Всегда прекрасная вблизи,
Ты наповал меня срази,
Чтоб стали мы с тобой близки,
Как алой розы лепестки!

Ты – та, которой нет!
Ты – мой последний шанс
В тяжёлых ритмах лет
Успеть допеть романс.

Ты – та, которой нет!
Ты плоть моей мечты!
У счастья есть портрет;
Я знаю – это ты!

Не драгоценные подарки,
Не надоевшие цветы,
Не острова под солнцем жарким
Среди роскошной суеты,
Не всемогущие монеты...
Нет, жизнь подобная пуста,
Тебя и не достойно это –
Ты так возвышенно чиста!
Всё то, что я пообещаю,
Не даст тебе никто другой:
Я целый мир в себе вмещаю,
И этим поделюсь с тобой!

Негромко запел в тишине соловей, –
Напомнил он мне голос твой;
А рядом, в сплетении буйных ветвей –
Твой образ, укрытый листвою.

Тебя нарисует закат золотой
В покое уснувшего дня...
И я об одном умоляю: стой!
Ты тоже узнаешь меня!

От туфель до рыжих волос
Ты вся — как мечта невозможная!
Отчаянье — серый колосс —
Встаёт предо мной безнадежное...

Окрасит заря окоём, —
Ко мне ты приходишь бессонницей;
И ангел, и демон, вдвоём
За мною сквозь сумерки гонятся...

Отчаянья серый колосс
Встаёт, словно боль безнадежная.
От туфель до рыжих волос
Ты вся — как мечта невозможная!

Закат сменяется восходом,
Холодным мраком — летний зной;
И неизбежно год за годом
Вся жизнь становится иной.

Цветы, увы, недолговечны,
Вмиг забываются слова,
Людские годы скоротечны...
Но красота всегда жива!

Хоть всё меняется мгновенно,
Нет для прекрасного границ!
Одно на свете неизменно —
Тот ясный взгляд из-под ресниц!

Александр ПАК

*Почётный член ЛИТО ЛЭТИ. Руководитель студии «Заповедник».
Член Союза писателей Ленобласти и СПб*

Восьмое марта

Великий день Восьмого марта
Столы и стулья славят парты,
А потолок и пол степенно
Шлют поздравленья классным стенам.

И хочешь верь, хочешь не верь,
Замок и ключ поют про дверь,
А шкаф читает с чувством, с толком
Стихи своим милашкам полкам.

Висящие кругом портреты
Слагают томные сонеты
Своим едва заметным рамам,
Как самым близким сердцу дамам.

Приемлет россыпь вдохновенья
От мела классная доска,
Ей это лестно без сомнения.
Их близость с мелом глубока.

Дневник, учебник и журнал
Лепечут нежности тетрадкам,
И промокашкам, и закладкам,
И приглашают всех на бал.

Карандаши целуют ручки
Своим подружкам авторучкам
И произносят, без запинки,
Слова приятные резинке.

А в воздухе висит, как в сказке,
Волшебной палочкой указка.
Во власти чар её урок.
Он шепчет: «Я у ваших ног...»

Пузатый глобус поздравляет
Географические карты.
А класс на облаках летает,
Цветах ВУЗ наш засыпает.
И всеми красками играет
Великий день Восьмого марта.

*Надежды маленький оркестрик
Под управлением любви.*

Булат Окуджава

Когда придёт 8 марта.
Ну, а придёт оно вот-вот.
Откроем мы все наши карты
И вам споём, как в прошлый год,
Как в позапрошлый год мы пели,
Как в ПОЗАПОЗАПРОШЛЫЙ год
Для вас мы пели, как умели,
А время двигалось вперёд.
А впереди всё та же сцена,
Всё те же стены, тот же класс.
Среди студентов вы бесценны.
На вас глядят десятки глаз.
И вы всегда неотразимы
И для студентов, и для нас.
Неповторимы и любимы
Вчера, и завтра, и сейчас!

Отрывок из оперы Кармен

«У любви как у птички крылья
И законов всех сильнее она».
Солнечного света изобилие
Всем нам дарит Вечная весна.

О! Наши дамы из УНИВЕРСА!
Не найдёшь таких и днём с огнём.
Вы – наша любовь, и надежда, и вера!
Мы от избытка этих чувств поём.

Припев:

Любовь!

Любовь!

Любовь!

О, да!

Любовь!

Любовь!

Любовь!

Всегда!

Всегда мы будем любоваться
На вас, на милых, вечно молодых.
Дано нам вами восхищаться
И мы видеть не хотим других.

Мы вам споём ещё немножко.
И в песне прозвучит секрет.
Вы – наше всё!
Вы – свет в окошке!
Ну а без света жизни нет!

Евгения ТЕРЕНТЬЕВА

Восьмартовское

Неожиданно. Снегом. Засыпало.
Мою некогда светлую голову.
Сквозь череп мгновенно вырастут
Тюльпаны на левую сторону.
Будут дам, стоящих у плит, затягивать
В сеть.
Сдирая с них фартук.
Будут песни отборным матом петь
В честь Восьмого марта.

Вот меня весна не ударила,
Как обычно,
Между лопаток.

А от этого непривычно.
(К черту всё)
Рудимент.
Я
Зимы остаток.

На лбу.
Изнутри.
На отрыве календаря.
Приварилось. Приклеилось.
Тридцать первое февраля.

Максим ШВЕЦ

Весна такая ранняя,
мужчины в сердце ранены —
не пулей, не стрелою,
не финкой, не копьем...

И мы хотим любимых,
от нас не делимых,
и всех на свете женщин
поздравить с женским днём!

Мы дарим вам подснежники
прекрасные и нежные,
и хрупкие, и юные,
похожие на вас!

Небесные создания,
вы нам сердца пронзаете!
Мы каждый день вас любим
всегда, как в первый раз!

Весна. Туман и облака.
Прозрачный полусвет.
И радость с грустью так легка,
и на столе — букет.

В букете смешаны цветы,
и мысли – в голове.
Все чувства сердцу не вместить,
как всей воды – Неве.

И вырывается любовь,
как волны – через край,
и заливают мир собой, –
светла, чиста, добра.

И, омывая этот день,
уносит пыль и грязь,
и в ней, купаясь, как в воде,
плывёшь не торопясь.

Всех женщин хочешь одарить
её живой водой,
хоть сам уже почти старик,
душой – как молодой.

Подруги, милые мои,
вас помню, не забыл,
и от жены не утаил
особенной любви.

О, девушки! Вы так милы,
что видеть вас – нет выше счастья,
и подчиняться вашей власти,
и о прощении молить!

Не забывайте быть собой,
не оставляйте душу пресной!
Пусть будет каждый день – как песня!
И правит жизнью лишь любовь!

Так будьте юными всегда –
чисты и сердцем и душою.
Чтоб ваши тайны разгадать –
никто не смог бы!
Ну, ещё бы!

К. Л. Т.

Работа Александра МАСЛЕННИКОВА

Николай ПАВЛОВ

Клуб литературного творчества

Клуб Литературного Творчества – КЛТ – (город-герой Ленинград), лауреат фестиваля «Кронштадтская осень – 2014» был создан в 2012 году Николаем Павловым и Марией Леонтьевой при содействии и поддержке Т.А. Пречестной, в память о которой Клуб гордо несёт предложенное ею имя. Т.А. Пречестная погибла, едва начав наше общее дело. Помним и скорбим.

КЛТ наследует «Содружеству поэзии и музыки» (город Череповец) по своим принципам и содержанию.

Клуб Литературного Творчества призван объединять творческих людей разных направлений при условии соблюдения в творчестве принципов светлых начал литературы; в сообществе – принципов человечности. КЛТ выступает против мэтризма, «звёздной болезни» и неуважения к товарищу. В Клубе создаётся дружеская, семейная, творческая атмосфера, при которой каждый участник имеет равную возможность высказаться и быть услышанным. Клуб носит светский характер. Клуб призван сохранить и пронести через время творческое наследие участников клуба и наиболее выдающиеся творения мировой культуры. Этому способствуют рубрики: «Уникальная музыкальная композиция», «Книга – лучший друг». КЛТ считает, что в творчестве не нужно разделять поэзию и музыку.

Руководить Клубом наряду с другими его лидерами активно помогают Натали Кузнецова и Анна Неркина.

Благодарим за неиссякаемую и искреннюю поддержку наших кураторов от библиотеки им. М.В. Ломоносова – Ольгу Баеву и Веру Панову.

Сердечно благодарим Алексея Королёва за предоставленную возможность в публикации.

От сердца к сердцу передаётся творческая искра!

Екатерина АКИМОВА

Студентка СПбГУ, геолог.

Тайны

В доме, когда-то спалённом пожаром,
В доме, который, покинув, забыли,
Тайна, покрытая мраком, лежала,
Рядом с ней – тайна, покрытая пылью.

Тайна, покрытая плесенью, тоже
Медленно выползла к ним из подвала.
Ну а ещё вместе с ними, возможно,
Тайна, покрытая мхом, прозябала.

Тайны мечтали: о всём неприятном,
О сокровенном – на всю бы округу!
Только их кто-то так здорово спрятал,
Что оглушали они лишь друг друга.

Мирная жизнь

Жизнь мирная заглянула
Не стесняясь, во все ворота,
Но её там встречали дулом,
Обстреляли из пулемёта.

Та ушла, зажимая раны,
Вслед ей долго стреляли в воздух.
Может быть, появилась рано,
Ну, а может быть, слишком поздно.

Только здесь она разглядела
Кровь – не воду в ручьях и лужах.
И, опомнившись под прицелом,
Ощутила себя ненужной.

Уходила она, слабея,
Неуверенно, еле-еле.
Но никто не пошёл за нею.
Только пули ей вслед свистели...

Максим ВАЛЮХ

Ленинградец, 2 курса Московского Литинститута

Кактус любил своего старика

Кактус любил своего старика
И расцветал аккурат
К дню рождения.
Пусть это было

Всего лишь растение...
 Прыгал дедулечка
 До потолка.
 С кошкой под мышкой
 Бежал в магазин
 И покупал
 Для любимца подкормку.
 Внучка дарила
 Из школы пятёрки,
 Но не звонил
 Из Германии сын.
 «Может быть, занят?
 Не стоит грустить...» –
 Клала лимон на весы
 Продавщица –
 «Вот прилетит,
 Заберёт подлечиться.
 Лучше друг друга
 Понять и простить...»
 Вечером с лейкой
 Старик у горшка
 Кактусу пел
 Буйной юности песни.
 Злючки колючки,
 Цветочки чудесны...
 Кактус любил своего старика.

Декабрь – месяц недоразумений,
 Ажиотажных спросов, объявлений –
 «Снимается коттедж на шесть персон»,
 Усталость, куцый день и крепкий сон.
 В Москве декабрь месяц снежной каши,
 Туристы – очумевшие евражки –
 Съезжаются к концу её месить
 И ночью на брусчатке потусить.
 И в виртуальном будут чьём-то сейфе
 Храниться нескончаемые селфи

На фоне Церетелевских коней,
 Но декабрю московскому видней...
 Мне в декабре охота на Гавайи,
 Но проведу опять его, я знаю
 И праздников безбашенных каскад,
 На монитор натягивая взгляд.
 Привыкну к дням предпраздничных курьёзов,
 Мельканию гирлянд, дедов морозов,
 И к перегара стойкому душку...
 И даже к Санта Клауса брюшку,
 Что вытеснило миленьких снегурок
 С витрин Москвы и Питера, но сумрак
 От перевода стрелок нипочём,
 Когда откроешь дома дверь плечом,
 Поставишь со вкуснятиной пакеты
 И веселее ждать весны и лета...

Екатерина ВАСИЛЬЕВА

(11 лет) – ученица 5а класса средней школы № 217, победитель всероссийских поэтических конкурсов. Имеет публикации в журнале «Невский альманах». Увлекается литературой, изобразительным искусством, изучением английского языка.

В толпе

В своей стыдливой красоте
 Деревья поднимают взоры.
 Стоят в молчанье, как во сне,
 Бросая людям вслед укоры.
 Мы все идём, не замечая
 Того, что Бог послал нам в дар.
 И, не стремясь к воротам рая,
 Страстей вкушаем мы нектар.
 Планета стонет от страданий
 И призывает нас к любви.
 Но нет в нас чувства сострадания.
 И пред судьбой мы все рабы.

Толпой бушующей, огромной
Идём, ликуя и смеясь.
Толпой угрюмой, дикой, злобной,
Цветы втоптав ногами в грязь.

Природа очи опускает,
Как пред погибелью дрожит.
Живую душу разбивает
О душ людей немой гранит.

Посвящение Елагину острову

Волнение в груди не подавить!
Не выразить всех чувств словами,
Но хочется мечтать, любить, творить!
Дышать не прозой, а стихами!

Мечты таинственной невидимая тень
Легла на сердце, словно покрывало.
Елагин остров! Каждый день
Я бы с сестрой здесь Пушкина читала!

Рассвет забрезжил, красотой маня.
Прекрасен мир! Ручей прозрачный льётся...
Надежду сладкую в душе своей храня,
Иду на фестиваль в сиянии солнца!

Эссе «Герои живут рядом.

Смирнов Николай Никифорович»

«Красноармеец Николай Смирнов проявил себя в бою отважным воином. Во время атаки он ринулся вперёд, охваченный горячим стремлением как можно скорее грудь с грудью встретиться с противником. Смирнов действовал как богатырь».

(Из газеты «Фронтная правда» апрель 1943 г.)

Большинство из нас, живя в относительно мирное и спокойное время, не задумывается о грандиозных, неописуемых, а порой и страшных страницах истории. Одной из таких страниц является Великая Отечественная Война. Среди событий того времени выделялись люди, которые значительным образом повлияли на исход тогдашних сражений, их поступки определили тонкую грань между Победой и Поражением. Мы все в неоплатном

долгу перед смелостью и волей этих людей, ведь смелость – это не отсутствие страха, а преодоление трудностей вопреки страху. Одним из таких людей является дедушка моей лучшей подруги Смирнов Николай Никифорович, бывший лейтенант Советской Армии.

Николай Никифорович родился 12 октября 1924 года в деревне Порог Дрегельского района Новгородской области. После семилетки учился в ФЗО, но на шестнадцатом году его жизни началась война. Вряд ли кто-нибудь из нас сейчас представил бы весь ужас того времени, тем не менее, Николай Никифорович участвовал в строительстве оборонительных сооружений, затем был призван в истребительный батальон при Дрегельском отделе, где в течение трёх месяцев нёс службу по охране вагонов с боеприпасами. Сегодня это может показаться мелочью, но в семнадцать лет, без какой-либо подготовки нести военное дежурство, когда в любой момент можно было ожидать удара врага! Это ли не проявление мужества и любви к родной земле?

Огонь, чтоб с земли нас стереть,

Бушует со злобой.

Так просто сейчас умереть –

Ты выжить попробуй!

Как ни были ночи темны,

Мы верили в это –

Должны мы, должны мы, должны

Дожить до рассвета.

В те годы у людей было особое мировоззрение, каждый хотел принять особое участие в обороне Родины, и в начале февраля 1942 года Николай Никифорович добровольно ушёл на фронт.

Сейчас многие говорят о Войне, как о статистической таблице... Но, как страшно, когда на поле боя умирают ваши друзья, товарищи... Да просто люди! Представьте себе картину расколотой траншеей и снарядами земли, закрытого дымом неба, и вдумайтесь, какая нужна выдержка, чтобы выйти на этот театр смерти! Причём сама смерть не раз целовала храброго бойца.

После первого боя Николай Никифорович получил свою первую медаль за то, что вытащил с нейтральной зоны тело убитого командира. Почувствовав момент, когда вражеские траншеи подверглись авиаобстрелу, солдат успел обвязать ногу командира, после чего удалось вытащить его с опасной территории. Но вскоре после своего первого задания Николай Никифорович был ранен и отправлен в госпиталь. Причём его родителям отправили похоронку, в которой было указано, что их сын погиб. Какого знать, что тебя похоронили заживо! Но, недаром в народе говорят, что, тот, кого

посчитали умершим, будет жить долго. Вскоре после выздоровления Николай Никифорович вернулся на линию фронта.

Смирнов Николай Никифорович участвовал в освобождении Великого Новгорода. Он в то время являлся комсоргом полка, что характеризует его и как человека, ответственного за других. Во время подготовки освобождения города, ему пришёл приказ определить пять добровольцев и выдать им красные флажки, с которыми они должны были прыгнуть во вражеские траншеи. Из ста пятидесяти человек в добровольцы вышли все сто пятьдесят, и Николаю Никифоровичу пришлось самому выбрать пять человек. Это ли не свидетельство отваги и чести нашего великого народа! Отважный комсорг вступил в бой вместе со своим батальоном, и ведь мог отсидеться в КП, но сила его души повела его в бой вместе с солдатами. А ведь этот бой чуть не стал последним в его жизни. Он получил пулевое ранение в живот. В беспмятстве Николая Никифоровича отправили в санэвзвод, и он оказался на краю гибели. И опять Смерть, обжигая бесстрашного воина, отпускает его через усилие врачей и стремление самого бойца к жизни.

После лечения Николай Никифорович узнаёт, что его уже дважды «похоронили заживо», так как его партийный билет был ошибочно аннулирован как на убитого. Так его «похоронила» и Коммунистическая партия.

«Я в Любытино даже приезжал, демонстрировал наглядно, что – вот он я, живой. И всё равно меня в список погибших включили. Впрочем, их понять можно – у них на меня похоронка имеется, а это уж документ. Как в известной песне поётся – «был похоронен дважды заживо», – это ведь в точности про меня», – рассказывал об этом случае Николай Никифорович.

Но Смирнов Николай Никифорович и по сей день остаётся почётным воином нашей Великой Родины, неся людям Свет и Доброту. Сейчас он возглавляет Совет Ветеранов Великого Новгорода. В городе этот человек хорошо известен. У Николая Никифоровича огромное количество грамот и медалей за подвиги во имя Родины.

Общаясь с Николаем Никифоровичем, я удивилась его доброте, его особому состоянию души. Несмотря на то, что он прошёл все ужасы войны, в его глазах я не увидела боли. В словах его не было горечи. Я почувствовала в нём великую Любовь, любовь ко всем нам, тем детям, внукам и правнукам, за кого он сражался на выжженных полях войны. Николай Никифорович всегда готов поделиться с молодым поколением своей мудростью, рассказать о суровых военных годах. Благодаря таким людям как Николай Никифорович, мы имеем возможность жить, работать и учиться в новом двадцатом первом веке. И мне хочется сказать Николаю Никифоровичу большое спасибо за то, что он сражался за каждого из нас, за нашу землю.

Когда мы смотрим на храмы и дворцы, любимся красотами парков, давайте ещё раз вспомним тех, кто подарил нам это счастье!

Сейчас я живу в Санкт-Петербурге, но на каникулах с удовольствием приезжаю с подругой и её мамой в Великий Новгород – навестить Николая Никифоровича.

Николай Никифорович – настоящий герой нашей Родины!

Ольга ВАСИЛЬЕВА

(9лет), ученица 3б класса средней школы 217, победитель и лауреат всероссийских поэтических конкурсов. Имеет публикации в журнале «Невский альманах».

Любите природу!

Котёнок и птичка, щенок и сурок
Дадут нам чудесный и добрый урок.
Нам надо кормить их, ответственность знать.
Животные тоже могут нам дать
Заботу и ласку, тепло и любовь,
Если зайцу подаришь капусту, морковь,
Кота приласкаешь, погладишь щенка...
Жизнь братьев меньших, увы, не легка.
Прошу вас природу любить я всегда!
Для этого нам она Богом дана!
Счастье и радость придут к нам навек,
Если будет добр ко всем человек!

Посвящение Елагину острову

В сладкой неге ожиданья
Вижу тайн отраженье,
Чувства робкое мерцанье,
Мыслей лёгкое скольженье.

Я вдыхаю запах сладкий
Сосен, трав, цветов беспечных.
Зашифрованы загадки
В омуты природы вечной.

Ольга ВОРОБЬЁВА

Истинный предел

Зову тебя... Молчание в ответ...
Лишь шум берёз, да трепет ветра
Земля хранит свои секреты
А сердце верит в неба свет...

Зову тебя, но только возглас птицы
На части рвёт, взметнувшись, тишину,
Задев души забытую струну,
Спеша за горизонтом раствориться.

Зову тебя из глубины веков...
Хочу вернуть свой истинный Предел
Освободиться от обломков стрел,
Избавиться от ржавленных оков.

Зову тебя... Но ты меня не слышишь.
Всё бродишь где-то странник мой,
И счастье ищешь где-то не со мной,
Одним дыханьем не со мною дышишь...

Возвращение

К тихому берегу реки у Дома
Утром, посреди тумана густого
В лодке причалит Душа,
Оставив позади всю фальшь
Иллюзорного мира бывшего...
Войдет в тихий дом со ставнями,
С ароматами забытого Детства,
Где поют соловьи в палисаднике,
Где мамины руки пахнут тестом...
Где для тебя... для всего хватит места,
И помнит тепло твоё старое кресло,
А в камине так жарко пылает огонь...

Евгений КАПУСТИН

*Поэт, прозаик, драматург, переводчик. Редактор-составитель
международного сборника современной духовной поэзии «ОТЗВУКИ
НЕБЕС». Куратор международного культурного проекта
«ОТЗВУКИ НЕБЕС».*

Знакомство поэта с девушкой на улице

Девушка! Стойте! Я Вас не обижу!

Девушка! Знаете, я Вас люблю!

Девушка! Милая! Встаньте поближе!

Дайте на Вас я ещё посмотрю!

Девушка! Милая! Вы так прекрасны!

Я бы поэму Вам мог посвятить!

Девушка! Встретились мы не напрасно!

Знайте: теперь мне без Вас не прожить!

Гляньте: нет парня здесь лучше поэта!

Тот, мускулистый? Да он же козёл,

Хам и дурак, я скажу по секрету!

Это Ваш муж? Ой-ой-ой... Я пошёл!

Световыверты. Витражи.

Не рассказывай, не дрожи!

Нам остался последний вдох.

Океан от потерь оглох.

Но не ведают, что творят,

Растворяя под кожей яд;

И остывшая соль земли

Рассыпается на мели,

Где в последние пять минут

Вырастает иной маршрут...

Финансисту и меценату барону А.Л. Штиглицу

Белокрылое лето

Не оставит следа

Там, где камнем одеты
И земля, и вода.

Полукружия арок,
Белокаменный свод –
Для потомков подарок,
Дом, где муза живёт.

Тот, кого не просили,
Помнит голос отца:
«Капиталом России
Станут ваши сердца!»

Так становится немец
Солью русской земли –
Тихо бросивший семя,
Чтоб плоды проросли.

Для чего нужны деньги? –
Только он и познал!
Изумлялись коллеги,
Как растёт капитал;

Перезвон колоколен
Перестуком колёс
Раздаётся на воле,
Как ответ на вопрос.

Полукружия арок,
Белокаменный свод –
Свет от храма неярк,
Но в нём мир оживёт!

Бесконечная тайна
Неземной доброты!
Книгу жизни листая,
В ней находим цветы.

А надёжнее камня –
Только имя творца;
Словно вечное пламя
Греет наши сердца!

Павел КИРИЛЛОВ

Г. Череповец

Мотылёк

Лети, лети же мотылёк,
Полёт твой, нежности дыханье.
В минуты счастья, мироздания,
Твой путь не близок, не далёк.

Лети, на яркий огонёк,
Назло бушующим невздам,
На встречу бурям и ветрам,
Кто ищет, тот найдёт свободу.

Свободу, счастье, путь к мечтам,
Что грезились во снах когда то,
Что к нам являлось наяву,
И что тянуло к огоньку.

Во всём лишь сердце виновато,
Огнём любви поражено,
Кто от любви сторел когда то,
Тому любить не суждено.

Чёрный кот

Однажды ночью чёрный кот,
Залез в соседский огород,
Сосед, гулявший до утра,
Вдруг наступил на хвост кота.

Тут начался такой кошмар,
Кот опрокинул самовар,
Сосед забрался на амбар
И там орал и кот орал.

На этот шум сбежались все,
И стало шумно во дворе,
Лишь чёрный кот хвостом вильнул
И тихо в темноту нырнул.

Юрий КОМБОЛИН

Выпускник ЛГУ

Записка на снегу

В Америке переполох в конторе Google:
Запросов миллионы. Все о Хейса.
Записку натоптал в снегу какой-то друг
На озере Космическом – не смейся.

Короткая, в три слова: «Я тебя люблю!»,
Но буквы трёхаршинные, их видит
Весь многомиллиардный Интернета люд,
В удобных креслах по квартирам сидя.

Всем интересно стало, а кого любить
Возможно там, где снег, мороз и ветер
Весь год. И, чтобы выжить, надобно забыть
Всё мыслимое, всё на этом свете.

Да, материк забыт. Но, чтобы выжить здесь,
Любить ты должен (пусть никто не любит):
Отснятую из космоса, вот эту весть
Шепнут, тобой целованные губы.

Кто эта женщина? И кто письмо писал?
И от вопросов Google-система виснет.
Взмолился Google, и Хейса-острову послал
Запрос: ответьте срочно, или эти письма

Мы, молча, сбросим вам – не мил нам белый свет
От вашей незатейливой записки...
Увы, друзья, на Хейса Интернета нет.
И женщин нет, тепла... И небо низко.

Золотая осень

В средней полосе желтеют листья.
Скоро уже осень. Листья опадут.
А какая золотая осень тут,
Где ветра заходятся от свиста?

С Севера идут они, шалея,
 Тут не в градусах, в десятых только плюс.
 Да и было ли такое? Я боюсь,
 Что не вспомню это. Сатанея

Завывает ветер не на шутку:
 Скорость – за секунду метров двадцать пять.
 Лёд пригнало: бьёт и дыбится... Опять
 Пропустила ты свою маршрутку.

Ветер носит листья. Крутит смерчи,
 Завывает жёлтые у ног твоих.
 Так и бродит, вольный, между нас двоих:
 Ластится к тебе, а мне грозитя смертью.

До весны

– Похоже, лёд в проливах уже до весны,
 И даже нынешний зюйд-вест его не двинул.
 Земля, прогрев коротким летом спину,
 Впадает в спячку, как в анабиоз. И сны
 Смотреть ей долгою полярною зимой
 Под колыбельные, что будут петь два брата –
 Норд-вест с норд-остом. Их программа небогата:
 В пятнадцать баллов – свист, а в двадцать девять – вой.
 Мороз, что силу набирает, в пятьдесят
 И много ниже, наведёт свои порядки:
 Засеет землю снегом и сугробов грядки
 Раскинет вольно по земле. А ветер-сват,
 Пройдясь по водной глади, наломает льда,
 Причудливо торосами её украсит,
 Набьёт в проливы так, что тут не то что «Красин»,
 Но даже «Арктика» не сунется сюда.
 Отрезан будет остров Хейса. Материк,
 С чиновниками вороватыми и прочим,
 И вспомнить-то о людях с Хейса не захочет... –
 Ворчит, укладываясь, океан-старик.

Как акварелью лёгкой брошенная тень

Как акварелью лёгкой, брошенная тень...
Лист жёлтый выгнулся к траве примёрзший.
На ноябре заваривает осень день,
Октябрьского не слаще и не горше.

Ворона осторожно прячет под листву
Кость курицы, что я вчера ей бросил.
Скосила глаз. Примяла жухлую траву.
Запасы на зиму. Хозяйкой осень

Недолго будет. К декабрю её зима
Торопит. С визгами по лужам скользким
Раскатывают дети. И смеётся мать.
...Да, пусть мороз: под снегом зреет озимь. —

Лишь только он сойдёт, проклюнется росток:
Зелёный, крепкий, полный сил, надежды.
Любовь его зовут. Весной пьянящий сок
Сердечный ритм ускорит, как и прежде.

Наталия КУЗНЕЦОВА

Мы с тобою смертельно похожи

Мы с тобою смертельно похожи,
Нас внутри недоверие гложет.
Бьёт наотмашь — удары в висках.
Надеваем фальшивые маски,
Равнодушие очень опасно.
Только чувства зажаты в тисках.
Исключаем мы ложь и фатальность,
Нам присуща другая реальность,
Данность трудно и больно признать...
Верим в искренность, нежность
И верность, мы чуть выше...
Летаем над бездной.
То, что низко, то не для нас.
Избегаем низов, луж и грязи,
Нас обман, лицемерие ранит...
Крылья этим боимся сломать.

Анна Трохова. «Валдай в мае».
 Анна Трохова. «Пасхальный».

Анна Трохова. «Валдай. Август».
 Анна Трохова. «Весна на Валдае. Яблони»

Анна Троева. «Иван чай»

Анна Трохова. «Апрель. Последний снег»
Анна Трохова. «Март»

Дарья Войновская

Дарья Войновская

Ищем прошлое в брошенных взглядах,
 В них находим лишь толику яда,
 Продолжая упорно искать.
 Наши души остались за гранью,
 Нас реальность коварностью ранит,
 Обретая друг друга, найти.
 Мы с тобою смертельно похожи.
 С виду вроде обычный прохожий,
 Но узнала тебя по глазам.
 По шагам. По дыханию. Коже.
 Мы с тобою смертельно похожи.
 Тем, что просто умеем любить...

Имя моё – Любовь

И имя мое – Любовь...
 Вкус кофе с кусочком корицы.
 Ванилью наполнен мой вдох,
 И нежность лежит на ресницах.
 Небрежно укутаюсь в ветер,
 Промокну под тёплым дождём,
 Струится мой свет сквозь одежды,
 Несёт меня в новый поток...
 Запутаются светлые пряди,
 Мой танец наполнен огнём...
 Любовь моя – есть благодарность
 За счастье, надежду и боль...

Мария ЛЕОНТЬЕВА

*Участница археологических экспедиций в Ленинградской,
 Новгородской и Псковской областях.*

Кружится осень в золотом венке

Кружится осень в золотом венке
 По солнечным аллеям и проспектам,
 Смеясь, оставит листья на песке,
 Без пошлин путешествуя по свету.

Но музыка танцующей природы
 Становится всё тише и сумбурней,
 Ведь музыканты убирают ноты,
 Заслышав приближение зимних будней.

Застынет осень в хрупком хрустале,
 Увянет в кем-то собранных букетах.
 Останется запиской на столе,
 Как прежде оставалось лето.

И всё, что совершалось вместе с ней, –
 Легло на дно в сундук воспоминаний.
 Немного грустно. Ведь осенних дней
 Не попросить остаться вместе с нами.

Лету осени чары

Лету осени чары сейчас по нутру,
 Да и мне, если честно, тоже.
 Я, как пепел костра, никогда не умру,
 Да и ты умереть не сможешь.

Не смотри на пустой горизонт поутру,
 Не вздыхай, не маши руками.
 Мы летим не навстречу теплу и костру,
 Неизвестно, что будет с нами.

И теперь, как в начале тёмен пустырь,
 Лица кружатся – тени бывшего.
 Я смотрю с высоты на покинутый мир,
 И шепчу, что мы встретимся снова.

Александра МАНЦЕВОДА

Улыбаться первой

Я начинаю улыбаться первой!
 Я разбиваю в лужах зеркала!
 Свои сапожки замочив примерно,
 Я радуюсь тому, что я смогла

Забывать о страхе кашля и простуды,
 Забыть, что мне почти что 25!
 Какие ж все давно уже зануды,
 Все те, кто не пошёл со мной гулять!
 Я пью тебя, осенняя безбрежность!
 Нескошенные ливни мне скорей
 Сюда, как неподаренную нежность,
 В тоскующее сердце ты налей!

Печаль-душегубица

Ах, печаль ты моя, душегубица!
 Полюбила дружка – не разлюбится.
 А в глазах у него сказ мне сказывала
 Сиротинушка-боль кареглазая:
 Что в душе у дружка злая трещина,
 Не ходил в Божий дом, лба не крещивал,
 По псалтыри молитовки верные
 Не свершал он часами вечерними.
 На медвяной груди не найти креста,
 Повесть горести – на его устах.
 Мне б ретивое это сердеченко
 Затопить, что остывшую печенку,
 Да от хлама и сора повычистить,
 Черноту из углов всех повymестить,
 Чтоб душа, как светёлка убранная,
 Во объятья свои приняла меня.

Дарья МАТВЕЕВА

Выпускник СыктГУ, филологический факультет.

Я вижу жизнь другой

Я вижу жизнь другой.
 Без грязи и обмана
 без зависти и злости
 без чёрного тумана.
 Я вижу жизнь иной.
 В ней нет войны и смерти

в ней нет игры на деньги
 и в ней не правят черти.
 Я вижу жизнь такой,
 в которой есть улыбки
 в которой есть добро
 прощение за ошибки.
 Я вижу жизнь не той.
 Она не прячет взгляда
 она не держит зла
 ей золота не надо.
 Я вижу жизнь и «Стой!» –
 кричу я, задыхаясь
 кричу, ползу и вновь
 спасти её пытаюсь.

Не забывайте доброту

Пожалуйста, прошу, не надо крови...
 Пожалуйста, прошу, прислушайтесь к себе...
 В плену никчёмных многословий
 Вы жмёте руку ей – войне...
 Войне престолов, беспощадной
 Пустой, бездушной, гробовой...
 Вы верите в прекрасное начало...
 Держа кинжал точёный за спиной...
 Вас манят пальцем – вы бежите...
 Вас водят за нос, вы слепы...
 И бестолково сторожите
 Идеи, что, увы, глупы...
 Очнитесь, вы под дулом власти...
 Quo vadis? – рёвом в пустоту...
 Не подчиняйтесь этой страсти
 Не забывайте доброту...

Заоблачное счастье

По камням, по лужам смело
 через грязь, траву, песок
 ты бежишь так неумело
 Драгоценный наш сынок

Улыбаясь во весь ротик,
спотыкаясь и сопя,
Ты как юркий самолёттик,
не поймает мы тебя...

Дождик, ветер, гром гремучий
Непогода не страшна.
Даже самый лес дремучий
Не растрогает тебя...

Как же время мимолетно,
ты растёшь не по годам,
И теперь ты за штурвалом
И бежишь по облакам...

Так умело, так бесстрашно,
рассекая небеса.
Папа рядом, папа старший
Мама-стюардесса...

Алина МИТРОФАНОВА

СПБГУКИ

От всего, что на свете бывало,
От всего, что ещё с нами будет
Не разрушаться гордые скалы,
Не расплачутся гордые люди.

Когда закончится война,
И канут в бездну времена,
И вновь спокойный небосвод
Откроет новой эре счёт,

То средь развалин и руин
Вдруг запылает наш камин,
В том доме выбитых стекол,
Куда ты сотни жизней шёл.

Работа Ольги Головки

Мы мирно сядем у огня,
К коленям стёртым у меня
Уставшей головой прильнёшь,
Забыв и плен, и боль, и ложь.

Руками голову твою,
Как мать, нежно обовью –
Простится всякая вина,
И воцарится тишина.

Всё то, что шут звенящим бубенцом
Бренчал, нам не покажется открытием:
По воле волн, конечно, легче плыть и
Дело хорошо своим концом,

А мир прекрасен и несправедлив,
Любовь глупа, рассудочность жестока...
Усталый шут идёт в своё Далёко
И всё бренчит назойливый мотив.

Лена МОРЕ

*Учитель йоги, массажист, поэтесса, художница,
путешественница.*

Анничка – нет ничего постоянного

Проходит немного времени,
И наступает чистая ясность,
Что раньше казалось бременем,
Теперь не приносит опасность.

Проходят мимо прохожие,
И в ту же минуту меняются,
Уже никогда не похожие,
Уже никогда не останутся.

Проходят веселья и горести,
Меняются чувство вины
И угрызения совести
На тихий звук тишины.

Проходит немного времени...
 Всё то же, но все иное –
 И это уже проверено –
 Ничего не возьмешь с собою.

Ода вселенной

Мне теперь всё меньше нужны слова,
 И стихи мои о тишине и молчании,
 Я безмолвно смотрю тебе в глаза,
 О, прекрасное вечное мироздание!

От любви я наполнена и легка,
 И во внутренних реках твоё дыхание,
 Одинаково сильно и до конца
 Проявляются радость и сострадание.

Мне теперь всё меньше нужны слова,
 И почти не осталось тоски и отчаяния,
 Благодать твоя на меня снизошла,
 И лишь звон колокольчика в глубине сознания...

Такая гениальность пронзает острой дрожью

Такая гениальность пронзает острой дрожью
 До сути моей волны,
 И то, что не сказано, мне дороже,
 И нет здесь ничьей вины!

Такая смелость шокирует многих,
 Одной предательство и ад,
 Другая, молча, стоит на пороге.
 И этот пронзительный взгляд!

Такая невозмутимость ломает самых
 Чувствительных. Но только не ты.
 Она о нравственности и о правах,
 О том, что серьёзность слабей простоты.

Такая абсурдность убьёт всё святое,
 Казалось бы. Так казалось тогда.

Но для меня всё прошедшее густо пустое,
Я скомкаю в облака года.

Такая правдивость лишь может выжить,
Её не нужно поддержкой кормить,
Не нужно кричать о любви, чтобы услышать,
Как молчаливая ты способна любить!

В моей комнате нет высокого потолка

В моей комнате нет высокого потолка,
А в шкафу ни одного ажурного чулка,
Море над звёздами восходит тихо,
И луна над волнами взлетает лихо.

Чтобы добраться до самого до угла,
Я открываю все окна и двери настежь,
И сжигаю черновики дотла,
Так ничего потом и не скажешь.

В моей комнате нет ни стен, ни затворов,
Ни бесполезных, пустых разговоров,
Только на крыльях танцует крыша,
Улетая в ночи еле слышно.

Чтобы познать себя в сердцевине,
Бывает, нужно сойти с ума,
И тогда где-нибудь посредине,
Отыщется наконец-то моя струна.

Елена НАЛИВАЕВА

*Санкт-Петербург – Кострома. Студентка Санкт-Петербургской
государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова.*

Надреальное

В душистой, крепкой чайной мгле
Не видно дна.
Две чашки чая на столе,
И – я одна.

Тебя здесь нет. Не будет здесь
 Тебя вовек.
 Но – Ты со мной настолько есть,
 Что – чашек две.

Спонтанное

Наверно, увидимся, даже, пожалуй, вскоре.
 Мы слишком застряли в сети интернетных чувств...
 Ты знаешь, я остро, безумно хочу на море.
 Смешных фотографий и солнечных дней хочу.
 Намокших волос, бесшабашных улыбок, тёплых,
 Немного усталых, но трепетных вечеров.
 Прохладного чая, в окошках – витражных стёкол.
 Носы опаляющих, очень морских ветров.

...Стыдась длинноты, худощавые кипарисы
 Макушки таят в одуванчиках облаков...

Мне кто-то давно, в книжном детстве на сердце высек,
 Что море – синоним всех слов, где звучит любовь...

Николай ПАВЛОВ

*Поэт-песенник, композитор, руководитель музыкального проекта и
 ВИА «Любовь рядом», руководитель Клуба Литературного
 Творчества*

Моим друзьям

Почему это бледное небо
 Так нещадно пронзает сердце?
 И когда ж одинокая верба
 Расцветёт по весне наконец-то?
 И душа пребывает в смятенье...
 Но душевный огонь не меркнет!
 По цветам лишь пойдёт цветенье,
 Радость сразу вольётся в сердце!
 Мы друзей вспоминаем верных,
 Дорогим посвящаем волненье!

Пусть цветёт одинокая верба!
Пусть весна в нас разбудит смятение...

Дума

Природа, жизнь, рай на Земле,
Когда войны в помине нет,
Когда цветами по весне
Как светлый, ласковый привет

Покроются поля, луга!
И, светом тем озарены,
Мы ждём с томленьем, как всегда,
Сияний трепетных зари!

Вот красота, какую все
Хотели бы увидеть раз,
Один лишь раз за сотни лет!
Желаю даже я сейчас

Быть поражённым светом тем,
Хочу почувствовать себя
Свободным от своих проблем;
Хочу, чтоб русские поля

Не заменяли дальше лес.
Однако это лишь мечта,
Я в ней вознёсся до небес,
И ей не сбыться никогда...

Но всё равно хотел бы я,
Чтоб русский лес не тронут был,
И чтоб не ширились поля,
Чтоб дикий волк ночами выл

И охранял свои леса,
И человека не пускал;
Чтоб человек не шёл туда
И по животным не стрелял,
Завидев волка иногда.

Но всё же понимаю я:
Останется мечта мечтой...

И снова вырастут поля,
 И человек придёт с бедой,
 Нарушит тишину в лесу
 И снова будет убивать...
 Об этом думать не могу
 И больше не могу писать...

Анна ПОДСАДНИК

Г. Пермь, регент церковного хора.

Наша жизнь – непростая дорога,
 И терпенья запас маловат.
 Что ты ропщешь на жизнь да на Бога?
 Будто Он в ней такой виноват...

Придет время, и ты осознаешь,
 Почему же так тяжело в пути.
 От того ты лишь, плача, страдаешь,
 Что не хочешь за Богом идти.

Учитесь видеть в людях красоту.
 Не в той красе, что в облике прекрасном,
 Такая красота порой, увы, напрасна,
 Учитесь истинную видеть красоту.

Вот что есть для слепого красота?
 И что есть для него уродство?
 Ему одно лишь в людях превосходство –
 Людского сердца честь и доброта.

Уж лучше впрямь тогда слепцами быть,
 Чем доброте нам предпочесть наружность,
 Чем не узреть за обликом бездушность,
 И облик прежде сердца полюбить...

Учитесь видеть в людях красоту.
 Не в красоте возвышенного стана,

А в добром сердце – в сердце без изъяна
Учитесь истинную видеть красоту.

Мы заплачем на рыхлой могиле,
Сожалеть станем горько в душе...
Как ничтожно мы мало любили
Тех, кого мы не встретим уже.

Как же плохо мы помним детали:
Их улыбки, их взгляд, голоса,
Как же редко мы их обнимали,
Как же редко смотрели в глаза...

Как ничтожно мы мало старались
Их от зла и беды уберечь,
Как нелепо мы с ними расстались:
Без возможности писем и встреч.

Мы землёй их постель застелили,
Проводив их в неведанный путь...
Как ничтожно мы мало любили
Тех, кого никогда не вернуть.

Надежда РУДАКОВА

По дороге из Крыма

До дома ровно сутки,
Мелькают в промежутках, –
Дороги и дома,
Таможня, города.
Названий стройный ряд
Теперь уж не звучат.
Но что-то память сохраняет,
Не все она теряет,
Стирая, словно пыль,
Приобретая иные очертанья...
Забывать нельзя морские бризы,

Заката алый круг, прибой и галька,
 Ленивой неги дни –
 Уж больно коротки.
 Без малой толики всего
 Не перечислю я, –
 Пещера и канатный путь,
 Мисхор, «Русалочка»,
 Центр Севастополя, парад
 Морская слава наша.
 Российский флаг. Салют.
 Ура!!! Кричат ребята!

Мой верный друг

Мой верный друг ты ждёшь,
 И впрочем, как всегда.
 Поджавши хвост, твой пост – порог.
 И грусть в глазах,
 И мыслей круговерть.
 «Зачем ушёл? И миска полная зачем?
 А рук тепла всё нет и нет.
 И где же быстрые шаги,
 Что слышу каждый день?
 И мяч любимый мне не мил,
 И кости в стороне.
 И даже корм сухой,
 Я лапой отставляю».
 Собака сердцем изнывает!
 И бродит взад-вперёд,
 Грустит она и ждёт.
 Вдруг, уши наострив,
 Наш Чарли узнаёт,
 Той лёгкой поступи шаги.
 Призывно лает пёс.
 Дверь открывается, и что ж?
 Ах! Что-то вкусное принёс!
 Он рад, безумно рад.
 Гулять, скорей гулять!
 В зубах у Чарли поводок.

Елена ФАДЕЕВА

Г. Череповец

Радость

Радоваться жизни —
Это ли не просто?!
Радоваться небу,
Радоваться звёздам,
Радоваться солнцу,
Радоваться людям,
Каждому мгновенью
Радоваться будем.
Начиная утро
С искренней улыбки,
Поспешి сегодня
Исправлять ошибки.
Улыбнись, прохожий,
Прояви упорство,
Радоваться жизни —
Это ли не просто!

Ты можешь другу обиду простить,
Простить бескорыстно, без мщенья?
Ты сможешь прощенья сам попросить,
Сам. Попросить. Прощенья?

Ты можешь прохожим улыбку дарить,
Открыто и честно играть?
Ты сможешь отдать своей радости нить?
Радости. Нить. Отдать?

Ты можешь кого-нибудь сделать счастливым,
Открыть ему свет во тьме?
И мир станет чище, он станет красивым.
Творите. Добро. На земле.

Мария ЧУПИНА

Актриса, организатор концертных программ

Сила слова

Зашифрованные в строки
Мысли, чувства, откровенья...
В этом мире мы – пророки.
Водопадом вдохновенья

Вдруг стекут слова, как слёзы,
По небесной параллели.
Расцветут в ладонях розы,
И разбудит звон капли

Тайну вечного познания,
И она восстанет снова,
Вспыхнув молнией страдания,
Убедившись в СИЛЕ СЛОВА...

Послание... себе

Ты ищешь света во мраке дорог,
Добро отрицая, веришь в злой рок.
Ты ищешь в бездне потерянный рай
И шепчешь кому-то «Навеки прощай!»
Ты ждёшь обновления, встав на карниз.
Мгновенье шальное – душа летит вниз,
Туда, где её обезвредит земля,
Туда, где на чувствах повиснет петля.
Ты бьёшься, как птица, попавшая в сеть.
Ты жаждешь любви, а любовь – это смерть.

«Цыганское»

Как блещут твои очи ясные!
В них огонь горит, что шальной пожар.
Песни душу рвут – песни страстные,
И луны плывёт серебристый шар.

Как дрожат во тьме слова нежные!
Языки костра лижут руки мне.
Ты прости, господь, мысли грешные,
Что топила я да в хмельном вине!

Как болит моё сердце рваное!
Ты уйдёшь – воткну в него острый нож.
Ночь сошла с небес долгожданная,
И ползёт по телу змеёю дрожь.

Брошу я в огонь платье алое!
Рай иль ад теперь – всё равно, что ждёт.
Эх. Ты, жизнь моя одичалая!
Эх, судьба моя, да с полыньёю мёд!

Как отраднo мне звёзд мерцание!
Скроет нас с тобой чёрной ночи шаль.
Укради меня! Обещания
Мне твои милей, чем степная даль!

Ты целуй меня без раскаянья!
Ты целуй меня, как в последний раз!
На заре придёт миг прощания –
Вспыхнет молнией да мой смертный час!

Татьяна ЩЕРБАКОВА

Студентка РГГМУ

Тише

Тише... Приготовься меня неожиданно вдруг услышать –
Я осенним заплаканным утром приду в твой скучающий дом,
Нежным, ласковым ветром подую, и закружатся листья,
упавшие с крыши,
Ты очнёшься от тягостных дум, увидав листопад за окном.

В охладевших сумерках остывающей мирной ночи,
В этом истинно зимнем, тягучем, громоздком сне,

Я к ногам твоим упаду лёгким снегом, и ты непременно захочешь
Пробежать по тропинкам нехоженным, среди звёзд, к загрустившей Луне.

Я слезами зимы разбуджу тебя, сладкой капелью.
И, расправив плечи, потянувшись лениво, выйдешь ты на крыльцо.
Я раскрашу твой серый мир разноцветной, простой акварелью,
И заманчивый блеск твоих глаз оживит мне такое родное лицо.

Тише... Приготовься меня неожиданно вдруг услышать,
И увидеть моё отражение на глади застывшей речной.
Я напомним тебе о себе летом, чтобы мы снова были ближе,
Я приду к тебе солнечным светом и вечерней лесной тишиной.

Пожалуйста, будь моим ветром,
Ведь мне так не хватает порывов холодных его или тёплых, неважно.
Пожалуйста, будь моим светом,
Ярким солнечным, или будь маяком моим предупреждающим.
Пожалуйста, будь моим компасом,
Не дающим разбиться о скалы и рифы, потерявшись в пространстве.
Пожалуйста, будь моим полюсом,
Который открою я рано ли, поздно ли, мне бы лишь до него добраться.
Пожалуйста, будь моим счастьем,
В великой беде познавшимися и вечным, не проходящим.
Пожалуйста, будь моим временем,
Будь моим днём, будь прошлым, будущим и настоящим.
Пожалуйста! Хотя зачем мне тебя просить...
Если судьба, если наши пути сплетаются в одной точке,
в одном мгновении,
Ты не сможешь не быть.

МАТЕМАТИКИ ШУТЯТ

Работа Дмитрия ЯКОВЕНКО

Артеми́й ВОРОБЬЁВ

*Выпускник Национального Исследовательского университета –
Высшая Школа экономики*

Замечательный предел

О, замечательный предел!
Тебя найти я не сумел.
Я так старался, так хотел.
И всё ж остался не у дел.

Я так хотел найти предел.
Я извивался и кряхтел,

Три дня не мылся и не ел,
Лишь на предел я свой смотрел.

Но я не смог найти предел
И положил на парту мел.
Я тряпку взял. Я стёр предел.
И вновь на место тихо сел.

Анна КАЧАЛОВА

Производных вереницы
Из-под мела, словно птицы,
Вылетают и кружат,
В голову мою спешат.

Не страшны нам интегралы,
Мы ведь учим их немало.

Но статистика порой
Прерывает наш покой.

Математика – царица
С детства учит не лениться.
Без неё дом не стоит,
Юрий в космос не летит!

Елена ЛИТВИНЦЕВА

Программистам посвящается...

Уже сознанием владея,
Ещё не видная нигде,
Таится новая идея
В его косматой бороде.

Вот-вот начнётся камасутра –
Он будет до восьми часов
Терзать систему и наутро
Подарит миру новый софт.

И скрестит пальцы в жарком кресле
Шаман логических начал.
И станет радоваться, если
Программу кто-нибудь скачал.

Они ж, программеры, – поэты!
Буравят сумрак голубой
Их музобайты как кометы
Меж монитором и судьбой.

Екатерина МИРОНОВА

*Студентка Национального Исследовательского Университета –
Высшая Школа Экономики*

Я лучше десять раз пролопитаю,
Чем функцию в ряд Тейлора один раз разложу.
Зачем же здесь вдаваться мне в детали?
И так понятно всем, что я с ума схожу.

Демид РАБЧЕВСКИЙ

Это попытка превратить карандаш в куст сирени,
проще говоря, совершить побег в абстракцию,
ибо, если, сидя ночью за кухонной дверью,
в состоянии до безумия близком к пространству,
и вылить чай, остывший за долгое времяпрепровождение в чашке,
на зеркало, являвшееся паркетом,
на коем происходит бал сотни пылинок,
можно стать соучастником некоторой движущей и, вызывающей мурашки
силы, характеризующейся полной непредсказуемостью,
выражающей поединок
божественного и человеческого начал, незаметных ибо если расстояние
от А до Б станет равным нулю, то есть, некоторое понятие во всех
смыслах будет тождественным,
несмотря на явную противоположность толкования,
то мы не сможем поделить его на мораль, ибо из разности этих двух век
собственно и складывается мораль, и, как следствие, мы
очевиднее всего неспособны как заметить данную силу, так и понять,
что слипшиеся и смытые пылинки равно так же, пылинки как холмы,
являются полосой синеватой акварели на листе, оставленной высыхать...

Алексей СОРБАЛЭ

*Студент Национального Исследовательского университета –
Высшая Школа Экономики*

Ода матрице

Твоею силой можно двигать горы,
Но выбрала ты участь Айседоры.
Своими мощными руками
Ты цифрами повелеваешь, как стадами.
И умноженье, и сложенье-всё твоё!
Анархии печать – теперь уж не моё!
Всем миром арифметики повелеваешь,
Но видно ты ещё не знаешь,
Что и твоей громаде есть управа...
О, как жестока та услада,
С которой вписываю внутрь тебя
Те цифры, что мгновение храня,
Становятся как будто в строки,
На самом деле, исполняют все свои пороки.
Восстань, восстань, о, грозный бог матана!
Развей сомненье всех чертей из ада,
Избавься от оков табличной кассы...
Несись на крыльях света в массы!
Минорами ты славишься веками,
Кровавыми покрыта ты рубцами,
Ты выдержала всё – и притеснение, и боль,
И ненависть, и абсолютный ноль!
Теперь же пусть свершится справедливость
Коль скоро ты прошла сей ад,
Пусть те, кто проявил злобливость,
Пройдут квадратный и линейный райский сад!

СПІВГІТУ «ЛІТІ»

КЛУБ ЗАПОЗДАЛИХ

Робота Марини ЯСЫЧЕНКО

Многие из числа постоянных и высокоталантливых авторов нашего альманаха прислали свои подборки, когда вёрстка уже подходила к концу. По этой причине мы не смогли вставить их произведения в тот алфавитный порядок имён, который у нас принят, однако лучшие из них мы отобрали и объединили произведения наших дорогих коллег в специально созданный для них Клуб запоздалых спутников.

Павел АГАФОНОВ

Учился в Педагогическом институте им. Герцена (Санкт-Петербург). Окончил магистратуру Государственного университета штата Юта (США)

Кубинские открытия

Моя поездка на Кубу оказалась очень плодотворной.

Во-первых, я написал много четверостиший, а во-вторых, исходил Гавану вдоль и поперёк. Когда начинаешь на мир смотреть не через новости СизНЭН или канал путешествий, узнаёшь много полезного. Например, что арабская традиция стихосложения не предполагает рифмы, как и японская. Есть дзен-традиция стихосложения, которая, помимо прочего, является формой медитации и духовного роста.

А вообще все традиции это – не более чем сложившиеся формы предрассудков и привычек общества. Я не против и не за. Хочешь – следуй, не хочешь – ищи своё. Мои «Кубинские открытия» это сиюминутные впечатления и отражения реальности. Они не предполагают глубоких интеллектуально-художественных исканий. Просто кайф от того, что тебя окружает.

Свинья везде грязь найдёт, а поэт вдохновение.

Медитация – безусловно свет.
Как в сказке: «Сезам, откройся!»
В табаке безусловно вред.
Но в перекуре, вроде бы, польза...

Когда уже в рабочем ритме
Неделя кончилась недаром...
Сниму костюм, надену джинсы
И закурю себе сигару.

Что на Кубе меня
поражает...
Начиная
с тридцатых годов
Все дома строились
с гаражами.

Со здравоохранением
на Кубе всё в порядке.
Кто говорит, что плохо –
врёт.
Как объяснить иначе,
Что рядовой кубинец
дольше,
чем средний американец
живёт?

Отель Habana Libre.
 До революции – Хилтон.
 Как он стал
 в шестьдесят первом
 жертвой
 борьбы классовой...
 Так с тех пор его
 и не красили...

Когда вопрос стоит ребром,
 Решит его кубинский ром,
 А коль вопрос пошире,
 Бери себе Дакири.
 Вопрос излишне хитрый
 Решается мохито.
 Ну а вопрос о мире
 Решает Cuba Libre

Человек может войти в море
 и плавать.
 А рыба может выйти
 И получить на славу!

Вроде закон и порядок,
Вроде бы не фавела.
А ведь куда ни посмотришь,
Спонтанные свалки –
Обычное дело.

Силён тропический пейзаж
Своею расслабухой.
Неровен день, неровен час...
Когда лежишь под мухой.

Запах печёного хлеба
Приятно щекочет нос.
Безоблачного вам неба
И жизни без чёрных полос.

Когда в ресторане
Из всего, что в меню,
В наличии только два блюда,
Улыбайтесь!
Это картина в стиле ню.
Или игра угадайка
На Кубе.

В автобусе гид недоспал...
Прошлой ночью
не было света
И не работал кондиционер.
Сочувствую.
Без него ваша песенка спета.

Как хорошо, когда нет дел,
Ты никому не нужен.
Чуть-чуть подвигался – вспотел.
Принял пять раз в день душ...

В магазине коробка сигар –
500 долларов...
Но если поискать,
То с доставкой на дом за 35.

Хорошо, когда мало машин.
Нет. Это просто прекрасно!
Старая Лада – 20 тыс.
Долларов!
Куба – остров контрастов.

5 сотен лет уже Гаване...
Счастье...
Это когда хорошее здоровье
и плохая память.

Иду по авеню Америк...
Покой линейкой не измерить.

Я дышу. Вдох, выдох.
Дышат сутки день, ночь.
Море дышит.
Волны накатываются
и разбиваются в брызги
Прочь.

Пока ты смотришь на небо
И видишь, как солнце заходит,
Куда-то уходит лето,
Куда-то приходит осень.

С едой на острове свободы
Сегодня в общем без апломба.
Но есть геройская папайя,
Она на Кубе – fruta bomba!

По утрам кофе, к ночи – пиво.
Наоборот? Так тоже можно.
На Кубе даже львам лениво.
Лев он ведь кто?..
Большая кошка.

Как мало мне на завтрак надо...
Тарелку
манго и гуябы.

Полуденный жар
Нас гонит домой.
Расплавленный мозг жаждет чуда.
На столике в зале
Образчик покоя –
Афро-кубинский будда.

Есть город мечты моей – Рио,
Бразильское сердце моё.
Мелодия самбы игриво
Домой, будто мама, зовёт.
Там «Девушка с Ипанемы»
Из окон открытых звучит.
Там дух карнавальной богемы
Ночная прогулка таит.
На пляже Копакабаны
Мальчишки ловят волну.
Влюблённые пишут романы
В песочную белизну.
Прохладная кайпирина
Развяжет поэту язык,
Гитара и кавакиньо
Смеются и плачут навзрыд.
Проснёмся ни поздно – ни рано,
Вдыхая солнечный мёд,
Под завтрак с душистым манго,
Который нас уже ждёт.
В пространстве меж небом и морем,
Без завтра и без вчера,
Лишь солнце с луною в споре –
Кому и куда пора.
Моя Любовь, сбежим туда,
Где море пальмы и песок.
Где мальчик выжмет и нальёт
Из фрукта страсти свежий сок.
Там день проходит не спеша,
Там нет вопросов, чтоб решать.
Нога в песок на каждый шаг,
И не надышится душа.
Сбежим туда!

Борис ГАЖЁВ

*Доктор медицинских наук, профессор; окончил 1-ый Ленинградский
медицинский институт им. И.П. Павлова*

Шапочное дело или Собака – друг человека

*Ах, если б не носил я шапку,
Скорей похожую на тряпку, –
Я был бы парень хоть куда,
Я б кавалером был тогда.*

Шандор Петефи

Дай, Джим, на счастье лапу мне...

Сергей Есенин

Дело было в застое, в середине 70-х годов прошлого века в славном городе-герое Ленинграде. Застой – он и есть застой, некое подобие болота. Советская власть была в силе и успешно руководила этим самым застоєм. Однако и в болоте есть своя жизнь, за которую борются болотные козявки, букашки и другая болотная мелкота. И кто-то кого-то хаает или, попросту говоря, жрёт. Вы думаете, что пользы от болота никакой? Ан, нет... Живут в нём чрезвычайно полезные существа – пиявки. Помните их из болота сказочный персонаж добывал. Звали его Дуремар. Почему с сачком ходил и эту пакость вылавливал? А потому, что пиявок для дела не хватало. И был пиявочный дефицит.

Так вот, Дуремар на этом самом дефиците неплохо зарабатывал. А нужны были эти слизняки для ответственных лечебных процедур с красивым названием – гирудотерапия.

Пьют пиявки у людей дурную кровь и тем самым их оздоравливают. Дурной крови у людей много, а пиявок мало. Дефицит... Судя по всему, Дуремар на пиявках неплохо харчился, хотя точных сведений о его заработках нет.

Много чего в застойный период было в дефиците – от женских сапог до туалетной бумаги. И книги хорошие тоже были в дефиците. Вообще-то книг для самой читающей нации было много, даже очень. Потому как писать их было чрезвычайно выгодно. Книги ещё нет, а её автор уже денежку получает – аванс. А по выходе уже не денежку, а деньжищу. При этом не важно продадут один экземпляр или весь тираж – не автора забота.

А неликвиды куда? В макулатуру, то есть на переработку, чтобы новую бумагу произвести и на ней новые книжки напечатать. Неликвидов было много,

ибо читающая нация не всё читала. Хороших же книг было мало – дефицит, а желающих их читать много. Нечитанные книги прямо в макулатуру и попадали, но не за здорово живёшь, а за вознаграждение. За сданную в переработку прозу, а часто и поэзию получал человек ТАЛЮНЧИКИ, количество которых было пропорционально количеству сданной макулатуры. А уж на эти самые талончики можно было купить любимые дефицитные книжки, например, Агаты Кристи, Пикуля, а, если повезёт, Марселя Пруста и даже Лао Ше.

Начал я с того, что было дело, а рассказываю вроде о другом. Ан, нет! Потому как ключевое слово в этом рассказе – ДЕФИЦИТ. И дефицит-то вроде пустяшный – зимние шапки. И не просто шапки, а шапки-ушанки.

Ленинград наш – город северный, холодный, особенно зимой. Прямо скажем – некомфортный город, но... любимый. А чтобы здоровье наше позволяло полноценно любить, нужно его адекватно беречь и всячески поддерживать. Теплом: продовольственным, душевным, телесным. О первых двух составляющих говорить не буду. Это – другая история.

А вот о значимости утепления тела с помощью одежды скажу.

Великий наш полководец и единственный генералиссимус (И.В. Сталин не считается) А.В. Суворов учил так: «Ноги держи в тепле, живот в голоде, а голову в холоде». Мысль спорная, особенно по части головы. Правда, нынешняя молодёжь моды взяла зимой без головных уборов щеголять. Только Суворов здесь не при чём. Мода, она хоть и дурная, мода и есть. А голову беречь надо, поскольку она – «светильник разума». От холода этот самый светильник и угаснуть может. Впрочем, не только от холода, но и от жары. Для этой цели люди придумали большое количество самых разнообразных головных уборов и не только для защиты, но и для форса. Известный всем Евгений Онегин большим франтом был, в том числе и по части украшения головы: «Надев широкий боливар, Онегин едет на бульвар».

Эрудиты слово БОЛИВАР скорее всего слышали, а может даже и знают. Симон Боливар – герой, освободитель латиноамериканских стран от испанских колонизаторов. А головной убор любимый франтом Евгением, по-видимому, в честь этого самого героя и назван. И не исключено, что его ношение помогало Боливару в ратных подвигах как известная шапка-невидимка. По сути же боливар (убор) – цилиндр с широкими полями, вероятно, более роскошный чем цилиндр обычный или складывающийся, называющийся шапокляк и украшавший голову известной мультяшной старушечки.

Однако о главном. В деле, о котором я расскажу, фигурируют зимние головные уборы, притом не все, а шапки-ушанки. Замечу особо, что зимних головных уборов разного вида великое множество. Например, ГОГОЛЬ,

очень любимый вождём застоя Л.И. Брежневым. Очень внимательные люди наверно замечали: на голове у Генсека, стоящего на трибуне ленинского мавзолея, в холодное время красовался именно гоголь – шапка в форме усечённого конуса из каракуля (хотя изготавливали её и из других мехов).

Из далёкого прошлого известна и другая зимняя шапка-ТРЕУХ, которая в отличии от ушанки имеет не две, а три лопасти (стало быть ещё теплее).

Итак, о шапках-ушанках. Хорошая ушанка должна иметь: 1. толстый мех с внешней и внутренней стороны; 2. гибкие откидные «уши», прикрывающие уши и щёки; 3. возможность носить шапку как с завязанными, так и с развязанными ушами.

Шапки-ушанки сами по себе дефицитом не были. Однако найти хорошую (см. условие номер 1) и главное модную из натурального меха не всегда получалось. Модную, имеющую товарный вид, и при этом не очень дорогую. В то же время, чтобы шапка имела для её носителя статусную значимость.

Советская номенклатура предпочитала пыжиковые шапки, для изготовления которых использовались шкурки северного оленя. Дорогие! Дорогими были лисьи и песцовые шапки, а также из меха норки. Простому советскому человеку они были недоступны. Некоторые из относительно простых советских людей могли себе позволить зимние головные уборы из меха нерпы, енота, котика, каракуля. Но далеко не все...

Ленинградцам очень хотелось иметь шапку-ушанку из натурального меха по приемлемой цене. А такую надо было ДОСТАВЛЯТЬ, потому как ДЕФИЦИТ. Для предприимчивых людей дефицит – золотая жила. На её разработке появились и окрепли так называемые цеховики – подпольные предприниматели, работавшие не на государство, а на свой карман. Карман у них был большой и быстро наполнялся, поскольку дефицит наблюдался во всём. Этот бизнес в СССР, конечно, был криминальным. Кстати, один из крупных его представителей Крымов показан в фильме Сергея Соловьёва «Асса». Крымова блистательно сыграл недавно скончавшийся актёр и режиссёр Станислав Говорухин.

Прошу прощения за столь многословную преамбулу и перехожу к обозначенному в заголовке «шапочному делу». Как уже указывалось, дело это делалось (извините за тавтологию) в замечательном городе Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге). Участвовали в деле умеренно молодые, головастые мужики лиговско-маратского разлива (жители улиц Лиговской и Марата, названной так в память о французском революционном деятеле, подло убитом нехорошей женщиной Шарлоттой Корде). Знакомы они были с юных лет, ибо имели общее бродвейское прошлое. Не удивляйтесь, свой Брод-

вей, ласково именуемый завсегдатаями Брод, не только в Нью-Йорке, но и в Ленинграде был, хотя у каждого свой.

Одни прошвыривались (гуляли) от улицы Восстания до Литейного проспекта, другие – от Литейного до Садовой. Помимо общения, полезных знакомств на Бродвее можно было «склеить чувих», которых в собственном дворе не встретишь. Лишь там домашние пай-девочки становились «чувихами», и некоторые из них отрывались по-полной.

Впрочем, ничего негативного в действиях празднующихся по Бродвею не было. Просто молодёжь хотела (извините за банальность) себя показать и на других посмотреть. В конце 40-х – начале 50-х на Бродвее в большой моде были кепки-лондонки. Их особенность заключалась в изогнутости козырька в виде арки или грота и его утопленность под тулью. Лондонками они назывались потому, что были вывезены нашими моряками из Лондона, в котором, по-видимому, использовались в повседневной жизни. У нас же прошвырнуться в лондонке по Броду – высший класс.

Так вот, продолжаю. Собрались как-то друзья в самом любимом, можно даже сказать интимном месте, на кухне старинного петербургского дома. Немножко выпивали, закусывали чем придётся, трепались на разные (даже запретные – свои же люди) темы. Жаловались, что живётся трудно, заработки не покрывают потребности. Работая на одном месте, семью не прокормишь, не говоря уже о приличном прикиде. Разрешений на работу по совместительству в другом месте начальство не даёт. Приходится ловчить, вертеться, прирабатывать тайно кто где. Доход не постоянный, жизнь напряжная, времени на досуг и общение остаётся мало. Надо что-то делать...

Слово взял один из присутствующих – назовём его Ефрем. «Мужики – сказал Ефрем – я вот скоро в Штаты свалю и расскажу вам как деньги на отъезд собирал. С помощью братьев наших меньших – собачек. Шапки из собачьего меха очень неплохие получают, а мех он вокруг нас бегает, тявкает, а иногда даже кусается. Много меха. В магазинах наших ленинградских хорошие шапки-ушанки в большом дефиците. А вот в богом забытом городишке Засланске половина его жителей в этом самом дефиците щеголяет. Потому как тамошние умельцы шапочное производство хорошо освоили. Конечно, Засланск от Ленинграда не близко, но дело того стоит. Приехал – закупил, вернулся – реализовал. В общем, принцип старый: товар – деньги – товар. Доход при этом немалый. Правда риск есть: бизнес полукриминальный. Но, как известно, кто не рискует, тот не пьёт шампанское. Короче – оставляю вам, друзья, в наследство мой бизнес. Осваивайте, дерзайте, не пожалеете. Готов на первых порах помочь, пока я ещё советский труженик».

Дар Ефрема был принят с благодарностью и общим энтузиазмом. Решили братья за дело без промедления. В первый вояж отправились вместе с Ефремом. В дальнейшем действовали уже без него (свалил таки). Вариантов добраться до Засланска и благополучно вернуться в Ленинград было несколько. Были апробированы все.

Наиболее удобным и безопасным для трансфера товара был автомобиль. Однако после первой же поездки от него пришлось отказаться. Из-за дорог. Каковы они в России всем известно. В зимнее время дороги становятся смертельно опасными не только из-за их раздолбанности, но и вследствие гололёда. На одной из них concessionеров заverteло и закружило так, что оказались они вне дороги – в кювете. Хорошо, что встречного транспорта не было, остались живы и даже невредимы. Отряхнулись, пошумели, поругались кто, как умел, и решили в дальнейшем от автомобиля как транспорта отказаться.

Самолёт – транспорт самый быстрый. Товар (шапки) держать при себе было нельзя, приходилось сдавать в багаж. Советские грузчики с багажом не церемонились: пихали, кидали куда и как придётся. При этом целостность шапок, а главное товарных бирок на них могла быть нарушена. Бирки же были необходимым подтверждением фабричных марок.

Оптимальным вариантом добраться до славного города Засланска был поезд.

В целостности и сохранности оставались как торговцы, так и товар. Всё бы хорошо, но поезд шёл очень долго. К тому же требовалась пересадка на автобус.

В Засланске каналы закупок уже работали – Ефрем постарался. Был у засланчан герб города или не был – доподлинно неизвестно. По крайней мере, опытный герольд-мейстер изобразил бы его доминантой шапку-ушанку (или треух). Обязательно на красном фоне с лохматым псом в правом верхнем углу.

Продавцы-изготовители ленинградских гостей уже ждали. После приветственных слов доставали из закровов свой товар. Отоварившись, бывшие бродвейцы бежали в гостиницу, в которой снимали номер (в Засланске заселиться было намного проще чем в крупных городах) и при наличии хорошего «улова» сразу же готовились в обратную дорогу. Местный краеведческий музей они ни разу не посетили, хотя зря. В нём были экспонированы удивительные вещи: кости мамонта, занимавшие две смежных комнаты, осколок засланского метеорита, который нельзя было трогать руками из-за его магических свойств диковинная рыба-кит и чучело лохматой енотовидной собаки, счастливо избежавшее его утилизации. При недостаточном отоваривании наши бизнесмены отправлялись по окрестным деревням, где тоже имелись «шапочные знакомства», весьма полезные для дела.

В деревнях требовалась жесточайшая конспирация, ибо деревенские друг друга знают, и появление чужаков настораживает. Зашли они как-то по наводке к местному леснику, который ранее обещал продать хороший товар. Встретил как родных, напоил отличным самогоном, накормил мясом кабана. Спросил сколько чего надо. «Шапок – говорит – у меня нет, а вот шкур собачьих, притом самых замечательных, много». Ленинградцы обрадовались, а хозяин говорит: «Вы тут отдыхайте, а я щас пойду, настреляю». Взял ружьё и вышел. Вот так-то...

Как сказал когда-то первый (и последний) президент СССР, процесс пошёл...

В результате успешных закупочных операций ошاپкованными стали все родственники наших героев, их друзья и друзья друзей. Однако увеличение объёма закупок требовало расширения рынка реализации. Таким рынком сбыта товара в Ленинграде стал Калининский (по другому Полюстровский). На этом огромном рыночном пространстве можно было купить практически всё. От нынешних рынков он отличался, прежде всего, настоящими рыночными отношениями, свободой ценообразования и отсутствием диктата со стороны нехороших людей. На рынке можно было ТОРГОВАТЬСЯ, находить товар получше и подешевле. Всё это потому, что рынки были государственными.

Помимо традиционного базара, на котором торговали сельхоз. продукцией, на Калининском рынке функционировал мини базарчик. Там покупателям предлагался живой товар – птички (в том числе говорящие попугаи, хорошо освоившие отечественный сленг), мелкие зверюшки, кролики. Короче было всё, кроме слонов и крокодилов.

Украшением этого базарчика были большие аквариумы, в которых плавали всякие экзотические рыбы и рыбки (за исключением акул). Смотреть на эту красоту собиралось много народа. А там, где народ, всегда найдутся покупатели не только рыбок, но и... шапок. Значит, надо было уговорить рыботорговцев участвовать в реализации засланского товара. Они охотно согласились делать это за определённую мзду. Однако всё оказалось совсем не просто.

Каждый продавец-рыбник мог иметь на руках или на голове только одну шапку, чтобы не привлечь внимание людей, надзирающих за рыночной жизнью. К ним относились: местная милиция, дружинники, которых развелось в ту пору видимо-невидимо и агенты в штатском. Последние представляли наибольшую опасность. Если милиционеры и дружинники были на виду, то идентифицировать трудящихся печально известного ведомства удавалось далеко не всегда. Вроде бы обычные покупатели, но зыркают по сторонам глазами, намётанными многолетним опытом предшествующих поколений. Пра-пра... Железного Феликса, всевидящее око.

С ментами разобрались быстро – их элементарно купили за очень небольшие деньги. Ведь с хорошими ребятами можно и по-хорошему. Часть дружинников работала за идею, другая – за отгулы на работе. Последних всегда было немножечко больше. Поэтому проблема их нейтрализации решалась в каждом конкретном случае. Что же касается филёров, то за ними требовался глаз да глаз. Несговорчивый народ и очень опасный...

Несмотря на указанные трудности шапочная торговля шла бойко. Проданный товар сразу же обновлялся, так как находился в автомобиле, припаркованном неподалёку.

Секрет успеха заключался в том, что засланские шапки как правило были красивыми, с длинным мехом и привлекательных расцветок. Их собачье происхождение обычно не афишировалось. Для покупателей они презентовались как изделия из более благородных мехов: волка, лисы, енота, нутрии. Эстетам предлагались ушанки из меха животных совсем диковинных пород: хорнурика (помесь хоря с нутрией) и каракала (степной рыси).

Наши шахер-махеры тоже принимали непосредственное участие в рыночной торговле в меру своих возможностей. Наиболее успешным продавцом был самый высокий из них – дылда ростом под два метра. Поэтому техника безопасности у него была на высоте. Именно с его головы уходили в мир самые красивые и пушистые шапки.

В общем, шапочное дело до поры до времени процветало и приносило хорошие дивиденды, поскольку товар продавался по ценам, превышающим закупочные по меньшей мере в два раза. Ни Рокфеллерами, ни Ротшильдами и даже ни Абрамовичами наши герои не стали. Однако дела свои финансовые существенно поправили. Их бизнес постепенно угасал и закончился тогда, когда стал невыгодным. Зимние шапки-ушанки перестали быть дефицитом.

Постскриптум

Дорогой читатель! История, с которой ты только что познакомился, чистейшая правда, поведанная мне одним из бывших шапочных советских бизнесменов. Мои герои боролись с дефицитом, как могли (не забывая при этом про свои интересы). При изложении фактов я не смог избежать (в силу своей творческой фантазии) неких вольностей. Не смог скрыть моей симпатии к героям в силу их креативности.

Некоторые из читателей могут и возмутиться: как же, ведь в деле участвуют братья наши меньшие. И не хорошо... И не этично... А я скажу так. Собака, конечно, друг человека. Но друзья бывают разные, в том числе злые, коварные, непредсказуемые. В таком варианте чем собаки лучше других животных (волков, лисиц, норок и т.п.), изделия из меха которых мы воспринимаем как должное? И если уж выступать в защиту животных, то всех без исключения. А собачек мы всегда любили, любим и любить будем.

Анатолий ГЕССЕ

СПбГУ, факультет журналистики

В переходе подземном расплакалась скрипка.
Равнодушие.

Мимо спешащий народ.
Милосердие редко.

Печали улыбка
исказила скрипачки молоденькой рот...
Чужеродно, щемяще, мучительно, зыбко –
Моцарт,

будто небесный посланник, плывёт...
Что разбитое сердце? –

Дешевле цифири,
а особенно, если в ней много нулей.
В этом лживом и суетном, денежном мире,
где давно уже вещи дороже людей,
чувства грубы,

а души и совесть, как гири...
Достучаться не в силах до них Амадей...
Кто услышит тебя,
одинокая скрипка?

Петербург – Петроград, город дела и слов,
отставная великой России столица,
город-воин, обитель великих умов,
столько лет прозябанья,
подстрелен как птица...

Где державность твоя? Где природная стать?
Триста лет разве возраст? Ты многих моложе!..
Но, сумевший ни пяди врагу не отдать,
на торгах проиграл толстосумам, похоже.

Пусть не знает «героев разбоя» страна,
но безликая роскошь – под евро, от спеси,
и пестрит иноземный язык в именах,
будто вывески здесь оккупант поразвесил.

Тень бывшего величья. Холодный гранит.
И суровые серо-свинцовые краски...
Петропавловский ангел тебя не хранит –
горожане не верят ни в Бога, ни в сказки...

Будто в скорби, рыдают дождём небеса.
Столп дворцовый, как перст,
указует кому-то...
И беззвучно ушедших плывут голоса,
как молитва за Питер, в надежде на чудо...

Алла КОШМЕЛЮК

Выпускница Иркутского училища культуры (режиссура, театр)

Рябит Обводный. Ртутно-чёрная вода.
И фонарей усталых тусклая слюда,
и тонкий абрис – как с размытого холста,
чернеет церковь Вознесения Христа.

Темнеет купол из литого серебра,
а дождь крошечный льёт с утра, как из ведра.
Размыт желток витиеватых круглых ламп,
в зеркальных лужах – отражение реклам.

Декабрь дождливый – аномальная пора.
Но светел город императора Петра.

В тихом городе лежит
 снег.
Белый-белый, как пустой
 лист.
Замедляет время свой
 бег,
звукоряд сосулек так
 чист!
Царство сосен и берёз –
 рай,
тёмной речки холодна
 нить,
А в сугробах тихо спит
 май,
как же долго до него
 жить!
А над городом твоим
 смог,
в нём вокзальный утонул
 шпиль...
Знаю, милый, если б ты
 мог –
ты б печаль мою из уст
 пил.
Приютилась, прижилась
 боль,
ей привычно у меня.
 Пусть.
Незавидная моя
 роль,
беспричинная моя
 грусть.

София МАРИШИНА

Банальная история

Итак, она села в поезд и сиротливо взглянула на человека, державшего её вещи. Он кинул их в угол, холодно поцеловал её в щёку и ушёл. Она ехала в другой город. К кому? Зачем? Кто ждал её там? Друзья? Враги? Хорошо бы иметь две кнопки «да» – «нет». Но это не её жизнь. Её вариант: «не знаю».

Она открыла книгу и начала читать, пытаясь не думать о чём-то своём, личном. История... Зарубежная история двадцатого века... Любила ли она историю? Зарубежную? Двадцатый век? Да? Нет? Не знаю?

«Возможно «да», – решила она грустно. – Хотя есть варианты».

В этот момент она увидела странное существо. Оно остановилось рядом с её креслом и что-то пробормотало.

«Вероятно, ЭТО будет сидеть рядом со мной», – успела догадаться она и встала, давая возможность пройти к месту, указанному в билете.

Существо кое-как пробралось к окну и очень осторожно, держа себя как хрустальный бокал, село. Напряжённые больные руки говорили о каком-то далеко запрятанном внутри страдании. Съёжившись и будто ещё глубже уходя в свою одежду и очки, существо выставило перед собой дополнительную защиту – какую-то книжонку.

– Ужас! – сказал ей внутренний голос.

– Тебе его жалко? Опять, мать Тереза? – спросил второй внутренний голос.

Да? Нет? Не знаю?

Существо читало или делало вид. Она что-то сказала, и ОНО улыбнулось ей в ответ безнадежно, но вежливо.

«Ты вряд ли сможешь», – сказали ей глаза под стёклами.

– Ты ему веришь? – спросил первый внутренний голос.

– Ты слышала, не сможешь! И не лезь! – ответил второй. – Ты мне веришь?

Да? Нет? Не знаю?

Пара банальных фраз и они разговорились. Она смотрела и не могла поверить. Существо начало меняться, прямо на глазах превращаясь в интересного мужчину, хотя и в годах. Появился интерес, просыпалась уверенность в себе, только улыбался он по-прежнему как умирающий.

Губы незнакомца хотели сказать что-то грустное, но вместо этого он произнёс:

– Меня зовут Александр. А вас?

«А меня? – испугалась она. – Какое имя сказать ему?»
 – Несчастный человек! – прошептал первый внутренний голос.
 – Да просто бабник! – разозлился другой.

Внезапно ей показалось, будто она уже когда-то видела его. Может быть, моложе, счастливее. Но именно его. Только где же? Во сне?

Непонятная степень знакомства, возможно родства обдала её нежностью такой силы, что она еле удержалась, чтобы не положить голову на плечо этому печальному больному человеку. Почему-то захотелось обнять его, и, укачивая на руках, как ребёнка, долго-долго шептать хорошие слова...

«Лягушонок под тиной

Заболел скарлатиной.

Прилетел к нему грач

И сказал: «Я врач!

Полезай ко мне в рот!

Сейчас всё пройдёт!»

– Ты замужем! – напомнил ей первый внутренний голос.

– Ты замужем? – съязвил второй. – Так вот кто тот несчастный, что тащил сюда твои шмотки! А для этого ты тоже замужем?

«Он очень одинок и несчастен. И его точно обидела какая-то женщина», – решила она.

Любовница? Жена? А тебя это что уже волнует? Да? Нет? Не знаешь?!!

Она расстроилась и поспешила назвать мужчине чужое имя. Когда-то так звал её отец. Ей до сих пор так не хватает его! Хотя он давно сгорел на даче, пьяный, брошенный всеми, как собака...

...– Вы знаете, в Мексике совершенно другая, удивительная культура! – говорил незнакомец, у которого постепенно оттаивало лицо, продолжая формировать новый обаятельный образ.

Она машинально поддерживала разговор, улыбалась в нужную минуту, спорила, но всё это издали и не всерьёз. А всерьёз она совершенно одна. Теперь, когда погибли родители, погибает её брак, тает миф о хорошей работе и карьере, что же остаётся? Может вера, надежда? Почему ты ничего не знаешь?

Поезд приближался к другому городу. Постылому? Долгожданному? И почему нельзя вечно куда-то ехать, только бы не решать, не относиться, не быть?..

Она посмотрела на незнакомца ещё раз и очень пристально.

Зачем тебе и мне всё это? Наши улыбки, остроты и желание понравиться – зачем??? Разве есть в этом хоть малейший смысл?

– Ну, зато узнаешь, что такое иметь любовника! – успокоил второй внутренний голос.

– Не-а, слабо! – отреагировал первый.

И тут случилось непредвиденное. Ещё один голос, тот, которого она так давно не слышала, и который так мучил её раньше, тоже вмешался в разговор (их? её?).

– Ты обещала! Помнишь? – строго сказал он, голос номер ноль, нулевой меридиан, совесть, Бог...

Да? Нет? Только попробуй сказать «не знаю»!

– Ты обещала, что ты будешь добрее! Вспомни, тебе когда-то говорили, что ты рождена на радость людям! Ты понимаешь, что такое «на радость»?

Чужой город был катастрофически близко. Ей он казался айсбергом, с которым обязательно столкнётся их поезд-корабль.

Что же делать?

– Можно мне будет позвонить вам? – неожиданно, но так вовремя спросил незнакомец.

– Соглашайся! – возопил первый внутренний голос. – Что ты теряешь? У тебя всё равно никого нет. Просто поговоришь по душам. Когда ты делала это в последний раз? А может, он надолго? Может, он станет тебе другом, близким человеком? Он вроде не похож на подонка. Хотя...

– Не будь душой! – презрительно отозвался другой голос. – Ты прекрасно знаешь, чем заканчиваются отношения между мужчиной и женщиной. У тебя мало проблем? Держу пари, скоро он предложит тебе встречаться два раза в неделю. А дальше? От тебя, наконец-то, уйдёт твой муж, и ты останешься у разбитого корыта. Хороший вариант для самоубийцы! Не так ли?

– А сейчас ты не у разбитого корыта?! – настаивал первый внутренний голос.

Она вздохнула. До чего же трудно принимать решение! А ещё говорят о свободе воли!

– Ты обещала! – вновь заговорил «нулевой меридиан», и с каждым следующим словом его голос звучал всё требовательнее.

– Если сейчас ты опять убежишь, ты будешь жалеть об этом всю оставшуюся жизнь! Сделай что-нибудь хорошее! Пора определяться! Ты хочешь понять, ЧТО ты такое?!!

Она не успела даже испугаться, когда её губы улыбнулись и сами произнесли:

– Почему бы и нет!

Мама

Вечер. Я с мольбой гляжу на часы. Ещё один неприятный звонок и можно расслабиться.

Я набираю затверженный наизусть и от того особенно ненавистный номер и слушаю гудки. Когда терпение готово лопнуть, в трубке странным образом, без всякого перехода возникает напряжённая гнетущая пауза. Словно бы там, на том конце провода прислушивается к тебе сама Вселенная, потому что только она может дышать в трубку, но не говорить человеческим голосом.

– Ты меня слышишь? – почти кричу я в пустоту.

– Ну... – не утверждая отвечает женский голос.

Это счастливое равнодушие в очередной раз выводит меня из себя.

– У тебя бывает другое настроение?

Трубка лениво усмехается.

– Дальше...

– Хоть бы поинтересовалась, как я живу, что делаю? – взрываюсь я.

– А ты?! – с явной угрозой рявкает трубка.

– Ладно!.. – с трудом выдыхаю я, стараясь не захлебнуться в невысказанных эмоциях.

Бездна снова ровно дышит мне в ухо.

На минуту я забываю не только цель своего звонка, а даже то, что я по-прежнему привязана к телефонному аппарату. Опостылевшая связь ещё не разорвана... Тупо и тоскливо слушаю тишину и какие-то странные далёкие гудки. А ведь где-то совсем близко настоящая жизнь, и люди болтают без умолку, порождая миллионы, миллиарды нужных и ненужных слов. Слова превращаются в маленькие звёздочки и бегут по проводам, находя адресатов. Слова превращаются в дома, сады, семьи... И только я не знаю, что сказать своей родной матери и совершенно теряюсь, познавая в каждом её слове жестокое «я не люблю тебя!».

Наконец я собираюсь с духом.

– Позови, пожалуйста, бабушку! – прошу я, а в ответ слышу стук трубки о какой-то предмет и раздраженное «Осподи!».

И кто мог бы подумать, что всего лишь несколько месяцев спустя, я буду отдираť её сильные пальцы от стенки гроба, а она начнёт биться и кричать, задыхаясь от плача: «Зачем ты меня бросила, мамочка?! Красивая, хорошая!!!». Будет сидеть на опустевшей кровати, раскачиваясь и причитая: «Что мне теперь делать?! Что мне теперь делать?!». А ещё через не-

сколько месяцев я приду к ней за бабушкиными вещами, и она разрыдается на моём плече, прося прощения; начнётся великий процесс «на круги своя...» – две взрослые женщины всё-таки станут матерью и дочерью. Общее горе сделает нас родными...

Но пока ничего этого я ещё не знаю. Только мучительно вслушиваюсь в даль, смутно сожалея о потерянном времени.

Бабушка идёт к телефону...

Тяжкая ноша

Деревья раздвинулись, и Саша с наслаждением вдохнул густой морской воздух, со всеми его водорослями, огурцами, чайками и прочими северными специями.

Тяжёлый рюкзак рухнул на прибрежный песок, а Саша присел на валун, зорко оглядывая водное пространство.

Финский залив был сегодня спокоен, совсем как человек, которому предстояло трудное дело.

«Ты скоро женишься, – сказала сегодня мама. – Пойди и сожги всё это добро. Я не собираюсь держать ЭТО в своём доме!»

Саша покосился на рюкзак, – ЭТО пока ещё лежало там, пока ещё хранило, свидетельствовало...

Он не мог поверить и даже представить себе, что когда-нибудь ему придётся заниматься такими вещами.

Как изменилась мама! Она стала требовательной, неумолимой, суровой... Она словно позабыла, что он её сын, мужчина, и, в конце концов, человек! Она говорила о долге, о совести, о святости семейных уз. И разве могут быть у него какие-то тайны, секреты от будущей жены? От невесты, которой он гордится?..

Саша печально вздохнул. Только подонок может думать иначе. А он... Он будет лучшим, во всём...

Руки немного дрожали, когда он пытался развязать тесёмки и выложить ЭТО на песок. Заметно похолодало, ветер крепчал и вздымал волну. Солнце уходило за горизонт.

– Да! Не мешало бы костерок вначале развести, а то как-то... – вслух сказал Саша и почему-то испугался своего голоса. «Ну вот, у тебя скоро и голоса-то своего не будет», – грустно подумалось ему.

Когда огонь разгорелся, Саша нехотя вытащил из рюкзака первые улики. Фотографии. Те самые, сделанные своими руками. Он в очередной раз начал перебирать эти дорогие, слишком дорогие его сердцу снимки. Сильные сполохи огня придавали изображениям странную живость, и воспоминания оживали вместе с лицами девушек на фото – яркие, разнообразно-причудливые, весёлые и печальные...

Вот его первая... Долгожданная!..

Как сладко было мечтать о ней, припоминая глаза, волосы и чуть резковатый дразнящий запах её тела; особенно приятно в ненастные холодные ночи, в том закутке, где стоял его маленький топчанчик, из которого Саша давно вырос, и где действительность подкарауливала его в образе двух мерзких кошек, нападавших на его голые ноги, беззащитно торчавшие из-под старого детского одеяльца.

А дальше несколько фотографий той – жестокой, божественно-недоступной. С гордым красивым ртом, словно созданным для поцелуев. С тонкими холёными руками, которые так любили бить его по лицу... Но как она была удивительно хороша, даже тогда, когда утверждала, что любит только настоящих мужиков, а он всего лишь мальчик!..

Саша снова вздохнул и продолжил перебирать снимки, будто заново пролистывая свою пока ещё недолгую жизнь. Лица перемежались с хрупкими фигурками – женственными и не очень, менялись причёски, фасоны платьев, но было в них и нечто общее, роднившее всех этих молоденьких женщин. Это-то и выискивал, ловил и прятал пытливый объектив Сашиной фотокамеры. А потом проявитель возвращал миру похищенное.

«Что же это?» – попытался определить Саша, вертя в руках очередную прелестную головку.

Огромные миндалевидные глаза смотрели на него в упор, ожидая ответа.

«Ах, да! – вспомнилось вдруг Саше. – Красота! Я всегда искал красоту и пытался её сохранить! Не для них. Для себя».

Он немного помедлил, затем бросил миндалевидные глаза в костёр.

Вот и хватит! Первая, вторая, третья – рассчитайсь!

Фотографии веером полетели в огонь, бумага корчилась в судорогах, лица обгорали и таяли на глазах...

Вот и круговорот чудес в природе! Сначала он смотрел, как они появляются из небытия, теперь сам отправляет их туда.

Хотелось плакать и выть вместе с не на шутку рассвирепевшим ветром, плюхнуться на костёр грудью, сгрести угли руками и шептать, даже не губами, а всем нутром своим «моё, моё!». Но он досчитал до десяти, потом ещё и ещё, и достал из рюкзака новую кипу улик – теперь письма.

Костёр весело потрескивал, а Саша молча, размеренно скормливал ему новую порцию бумаги, стараясь не вглядываться в почерк, дату, имя...

Главное не думать, просто делать то, что нужно. Ведь кому-то нужно, чтобы он остался без прошлого – без своих побед и поражений, без закатов и рассветов здесь, на Финском, когда в прозрачных сумерках так хорошо трогать губами нежную девичью кожу, подкрадываться сзади и обезоруживать лёгким укусом в шею, туда, где заканчиваются волосы...

Да пусть! Пусть они все будут счастливы, зная о его Великой потере, о его не вырвавшемся крике протеста и о той скорби, что заполнила теперь всё существо его и жжёт неимоверно душу невыплаканными слезами!

«Пусть!» – мрачно решил Саша и вдруг взгляд его случайно упал на какое-то письмо, последнее из оставшихся нетронутыми.

Он хорошо знал этот красивый крупный почерк с лёгким наклоном, и, естественно, помнил его обладательницу. Он не любил ту странную девушку, да и не ухаживал за нею, но было в ней такое невыносимое доверие и до того страстная надрывная преданность, доходящая даже до обожествления, что он долгое время не мог порвать с нею, да и потом, встречаясь с другими, с удовольствием читал её безумные письма.

Саша раскрыл конверт и вытащил оттуда несколько листков, явно из школьной тетради.

«Если ты будешь серьёзно болен, если все друзья отвернутся от тебя и ты останешься совершенно один, если тебя предаст любимая женщина, а родители отрекутся и скажут, что ты им больше не сын, вспомни обо мне. Только я приду и стану ухаживать за тобой, я буду мыть твои ноги, а потом пить эту воду, считая ВЕЛИКИМ СЧАСТЬЕМ...»

Сашу передёрнуло. Мама особенно шумела, найдя это письмо.

«Так вот, что тебе желают?! Ты понял?! Ты понял?! Это не советская девушка! И даже не православная! Ты понял? Ты понял?!»

Тогда Саша вроде бы понял, но вот сейчас... А вдруг мама и его назовёт несоветским человеком, например, если он спрячет теперь хотя бы эти листики, такие сумасшедшие и такие родные, свои?... «Это не настоящее!» – утверждала мама, проводя запоздалый ликбез, но кто скажет, кто сможет указать ему – где настоящее, а где истерика, фантазия? И что если одно только такое письмо и есть доказательство того подлинного чувства, которое женщина испокон веку питала к мужчине, карающему и милосердному?

Саша мелко-мелко изорвал заветные листики и бросил их в костёр вместе с конвертом. Даже огню он не позволял играть такими словами.

«И это тоже красота, – размышлял он, прощаясь со своими реликвиями. – Хрупкая быстропроходящая красота человеческих отношений. Минутный, мгновенный порыв и – всё развеялось. И только письма как закрепитель всплесков страсти».

Чтобы несколько развеяться, Саша попрыгал у костра, походил туда-сюда по пустынному берегу, поглазел ещё немного на воду и понял, что пора заканчивать и идти домой. Он затушил костёр, наперёд проверив, всё ли сгорело, и, завязав рюкзак, хотел, было, по привычке закинуть его на плечо. Но чего-то недоставало. С минуту он стоял, прислушиваясь к своим ощущениям, затем осознал: груза больше нет! Тяжкая ноша испарилась, а, вернее, сгорела, остался только пепел и немного угольков.

Саша снова посмотрел на тощий рюкзак. Руки сами подкинули его в небо, а нога прописала жестокий пендаль. Пошёл на фиг! Гроб позорный!

Домой Саша возвращался с пустыми руками. Конечно, мама будет ругать за потерю старого рванья, но он сделал даже больше, чем обещал. Теперь он чист и невинен как младенец. Ничего нет. Нет компромата! Он – обворованный, осиротевший, обезлюдевший, обезображенный – проклят, сожжён и развеян по ветру... Пусть! Если семейное счастье даётся таким путём, если ради него нужны такие жертвы?.. Что ж! Он согласен. Память нужно уничтожить, прошлое переменить, от всего откреститься, может быть, назваться Эдиком, так теперь модно, и... зажить по-новому. И непременно счастливо, непременно! Ведь такой ценой! Мы же приличные люди и теперь цена определяет качество жизни!

Так, уговаривая себя и почти плача, Саша тихо брёл по безлюдной просёлочной дороге. Кругом стояла тишина, луна и звёзды играли друг с другом в прятки, скрываясь за тучками, и вот тут-то бы и поймать их всех в кадр, но Художник в Сашиной душе замолчал, и, может быть, навсегда. Не понимая до конца происходящего, Саша с неясным беспокойством посмотрел вперёд, увидел тускло светящиеся окна своего дома и у него впервые так тяжело стало на сердце, будто именно туда переместился в ту минуту его тяжёлый рюкзак.

Цотне ЧИКОВАНИ

*Выпускник филологического факультета Тбилисского
государственного университета.*

Попрошайка

Сегодня я был в Авлабари, ходил к часовщику. По пути повстречал попрошайку.

У нас в Тбилиси водятся попрошайки самых разных стилей и направлений:

Попрошайки светофорные.

Попрошайки ресторанные.

Попрошайки траурные.

Попрошайки религиозные террористы (вооруженные свечками и иконами).

Попрошайки Достойные.

Попрошайки устрашающие.

И многие другие.

Этот конкретный был из достойных. Вернее не был, а была.

Она дежурила у банка, не торопясь покуривая сигарету и одаривая иностранными комментариями всех, кто в него входил или выходил.

Для этого типа попрошайек содрать с кого-то деньги не самое главное. Им важнее показать себя, дать понять, что они не какие-то там проходимцы, но личности «высокого полета». Потому они часто цитируют классиков, рассказывают о своей знатной семье, о том, что, если бы не судьба-проказница, они сегодня здесь бы не стояли.

Ко мне в тот день эта попрошайка не обращалась, я был не ее сегмент. Она работала исключительно с посетителями банка, я же просто проходил мимо.

Дошел я до своего часовщика. Он был местный, Авлабарский, а значит смекалистый. Только часовыми делами он не ограничивался, но пристроил к своей мастерской еще маленький канцелярский магазинчик. В этом магазинчике увидел я девочку лет 13 с младшим братиком лет 4. Они покупали фломастеры и очень серьезно к этому делу относились. Долго-долго выбирали, часовщик их обслуживал, время от времени подмигивая мне и извиняясь за задержку, хотя я никуда не торопился. Наконец, выбрав фломастеры и заплатив деньги, они вышли из магазина, тут и наткнулись на «достойную попрошайку». И вот, что затем случилось.

Когда попрошайка увидела милого 4-летнего ребенка, она улыбнулась ему и стала хвалить, мол – какая куколка. Старшая сестра от этого немножко напряглась и постаралась отступить назад вместе с братиком. Тогда попрошайка сказала: «Подожди, малыш, у меня для тебя кое-что есть». С этими

словами она стала рыться в своей огромной засаленной сумке, достала оттуда конфеты и радостно протянула малышу. Увидев это, старшая сестра совсем перепугалась. Она спрятала ребенка за спиной, повторяя: «Ему этого не нужно, ему не надо». Малыш-то как раз хотел конфету, но сестра загромождала ему путь. Она была хорошей девочкой, просто очень юной для того, чтобы догадаться, что эту конфету надо было обязательно взять. Она не могла понять, что, взяв эту конфету, она придавала попрошайке статус обычной гражданки, равного члена общества, который, как и всякий другой, может угостить на улице ребенка конфетой. Я растерялся, глядя на эту сцену. Что было делать? Выйти и сказать девушке – возьми конфету – было несуразно. К тому же этим я не помог бы и попрошайке. Подумал – может, мне взять эту конфету? Но и это не выход. Тем временем девочка взяла братика на руки и пустилась бежать. Попрошайка осталась одна на улице с горсткой конфет в протянутой руке. Она стояла и долго смотрела вслед убежавшим детям, которых уже не было видно среди прохожих, затем развернулась и ушла. Я не знаю, о чем она думала в этот момент. Стоять на улице с протянутой рукой для нее было делом обычным, но оказалось, что, когда из этой руки не берут, куда больнее, чем когда в нее ничего не подают.

Как я разочаровался в Новом Годе

Когда я был маленький, я постоянно слышал от взрослых: «Скоро будем встречать Новый Год». Но меня укладывали спать так рано, что я никогда при этом не присутствовал. И вот как-то раз мне сказали: «Ты уже подросток и сегодня будешь встречать Новый Год вместе с нами».

Я начал готовиться к этой встрече и, на мой взгляд, вполне логично рассуждал: если мы встречаем Новый Год, значит, он приходит; если его встречаем не только мы, но и много-много других людей, значит, он приходит не именно к нам домой, но мы куда-то поедem, куда придёт Новый Год, и мы встретим его все вместе. Тем более меня нарядили так, как одевали только, когда мы шли в гости. Весь вечер я ждал и спрашивал взрослых: «Ну скоро пойдём?» Они же, занятые новогодними хлопотами, отвечали мне: «Да, да, скоро». Я ждал и волновался – ведь опоздаем же. Уже без 15 двенадцать... И вдруг мне сказали, что мы никуда не пойдём, и к нам тоже никакой Новый Год не придёт, но просто мы скажем: «Вот и Новый Год пришёл!» Это было величайшее разочарование! Я не знал, как он будет выглядеть... представлял себе его похожим на Деда Мороза, но гораздо больше... Мне так интересно было его увидеть... А он не пришёл... Может ещё придёт?

Прогулка живого

Бывает, увидишь человека на улице, издалека он очень кого-то напоминает, а подойдешь ближе – нет, не тот, хотя и очень похож.

Идешь дальше – и на тебе – встречаешь того, за кого принял того первого человека. Вот чудо, вот мистика!! А еще говорят, что чудес не бывает. Хотя на самом деле ты просто встретил на улице своего знакомого, вот и всё.

В другой раз принимаешь за знакомого какого-то прохожего, несколько секунд размышляешь – тот или не тот? – потом вдруг разом понимаешь – не тот, определенно не тот, ну совершенно точно не тот, просто потому, что того уже давно нет в живых.

Но ты-то жив и поэтому идешь дальше и встречаешь ту, что сильно похудела, потом того, кто поправился, и ту, что состарилась, и ту, что надула себе губы.

А еще встретишь того, кого 100 лет не встречал, ту, встреча с которой тебя радует, и того, с кем встречаться вообще не желаешь, а затем долго-долго не встречаешь ту, которую всегда здесь встречал, ну нет ее и всё, и спросить не у кого, потому что не знаешь ни имени, ни фамилии, просто постоянно тут ее видел.

И обязательно встретишь того, кого не можешь вспомнить:

– Ну как ты? Что нового? – задаешь шаблонные вопросы, а в голове мечется мысль: кто же это, боже, кто?!!

А затем встретишь очень близкого приятеля, того, с кем как раз вчера вместе пили, а сегодня случайно повстречались на улице. Вы приветствуете друг друга лениво так, ведь вам все друг о друге известно.

– Ну как, похмелье есть?

– Да нет, вроде не очень.

– А я еле на ногах стою.

– Да? Но вино вроде бы неплохое было.

– Да вино отменное.

Затем встретишь попрошайек – знакомых и незнакомых. Одному не подашь, потому что он очень наглый и рьяно просит денег, другой не подашь, потому что ведет себя очень тихо и как бы и не просит денег, а третьему подашь – ну просто потому, что не дал двум другим.

И наконец встретишь самого себя, вдруг так неожиданно увидишь его в витрине магазина – пополневший, постаревший, не очень-то знакомый, и вроде бы на вид совсем не приятный, но в глубине души ты рад этой встрече – раз ты его встретил, значит он еще есть, и, пока он есть, эти удивительные встречи будут продолжаться!

Биеение сердца

Она: Опять моё сердце забилося!

Он: Надеюсь, твоё сердце будет биться ещё очень долго! Послушай историю.

У маленькой девочки сердце начало биться так шумно, что его стук был слышен как из динамиков...

Она: Дальше...

Он: Её начали водить к докторам.

Она: Ну и...

Он: Но никакой ясности. Все результаты анализов были нормальны, с точки зрения анатомии и состояния её здоровья...

Она: Так, и?

Он: Но стук не становится тише. Один из докторов обратил внимание на то, что, хотя звук абсолютно точно исходит от сердца, но не совпадает с пульсом...

Она: ...боюсь предположить...

Он: Вскоре этот шум начал надоедать всем домашним. В школе её даже иногда не пускали на уроки, так что отцу пришлось придумать и сделать шумопоглощающий жилет, чтобы эти звуки были не так слышны.

Она: Ну же, дальше...

Он: Психологи задали родителям вопрос – не было ли в детстве у девочки какой-нибудь травмы? Родители ответили, что вроде нет. Как-то она влюбилась, как все девочки в её возрасте, но эти отношения закончились. Так что едва ли можно назвать эти переживания травмой. Да и какое отношение это имеет к шуму?

Она: Родителям-то откуда знать??

Он: Как-то девочке позвонили и сообщили, что её бывший возлюбленный попал в аварию, и врачи сейчас борются за его жизнь. Она, бросив всё, несётся в больницу, мечется там в ожидании известий из операционной.... В это время шум сердца становится всё тише, хотя в ужасном ожидании никто этого и не заметил.... Через какое-то время, когда звук вообще исчез, из операционной выходит хирург, стараясь не смотреть на собравшихся.... Вот и всё...

Она: Я плачу...

Он: Не плачь, я тебя очень-очень люблю.

Она: Я люблю тебя больше...

Нина ЩЕРБАК

Мои чудеса совсем расшалились,
 Разлетелись, как один,
 Сбились с ног.
 Мои чудеса совсем простудились,
 Им слова и судьбы чужие,
 Не в прок.
 И не в срок.
 Мои чудеса в меня поселились,
 Провернулись дреľю – влево-вправо,
 У меня на такую дреľю, и такую дырочку – никакого права.
 И даже нрава должного нет.
 Проколот как шарик, что вертелся у ног.
 Свет как вспышка, свет как огненная вспышка
 И ток.
 Мои чудеса пропели свирелью,
 Расцвели под окном голубою сиренью,
 Словно слог или рок...
 ...А, когда запахнет летом
 И окажется случайно,
 Что я вовсе не об этом,
 И что – явно – тайно-явно.
 Я отвечу: «Утром рано,
 Мне кричал о том павлин!
 Дождик моросил и странно,
 Летом вдруг январский сплин.
 У меня в кармане рана,
 А вокруг – гудят огни!
 На стене висит панاما,
 И желтеют фонари!
 У меня на шее рамка
 Для портрета и для бус
 У меня огромный красный
 Вырос вдруг на днях арбуз!»
 Это, вот, – не на бумаге,
 Это, вот, совсем не так!
 Он – любимый забияка!

Он – красивая собака.
 Он гуляка, он ломака.
 Просто так!
 Просто так!

Сказал, что совсем обыкновенная,
 Сказал и забыл.
 Нарисованный на жёлтой бумаге листик осиновый
 Куда-то к осени взял и поплыл.
 Трепетал на дереве,
 Нырнул и поднялся,
 В пруду.
 Вдруг как испуг,
 Разметался как крыльями,
 Снялся, смялся, заломался.
 Вывернул тулово,
 Вымолил вслух.
 Словно чей-то испуг, словно дух.
 Выбросил вверх,
 Всё, что сберёг, всё, что оставил.
 Вовек.
 Выбросил снова, и снова – вверх.
 Не умер, не выдавил из клюва,
 Не померк.

Дует в трубочку мой случайный друг,
 Дует в трубочку, и раскладывает её плоско,
 Как тончайшую бронзовую поверхность.
 У него изгибы дорогих рук,
 И шаткая вера верности,
 У него до самых забавных, дорогих бровей
 И дуг
 Мой недуг.
 От какой-то внезапно проснувшейся и также быстро
 Угасшей
 Ревности.

Он всегда улыбается, или вовсе не смеётся совсем.

У него стремительная походка и чётко отбивающий об пол стук каблук-ков

Так звонко.

У него глаза полны слёз, и голос такой тихий, а иногда такой глубокий.

У него глаза карие, зелёные, иногда

С поволокой.

У него радужность и стремительность.

И когда вдруг звонят.

Такая живость, так осанка, такая уверенность и терпеливость.

А у неё какой-то дома зоосад,

От его разности и какой-то врождённой бывалой красоты.

У него иногда бывает, как будто накаляется до такого предела что-то знакомое,

Что становится невероятно, как такое бывает.

Вот простое.

И такое.

Дорогое.

И этот предел, этот заряд, эта данность.

Разве чудится? Разве мне?

У него очарованность, очарование и чароданность.

А у неё чарованная рванность и ванность,

И снова – сданность

Во сне.

Витязь в тигровой шкуре пел мне песню вечером,

Звал в далёкие страны, на волю,

Пил вино из рога и качал ключом,

Большим ключом, который достал откуда-то из-за пазухи,

Он лежал у него под рубахой, был свёрнут в холщовый платок.

Он заснул потом и стонал,

Тихо плакал,

Как будто от радости,

И текли ручьи сладости

Солёных и сладких грёз

Просёлочных дорог.

И подков,
Забытых и забытых над домами,
Где огонь
И кров.

Ты мой совсем родной,
Родной и милый.
Ты мой совсем далёкий,
Чужой и ближний,
Святой и синий.
Ты мой такой хороший,
Такой родимый.
Ты мой такой несчастный,
Ты мой такой счастливый,
Ты мой такой прекрасный,
Ты мой такой красивый.

Содержание

ВЕНОК ТУРГЕНЕВУ	3
Александр ЗВИГИЛЬСКИЙ	4
<i>Пер. С. ДРУЖБИНСКОЙ</i>	
Тургенев в Буживале	4
<i>Пер. В. ЛУКИНОЙ</i>	
Тургенев и Мария Малибран	13
<i>Пер. Ю. ЮСТИЦКОЙ</i>	
Пушкинский талисман: место и смысл тайного в трёх новеллах И. С. Тургенева	18
<i>Пер. Е. ПЕТРАШ</i>	
Чёрный человек и мужик	25
<i>Пер. Л. СЕРЁЖКИНОЙ</i>	
Луи Виардо	35
 РУССКИЕ ПОЭТЫ – ТУРГЕНЕВУ	 41
Семён Яковлевич НАДСОН	
Над могилой И.С. Тургенева	42
Афанасий Афанасиевич ФЕТ-ШЕНШИН	
Ответ Тургеневу	43
Тургеневу	44
«Ты прав: мы старимся. Зима недалеко...»	45
Тургеневу	46
«Хотя по-прежнему зеваю...»	47
 СТИХИ О СТУДЕНЧЕСТВЕ	 49
Алексей Николаевич АПУХТИН (1840 – 1893)	
«Когда будете, дети, студентами, ...	50
Анемподист Анемподистович КАЙДАЛОВ (1890 – 1987)	
«Десятый этаж. Подоконник.	50
Максим Юрьевич ШВЕЦ	
1. «Гекзаметричен Университет...»	51
2. «Горит адмиралтейский шпиль...»	52
«Географы читают нам стихи...»	52
Невероятное событие на лекции по теории вероятностей	53
«Под лестницей смешной и старый...»	54
Николай Михайлович ЯЗЫКОВ (1803 – 1846)	
«Разгульна, светла и любовна...»	55
Стихи из Интернета	56

«Вот и сессия, приятель...»	56
КОТОСТРОФИКА И СОБАКОЛАЙ	57
Елизавета АНДРИАНОВА	
«С давних пор кричим о высоком...»	58
Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ	
Песенка о котейке	58
Дарья БЕРТОВА	
Котёнок	59
Кошка	59
Погладьте кошку	59
Бархатные ушки... ..	60
«Кашель... Мерная ложка...»	60
Ирина БОЛЬШАКОВА	
Моя леди	62
«Не повторяя день вчерашний...»	62
Олег ИЛЬИН	
Всем кошкам мира посвящается	63
Александр КОРОЛЁВ	
Соната рыжего кота.	63
Юлия КУМБАШЕВА	
...А они ведь умеют тоже	64
Илья ЛАПИН	
Всем выборгским котам и кошкам приношение	65
Антон ПОГРЕБНЯК	
Кошка	66
Вера СТЕПАНОВА	
«Мой чёрный кот – как дар от Нефертити...»	67
Внуку	67
Вера ЧИГАРИНА	
«Мой старый кот стал снова молодым...»	68
Памяти кота Матиса	68
Прогулка в лесу	69
«Спит семья. Уснули мать и дочь...»	70
ПОЭМА ДЛЯ ГЕРОЯ	71
Калерия СОКОЛОВА	
Поэма для героя	72
I. [Алексей Кияница]. «Когда ты вернёшься...»	72
II. [Антон Погребняк]. «Ты по жизни моей – красной линией...»	72

III. [Елена Качаровская]. «Взял за руку меня, будто – взял...»	73
IV. [Вера Чигарина]. «Всё к чёрту – и в кого-нибудь влюбиться!...» ..	73
V. [Николай Неронов]. «Мне так понравились объятья...»	74
VI. [Олег Ильин]. «Дремлю, давлюсь дешёвыми духами...»	74
VII. [Алексей Королёв]. «Вот плиты, смородина, сад и ветла...» ...	75
VIII. [Ирина Яркова]. «Безвременья – вагон, тепла – в обрез...»	75
IX. [Наталья Нарсия]. «Наш май, близнец в цветах...»	76
X. [Виталий Нестеренко]. «Не войти в эту воду дважды...»	77
XI. [Лариса Шушунова]. «Они сошлись – волна и камень...»	77
XII. [Егор Фетисов]. «Ты страшно устал от обстрелов и лязга...»	78
ТУРИНСКАЯ ПЛАЩАНИЦА	79
Ирина АЛЕКСЕЕВА	
Туринская плащаница	80
РОЖДЕСТВО И НОВЫЙ ГОД	82
Дарья БЕРТОВА	
Новогоднее	84
Алиса КЛИО	
Утро Нового Года	84
Татьяна ЛАПИНА	
Рождество 2009 в Репино	85
Рождество 2012	85
Екатерина МИТИНА	
Новогодний вальс	86
Игорь НОСОВ	
«В преддверии Его Рождественского чуда...»	87
Максим ШВЕЦ и Марина ЯСЫЧЕНКО	
«Поверить в сказку в Новый Год...»	87
«Звезда блеснула!...»	88
Новый Год 2016	89
Поздравление-стишок	90
ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ	91
Демид РАБЧЕВСКИЙ	
Геолог	92
«Постойте, девушка! Я где-то...»	92
«Когда по дому раздаётся...»	93
«Бомонд сходилса петербургский...»	93
Поэма об агрономе	94

Вера ЧИГАРИНА	
Пародия на «Царевну-лягушку» Алексея Королёва	96
Алексей Королёв	
Царевна-Лягушка	96
Вера ЧИГАРИНА	
Пародия	97
Елена ШИПИНА	
Евпаторийские частушки	98
«Салага Имаго не знает конца...»	98
«Топочут голуби по подоконнику...»	99
Воробьиное хулиганство	99
«Две кошки, собака и трое детей...»	100
«Дорога цвета пепла роз...»	100
«Окури меня, как пчёлку...»	101
«Мне уже не о чем...»	101
«Очень серым утром в средней полосе...»	101
«Бесстыжий басурманин смял мой сон...»	102
КРИТИКА	103
Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ	
Владимир Мороз: Книги «О живых людях и их выборе»	104
Ахрип ГУЛТОЛПЫ	
А желания сбываются?	110
«Немир» Алисы Клио	113
И дружно заскрипели перья... ..	116
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО «ЛАМПА»	133
Алексей КАПИТАНЧУК	
«Я подношу дары карандашу...»	134
«Как беспризорник ночью...»	134
«Облако в сумерках, около...»	135
Пруд	135
«Я возвращаюсь от...»	135
Динара МАРДАНОВА	
«В одиночестве...»	136
«Иду за тобой во тьме...»	137
«Цвет мира – прозрачно-красный...»	138
«Миф, пережёвывая нутро...»	138
Анна ПЕТРОВА	
«Девять солнечных дней для города...»	139

Алексей САХАРЧУК

«Капнул столом на язык...»	140
«Порожняк. Стенки, и те просвечивают...»	141
«Кажется, мир со-щёл...»	141
«Оттягивал резинку наизнанку...»	141
«Маяковский – Высоцкому...»	142
«И странно, что голый карниз...»	142
«Макаюсь рукою в кинжал...»	143
«Мне кажется будто кино...»	143
«Тише... непропорционально страшно...»	144
«Стекает день с опущенной руки...»	144
«Пасмурно. И не то чтобы холодно...»	144
«На песке перекрёсток...»	145
«По стеклу растеклась по сто...»	145
«Пой...»	145

Александр СЛАВНИКОВ

Зимнее облако	145
Предельно прозрачно	147
Блины	147
Октава	148
Рождество	148
Положение кресла	149
Пётр– примёрз и не слезет с седла	149
Из дупла	150
Хуртуях-Гас	150
Весы	151
Зимняя песня конченой твари	151
Фигура ферзя	153
Благодарная публика	153

СТИХИ РУ.. НО...

155

Елена СУББОТЕНКО

Солёная песня	156
Ночная сказка	156
Закарпатье	158
И.П.	158
Цикл «Прощания»	159
А.О.	159
М.Б.	159
1. «Ужель сбылось?...»	159

2. «Ступай и здравствуй. Не позор...»	160
3. «Причёска в стиле рококо...»	160
«Ну, вот и всё (какой холодный вечер...)...»	161
«Ты молчалив...»	161
В.К.	162
«Приходи не на час, не на чай...»	162
На дачу	163
«Город – надвое. Тень...»	164
Поверженный	164
«Ближайший мир, заочно и наощупь...»	165
Ода переводу	165
Татьяна ТАРАСЕНКО	
«Всё в мире могут короли...»	166
Виктор ТАРАСЕНКО	
«Серебристым осколком от взглядов чужих...»	167
«Птица взлетает...»	167
«Больно сказать «Привет!»...»	168
«А где мой дом? Хочу домой!...»	168
«У меня очень длинные руки...»	168
«По обещанию...»	168
«Наш город стал большим катком...»	169
«Мне вчера ещё было десять...»	169
«Моя долгая дорога...»	170
«В лесу у нас был случай: как-то раз...»	170
«Вот ступает долгожданный...»	170
«Вагон метро тебя накроет стуком...»	171
Евгения ТЕРЕНТЬЕВА	
Зашагает красным светом	171
Спешка	172
Ни о чём, или к декабрю	173
С.	173
Послушай!	174
Случайному прохожему	174
Смотрите на неё!	174
Когда-то я любила весну в Екатеринбурге	175
«На траве следы...»	175
«На мокрый асфальт намажь вечер...»	176
«Неясности...»	176
Запах вечности старых гор	177
Юрий ТРАУБЕ	

«За что поэтов убивают?..»	178
«Людская память всё же коротка...»	178
«Две дверцы хлопнули почти одновременно...»	178
Двойка	178
Куэльпор	179
Лето	180
Поверь!	181
Вальс шестисоточника	181
Вальс петербургским дамам	182
Кантата к 25-летию воссоздания СПб дворянского собрания	183
Ползучий коммунизм	184
Когда не право большинство	185
Марш ополчения Новороссии	186
Гимн великому городу	187
Два гренадера из Г. Гейне	188
Вера ЧИГАРИНА	
Метро Сенная	189
Баллада о коммуналке	190
Дорожное	191
Подруге детства	191
До осени осталось две недели	192
«Ты снова заблудился сам в себе...»	193
Из цикла «Дневник гувернантки»	193
Поленьке	193
О трудностях детского языка	194
Эммушке	195
Никите	195
Усталое курьерское	196
Курьерская молитва	197
«Вот женщина, на вид лет шестьдесят...»	198
«Шоссе. Маршрутка. Улица. Метро...»	198
Грите	199
Елена ШАПКА	
Новый взгляд	200
«Три минуты на сигарету...»	200
Максим ШВЕЦ	
«Вы знаете...»	201
Скальд	202
«Светит белое небо ночное...»	202
«Как в запах роз...»	203

«Мы – никто и ничто. Ветер осени рьян...»	204
«Навсегда я заброшен в иные миры...»	204
«Я знаю, что ты не прощаешь...»	204
«Тут жизнь проста, однообразна...»	206
Екатерина ШИПИНА	
«Уйдя из снов, ты причинил, безусловно, боль...»	207
«От леса до города миллион кирпичей...»	208
«Ты всегда выходила в окно, а я открывала дверь...»	209
«Энное ноября. Стремительней холодает...»	209
«Вечерами моя милая сидит у кипящего чайника...»	210
«Мой незначительный круг общения...»	211
«На столе у Элен-студентки много вещей...»	211
«Да сбережёт тебя бог или что покрепче...»	212
«Ты человек, который разбит погодой...»	212
Полише-1	213
Полише-2	213
«Я памятник себе ничем не воздвигал...»	214
«Время шинели прошло, настала пора Шанели...»	214
«Пустые улицы мегаполиса, северополусные огни...»	215
Елена ШИПИНА	
«Пусть легко ложится на плечо...»	215
«Хочу, чтоб стих ложился пледом...»	216
«Метнётся тень крылом, и день пойдёт на убыль...»	216
«Во дворе, как чайники в стакане...»	217
«Градири, трубы, краны...»	217
«Живёт старушка, мне не знакомая...»	217
Малохольное	218
«Юных дней далёкой жизни...»	219
«Я клоунесса-седовласка в колпаке...»	219
«Как кошка сытая, в углу...»	219
«Шершаво пахло геранью...»	220
Предновогодняя печаль о себе	220
Ретро	220
Брызги моего фонтана	221
«Скрипящий шлагбаум, слепящие фары...»	221
Весенние призывы	222
Последний девиз	222
Экзальтация девы	222
«Так о чём ещё, как не о смерти?!...»	223
Парковые этюды	223

I. «Старинный парк, столетние дубы...»	223
II. «Наклейка из кувшинок на зеркале...»	224
III. «А этот пруд зацвёл обильно ряской...»	224
IV. «Мост спину подставлял, а травяной настил...»	224
Августовские этюды	225
I. «Нанюхаться флоксов лиловых и белых...»	225
II. «АвгустОвские росные травы...»	225
Осенне-вечерние этюды	225
I. «Невнятный пейзаж за опорой высоковольтки...»	225
II. «По Новорощинской джип навороченный рык...»	226
Небесная цветомузыка	226
Чуфут-Кале	226
У моря	227
Минимы	227
«По квартире бродят...»	227
«В беззвучной пустыне туманного утра...»	227
«В хаосе мира...»	227
«Полынья на белом снегу...»	228
«И как птенцы из гнезда...»	228
«Кто счастливее всех на свете?...»	228
«Чёрная сковорода...»	228
Сергей ШУМИЛОВ	
«У костра, в темноте, под луной...»	228
«Нерушимо стоит изумрудный дворец...»	229
Анастасия ЮРЧЕНКО	
«Я знала юношу с глазами цвета неба...»	230
Павел ЯКИМОВ	
«Учитесь ждать, вас искренне прошу...»	229
Анна ЯКУБОВИЧ	
Ласточка и самолёт	230
«Ласточка зимою...»	232
Жук	233
«Но вдруг повечерело...»	234
Дедушка	234
Михаил ЯКУБОВИЧ	
«— Мама, а Земля круглая как шар?...»	234
«— Мама, а ты знаешь, чем заканчивается бесконечность?...»	234
ПРОЗА.РУ... НО...	235
Юлия АЛЕКСЕЕВА	

Рыжее чудо	236
Однолетняя жизнь	237
Ангел-удача	238
Дмитрий БОБЫЛЕВ	
Другие люди	240
Преодоление Коро	242
Иван ДМИТРИЕВ	
Марш паука	246
Александра ЗАХАРОВА	
Поток	250
Внезапно смертен	253
Кого мы приручили	258
Виктория ЗДОРОВИЛОВА	
Ожидание	262
Зарисовка	264
Слово о неведомом звере	266
Олег ИЛЬИН	
Ирония судьбы или «С лёгким паром»	272
Елена КАЧАРОВСКАЯ	
Впусти меня!	280
Мария КОЛПАЦИНИДИ	
Описание:	282
Пролог. Фелтхем	282
Комментарий к Прологу. Фелтхем	284
Глава I. Колин	284
Николай КРЯЧКОВ	
Осенний бульвар с лиственницами	290
Призрачное собрание	291
Владимир КУДРЯВЦЕВ	
Под визг и хохот	297
Александр МАСЛЕННИКОВ	
«Утро начинается со взгляда в окно...»	301
«Я скучаю по безделью...»	302
«По утрам памочь...»	302
«А сегодня дождь...»	302
«А дни, бывает, тянутся...»	303
«Вечер тихо роняет...»	303
«Вечер, пожалуй...»	303
У черты прибоа	303
«Времена не выбирают...»	304

«Зимой меня часто посещает...»	30;
Внутренняя Монголия	305
Владимир МОРОЗ	
Старуха	305
Из романа «Рваные души»	347
Анна ПЕТРОСЯНЦ	
Любовь в корзине	365
Пилот Мишка	370
Я – чашка чая	375
Антон ПОГРЕБНЯК	
«Звёзды стояли над городом...»	377
Демид РАБЧЕВСКИЙ	
Письмо	378
Лена	383
Взаимность	386
Марксизм	388
Короткая повесть о надежде	392
«Что вам, товарищи, чужая Аргентина, я расскажу вам за историю раввина...»	393
Сергей СИМКИН	
«Скалы, поток, небо»	394
Александра ШАРИПОВА	
«Жутко душно...»	396
Максим ШВЕЦ	
Полёт на Луну	397
Нина ЩЕРБАК	
Спутник жизни	404
Анна ЯКУБОВИЧ	
Девочка-молния	408
Ёжик и самолёт	409
Огненный лев	410
Птичка, ласточка	410
Про золотую рыбку	410
Про курочку Рябу	412
ТЕНИ МИНУВШЕГО	413
Краткая биография Амори Тирского	414
Амори ТИРСКИЙ	
1. Перед боем	415
2. В оазисе	416

3. Пятница	416
Краткая биография барона Шиммельфенниха	417
Барон Иоганн-Петер фон ШИММЕЛЬФЕННИХ «Бросаясь в майскую метель...»	418
РЕЦЕНЗИИ	419
Анна ТЮСОВА	
Рецензия на спектакль «Бешеные деньги»	420
Рецензия на спектакль «Горе от ума»	422
С ОБЩЕЙ МОЛИТВОЙ	425
Дарко ВУКОВИЧ	
С общей молитвой	426
О ПЕРЕВОДАХ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА	431
Никита МОКЕЕВ	
Перевод сонета Петрарки Вячеславом Ивановым	432
ПЕРЕВОДЫ	437
Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ	
ПЕРЕВОДЫ	438
Жан КОКТО	438
Из «Вокализмов»	438
Два сердца	438
Рана	438
Снисходительность	438
Арум	439
Джо РОЗЕНБЛАТТ	439
Споём!	439
В заросшем саду моего мозга	440
Александр КОРОЛЁВ	
ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО	440
Луи БУЙЕ	440
Ту-Тзонг	440
Андре ТЕРЬЕ	441
Ферма	441
Жюль СЮПЕРВЬЕЛЬ	442
Портрет	442
Воспоминание	443
Жан МОРЕАС	443

Сказка о любви (VII)	443
<i>Шарль ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ</i>	444
Моё богатство	444
<i>Леон ДЬЕРКС</i>	445
Сезон туманов	445
<i>Франсис КАРКО</i>	445
«Дождь. Я люблю тебя. И в доме...»	445
Юрий МАРТЕМЬЯНОВ	
ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО	446
<i>Роберт ФРОСТ</i>	446
Зимний рай	446
Евгений КАПУСТИН	
ПЕРЕВОДЫ С СЕРБСКОГО	447
<i>Елена МИЛУТИНОВИЧ</i>	447
Мой родной край – Косово	447
<i>Иоаким ВИШНИЧ</i>	448
Небесный суд	448
<i>Мария МОЙСИЧ</i>	448
Косово	448
<i>Анджелко ЗАБЛАЧАНСКИ</i>	449
Желаю тебя	449
<i>Йован КУКИЧ</i>	450
Господь Иисус Христос	450
<i>Милутин ПОПОВИЧ-ЗАХАР</i>	451
Видован	451
Елена ШИПИНА	
ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО	451
<i>Альфред ТЕННИСОН</i>	451
Прощание	451
<i>Эдвард ЛИР</i>	452
Из «Книги чепухи»	452
«Глаза у красавицы Мэри...»	452
«Один человек из Бомбея...»	452
«Один старикашка в Темз-Диттоне...»	452
8 МАРТА	453
Евгений КАПУСТИН	
Женщина	454
«В глазах отражается пламя свечи...»	454
«Хочешь быть солнцем? Ты им уже стала!...»	454

«А ты сегодня мне приснилась...»	454
«Устоять перед взглядом чарующих глаз...»	455
«Передо мной опять возник...»	455
«Ничего мне не надо...»	455
«Когда кругом другие лица...»	455
«И солнце становится ярче...»	455
«Жемчужная улыбка...»	455
«Сосновый лес – рукой подать...»	456
«Твой взгляд – чудесный символ...»	456
«Загораются огни...»	456
«Своди меня с ума...»	456
«Мы бесконечно далеки...»	457
«Ты – та, которой нет!...»	458
«Не драгоценные подарки...»	458
«Негромко запел в тишине соловей...»	458
«От туфель до рыжих волос...»	459
«Закат сменяется восходом...»	459
Александр ПАК	
Восьмое марта	460
«Когда придёт 8 марта...»	461
Отрывок из оперы Кармен	461
Евгения ТЕРЕНТЬЕВА	
Восьмартовское	462
Максим ШВЕЦ	
«Весна такая ранняя...»	463
«Весна. Туман и облака...»	463
«О, девушки! Вы так милы...»	464
КЛУБ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА	465
Клуб литературного творчества	466
Екатерина АКимова	
Тайны	466
Мирная жизнь	467
Максим ВАЛЮХ	
Кактус любил своего старика	467
«Декабрь – месяц недоразумений...»	468
Екатерина ВАСИЛЬЕВА	
В толпе	469
Посвящение Елагину острову	470
Эссе «Герои живут рядом. Смирнов Николай Никифорович»	470

Ольга ВАСИЛЬЕВА	
Любите природу!	473
Посвящение Елагину острову	473
Ольга ВОРОБЬЁВА	
Истинный предел	474
Возвращение	474
Евгений КАПУСТИН	
Знакомство поэта с девушкой на улице	475
«Световыверты. Витражи...»	475
«Белокрылое лето...»	475
Павел КИРИЛЛОВ	
Мотылёк	477
Чёрный кот	477
Юрий КОМБОЛИН	
Записка на снегу	478
Золотая осень	478
До весны	479
Как акварелью лёгкой брошенная тень	480
Наталия КУЗНЕЦОВА	
Мы с тобою смертельно похожи	480
Имя моё – Любовь	487
Мария ЛЕОНТЬЕВА	
Кружится осень в золотом венке	487
Лету осени чары	488
Александра МАНЦЕВОДА	
Улыбаться первой	488
Печаль-душегубица	489
Дарья МАТВЕЕВА	
Я вижу жизнь другой	489
Не забывайте доброту	490
Заоблачное счастье	488
Алина МИТРОФАНОВА	
«От всего, что на свете бывало...»	491
«Когда закончится война...»	491
«Всё то, что шут звенящим бубенцом...»	493
Лена МОРЕ	
Аннича – нет ничего постоянного	493
Ода вселенной	494
Такая гениальность пронзает острой дрожью	494
В моей комнате нет высокого потолка	495

Елена НАЛИВАЕВА	
Надреальное	495
Спонтанное	496
Николай ПАВЛОВ	
Моим друзьям	496
Дума	497
Анна ПОДСАДНИК	
«Наша жизнь – непростая дорога...»	498
«Учитесь видеть в людях красоту...»	498
«Мы заплачем на рыхлой могиле...»	499
Надежда РУДАКОВА	
По дороге из Крыма	499
Мой верный друг	500
Елена ФАДЕЕВА	
Радость	501
«Ты можешь другу обиду простить...»	501
Мария ЧУПИНА	
Сила слова	502
Послание... себе	502
«Цыганское»	502
Татьяна ЩЕРБАКОВА	
Тише	503
«Пожалуйста, будь моим ветром...»	504
МАТЕМАТИКИ ШУТЯТ	505
Артеми́й ВОРОБЬЁВ	
Замечательный предел	506
Анна КАЧАЛОВА	
«Производных вереницы...»	506
Елена ЛИТВИНЦЕВА	
Программистам посвящается...	506
Екатерина МИРОНОВА	
«Я лучше десять раз пролопиталю...»	507
Демид РАБЧЕВСКИЙ	
«Это попытка превратить карандаш в куст сирени...»	507
Алексей СОРБАЛЭ	
Ода матрице	508
КЛУБ ЗАПОЗДАЛЫХ	509
Павел АГАФОНОВ	
Кубинские картинки	510

«Есть город мечты моей – Рио...»	518
Борис ГАЖЁВ	
Шапочное дело или Собака – друг человека	519
Анатолий ГЕССЕ	
«В переходе подземном расплакалась скрипка...»	526
«Петербург – Петроград, город дела и слов...»	526
Алла КОШМЕЛЮК	
«Рябит Обводный. Ртутно-чёрная вода...»	527
«В тихом городе лежит...»	528
София МАРИШИНА	
Банальная история	529
Мама	537
Тяжкая ноша	537
Цотне ЧИКОВАНИ	
Попрошайка	535
Как я разочаровался в Новом Годе	538
Прогулка живого	539
Биение сердца	540
Нина ЩЕРБАК	
«Мои чудеса совсем распалились...»	541
«Сказал, что совсем обыкновенная...»	542
«Дует в трубочку мой случайный друг...»	542
«Он всегда улыбается, или вовсе не смеётся совсем...»	543
«Витязь в тигровой шкуре пел мне песню вечером...»	543
«Ты мой совсем родной...»	544

Книга издана на средства спонсоров

Подписано в печать 21.03.2019. Формат 60x88 1/16

Печать офсетная. Усл.- печ. л. ... Тираж 500 экз.

Заказ № ...

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.

Тел/факс (812) 766 05 66

E-mail: renome@comlink.spb.ru

www.renomespb.ru